

БУДДИЗМ И ПОЛИТИКА
в Тибетском районе КНР
(II половина XX - начало XXI вв.)

И. Р. ГАРРИ

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

И. Р. ГАРРИ

БУДДИЗМ И ПОЛИТИКА
в Тибетском районе КНР
(II половина XX – начало XXI в.)

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2009

УДК 294.3+322

ББК 86.39

Г 212

Ответственный редактор

д-р ист. наук А. М. Донец

Рецензенты:

д-р ист. наук К. В. Орлова

канд. ист. наук Ю. Ж. Жабон

канд. ист. наук Н. В. Цыремпилов

Гарри И. Р.

Г 212

Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.) – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 320 с.

ISBN 978-5-7925-0335-9

Книга посвящена современной истории Тибета со времени его вхождения в состав КНР в 1951 г. по начало XXI в. Автор анализирует «тибетский вопрос», политику КПК в Тибетском районе КНР, борьбу тибетской диаспоры за независимость в тесной взаимосвязи с религией. В работе также рассматриваются сино-тибетский диалог и проблема автономии.

Предназначена для специалистов – историков, востоковедов, религиоведов, а также для всех, кто интересуется историей и духовной культурой Востока.

В издании использованы личные фотографии автора, а также иллюстрации из литературы. Фото на обложке дворца Потала – резиденции Далай-лам Тибета предоставлено М. А. Крупским.

УДК 294.3+322

ББК 86.39

© Гарри И. Р., 2009

© ИМБТ СО РАН, 2009

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2009

ISBN 978-5-7925-0335-9

Предисловие

До 1959 г. в Тибете существовала уникальная система «единения религии и политики» (тиб. *chos-srid zung-'brel*, кит. *zhengjiao heyi*), в которой буддийская церковь в лице верховного правителя Далай-ламы играла главенствующую роль. Понимание Тибета как государства религиозного являлось основной сутью тибетской национальной идентичности. Религия была средоточием всей культурной и духовной жизни тибетского народа, так как вся тибетская цивилизация, ее философия, искусство, архитектура, медицина, астрология, литература, сугубо религиозные в своей основе, были сконцентрированы и развивались вокруг нее.

После тибетского восстания и бегства Его Святейшества Далай-ламы XIV и его окружения в Индию в 1959 г. буддийская церковь Тибета полностью утратила свое политическое, экономическое и социальное положение. 50 лет прошло, с тех пор как Тибет встал на путь социалистического строительства в рамках унитарного китайского государства. Оказалось ли возможным «великое созидание» на обломках «великого разрушения»? Сейчас Тибет является национальным регионом Китая с одним из самых высоких показателей ВВП, Лхаса предстает в глазах иностранных туристов как современный город, в котором доступны все современные удобства и развлечения. В то же время Тибет продолжает оставаться самым нестабильным регионом КНР, с самым высоким уровнем бедности, самой высокой степенью неравенства в доходах городского и сельского населения и самыми слабыми показателями в области образования. Вряд ли такое положение вещей можно назвать «великим созиданием». При этом главной консервативной силой, препятствующей продвижению реформ в китайском понимании, и главной причиной нестабильности в регионе является религия. Проблеме религии и политики в Тибете, взаимоотношениям религии и политики, государства и буддийской церкви в современный период и посвящена данная работа.

При ее написании были в основном использованы опубликованные источники на китайском и английском языках, архивные материалы, а также личные наблюдения во время нескольких поездок в Тибетский автономный район, тибетские регионы китайских провинций, Индию и Непал. Я постаралась проанализировать самый широкий круг китайских источников, ставших доступными во время моих поездок в Тибет (КНР), Японию и США. Это прежде всего материалы агентства Синьхуа, правовые, правительственные и партийные документы КНР, труды китайских политических деятелей, китайская пресса, научные публикации. Из тибетских источников я использовала автобиографические труды тибетских деятелей, свидетельства беженцев, издания Информационного офиса Его Святейшества Далай-ламы, публикации «Tibetan Review» и «Tibetan Journal», Тибетского молодежного конгресса, Интернет-сайтов тибетской эмиграции, в общем, все доступные источники тибетской диаспоры. Недостаточное владение тибетским языком (изучала самостоятельно) в известной мере ограничило использование источников на тибетском языке. Поэтому, где только возможно, я пыталась использовать доступные переводы на английский и китайский языки. Тибетские источники современного периода, т. е. с 1980 г., в основном представлены на английском языке в публикациях тибетской диаспоры. В КНР ученые-тибетцы занимаются, как правило, специализированными отраслями гуманитарной науки, воздерживаясь от современной тематики, поэтому в этом временном промежутке недостаток источников на тибетском языке не ощущался так остро. В США я смогла воспользоваться изданными правительством Индии дипломатическими нотами между Индией и Китаем [Notes, Memoranda and Letters, 1959–1963], опубликованными документами по внешней политике США, свидетельствующими о взаимоотношениях Тибета и Америки [FRUS], а также мне удалось разыскать в Национальном архиве США (Вашингтон DC) рассекреченные документы ЦРУ по тибетскому вопросу [Central Intelligence Agency, 1951–1959]. Надо сказать, что некоторые из этих источников уже введены западными исследователями в научный оборот.

Что касается моих личных наблюдений, то я побывала в Тибетском автономном районе трижды. В первый раз – зимой 1986 г., будучи студенткой-стажером, последний – в 2002 г. Трижды была в этнографическом Тибете, последний раз – осенью 2008 г. в Кхаме (Сычуань) и летом 2009 г. в Амдо (Ганьсу, Цинхай). Это не были поездки, связанные с полевыми исследованиями. Главной целью был сбор материалов, посещение различных районов Тибета и разговоры с людьми. Наблюдения и впечатления, вынесенные мной из поездок, в известной степени определили мое личное понимание проблемы Тибета, которое я попыталась отразить в этой работе. Двадцать с лишним лет, прошедшие со времени моего первого посещения и до последнего, показали огромные изменения во внешнем облике Тибета. Средневековый город Лхаса с массами паломников, приходящими в зимние месяцы на празднование тибетского Нового года Лосар, преобразился в современный город с массами китайских и иностранных туристов. Не только внешние, но и глубокие внутренние процессы в корне изменили облик Тибета. С одной стороны, это несомненные улучшения материальной жизни. С другой, заметная потеря самобытности. Широкие белозубые улыбки бедных, если не нищих, паломников

сменились озабоченным выражением на лицах людей, пытающихся заработать на жизнь. Каким должен быть Тибет – современным обществом, интегрированным по замыслам китайских политиков в современную жизнь огромного государства, или продолжать оставаться в представлениях тибетской диаспоры духовной Меккой буддистов всех стран, – вопрос, на который трудно ответить. Возможно, что истина находится где-то посередине. Старый Тибет, где религия и политика представляли единое целое, уже более не существует. Однако новый Тибет – это по-прежнему страна, где религия продолжает оставаться душой нации, и вряд ли время это может изменить.

В заключение, считаю необходимым сделать несколько замечаний, относящихся к методам, географическим рамкам и целям предпринятого мною исследования.

Во-первых, в своей работе я исходила из реально существующей ситуации, пыталась проанализировать ее и сделать соответствующие выводы. Я полностью согласна с мнением тибетского коммуниста, переводчика и ученого, знаменитого Баба Пунцог Вангьяла, который говорил первой делегации, посланной в Тибет Его Святейшеством Далай-ламой в 1979 г.:

По моему мнению, никакая сторона не должна строить свои аргументы на старых взаимоотношениях, в особенности на аномальных и нецелесообразных. Даже когда мы оглядываемся назад, цель состоит в том, чтобы смотреть вперед, разумно и должным образом исправлять существующие отношения. По моему скромному личному мнению, человек должен концентрироваться на сегодняшней реальной ситуации; не должен принимать желаемое за действительное и поддаваться субъективному воображению, а должен анализировать баланс объективных и субъективных сил; человек не должен быть пристрастным и слепым и переоценивать свои возможности... В общем человек не должен субъективные желания отрывать от жизни и вырывать идеи из реальности¹.

Я также согласна с китайским писателем и ученым Ван Лисюном в том, что бесперспективно оценивать исторические взаимоотношения Китая и Тибета с помощью современных политических и правовых норм [Wang Lixiong, 1998]. Эту позицию я постаралась использовать в своей работе в качестве базового методологического принципа.

Во-вторых, под Тибетским районом КНР, или Тибетом в целом, я имею в виду все территории так называемого Большого Тибета (Cholka-Sum) – Уй-Цзан, Кхам и Амдо, или Тибетский автономный район (ТАР) и тибетские автономные округа четырех китайских провинций: Сычуань, Ганьсу, Цинхай, Юньнань. Поскольку тибетские территории были исторически разделены между так называемым политическим Тибетом (территория, управляемая правительством Далай-ламы, сейчас ТАР) и Тибетом этнографическим (Восточный Тибет)², Китай осуществлял по отношению к этим территориям различную политику. В моно-

¹ Summary of Talks with Tibetan Exile Delegates // A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 325–337.

² Я придерживаюсь деления Тибета на политический (ТАР) и этнографический (Восточный Тибет) вслед за американским антропологом М. Голдстейном.

графии в основном рассматривается политика китайского правительства в отношении Тибетского автономного района, который я называю Тибетом для упрощения. Когда речь идет о Большом Тибете, я это отмечаю отдельно.

В-третьих, во главу угла мы поставили исследование проблемы религии и политики в Тибете, которую считали центральной в тибетском вопросе. Для достижения названной цели оказалось невозможным обойти проблемы экономической, социальной и культурной политики центрального правительства КНР, сино-тибетских взаимоотношений, проблем автономии, тесно переплетенных между собой, так что пришлось фактически писать историю Тибета в современный период, и политики оказалось гораздо больше, чем религии. Я надеюсь, мне удалось показать, что религия продолжает оставаться краеугольным камнем решения политических проблем современного Тибета.

В-четвертых, в работе приводится много цитат. Мне казалось важным показать позиции сторон и мнения специалистов такими, какими они являются с их точки зрения, и в этом я в основном следовала традиции, заложенной западной наукой. Этот метод казался мне оправданным с точки зрения объективности исследования рассматриваемого в данный момент вопроса. Моя же позиция отразилась главным образом в самой подаче материала и постановке вопроса в таком виде, каким он мне представляется.

И, наконец, автор рада возможности выразить глубокую признательность ответственному редактору Андрею Михайловичу Донцу, рецензентам Кееме Владимировне Орловой, Юмжане Жалсановне Жабон и Николаю Владимировичу Цыремпилову, а также главному редактору журнала «Буддизм России» Андрею Анатольевичу Терентьеву за их большую помощь в редактировании и рецензировании рукописи, ценные советы и критические замечания. Моя искренняя благодарность фонду «Обучи-fellowship» Японо-Российского центра молодежного обмена, благодаря которому я начала в 2002 г. изучение современных проблем Тибета, смогла посетить Тибет, Непал и Индию и обзавестись необходимой для исследования литературой, а также фонду «Фулбрайт» Министерства образования госдепартамента США и Институту Кеннана за предоставленную возможность окунуться в безбрежный мир научной литературы по интересующей меня тематике в лучших библиотеках и архивах Америки.

Статуя Чжово Шакьямуни в храме Чжокхан

В в е д е н и е

Тибетский вопрос: борьба за право представительства (обзор литературы)

Тибет занимает в Китайской Народной Республике и в мире особое место. Одним из доказательств его уникальности является существование так называемого тибетского вопроса. И вопрос этот существует в нескольких парадигмах, в зависимости от чего его трактовка может меняться кардинальным образом. В китайской парадигме тибетский вопрос считается измышлением сепаратистски настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, в тибетской – проблемой исторического статуса Тибета. Есть также парадигмы тибетского вопроса как «политики реального» (Realpolitik), или проблемы прав человека, экзотической страны мистической духовности (Шангрила), или, наоборот, страны, где распространены деградированные формы буддизма. В основе главных парадигм тибетского вопроса лежит конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю, выражающийся в разных формах, и наиболее ожесточенно – в борьбе за право представительства (representation fight), или, иначе говоря, идеологической борьбе за право представлять тибетский народ и его историю.

Главные оппоненты в этой борьбе – правительство КНР и тибетская диаспора в лице Его Святейшества Далай-ламы XIV и его правительства в изгнании. В задачу данной главы входит анализ тибетского вопроса и его источников в рамках битвы представлений, при этом выяснение исторического, а тем самым, и политического статуса Тибета, выходит за рамки нашей работы. При анализе мнений противоборствующих сторон мы исходили из посылки, что и те, и другие представляют собой особый вид политического мифотворчества, целью которого является не только и не столько выяснение истины, сколько попытка обосновать и оправдать свои претензии на право представлять интересы Тибета на международной арене. Арбитром в споре, где истина толкуется столь по-разному, претендует быть академическая наука. В нашу задачу, следовательно, входил также анализ источников третьей стороны и выяснение того, какие из них наиболее объективны и отвечают потребностям решения тибетского вопроса.

1. Китайские источники

По мнению некоторых исследователей, тибетский вопрос в его нынешнем виде – это западный конструкт, сформировавшийся со времени исхода тибет-

цев за рубежи своей страны³. Он преимущественно основан на построениях тибетской диаспоры, приложившей огромные усилия в конструировании в западном мышлении образа Тибета, его народа и религии. В этом конструкте образ противной стороны в основном строился на мнении диаспоры и представлял собой весьма упрощенный образ агрессора. В условиях холодной войны коммунистическая контрпропаганда Китая едва ли не способствовала этому образу, в результате чего в мире сложилось пренебрежительное отношение к китайским источникам как к грубой пропаганде. В этом параграфе мне хотелось бы расширить сформулированную выше задачу и показать «представления» китайцев с их собственной точки зрения, или, другими словами, представить китайскую тибетологию, основываясь на китайских источниках. Ввиду их многочисленности и неизученности предмета в своем обзоре я ограничилась публикациями по теме своего исследования, а именно: а) освещающими официальную политику китайского правительства; б) посвященными современному положению в Тибете; в) по истории Тибета и г) по буддологической тематике⁴.

По признанию китайских ученых, 30-летний период с 1949 по 1978 г. стал временем фактического застоя тибетологических исследований в Китае. Причиной тому были объективные обстоятельства развития страны в целом, когда научные исследования не только не были приоритетной сферой, но и полностью сошли на нет в результате бесчисленных, сменяющих друг друга политических кампаний. Новости из Тибета поступали в то время в основном в виде сообщений официальной прессы об успехах в области социалистического строительства. Важнейшей задачей тибетологии на тот период был перевод с китайского языка на тибетский основных документов китайского правительства, трудов Мао Цзэдуна и освещение политики партии. Примером такого издания может служить сборник «Документы национальной политики» [тиб.: *Mi rigs srid jus kyü yig cha*, кит.: *Minzu zhengce wenjian*, 1952]. Издавалось несколько газет и журналов на тибетском языке, содержание которых также сводилось преимущественно к переводу основных материалов официальной китайской политики. В их числе: «Тибетская ежедневная газета» [*Bod ljongs nyin re'i tshags par*], «Красный флаг» [*Dar dmar*], «Китай в фотографиях» [*Krung go brnyan par*], «Журнал нацменьшинств» [*Mi rigs brnyan par*].

Начав в 1980 г. реформы, руководство Китая осознало необходимость развития науки и, в частности, собственных научных изысканий в области

³ Дибеш Ананд, преподаватель университета г. Бат, Великобритания, к примеру, пишет: «В то время, как некоторые видят тибетский вопрос как внутреннее дело Китая, другие его видят в качестве международного. То, что обе стороны игнорируют, это центральная роль, которую играет Запад в самом конструировании и оформлении спора. Запад, и как политическое действующее лицо, и как воображаемый конструкт, является частью проблемы и главным действующим лицом в определении проблемы» [Anand, 2006, с. 286].

⁴ Обзор основан на публикациях, ставших доступными мне во время поездок в Тибет, и на материалах китайской тибетологической прессы. Многочисленные источники по литературе, культуре, медицине, образованию и т. п. остаются за рамками рассмотрения данной работы, поскольку, безусловно, требуют отдельного углубленного изучения.

тибетологии. Прежде всего были реорганизованы старые и созданы новые структуры в рамках Академии общественных наук КНР, в научно-исследовательских институтах и в системе образования для проведения тибетологических исследований. Основными тибетологическими структурами на настоящий момент стали Тибетская академия общественных наук (Xizang shehui kexueyuan), в которой имеются три института: истории, религии и памятников тибетской письменности; Исследовательский центр китайской тибетологии (Zhongguo zangxue yanjiu zhongxin), Научный центр тибетологии при Центральном институте национальностей (Zhongyang minzu xueyuan zangxue yanjiusuo), Тибетский университет (Xizang daxue), Высшая буддийская академия Китая с факультетом тибетского языка (Zhongguo zangyuxi gaoji foxueyuan), Тибетская буддийская академия (Xizang foxueyuan), научные центры тибетологии Академии общественных наук в провинциях Цинхай, Сычуань, Ганьсу и др. К 1992 г. уже насчитывалось 52 организации подобного рода, в которых работали свыше 200 человек, в том числе более 150 тибетцев; высшее научное звание имели 43 человека, среднее – приблизительно 70 [Zhongguo Xizang, 1992, весенний вып., с. 7]. К 1997 г. в тибетологии специализировалось уже более 2 тыс. человек, среди которых 240 имели высшее научное звание [Beijing Review, 1997, vol. 40, № 40, с. 35].

В настоящее время Тибетская академия общественных наук издает журнал «Тибетологические исследования» [Xizang yanjiu], Исследовательский центр китайской тибетологии – «Китайская тибетология» [Zhongguo zangxue], Буддийская ассоциация Тибета (Xizang foxie) – «Тибетский буддизм» [Xizang fojiao], Комитет по охране памятников культуры (Xizang wenguanhui) – «Тибетские памятники культуры» [Xizang wenwu], Комитет по изучению истории и культуры при Политико-консультативном совете Тибетского автономного района (ТАР) (Zizhiqu zhengxie wenshi yanjiuhui) – «Памятники истории и культуры Тибета» [Xizang wenshi ziliao].

Несмотря на обилие созданных тибетологических подразделений, начинать китайским тибетологам приходилось едва ли не с нуля, поскольку мировая тибетология к этому времени ушла далеко вперед. Первыми шагами китайских ученых стал интенсивный перевод с западных языков лучших работ зарубежных тибетологов. С 1979 по 1987 г. Тибетской академией общественных наук были изданы: «Обозрение зарубежных тибетологических исследований 1949–1978 гг.» [Guowai yanjiu, 1979], двухтомник «Избранное из зарубежных тибетологических исследований» [Guowai Zangxue xuanji, 1983], «Зарубежная тибетология» [Guowai Zangxue, 1986], «Избранные переводы из зарубежной тибетологии» [Guowai Zangxue yiwenzhi, 1987].

Помимо реферативных сборников на китайский язык переводились и монографические труды зарубежных тибетологов. Французская исследовательница проф. Х. Стоддарт писала по этому поводу: «Зарубежные авторы, которым приходилось бывать проездом в Пекине, удивлялись тому, что их произведения без их ведома уже переведены на китайский язык. Любопытно, что именно благодаря этим китайским публикациям тибетцы в Тибете узнали об интересе Запада к их цивилизации. По устной договоренности была переведена «Китайская война Индии» Н. Максвелла [Maxwell, 1972], которая была тут

же распродана. И даже протибетская книга Дж. Аведона «В изгнании из Страны Снегов» [Avedon, 1984], переведенная в 1988 г. на китайский, благодаря бюрократической ошибке оказалась в книжном магазине Лхасы и разошлась за два дня, а позже по спекулятивным ценам перепродавалась с рук» [Stoddart, 1994, с. 136].

В числе прочих была переведена книга «Строительство современного Тибета» Т. Грюнфельда [Grunfeld, 1987; кит.: Gelunfu, 1990], были переведены и переизданы в «Сборнике переводов архивных материалов на тибетском языке по истории тибетского общества» [Xizang yuwenji, 1997] архивные материалы из книг Дж. Туччи «Тибетские художественные свитки» [Tucci, 1949] и Д. Шу «Основы тибетского печатного искусства» [Schuh, 1981] и др. В 2001 г. в Пекине вышел трехтомный «Каталог публикаций по китайской тибетологии» [Zhongguo Zangxue shumu, 2001]) на китайском/тибетском языках с переводом на английский, насчитывающий сотни наименований книг по всем аспектам тибетологии, изданных к 2000 г. в Китае. Одно только количество публикаций свидетельствует о внимании, которое китайское руководство придает исследованиям Тибета в своей стране, и очевидном прогрессе, совершенном китайскими тибетологами за 20 лет.

А) Руководство Китая придает особое значение изданию документов партии и правительства и многочисленных работ, освещающих официальную политику. Помимо пропаганды успехов социалистического строительства в Тибете данные публикации преследуют цель доказать законность нахождения Тибета в составе КНР в ответ на критику со стороны Далай-ламы и его окружения. В таких работах, как «Основные события из истории КПК в Тибете (1949–1994)» [Zhonggong Xizang, 1995], «Основные события из истории КПК в Тибете (1949–2004)» [Zhongguo gongchandang, 2006], «Избранные документы ЦК КПК по религиозному вопросу» [Zhonggong zhongyang, 1986], «Основные положения КПК в отношении национального вопроса» [Zhongguo gongchandang zhengce, 2002], «Избранные документы по национальной работе нового периода» [Xin shiqi xuanbian, 1990], на основании документов партии и правительства излагаются основные положения национальной политики и описывается путь социалистического строительства в Тибете. К этим работам примыкают труды, поддерживающие официальную точку зрения на историю, общество и религию Тибета. Например: «Новые очерки истории Тибета» Я Ханьчжана [Ya Hanzhang, 1979], «Некоторые вопросы теории национальностей и национальной политики» Ли Вэйхана [Li Weihang, 1980], «Тибет – неотъемлемая часть Китая» [Xizang difang, 1986].

В 1989 г. Издательство китайской тибетологии (Zhongguo Zangxue chubanshe) основало научно-популярную серию «Знания о Тибете» (тиб.: Bod ljongs shes bya'i deb tshogs chung ba), в которой вышли такие брошюры, как: «Обзор тибетской экономики» [Xizang jingji gaishu, 1995], «Тибетские монастыри и монахи» [Xizangde simiao he senglu, 1995], «Религии Тибета и религиозная политика КПК» [Xizangde zongjiao, 1996]. Во всех этих работах красной нитью проводится постулат китайской официальной политики о том, что со времен династии Юань Тибет – неотъемлемая часть Китая; отмечается, что после ос-

вобождения Тибета в 1951 г. войсками Народно-освободительной армии Китая в Тибете начался период строительства социализма, принесший широким народным массам освобождение от многовекового крепостного ига; признается, что в период «культурной революции» «бандой четырех» были допущены серьезные ошибки в осуществлении линии партии, однако утверждается, что в целом курс национальной политики партии был правильным.

К публикациям идеологического плана следует отнести и работы, появившиеся в ответ на кампанию интернационализации «тибетского вопроса», инициированную Далай-ламой и его окружением в 1986–1987 гг. В таких работах, как: «Анализ деятельности Далая. Прогресс тибетского общества и упадок сепаратистской группировки» в двух томах [Toushi Dalai, 1997], «Изучение прав человека в Тибете» [Xizang renquan yanjiu, 1999], в серии статей по этому вопросу в журналах «Китайский Тибет», «Beijing Review», «China Reconstructs» и в китайской прессе вопросы прав человека в Тибете и проблемы, связанные с «тибетским вопросом», трактуются с точки зрения официальной линии китайского правительства. Следует признать, что китайские СМИ достаточно полно и адекватно излагают точку зрения противоборствующей стороны, хотя, конечно, дают ей собственную оценку. В перечисленных изданиях широко представлена кампания интернационализации «тибетского вопроса», а заявления Далай-ламы и его западных сторонников [Praag, 1987] приводятся в цитатах.

Б) Работы по современному положению в Тибете, основанные как правило на полевых исследованиях, свидетельствуют о переходе количества публикаций в качество исследований. Исследовательский центр китайской тибетологии и Центр социально-экономического развития ТАР выпустили коллективную монографию «История тибетской экономики» [Xizang jingji jianshi, 1995], «Народонаселение и общество в Китайском Тибете» [Zhongguo Zangzu renkou yu shehui, 1998]; по материалам Научного форума по вопросам народонаселения Тибетского района КНР 1992 г. Тибетская академия общественных наук издала коллективную монографию «Голубые анналы тибетской экономики» [Xizang jingji lanpishu, 2002]. Этот список можно было бы продолжить.

Среди работ, посвященных современным экономическим и социальным проблемам, большое внимание внутри страны и за рубежом привлекла работа исследователей Института реформ структуры экономики – Ван Сюцяна и Бай Наньфэна «Бедность изобилия» [Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng, 1986], которая в 1991 г. была переведена на английский язык [Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng, *The Poverty of Plenty*, 1991]. Институт реформ структуры экономики разрабатывал рекомендации для политики реформ в период Чжао Цзыяна до его отставки в 1989 г. В своей работе авторы дали обстоятельный анализ экономического состояния в отсталых регионах КНР. Основную проблему реформ они видели в том, что ослабление контроля привело в большей степени к возрождению натуральной и потребительской экономики, а не к рыночному производству и потреблению. По мнению авторов, возрождение натуральной экономики, в рамках которой тибетские производители «цепляются за свой домашний скот, достаточный для их потребностей и который никогда не продается, или за свое благополучие, выражающееся в потреблении нескольких сотен килограммов ячьего масла ежегодно», стало нежелательным результа-

том политики реформ 1980-х гг. [там же, с. 167]. То же самое верно, по их мнению, и в отношении возрождения традиционной религии, потребляющей экономические ресурсы и укрепляющей традиционный образ жизни. Для решения экономической отсталости требуется расширение китайской рыночной экономики и модернизация. Ключевым предложением Ваня и Бая для преодоления отсталости Тибета было развитие туристической индустрии, которая поможет тибетцам воспринять современные ценности мира.

Большой интерес среди современных китайских исследований представляет монография «Исследование социального развития Тибета» [Xizang shehui yanjiu, 1997], изданная Институтом общественных наук и антропологии при Пекинском университете совместно с Исследовательским центром китайской тибетологии под редакцией профессора Пекинского университета Ма Жуна. В ней, в противоположность большому количеству идеологически направленных и весьма тенденциозно освещающих социально-политические и экономические проблемы Тибета работ, дается объективный анализ проблем социального развития региона, основанный на полевых исследованиях, критика внедряемых в Тибете концепций развития, а также предлагаются новые подходы к решению данных проблем. Согласно этому исследованию, сомнительными выглядят широко разрекламированные успехи экономического и социального развития Тибета, так как рост сельскохозяйственного и промышленного производства, доходов населения и объема торговли был достигнут не за счет развития экономики района, а за счет централизованных дотаций, составивших примерно 1 млрд. юаней в год, промышленные, торговые и продовольственные отрасли Тибета убыточны, доходы автономного правительства на 100 % обеспечиваются центром. «Религиозная экономика» (zongjiao jingji) Тибета, по определению китайского социолога Ма Жуна, превратилась в новых условиях в «зависимую экономику» (yilaixing jingji) [Ma Rong, 1997, с. 46].

Проф. Ма Жун (PhD 1987, Brown University, USA) является признанным экспертом по этническим меньшинствам КНР как у себя в стране, так и за рубежом. В 2008 г. Издательство китайской тибетологии опубликовало сборник статей ученого на английском языке под названием «Этнические взаимоотношения в Китае» [Rong Ma, 2008], который можно назвать одним из лучших образцов китайской тибетологии.

Необходимо также отметить работу Чжампэла Гьяцо «Великий мастер Панчен» [Jiangbian Jiasuo, 1989]. Книга проф. Чжампэла Гьяцо является наиболее полным изложением биографии Панчен-ламы, в которой освещены многие неизвестные страницы современной истории Тибета. Чжампэл Гьяцо впервые познакомился с Панчен-ламой в 1952 г., был переводчиком у Далай-ламы и Панчен-ламы в 1954 г. в Пекине, переводчиком Панчен-ламы вплоть до 1962 г. Он же был одним из переводчиков Петиции Панчен-ламы. Чжампэл Гьяцо часто встречался с мастером и имел с ним продолжительные беседы до и после его освобождения из тюрьмы. Вскоре после выхода книги в связи с известными событиями на площади Тяньаньмэнь и в Тибете она была изъята из широкого обращения. Я смогла познакомиться с книгой в библиотеке Конгресса, где она находится в свободном доступе.

Значительным явлением интеллектуальной мысли современного Китая можно назвать труды китайского писателя и ученого Ван Лисюна, независи-

мого исследователя из Пекина. Издательство «Миррор» (Mirror, кит. Mingjing) опубликовало его книгу «Желтая беда» (Huanghuo), вызвавшую ошеломляющий интерес у публики. Она стала бестселлером в Гонконге, на Тайване и за рубежом и огромными подпольными тиражами издается в КНР. В 1998 г. в этом же издательстве вышла его книга «Небесное погребение: судьба Тибета» [Wang Lixiong, 1998], привлекавшая не меньший интерес публики. Автор книги с 1984 г. скитался на плоту по реке Хуанхэ в тибетских районах Цинхая. До ее написания он 10 раз побывал в Тибете, а также во всех тибетских регионах Цинхая, Сычуани, Ганьсу и Юньнани в течение в общей сложности 15 лет. По его словам, он написал эту книгу «из-за любви к Тибету». Кроме того, долгое время он занимался исследованием моделей политической системы Китая, в которой тибетский вопрос, представляющий проблемы нацменьшинств, занимает, по его мнению, очень важное место⁵. В «Небесном погребении» автор утверждает, что модернизация Тибета потерпела неудачу, поскольку была привнесена извне, без желания людей и без учета их культуры, а экономика Тибета не стала самообеспечивающей, поскольку единственной движущей силой ее развития явились огромные субсидии центра. Целью строительства дорог, к примеру, было не столько экономическое развитие, сколько создание так называемой стабилизирующей группы (wending jituan) ханьцев-администраторов армии и небольшого количества тибетских кадров, для которых и перевозились товары. Более того, развитие Тибета в основном концентрировалось на показательных проектах в городах, результатом чего стала резкая поляризация тибетского общества. Тибетские кадры стабилизирующей группы, по мнению автора, принадлежат к партии и правительству и не хотят возвращения Далай-ламы, боясь потери своих привилегий.

Говоря о Ван Лисюне, нельзя не сказать о его супруге – известной тибетской писательнице Восер⁶. В интервью Намло Як, другому тибетскому писателю, данному в 2006 г., Восер в числе прочих проблем очертила возможности самовыражения инакомыслящих авторов в КНР. Восер говорит, что поскольку она является тибетским автором, пишущим по-китайски, у нее больше возможностей публиковаться в Китае, чем в Тибете, где всего несколько издательств строго контролируются государством. Она говорит, что хотя в самом Китае и существует строгая система контроля, из-за обширности страны и огромного количества издательств, всегда возможно найти «какое-нибудь пространство» для выражения правды. В настоящее время Тибет и его культура стали чрезвычайно популярными в Китае, и все, что пишется о Тибете, проходит через государственный контроль. Но лазейки все же существуют, благодаря чему она смогла опубликовать в 2004 г. книгу «Темно-красная карта». Она пишет, что материковый Китай – не единственное место, где можно опубликовать книгу на китайском языке. В 2006 г. она опубликовала три книги на Тайване, две из которых посвящены «культурной революции» в Тибете.

⁵ Мы подробно остановимся на работе Ван Лисюна по модели тибетской автономии в 7-й главе данной монографии.

⁶ К сожалению, в моем распоряжении не имеется ее трудов. Информация приводится по: *Diagnosing the Current Situation in Tibet. Interview with the Tibetan author Woesser* // <http://www.tibetinfonet.net>.

Из слов Восер и публикаций Ван Лисюна видно, что литература инакомыслящих доходит до заинтересованного читателя в КНР, и эта тенденция становится все более заметной. Кстати заметить, что Ван Лисюн и либерал Лю Сяобо возглавили группу из 29 китайских диссидентов, подписавшихся под открытым письмом китайскому руководству 22 марта 2008 г., в котором они призвали Пекин к диалогу с Далай-ламой.

В) Без преувеличения большим достижением тибетологических исследований КНР можно назвать публикацию тибетских исторических источников. К 1989 г. было издано свыше 200 источников общим тиражом свыше 1 млн. экземпляров [Zhongguo Xizang, 1990, зимний вып., с. 62]. Среди них известные исторические хроники: «Красные анналы» Цалпа Кунга Дорже (написаны между 1346–1363 гг.) [Tshal pa kung dga' rdo rje, 1981], «Голубые анналы» Голоцзавы Шоннупэла (1432–1481) [‘Gos lo tswa ba, 1984], «Светлое зеркало царских родословных» Сакья Сонам Гьялцэна (написана в 1328?) [Sa skyu bsod nams rgyal mtshan, 1982], «История Китая» [Rgya nag chos byung, 1983], «История клана Лан» Лан Чанчуб Дрэкола (963–1076) и Пхагмо Дупа Чанчуб Гьялцэна (1302–1373) [Rlangs byang chub ‘dre bkol, 1986], терма (захороненный клад) «Пять сказаний», открытая Ургьен Линпой (1329–1367) [U rgyan gling pa, 1986] и др. Опубликованы также редкие или ранее недоступные за пределами Тибета источники, например, самая ранняя тибетская хроника «Башед» Ба Салнана (VIII в.; окончательное составление – XIV в.) [Sba gsal snang, 1980], «Великая хроника Китая и Тибета» Тагцан Дзонпа Палчжор Сампо (1434) [Stag tshang rdzong pa dpal ‘byor bzang po, 1985], «История, написанная ученым Дэу» (XII в.) [Lde’u chos ‘byung, 1987], «Жития ученых Миньяга» (XIII–XIV вв.) [Mi nyag mkhas dbang lnga’i rnam thar, 1987], «История буддизма» Ньянрал Нима Одсэра (1124–1192) [Nyang ral nyi ma ‘od zer, 1988], «История буддизма» Ярлун Чжово (XIV в.) [Yar lung jo bo, 1988], «История буддизма» Сумба-кханбо Ешей-Балчжора (1704–1788) [Sum pa ye shes dpal ‘byor, 1992] и др.

Под редакцией китайского тибетолога Ван Яо издан с микрофильмов библиотеки Пекинского университета каталог коллекции П. Пеллио тибетских источников из Дуньхуана [Dunhuang mulu, 1999]. Опубликован перевод Хуан Буфана и Ма Дэ с тибетского на китайский Дуньхуанских рукописей по ранней истории Тибета (Тубо) [Dunhuang wenxian yizhu, 2000]. Исследовательский центр китайской тибетологии издал 7 томов архивных документов (3247 единиц) по истории взаимоотношений Тибета и центрального правительства Китая в периоды династий Юань, Мин, Цин и Китайской республики [Yuan yilai ziliao huibian, 1994]. На основании этих источников под редакцией Чжао Сюэи был издан сборник архивных документов по истории управления Тибета центральным правительством и института тулку⁷, начиная с периода Цин [Qing yilai shiliao huiji, 1996].

Кроме этих фундаментальных публикаций, имеющих отчасти и идеологическую направленность, разными издательствами выпущены каталоги архивных документов, например: «Каталог архивных документов по Тибету и тибет-

⁷ Тулку – обозначение священнослужителей, которые считаются перерожденцами буддийских святых и видных религиозных деятелей.

ским делам, хранящихся в 1-м Историческом архиве КНР (маньчжурская и тибетская части)» [Zhongguo Xizang dang'an mulu, 1999], «Каталог архивных материалов по Тибету и тибетским делам, хранящихся в провинции Ганьсу» [Gansu mulu, 1997].

Для исследования современной истории Тибета наибольший интерес представляет серия «Материалов по культуре и истории Тибета» [SCHT], издаваемая под эгидой Народного политико-консультативного совета Китая. С началом периода реформ в Лхасе была создана специальная группа по изданию «Материалов». Бывшим чиновникам тибетского правительства, членам аристократии и религиозным деятелям было предложено написать на платной основе мемуары о своей деятельности. Кроме тибетцев мемуары написали и высокопоставленные китайские чиновники, их воспоминания были переведены на тибетский язык. Первый том, выпущенный в 1982 г., находился в ограниченном пользовании (neibu). С 1982 по 1998 г. было выпущено 20 томов материалов, каждый из которых составлял около 300 страниц.

Ставшие доступными в результате публикации редкие источники, равно как и уже издававшиеся наиболее известные труды, составили солидную базу для углубленного исследования малоизученных областей тибетской истории как для китайских ученых, так и для зарубежных тибетологов. Один из наиболее известных тибетских ученых, тулку монастыря Линчжи, профессор Тибетского университета, геше-лхарамба⁸ Дункар Лосан Принлэ (род. 1927), написал книгу «Тибетская теократическая система единения религии и политики» [тиб.: Dunkar Losang Prinlas, 1981; кит: Dongxia Losang Chilie, 2001], которая была также издана на английском языке. Он участвовал в издании «Большого тибетско-китайского словаря», «Истории дворца Потала», являлся автором «Хронологических таблиц истории китайско-тибетских сношений», «Истории дворца Потала и монастыря Дрепун», «Междоусобной борьбы тибетских религиозных сект», «Поэтики», «Изучения тибетских каталогов», «Тибетского образования» и других работ [Zhongguo Xizang, 1991, осенний вып., с. 40]. На тибетском языке было издано: «Избранные тексты по истории Тибетского района КНР» [Krunq go'i bod sa gnas kyi lo rgyus, 1986], «Ясное зеркало истории» [Deb ther kun gsal me long, 1987] под редакцией Пунцога Церина, излагающее историю Тибета в период с Ярлунской династии по времена Далай-ламы XIV и доказывающее, что Тибет является частью Китая, три тома «Общей истории Тибета» под редакцией Чапай Цедан Пунцога [Xizang tongshi, 1996].

За период с 1996 по 2000 г. на тибетском языке были изданы «Тибетская цивилизация периода Шан-Шун» Нгавана Гьяцо [Ngag dbang rgya mtsho, 1988], «История древних династий Шан-Шуна и Тибета» известного тибетского ученого, живущего в Италии, Намхая Норбу Римпоче [Nam mkha' nor bu, 1996]. Интерес представляют исследования по истории тибетских регионов: «Исследование происхождения этнических групп Страны Снегов» Чабга Тацэна [Chab 'gag rta mgrin, 1999], коллективная монография «История Нгари» [Mnga' ris lo rgyus, 1996], двухтомник «Краткая история верхнего Кхама» Данма

2–50 ⁸ Геше – ученое звание в тибетской традиционной системе образования, соответствующее доктору философии. Лхарамба – высшая степень звания геше.

Чжамьян Цультама [Ldan ma 'jam dbyangs tshul khirms, 1995], «Краткая история уезда Амдо» Норсама [Nor bsam, 1999], «История рода Гарццецо» Цуло [Tshul blo, 1996], «Краткая история рода Ваншидэ» Ньенагна Варэ [Nwa nag pa ba res, 1996], «История глав уезда Чонэ» Гонпо Вангьяла [Mgon po dbang rgyal, 1997], «История рода Канчаг» Гьяпо и Цультама [Rgya po, Tshul khirms, 1996], «История Ронпо» Ронпо Лхагьялпал [Rong bo lha rgyal dpal, 1988].

Среди множества работ по истории Тибета на китайском языке выделю следующие: «История тибетского народа» Хуан Фэньшэна [Huang Fensheng, 1985], «Биографии Далай-лам» Я Ханьчжана [Ya Hanzhang, 1984a], сборник статей Центра китайской тибетологии «Исследования по истории и религии Тибета» в двух томах [Zangzu lishi zongjiao yanjiu, 1996], сборник статей Шераб Нимы «Исследование новой истории Тибета» [Xirao Nima, 2000], коллективная монография, изданная Исследовательским центром китайской тибетологии, Тибетской Академией общественных наук и Центральным институтом национальностей под редакцией Дорже Цайдана «Общественная формация феодальной крепостной системы Тибета» [Xizang shehui xingtai, 1996], «Религия и политика в период Тубо» Ши Шо [Shi Shuo, 2000], «История управления Тибетом в периоды Мин и Цин» Гу Цзучэна [Gu Zucheng, 1999], «Династия Цин и Тибет» Чжао Чжичжуна [Zhao Zhizhong, 2000].

Такие публикации, как «Англия, Россия и Китайский Тибет» [Yingguo, Eguo yu Zhongguo Xizang, 2000], «Исторический статус Китайского Тибета» под редакцией Ван Цзявэя и Нимы Гьялцэна [Zhongguo Xizangde lishi diwei, 1997], имеют ярко выраженный идеологический характер. Любопытно отметить, что политической историей Тибета, в особенности новым и новейшим периодами, занимаются, как правило, ханьцы, а специализированными отраслями тибетской истории – преимущественно тибетцы.

Китайские ученые очень внимательно следят за зарубежными исследованиями по Тибету и рецензируют каждое наиболее значимое с точки зрения политики исследование. Фундаментальными трудами по политической истории Тибета признаны в мировой тибетологии работы непосредственных участников современной политической истории Тибета, таких, как известный член правительства Далай-ламы XIV Ц. Шакабпа [Shakabpa, 1967] и представитель британской миссии в Тибете Х. Ричардсон [Richardson, 1984]. На их труды китайская пресса откликнулась многочисленными критическими статьями, а по поводу работы Ц. Шакабпы вышла даже специальная книга под названием «"Политическая история Тибета" Шакабпы и историческая правда о Тибете».

Книгу известного американского антрополога М. Голдстейна «История современного Тибета, 1913–1951» [Goldstein, 1989] можно отнести к разряду самых блестящих работ по современной политической истории Тибета. Знаменательно, что китайская критика очень высоко оценивает труды ученого, несмотря на поддержку М. Голдстейном в его фундаментальном труде точки зрения де-факто независимости Тибета в рассматриваемый период. Отдавая дань традиции критического отношения к трудам зарубежных ученых, автор рецензии Ван Яо отмечает лишь недостаточное знание М. Голдстейном китайской истории и языка, по его мнению, не позволившие ученому понять глубинные причины описываемых им событий [Zhongguo Xizang, 1993,

зимний вып., с. 59–61]. М. Голдстейн стал первым зарубежным ученым, которому было официально позволено проводить полевые исследования в Тибете. Прожив бок о бок с кочевниками Западного Тибета 16 месяцев (с июня 1986 г.), он написал книгу «Номады Западного Тибета», изданную на английском и китайском языках [Goldstein, 1990]. В числе первых зарубежных ученых он стал участником тибетологических конференций, проводимых в КНР.

Большим подспорьем в исторических исследованиях являются словари. Национальное издательство Китая было награждено государственными премиями за издание «Большого тибетско-китайского словаря» [Bod rgya tshig mdzod chenmo / Zanghan dacidian, перв. изд. 1993], «Словаря английских и тибетских параллелей», «Краткого словаря тибетской медицины» [Zhongguo Xizang, 1992, весенний вып., с. 13]. «Большой тибетско-китайский словарь» переиздается огромными тиражами, он стал доступен и за пределами Китая. По моему мнению, это самый полный толковый словарь тибетского языка из всех ранее изданных в Китае и за рубежом.

Г) Тибетскую цивилизацию можно с полным основанием назвать буддийской, поскольку ее философия, искусство, архитектура, медицина, литература развивались под влиянием этой религии. Средневековая тибетская литература была в первую очередь буддийской, поэтому буддологические исследования связаны фактически с изучением всей совокупности богатейшей письменной традиции Тибета. Буддологические исследования важны не только и не столько с академической точки зрения, сколько с точки зрения сохранения буддийской традиции народа Тибета, для которого буддизм, по выражению известного тибетского ученого С. Кармая, стал символом национальной идентичности [Karмай, 1994, с. 14].

Возрождение тибетского буддизма и традиционной системы буддийского образования в Тибете – тема отдельного рассмотрения (глава 6), здесь же остановлюсь на буддологических исследованиях, проводимых в академической и образовательной структурах КНР. В 1981 г. в рамках Тибетской академии общественных наук создан Тибетский институт религий, в 1984 г. – факультет буддологии и кафедра религии при Тибетском университете. В 1983 г. под эгидой Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации открыт Тибетский институт буддизма. В 1987 г. Панчен-ламой была образована в Пекине Высшая буддийская академия для тибетских тулку. Тибетские монахи обучаются также в Институте религий при Китайской академии общественных наук и в Институте Южной Азии при Пекинском университете. В 1981 г. после 15-летнего перерыва вновь открылось Тибетское отделение Китайской буддийской ассоциации. Религиозными образовательными структурами среди них являются Тибетский институт буддизма и Высшая буддийская академия Китая.

Тибетский институт буддизма – самая крупная среди 39 высших религиозных организаций страны. Срок обучения в нем составляет 10 лет. В курс обучения входят традиционные дисциплины тибетского монастырского образования, включающие изучение буддийского канона по «5 большим и 5 малым наукам» (70 % занятий), а также культура Тибета (20 %), политические занятия (10 %), китайский и английский языки.

Открытая Панчен-ламой в 1987 г. Высшая буддийская академия Китая предназначена для обучения тибетских тулку. Студенты обучаются традици-

онным буддийским дисциплинам, а также традиции своей собственной школы, а по окончании обучения возвращаются в свои монастыри. В период с 1987 по 1992 г. институт окончили 170 человек [Beijing Review, 1992, vol. 35, № 48, с. 22].

В сфере академической науки необходимо отметить большую работу, проведенную тибетологическими научно-исследовательскими институтами, в первую очередь по изданию канонических буддийских произведений. Государство выделяет на это солидные бюджетные ассигнования. В 1982 г. Госсовет КНР утвердил издательский комитет по изданию буддийского канона на китайском языке, в 1992 г. в Исследовательском центре китайской тибетологии был создан комитет по изданию буддийского канона на тибетском языке. С 1994 по 2007 г. Центр китайской тибетологии опубликовал 124 тома критического издания тибетского Данчжура (1994–2007), каждый из которых имеет в среднем от 1100 до 1500 страниц [Bstan 'gyur]. С 2006 по 2008 г. было выпущено 108 томов Ганчжура [Bka' 'gyur]. Грандиозная работа по опубликованию всего корпуса тибетского буддийского канона сопровождается также выпуском в большом количестве сочинений буддийских мыслителей Индии и Тибета, например: «Основы Тантры – Бодхисаттва Виная и Тантраяна Виная» Цзонхавы [Rje tsong kha pa, 1999], «Детальный комментарий на Мадхьямика-карика» Нагарджуны [Dpal mgon 'phags pa klu sgrub, 1988]. Издаются и современные исследования ученых по самым различным аспектам тибетского буддизма: «Учение различных школ тибетского буддизма и тантрийский буддизм» Ли Вэйцяня [Li Weiqian, 1997], «Тибетский буддизм» под редакцией Хун Сюэ [Zangchuan fojiao, 1996] и др.

Согласно китайской прессе, в стране ежегодно проводится по несколько конференций и семинаров по проблемам тибетологии различного уровня. В 1991 г. в Лхасе и Пекине были проведены международные тибетологические конференции. Делегации китайских ученых участвуют почти во всех тибетологических конференциях за рубежом. Делегация китайских тибетологов в 1992 г. впервые официально участвовала в VI семинаре международной ассоциации тибетологических исследований – самой престижной международной конференции, организуемой международной ассоциацией тибетологических исследований. По словам участников, доклады членов китайской делегации вызвали большой интерес к тибетологическим исследованиям в Китае. В 2006 г. я с коллегами участвовала в XI семинаре международной ассоциации тибетологических исследований, который проходил в Бонне. Впервые в его работе самой большой стала делегация из КНР, представленная 85 учеными, религиозными деятелями и служащими органов различных структур, подавляющее количество из которых были тибетцами⁹.

В июле 2001 г. в Пекине под эгидой Исследовательского центра китайской тибетологии и Тибетской академии общественных наук был открыт «Пе-

⁹ По сравнению с китайской, делегация тибетской эмиграции выглядела более чем скромно как по количеству, так и по внешнему виду. Тибетская делегация из КНР выглядела очень эффектно, казалось, что тибетцы соревнуются друг с другом по качеству и изяществу своих нарядов. Одна ученая-тибетка из Индии сказала: «У нашего правительства нет средств, как у Китая, чтобы посылать за границу такое количество людей для участия в конференциях».

кинский семинар тибетологических исследований-2001» на тему «Тибет вчера, сегодня и завтра». В нем участвовали 183 человека, в числе которых были 154 ученых из всех районов Китая, Гонконга и Тайваня, а также 29 ученых из Америки, Канады, Австрии, Англии, Франции, Германии, России, Голландии, Непала, Японии и Южной Кореи [Zhongguo Xizang, 2001, зимний вып.; 1992, осенний вып.; 2001, № 3]. Следующий семинар был проведен в октябре 2008 г.¹⁰ На семинаре было заявлено 219 участников, в том числе 39 зарубежных ученых из России, Америки, Японии, Германии, Австрии, Канады, Тайваня, Великобритании, Франции, Венгрии, Италии, Нидерландов. Я участвовала в работе секции 1 «Социальные и экономические исследования», на которой обсуждались, пожалуй, самые щепетильные, с точки зрения современной ситуации в Тибете, вопросы. Показательно, что на секции были заявлены доклады крупнейшего эксперта по тибетскому вопросу – американского антрополога Мелвина Голдстейна¹¹ и известного канадского тибетолога-экономиста Эндрю Фишера. Выступление Э. Фишера, пытавшегося доказать, что экономическое развитие Тибета привело к маргинализации основной части тибетского населения, встретило со стороны китайской аудитории весьма неоднозначную реакцию. Однако критика, прозвучавшая в адрес докладчика, не выходила за рамки научной дискуссии и была позитивно воспринята канадским ученым¹².

Таким образом, можно с уверенностью говорить о бурном развитии тибетологических исследований в Китайской Народной Республике, которое происходит при непосредственной поддержке со стороны государства. Думается, что при постепенном преодолении тенденции идеологического диктата, расширении исследовательской базы, участии перспективных ученых в выработке отвечающих духу времени концепций развития Тибета тибетологические исследования в КНР выйдут на принципиально новый уровень.

А теперь вернемся к китайской парадигме тибетского вопроса. Она существует на трех уровнях: официальном, интеллектуальном и массовом. Можно

¹⁰ 2008 год оказался для Китая годом больших вызовов. Проведению Олимпийских игр предшествовали массовые волнения в тибетских регионах и страшное землетрясение в Сычуани. Было отменено проведение в июле 2008 г. в Куньмине XVI международного конгресса по антропологическим и этнологическим наукам (International Congress on Anthropological and Ethnological Sciences), на котором предполагалось участие более 2 тыс. ученых-антропологов со всего мира. Отмена столь масштабного мероприятия, к которому китайские ученые готовились с 2003 г., – событие, выходящее за рамки обыденности в Китайском государстве, и несомненно связанное с приближающимися Олимпийскими играми и событиями в Тибете. В этих условиях проведение Пекинского семинара тибетологических исследований также ставилось под сомнение многими учеными-тибетологами. Однако семинар состоялся, и, по оценкам как китайских, так и зарубежных ученых, состоялся весьма успешно.

¹¹ М. Голдстейн не смог приехать на семинар, как и многие другие зарубежные участники. Это было в основном связано с трудностями получения китайской визы в связи с проведением Олимпийских игр.

¹² По словам Э. Фишера, его книга «State Growth and Social Exclusion in Tibet» [Fischer, 2005] переведена на китайский язык и находится в ограниченном использовании (neibu).

сказать, что для всех трех уровней характерно понимание Тибета как части Китая, однако, когда дело касается более частных вопросов истории, культуры, религии, то существуют различные трактовки. Скажем, ученые-исследователи не столь категоричны, как официальный Пекин, в утверждении того, что Тибет являлся частью Китая начиная с династии Юань (1279–1368). Среди трех уровней основополагающим является официальный. Он основан на концепции единого Китая, которым на протяжении тысячелетий правили сменяющиеся династии различных этносов единой семьи народов Китая. В отношении Тибета утверждается, что начиная с Юань Тибет всегда находился в той или иной формальной зависимости от центрального правительства, руководящего в данный промежуток истории Китаем. Понимание Тибета как части Китая в новейшее время было унаследовано от Цинов республиканцами и от них перешло к коммунистам. Однако притязание Китая на Тибет утратило свою формальную легитимность с падением Цинской империи. Правительство республиканского Китая (1911–1949) не смогло ее подтвердить, но несмотря на это, продолжало считать Тибет своей частью, хотя сам Тибет в этот период считал себя независимым государством. Правительству коммунистического Китая удалось инкорпорировать Тибет в состав КНР на основании письменного Соглашения из 17 пунктов, с момента подписания которого Тибет официально стал частью Китая.

Построение образа «китайского Тибета» (*Zhongguo Xizang*), как, впрочем, и «независимого» в видении диаспоры, основывается на упрощенных символах, с помощью которых обосновывается утверждение о том, что Тибет является частью Китая. Согласно официальной пропаганде, старый Тибет был воплощением жестокого режима крепостников, народно-освободительная армия Китая освободила его и принесла тибетскому народу счастье и процветание. Результатом подобного упрощения явилось то, что, по словам тибетского исследователя Ц. Шакьи, можно назвать «отрицанием истории» – «процессом, который обязательно влечет за собой отрицание ответственности» [Shakya, 1999, с. xxviii].

В целях пропаганды официальной точки зрения в КНР в СМИ было запущено огромное количество телевизионных и радиопрограмм, массовыми тиражами издаются популярные статьи и книги, в которых освещаются проблемы Тибета. Ни одна национальность Китая не имела такого внимания со стороны государства. Результатом кампании стал большой интерес к Тибету со стороны этнических китайцев, о чем свидетельствует, в частности, туристический поток, хлынувший туда, далеко превосшедший по количеству зарубежный. В кампании популяризации Тибета самым важным компонентом, пожалуй, можно назвать его изучение академической наукой Китая и независимыми исследователями-ханьцами. В КНР была создана сеть научно-исследовательских центров, нацеленных на изучение Тибета, организованы конференции и симпозиумы, на которые приглашаются зарубежные ученые, китайские тибетологи принимают участие в зарубежных конференциях. Надо сказать, что кампания приносит свои плоды, и официальный образ «китайского Тибета» принимается в целом по всей стране.

Что же касается внешней контрпропаганды китайского правительства, то трудно не отметить ее некомпетентность. Беспрестанное повторение тезиса

«Тибет является частью Китая», поношение Далай-ламы и его «клики», изображение старого Тибета в виде общества с изуверскими обычаями, непомерное восхваление деяний партии и правительства – все это вкупе с грамматическими и орфографическими ошибками вызывает у внешней аудитории реакцию, обратную задуманной цели. Особое отторжение вызывают нападки на Далай-ламу, пользующегося огромной популярностью в мире. Китайское правительство наняло в США несколько фирм, специализирующихся по связям с общественностью, в том числе и скандально известную фирму Хилла и Ноултона, для того чтобы они представляли Китай по разным вопросам, включая тибетский. «По крайней мере, относительно Тибета фирма провалилась самым жалким образом», – пишет Т. Грюнфельд [Grunfeld, 2006, с. 340]¹³.

Итак, символами политического мифотворчества Китая можно назвать изображение старого Тибета в виде «ада на земле», объединительную и цивилизаторскую миссию Китая, освобождение тибетских масс от крепостного ига, развитие и прогресс современного Тибета. Эти символы по сей день формируют образ Тибета в китайском представлении. Но наметившаяся тенденция непредвзятого исследования тибетских проблем позволяет надеяться на постепенное изменение этого стереотипа.

2. Тибетские источники

Среди большого количества тибетцев, эмигрировавших в 1959 г. в Индию и другие страны, было много лам, тулку и высокообразованных монахов, составлявших цвет буддийской учености. Благодаря их усилиям, из страны было вывезено огромное количество тибетских рукописей и ксилографов – богатейшего письменного наследия народа. С помощью ведущих западных университетов начался кропотливый труд по переводу и изданию этих источников. Так за рубежами Тибета произошел бум тибетологических исследований, рост интереса к Тибету и распространение тибетского буддизма на Западе.

Под тибетскими источниками мы главным образом понимаем эти источники тибетской диаспоры, с изучения которых началось развитие зарубежной тибетологии. Что касается тибетского вопроса, то я выделила бы следующие категории источников: мемуарные (автобиографические), свидетельства беженцев и, так сказать, «источники из Дхарамсалы», к которым я причисляю издания Информационного офиса Его Святейшества Далай-ламы, публикации «Tibetan Review» и «Tibetan Journal», Тибетского молодежного конгресса, Интернет-сайтов тибетской эмиграции. Это в большей степени собирательный (обобщенный) тип. Мнения внутри этой категории могут сильно различаться, а объединяет общий подход к решению тибетской проблемы. Большинство этих изданий не требуют специального представления, так как доступны широкому

¹³ За 5 тыс. дол. ежемесячной оплаты плюс расходы Hill & Knowlton обязывались проводить мониторинг Конгресса, давать советы по связям с общественностью, проводить медиа-мониторинг, «обеспечивать поддержку во избежание негативных последствий сино-американских взаимоотношений», «улучшать имидж Китая в целом», «рекрутировать и организовывать союзников с третьей стороны» и «отвечать на упорную критику». U.S. Department of Justice, Foreign Agents Registration Unit, Registration № 3301, May 10, 1992. [цит. по: Grunfeld, 2006, с. 349].

кругу читателей по всему миру, в том числе и в нашей стране. Поэтому я не ставила целью «перебрать» все имеющиеся источники, даже простое их перечисление заняло бы немало времени и места, а хотела бы выделить наиболее репрезентативные и на их основании представить тибетский вопрос таким, каким он видится на основании источников из Дхарамсалы.

К мемуарным источникам я причисляю книги Его Святейшества Далай-ламы, членов его семейства, тибетского правительства, представителей аристократии и религиозных кругов, описывающих их жизнь и борьбу в Тибете и за его пределами. Эти книги являются ценнейшими источниками информации, так как их авторы были непосредственными участниками тех или иных событий современной истории Тибета. По этим работам мир узнал о тибетцах и их борьбе за свободу и независимость, которая вызвала искреннюю симпатию к тибетскому вопросу и большой интерес к культуре и религии Страны Снегов. Можно сказать, что эти работы объединяют в целом такие мощные символы, как представление старого Тибета в виде гармоничного общества, где процветала религия, между высшими и низшими царило согласие, а экономика была самодостаточной для удовлетворения нужд населения; незаконный характер китайского нашествия, принесший разрушение их традиционного уклада жизни, несчастья и хаос; справедливая борьба тибетского народа за свободу и независимость.

Говоря об этих источниках, нельзя не коснуться самого феномена тибетской диаспоры, который трудно переоценить. Наверное, никто не может это сделать лучше Его Святейшества Далай-ламы. Подводя итоги 25-летней эмиграции, Далай-лама в своем ежегодном обращении 10 марта 1984 г. говорил:

Когда мы оглядываемся на прошедшие 25 лет с тех пор, как мы ушли в эмиграцию, мы видим, что наше количество – 100 тыс. – невелико. И хотя большинство из этого числа живет в Индии среди миллионов многолюдья, а не рассеяно и поглощено, как вода песком, мы смогли сохранить свою сущность и целостность, живя группами по несколько тысяч. Большинство тибетцев в Индии, Непале и Бутане живут в сельскохозяйственных поселениях, другие зарабатывают различными профессиями, ремеслами и малым бизнесом. Около 2–3 тыс. тибетцев, живущих приблизительно в 30 других странах, успешно зарабатывают на жизнь, как и жители тех государств, в которых они нашли прибежище и помощь. Что касается молодых тибетцев, их обучают предметам нашего культурного наследия с тибетским языком в качестве основы. В то же самое время они получают современное образование, и сегодня молодые тибетцы идут плечом к плечу с образованной молодежью современных, развитых стран. Кроме того, что касается нашей религии и культуры, более тысячи лет назад полное учение Будды, заключающее в себе Махаяну, Тхераваду и Тантраяну, пришло из Индии, а вместе с ним и влияние просвещенной культуры. Тибетцы из поколения в поколение изучали, практиковали и сохраняли его. Эти замечательные традиции Тибета подверглись недавно ухудшению, разрушению и уничтожению. Однако мы в изгнании огромными усилиями собрали, сохранили и опубликовали все священные учения, которые смогли разыскать, мы также создали центры изучения и практики буддизма, где молодые монахи могут изучать сутру и тантру. В результате были заложены твердые основания для сохранения и дальнейшего развития буддизма. Более то-

го, тысячи новых центров были созданы по всему миру, где раньше не было и следа буддизма. И сегодня много образованных людей мира изучают и практикуют буддизм [Dalai Lama, 1986, с. 67–68].

Возвращаясь к тибетским источникам, рассмотрим следующую категорию. Свидетельства беженцев, как, например, собранные в сборнике «Тибет под китайским коммунистическим правлением: сборник свидетельств беженцев, 1958–1975» [Tibet Under Chinese Communist Rule, 1976] представляют иной вид источников, хотя его и объединяют те же самые символы, что и в первой категории. Характерно, что тибетское правительство в изгнании свою информацию целиком основывает на свидетельствах беженцев, несмотря на то, что они не раз подвергались сомнению учеными. Т. Грюнфельд, к примеру, пишет:

Заявления беженцев должны быть изучены с огромной осторожностью. Хотя они, несомненно, содержат долю правды, они подвержены внешнему влиянию и преувеличению вследствие эмоциональной травмы и психологической потребности со стороны беженцев найти оправдание своим действиям для других, и даже для самих себя. Беженцы, особенно в период сразу же после перенесенных испытаний, были дезориентированы, боялись, что их депортируют, и очень хотели бы угодить своим хозяевам. Положение беженцев только усложняет обычную субъективность устных свидетельств, так как воспоминания неминуемо пристрастны в силу неспособности человека увидеть ситуацию вне своего непосредственного опыта [Grunfeld, 1987, с. 143].

По этой причине ученые находят в свидетельствах беженцев огромное количество дубликатов, неподтвержденных и недостоверных утверждений. К источникам из Дхарамсалы также относится книга «Тибет под властью коммунистического Китая – 50 лет» [Тибет, 2001]. В этой публикации трудно не отметить плохой перевод на русский язык и издательскую небрежность. Книга претендует на «детальный и исчерпывающий анализ многообразной имперской политики Пекина, направленной на закрепление своей власти над одной из беспокойных провинций расползающейся коммунистической китайской империи» (с. 3). К сожалению, в книге нет никакого детального и исчерпывающего анализа. Политика Пекина представляется в ней в виде беспрерывного процесса насилия над тибетцами и делаются соответствующие этому выводы. Можно сказать, что это тибетский вариант пропаганды, причем далеко не лучший. Интересно отметить, что в то время как китайская пропаганда принимается большинством китайцев, за рубежом большинством принимается тибетская¹⁴.

Попытаемся суммировать основные тезисы тибетского вопроса, представленные Дхарамсалой:

1) Статус Тибета. Тибет на протяжении своей 2-тысячелетней истории был независимым государством. Во времена династии Юань (1279–1368) (монголов) и Цин (1644–1911) (маньчжуров) между ламами-правителями Тибета, с одной стороны, и монгольскими ханами и маньчжурскими императорами, с другой, сложились уникальные отношения духовного наставника и светского

¹⁴ На кампании интернационализации тибетского вопроса я остановлюсь более подробно в 6-й главе.

покровителя (mchod-yon), которые полностью утратили свою значимость с падением династии Цин. Подчеркивается также, что данные отношения имели место между тибетцами и монголами/маньчжурами и поэтому китайское правительство не вправе утверждать свою власть над Тибетом, основываясь на этих отношениях. После провозглашения Далай-ламой XIII независимости страны в 1912 г. и ее участия как равного представителя в тройственной (Китай, Англия, Тибет) конференции в Симле 1913–1914 гг. и вплоть до 1951 г. Тибет был полностью независимым государством. Поэтому, с точки зрения правительства Далай-ламы XIV, введение войск Народно-освободительной армии Китая в Тибет в 1951 г. является актом агрессии и незаконной оккупацией Тибета.

2) Результаты китайской оккупации. Центральная тибетская администрация и Тибетский молодежный конгресс осуждают национальную политику китайского правительства, целью которой, по их мнению, была насильственная ассимиляция тибетского народа, а конкретным результатом – геноцид, сравнимый с нацистским истреблением евреев¹⁵. По утверждению тибетского правительства в изгнании, китайское правительство через войны, тюрьмы, казни и голод уничтожило 1,2 млн. тибетцев¹⁶. В 1950 г., по оценке тибетской диаспоры, в Тибете было 6 млн. тибетцев, и такое же количество насчитывалось полвека спустя¹⁷. Цифра в 1,2 млн. была озвучена зарубежной прессой и политиками, и ее до сих пор приводят в качестве всеми признанного факта, несмотря на то, что эту цифру опровергли авторитетные западные аналитики¹⁸.

3) Современное положение. Резкая критика проводимой политики центрального правительства КНР. По мнению диаспоры, проводимая политика благоприятствует китайскому государству и ханьским мигрантам, в то время как тибетцы маргинализуются, ухудшается окружающая среда Тибета, исчезает тибетский образ жизни, религия и культура тибетского народа постепенно сходят на нет.

4) Разрешение тибетского вопроса. В первые 20 лет эмиграции (1959–1979) достижение независимости Тибета считалось главной целью в кругах тибетской диаспоры. В настоящее время мнения существенно разделились. В

¹⁵ «Nazis of Asia Set out to Hoodwink the Free World» (www.ibiblio.org/obl/reg.burma/archives/1999710/msg00147.html); «Tibetan Groups in India Protest Lhasa Arrests», United Press International (UPI), May 23, 1993: «...правительство КНР во всех отношениях напоминает нацистский режим, включая... намеренное уничтожение тибетцев, подобно евреям, и организацию концентрационных лагерей по всему Тибету». Далай-лама в интервью Newsweek 8 июля 1985 г. говорил: «Что касается уничтожения и разрушения, я иногда думаю, что нацисты и китайцы одинаковы» [Dalai Lama, 1986, 144].

¹⁶ www.tibet.com/Govt/Intro-tib.html.

¹⁷ Интересно, что часто повторяемую цифру – 6 млн. тибетцев в КНР тибетская диаспора ничем не подтверждает. Согласно всекитайским переписям населения, тибетцев в КНР было: 1953 г. – 2753081 чел., 1964 – 2501174, 1982 – 3847875; 1990 – 4593072; 2000 – 5416021. Т. е. количество тибетцев, наоборот, удвоилось. В настоящее время большая часть ученых-тибетологов более склонна доверять китайской статистике.

¹⁸ См. главу 4.

то время как Центральная тибетская администрация стала придерживаться плана среднего пути, заключающегося в обретении полноценной автономии в рамках КНР, Тибетский молодежный конгресс, многие члены тибетского парламента и другие представители тибетской диаспоры не оставляют цели достижения независимости Тибета. По их мнению, независимость возможна, так как КНР может распасться, как Советский Союз, из-за экономических и социальных проблем¹⁹. Среди сторонников независимости есть и те, кто считает, что ради ее достижения возможно применение насилия [Fretchette, 2002, с. 166]. Тактикой Дхарамсалы на настоящий момент является поддержание кампании интернационализации тибетского вопроса посредством обвинений Китая в нарушении прав человека, с тем чтобы добиться еще большей поддержки у Америки и Запада и заставить Китай быть более уступчивым во время переговоров. Эту тактику можно назвать тактикой выжидания, за фасадом которой, как отмечал М. Голдстейн, «лежит надежда – надежда беженцев на то, что течение истории предоставит им победу, к которой они стремятся, что коммунистический Китай распадется в скором времени, как это было с Цинской династией в 1911 г. и с СССР в 1991 г., и тогда им представится возможность вернуть контроль над Тибетом» [Goldstein, 1997, с. 114].

Можно сказать, построение образа «независимого Тибета» диаспорой также основано на упрощенных символах – старый Тибет как идеальная страна (Шангрила), незаконная оккупация, геноцид, репрессии, насильственная ассимиляция, справедливая борьба за права человека, за свободу и независимость. Симпатии огромного большинства людей в мире лежат на стороне этого образа Тибета. Однако, по нашему мнению, этот стереотип так же, как китайский, построен на политическом мифотворчестве и отрицании истории.

3. Тибетский вопрос на Западе

Как видно, битва представлений между Китаем и тибетской диаспорой, или борьба за право представлять интересы Тибета, очень ожесточенная. Причем обе стороны упорно настаивают на своем видении проблемы. Кто же выигрывает в этой битве представлений? На первый взгляд, кажется, что тибетская диаспора, поскольку ее аргументы выглядят сильнее, Пекин держит оборонительную позицию, Далай-лама пользуется в мире огромным авторитетом, награждение Его Святейшества Нобелевской премией и Золотой медалью Конгресса США – свидетельство признания в мире справедливости борьбы тибетского народа. В этой борьбе сам Запад не посторонний зритель, а теперь уже ее непосредственный участник, а также главное действующее лицо в определении проблемы. Однако большинство на Западе и в мире («друзья Тибета»), не учитывают, что за этой идеологической битвой лежит «реальный» вопрос и «реальная» политика, в конечном итоге определяющие сущность проблемы. Реальный же вопрос состоит в том, что Тибет находится в составе

¹⁹ В 2004 г. Кхедруп Тхондуп, племянник Далай-ламы и член парламента в изгнании присоединился к Ли Дэнхуэю для того, чтобы организовать китайское издание книги Росса Тэрилла «Новая китайская империя и ее значение для Соединенных Штатов» [Terill, 2003], в которой автор предсказывает распад Китая, в частности, из-за восстаний в Тибете и Синьцзяне [по: Sautman and Dreyer, 2006, с. 18].

КНР, и ни одна страна мира не признает тибетское правительство в изгнании в качестве представителя тибетского народа. А реальная политика состоит в том, что тибетский вопрос используется Западом в борьбе с Китаем, в котором он видит потенциальную угрозу сложившемуся миропорядку. Таким образом, тибетский вопрос на Западе – далеко не однозначное явление. Он представлен весьма влиятельным тибетским лобби, с одной стороны, и независимыми исследователями, с другой.

Так называемое тибетское лобби выступает в поддержку Далай-ламы и тибетской диаспоры на всех уровнях, включая государственный (парламентарный), массовый, научный и, так сказать, правовой. Трибуной этого лобби можно назвать «Тибетский печатный эфир» (Tibet Press Watch) и Интернет-сайт www.savetibet.org. Наиболее репрезентативными документами, представляющими тибетский вопрос со стороны лобби, являются следующие: «Тибетский вопрос и правопорядок, международная комиссия юристов» [The Question of Tibet and the Rule of Law, 1959], «Китай, нарушения прав человека. Узники совести и смертная казнь в Китайской Народной Республике. Международная амнистия, 1984» [China, Violations of Human Rights, 1984], «Китайская Народная Республика, репрессии в Тибете, 1987–1992. Международная амнистия, 1992» [People's Republic of China, Repression in Tibet, 1987–1992], а также многочисленные резолюции американского Конгресса, парламентов западных стран и Евросоюза.

Огромную популярность во всем мире заслужила книга Джона Аведона «В изгнании из Страны Снегов» [Avedon, 1984]. Лос-Анджелес Таймс назвала его работу «самой значительной документальной книгой сезона. Что сделал Александр Солженицын для Советского Союза, то сделал Джон Аведон для Тибета». Основанная на глубинных интервью с Далай-ламой и тибетскими эмигрантами, книга представляет устрашающую картину подавления тибетцев китайским режимом. Представляющими тибетцев и исполненными к ним глубокого сочувствия и симпатии являются книги Джорджа Паттерсона [Patterson, 1959] и Мишеля Пейселя [Peissel, 1972]. Широко известная книга датского юриста по международному праву, советника Далай-ламы – Михаэля ван Уолт ван Праага «Статус Тибета. История, права и перспективы в международном праве» [Praag, 1987] доказывает, что Тибет, согласно международному праву, является незаконно оккупированным независимым государством. К этому списку я отнесла бы и работу Уоррена Смита «Тибетская нация. История тибетского национализма и сино-тибетские отношения» [Smith, 1996], в которой автор выступает в поддержку права тибетцев на самоопределение и независимость, считает, что китайское правление в Тибете равноценно империалистическому господству и представляет собой преступление культурного геноцида.

Можно сказать, что позиция тибетской диаспоры и ее сторонников, в основе которой лежат такие понятия, как право наций на самоопределение и права человека, относится к пространству «идеального», не учитывающего реальную совокупность всех факторов. Как повсюду отмечают исследователи, кампании за права человека приносят удовлетворение тем, кто их проводит, политических же результатов они приносят мало. Они не помогают разрешить

проблему или хотя бы смягчить позицию центральных властей КНР, а, напротив, подымают позиции сторонников этнически направленной политики и идут на руку приверженцам жесткой линии решения тибетского вопроса.

В противовес «идеальному» существует так называемый «реальный вопрос», или понимание мира как глобального порядка, в котором господствуют доминирующие силы, одни ценности имеют привилегии над другими, реализм довлеет над идеализмом, имеющие государственность довлеют над теми, у кого ее нет. Американский антрополог А. Маунткасл пишет по поводу растущей критики в адрес стратегии прав человека:

Реалистическая концепция, в рамках которой оценивается стратегия прав человека, считается образцовой и поэтому не считает идеи прав человека частью реальной политики и законным политическим средством. Критика политики прав человека должна быть сама тщательно исследована. В мире, придерживающемся глобального политического порядка, в котором привилегии отданы государствам как субъектам международного права, государственной суверенности, корпоративным интересам, и в котором существует пристрастие к целесообразности и собственным интересам, попытки лишить законности (или экспроприировать) одну из нескольких жизнеспособных альтернатив, доступных маргинализированным и подвергнувшимся жестокому обращению людям, должны быть критически рассмотрены и не должны приниматься со слепой преданностью и шаблонными реверансами в сторону риторики реализма [Mountcastle, 2006, с. 99–100].

С этой позицией трудно не согласиться. Тем более, что А. Маунткасл справедливо полагает, что стратегия прав человека позволяет тибетской диаспоре и ее сторонникам участвовать в глобальной политике, так как тибетцы были исторически маргинализированы от принятия решений по тибетскому вопросу, по крайней мере, с начала 1900-х гг.

Стратегия прав человека, принятая на вооружение тибетской диаспорой, оказалась действенной инициативой для обретения поддержки тибетского вопроса по всему миру и, безусловно, является ее законным правом. Но нельзя не отметить, что многие ее положения не выдерживают критики при ближайшем рассмотрении. Эмоции, популизм, преувеличения, использование «горячего» материала, свойственные для кампаний прав человека, еще больше обостряют вражду. Более того, вовлечение США и Запада имеет серьезные негативные последствия: оно заставляет верить неискушенных тибетцев в то, что США поможет Тибету, и поощряет тем самым их противостояние Китаю [Goldstein, 1997, с. 122]. А между тем у Запада нет стратегических интересов в Тибете, и Китай является стратегическим партнером США. Поэтому вполне возможно очередное «предательство» интересов Тибета, как это уже произошло один раз после «хождения» Генри Киссинджера в Китай. «В результате миллионы тибетцев в Китае оказываются в проигрыше» [Grunfeld, 2006, с. 338].

И «идеальная», и «реальная» парадигмы тибетского вопроса являются двумя крайностями. Можно сказать, что поисками «середины» в освещении истории и современных процессов занимаются многие ученые-тибетологи. Но среди довольно большого количества работ, посвященных современному Тибету,

число основательных совсем невелико. Среди таких работ особо выделяются труды американского антрополога Мелвина Голдстейна. Его работа «История современного Тибета, 1913–1951» [Goldstein, 1989] стала поворотной вехой современной историографии Тибета, а книга «Снежный лев и дракон. Тибет, Китай и Далай-лама» [Goldstein, 1997] является, пожалуй, самым объективным и научно обоснованным анализом сино-тибетских взаимоотношений из когда-либо предпринятых. Совсем недавно, в 2007 г., в свет вышел II том «Истории современного Тибета. Затишье перед бурей, 1951–1955» (639 с.) [Goldstein, 2007], в котором автор тщательнейшим образом анализирует этот непростой отрезок тибетской истории. Среди многочисленных трудов М. Голдстейна необходимо упомянуть исключительно важную работу, проливающую свет на многие темные пятна современной истории Тибета, – «Тибетский революционер. Политическая жизнь и время Баба Пунцо Вангье», которую он завершил совместно с Давэй Шерапом и Вильямом Сибенчухом [A Tibetan Revolutionary, 2004]. Написанная от лица самого Пунцо Вангьяла, эта книга – результат многолетних интервью и бесед М. Голдстейна со знаменитым тибетским революционером, переводчиком и ученым.

Работа Джун Дрейер «Сорок миллионов Китая» [Dreyer, 1976] стала, подобно трудам М. Голдстейна, классикой для тех, кто занимается проблемами национальных меньшинств КНР. Основанная на китайских источниках, книга представляет собой всесторонний анализ национальной политики китайского правительства. Надо сказать, труды М. Голдстейна и Д. Дрейер впечатляют как своим содержанием, так и методом исследования, основанном на глубоком понимании предмета и беспристрастном научном анализе. Под редакцией Джун Дрейер и Барри Саутмана в 2004 г. вышел сборник под названием «Современный Тибет. Политика, развитие и общество в оспариваемом регионе» [Contemporary Tibet, 2006], в котором собраны статьи ведущих экспертов по тибетскому вопросу. Эта книга – еще один достойный образец современных тибетологических исследований.

Большого внимания заслуживают труды ученых тибетского происхождения – Церины Шакьи и Дава Норбу. Книга Ц. Шакьи «Дракон в Стране Снегов. История современного Тибета с 1947 г.» [Shakya, 1999] является на настоящий момент самым полным изложением современной истории Тибета с 1947 г. В своей работе Ц. Шакья использовал огромный круг источников, ее отличает объективный анализ проблем Тибета и критическое отношение к источникам из Дхарамсалы. Из-под пера тибетского ученого Дава Норбу вышло большое количество статей и книг по Тибету. В 2001 г. была опубликована его работа «Политика Китая в Тибете» [Norbu, 2001] – результат его многолетних изысканий. В ней автор анализирует историю сино-тибетских отношений начиная с самых истоков, поднимает вопросы международной политики и будущего Тибета.

В изучении тибетской современности нельзя обойти вниманием труды Роберта Барнетта и Рональда Шварца. Р. Барнетт – известный правозащитник, руководитель Тибетской информационной сети, вносит огромный вклад в борьбу тибетцев за их права, в освещение современного положения в Тибете. В своих работах [напр.: Barnett, 1994] он использует самый первичный материал из Тибета, поэтому они всегда отличаются остротой постановки пробле-

мы и глубиной анализа. Кстати сказать, руководимый им Интернет-сайт <http://www.tibetinfonet.net> является, на мой взгляд, самым объективным источником информации по современному положению в Тибете. Необходимо также отметить исключительно важное издание, сделанное Тибетской информационной сетью. Это публикация и перевод знаменитой петиции Панчен-ламы Х [A Poisoned Arrow, 1997]. Что касается канадского тибетолога Р. Шварца, то он лично наблюдал тибетские демонстрации 1987 г., поэтому его книга «Круг протеста. Политический ритуал тибетского восстания» [Schwartz, 1994] является наиболее полным описанием и анализом актуальной проблемы современных тибетских протестов.

Вышеупомянутые работы дают известное представление об уровне развития западной тибетологии. В российской же тибетологии пока иная ситуация. Обстоятельная монография тибетолога и китаевода В. П. Богословского «Тибетский район КНР» [Богословский, 1978] является, пожалуй, единственной отечественной книгой, посвященной современному положению Тибета (до конца 1970-х гг.). Следует также отметить такие интересные книги, как «...и страна зовется Тибетом» А. Д. Цендиной [Цендина, 2002], «История Тибета с древнейших времен до наших дней» Е. И. Кычанова и Б. Н. Мельниченко [Кычанов, Мельниченко, 2005], «Дхарамсала и мир тибетской эмиграции» И. С. Ур-банаевой [Урбанаева, 2005], «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» А. И. Андреева [Андреев, 2006], в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы современного Тибета. Национальная политика китайского правительства рассмотрена в работах ученых-китаеведов А. А. Москалева [Москалев, 1989], К. А. Егорова [Егоров, 1989], Д. А. Жоголева [Жоголев, 1994]. В освещении тибетского вопроса и его современного состояния необходимо отметить журнал «Буддизм России», издаваемый в Санкт-Петербурге А. А. Терентьевым. В нем приводятся последние тибетские новости по обе стороны Гималаев, дается перевод выступлений Его Святейшества Далай-ламы и других тибетских деятелей эмиграции, публикуются статьи и комментарии политиков и ученых. Этими работами, в сущности, и ограничивается круг отечественных работ, посвященных современному Тибету. Такую ситуацию едва ли можно назвать удовлетворительной.

Глава 1

Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)

1. Тибет до «мирного освобождения»

После падения в 1911 г. Цинской династии, с санкции Далай-ламы XIII, находившегося в это время в Индии, был захвачен китайский амбань, войска изгнаны, и Тибет впервые с XVIII в. оказался полностью свободным от китайских войск и чиновников. Вернувшись из Индии в 1913 г., Далай-лама в ответ на обращение президента Китайской Республики Юань Шикая о «восстановлении» его в прежнем титуле «лояльного и покорного вице-регента, великого, благого и живого Будды» заявил, что не просил китайское правительство о восстановлении его в прежнем ранге, а также, что «намерен осуществлять в Тибете как светскую, так и религиозную власть» [Goldstein, 1989, с. 59–60]. Он также издал прокламацию для своих подданных, в которой подтвердил свою власть как правителя Тибета. Позже в тибетских кругах ответ Далай-ламы Юань Шикаю и прокламацию стали расценивать как декларацию о независимости Тибета [Shakabpa, 1967, с. 246]. Однако последующая в 1913–1914 гг. конференция в Симле не подтвердила формальную независимость Тибета. Окончательный проект Симлской конвенции констатировал автономию Тибета под сюзеренитетом Китая. Даже в таком виде конвенция не была ратифицирована китайской стороной. Между Англией и Тибетом был подписан двусторонний договор о соблюдении условий Симлской конвенции, но поскольку Китай не подписал конвенцию, этот документ с точки зрения международного права не имел силы. Тибетский вопрос, таким образом, не был разрешен на формальном уровне. Китай продолжал считать Тибет своей частью, а Тибет в свою очередь считал себя независимым государством и осуществлял независимую политику.

Обретение независимости Тибета было главной целью политики Далай-ламы XIII. Но его планам не суждено было сбыться. 40 лет фактической независимости (1911–1951 гг.) позволили тибетским властям, не искушенной в международной политике религиозной и аристократической элите считать, что такое положение будет продолжаться и дальше, и погрузиться в свои внутритибетские дела. Программа модернизации страны, инициированная партией тибетских реформаторов во главе с приближенным к Далай-ламе молодым талантливым чиновником Цароном, сошла на нет в результате противодействия консерваторов. В 1933 г. Далай-лама XIII умер. Развернувшаяся борьба за власть между сподвижниками Далай-ламы Кумбэлом и Луншаром,

крах и того и другого, поиски нового перерождения Далай-ламы, обострение конфликта между регентами Далай-ламы XIV – Тактрой Римпоче и Ретин Римпоче, полностью поглотили внимание тибетской правящей элиты.

Руководство республиканского Китая – Гоминьдан – никогда не отказывалось от претензий на Тибет, равно как и на все территории, входившие прежде в состав Цинской империи. «Отец китайской революции» Сунь Ятсен был создателем теории доктрины единой китайской нации (*zhonghua minzu*), состоящей из ханьцев, маньчжуров, монголов, китайских мусульман хуэй и тибетцев. Президент Республики Юань Шикай издал эдикт, в котором Тибет, Монголия и Синьцзян приравнивались к статусу провинций собственно Китая и объявлялись его территориями. Политическая раздробленность, империалистическая агрессия, внутренние и внешние войны не могли, однако, позволить Китаю всерьез сосредоточиться на осуществлении своих претензий. Единственным успешным действием гоминьдановского правительства было открытие китайской миссии в Тибете под руководством генерала Хуан Мусана, которую ему удалось отправить в Тибет в 1933 г. под предлогом выражения соболезнования по поводу кончины Далай-ламы XIII. Английские власти, опасаясь тибетско-китайского сближения, тут же последовали примеру китайцев и основали британскую миссию с Хью Ричардсоном во главе ее.

Изолированный от окружающего мира, слабый в военном отношении, захваченный междоусобными проблемами, Тибет находился в тяжелом, с точки зрения своего статуса, положении также из-за того, что ни одна из западных держав не поддержала его открыто в деле отстаивания формальной независимости. С окончанием II мировой войны, обретением в 1947 г. независимости Индии и последующим уходом Англии с политической арены региона тибетское правительство потеряло своего главного союзника в противостоянии Китаю. Англия и Индия, а вслед за ними США, непосредственно контактировавшие с Тибетом и подтверждавшие тем самым его де-факто независимый статус, продолжали при этом считать его де-юре как находящийся под китайским сюзеренитетом, в чем выражалась, по мнению М. Голдстейна, политика «двойных стандартов» западных держав [Goldstein, 1997, с. 37]. Сравнивая положение Тибета с Монголией и отмечая поддержку Советского Союза независимости Монголии, американский ученый пишет: «Противоположно этому Запад неизменно подчеркивал политическую субординацию Тибета по отношению к Китаю в первой половине XX века и, в особенности, во время и сразу же после II мировой войны. Несмотря на возвышенную риторику о свободе и самоопределении, западные демократии проводили последовательную политику уступок китайской чувствительности, принимая официальную китайскую позицию, согласно которой Тибет является одной из территорий, принадлежащих китайской нации» [там же, с. 40].

Последовавшая за антияпонской войной четырехлетняя гражданская война между Гоминьданом и КПК шла к завершению, чтобы окончиться победой последней и провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Тибетские власти, обеспокоенные поворотом событий в Китае, предприняли превентивные меры против возможного китайского вторжения. Из Тибета были высланы все члены китайской миссии гоминьдановского пра-

вительства, а также прокитайская тибетская группировка. Хотя коммунисты еще в то время не пришли к власти в Китае, с их стороны был выражен решительный протест действиям тибетских властей, поскольку само существование китайской миссии, хотя бы и гоминьдановского толка, служило для них основанием своих притязаний на Тибет. Еще 7 сентября 1949 г. «Жэньминь жибао» опубликовала «знаменитую» статью «Китайский народ обязательно освободит Тибет» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 1]. В октябре 1949 г. о том, что Тибет является частью Китая и НОАК готовится освободить Тибет от империалистов, заявило на весь мир уже радио Пекина. Тибетское правительство тоже по радио решительно заявило, что между Тибетом и Китаем имели место отношения «духовного наставника и светского патрона» (mchod-yon), но «Тибет никогда не был китайской территорией» [Shakabpa, 1967, с. 299]. 2 ноября оно направило письмо Мао Цзэдуна следующего содержания:

Уважаемому Г-ну Мао Цзэдуна,

Председателю Китайского коммунистического правительства, Бэйпин.

Тибет является особенной страной, где широко распространена буддийская религия и которой суждено быть управляемой Живым Буддой Сострадания, или Авалокитешварой (Далай-ламой). Поэтому Тибет с древнейших времен по настоящее время был независимой страной, а ее политическая администрация никогда не захватывалась ни одной иностранной страной, Тибет всегда защищал свои территории от иностранного вторжения и всегда оставался религиозной нацией. Вследствие того что Цинхай, Синьцзян и другие территории находятся на границах Тибета, мы хотели бы получить гарантии, что китайские войска не пересекут тибетскую территорию со стороны тибетско-китайской границы, или от других подобных военных действий. В этой связи мы просим, чтобы гражданским и военным служащим, расположенным на китайско-тибетской границе, был отдан строгий приказ в соответствии с этой просьбой, а также просим скорейшего ответа о гарантиях. Что касается тибетских территорий, аннексированных несколько лет назад в качестве китайских территорий, то правительство Тибета желает провести по этому поводу переговоры после окончания гражданской войны [цит. по: Goldstein, 1989, с. 624]¹.

На это письмо со стороны китайских властей не последовало никакой реакции. О нем никак не упоминает и современная китайская историография. Другим шагом по предотвращению агрессии были обращения тибетского правительства к США и Англии с просьбой о гражданской и военной поддержке против коммунистического Китая, а также телеграммы английскому и американскому правительствам с просьбой о содействии Тибету для вступления в ООН. Текст телеграммы от 3 сентября 1949 г. гласил:

¹ Копия этого письма находится в архиве Министерства иностранных дел Великобритании (Foreign Office) и впервые была опубликована М. Голдстейном. Он пишет, что перед тем как отправить письмо, тибетцы советовались с Х. Ричардсоном и Х. Дайялом, всячески убеждавшими их отказаться от излишне эмоционального тона письма, которое может спровоцировать китайцев. Но «до странности наивное», по выражению М. Голдстейна, письмо было все же отправлено.

Так как Тибет является независимым государством, мы не испытываем угрозы от иностранных держав, но ввиду распространения коммунизма и его успеха в Китае появилась реальная опасность коммунистической агрессии по отношению к Тибету. Весь мир прекрасно знает, что Тибет и коммунистический Китай не могут иметь взаимной симпатии по причине совершенно несовместимых жизненных принципов и религии, и поэтому для защиты нашей страны от угрожающей опасности коммунистического вторжения, а также в целях сохранения нашей дальнейшей независимости и свободы мы считаем, что наиважнейшим для Тибета становится получение разрешения вступить в Генеральную Ассамблею ООН. В этой связи мы намерены послать специальную миссию в Великобританию, но между тем мы были бы особо благодарны Вам и правительству Его Величества, если бы Вы могли нам любезно помочь и как можно быстрее передать через Ваше доброе представительство нашу скромную просьбу, для того чтобы Тибет мог занять свое место в ООН как ее официальный член. Просьба принять незамедлительные действия и телеграфировать. Кашаг (Кабинет министров, Лхаса) [цит. по: Shakyu, 1999, с. 17–18].

Надежды тибетского правительства на помощь Англии и США совершенно себя не оправдали. Иностраный департамент Англии был уверен: возможность вступления Тибета в ООН полностью исключена ввиду того, что Советский Союз в обязательном порядке наложит вето на ходатайство тибетских властей об официальном признании их страны международным сообществом. В Госдепартаменте США, который также получил подобную телеграмму, британскому послу Оливеру Франку дали понять следующее: «Не похоже, что администрацию всерьез заинтересует тибетское обращение, и поэтому лучше всего оставить проблему на решение Индии и Англии» [там же]. В то время как США считали, что тибетский вопрос – это дело Индии и Англии, последняя полагала: вопрос находится исключительно в компетенции индийского правительства. Индия же меньше всего была заинтересована в ухудшении отношений с Китаем из-за Тибета. Отказ в помощи со стороны западных держав – главных врагов коммунизма глубоко расстроил тибетцев. Тем не менее, тибетским правительством было принято решение направить в США и Англию, а также в Китай и Непал специальные миссии в надежде на то, что непосредственные контакты будут более действенны в обретении поддержки. Китайская сторона, узнав об этих планах, выразила решительный протест. Однако Запад ни в коей мере не был намерен обнадеживать тибетцев, полагая, что это может в еще большей степени спровоцировать вторжение. Правительство США опасалось, что даже ответ в письменном виде «может быть воспринят тибетцами как признание их независимого статуса», и поэтому посольство США в Нью-Дели получило инструкции устно убедить тибетцев не посылать в Европу и США своих миссий [Goldstein, 1989, с. 630]. Англия поступила так же. Индия не считала для себя возможным принять весь груз ответственности Англии по отношению к Тибету. Она понимала, что вторжение китайских войск на территорию Тибета может угрожать безопасности индийских границ. Но при этом полагала, что вступление в конфликт в альянсе с империалистическими державами против страны, которая, как и Индия, пострадала от империализма, может обернуться для нее серьезными проблемами в отношениях с Китаем. Она считала, что, получив поддержку в международных вопросах, Китай

ответит тем же, т. е. воздержится от прямого нападения на Тибет – действия, угрожающего национальной безопасности Индии. В конечном итоге, надежды западных держав и Индии на то, что их невмешательство удержит Китай от прямого вторжения в Тибет, оправдались с точностью до наоборот. Тибет же ввиду нежелания стран, к которым были направлены обращения, даже просто принять его миссии, отложил планы отправки делегаций. Ему оставался только один путь – искать компромисса с китайскими властями.

Правительство только что созданной КНР, со своей стороны, видело в объединении территорий, входящих в состав Цинской империи, одну из своих первостепенных задач. Тибет в этом отношении стоял на первом месте, поскольку 40 лет потери контроля над этой территорией республиканским Китаем могли обернуться для государства весьма серьезными последствиями. Плацдармом для вторжения был избран Восточный Тибет.

Тибет и тибетское общество того времени не были едиными ни в политическом, ни в этнографическом плане. Восточный Тибет, разделенный между так называемым Тибетом политическим (территория, управляемая правительством Далай-ламы) и Тибетом этнографическим (часть Кхама и Амдо), входящим в состав провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань (Сикан) и Юньнань, испытывал сильное влияние Китая и контролировался Цинской империей с середины XVIII в. Хотя тибетское правительство никогда не признавало утрату территорий этнографического Тибета, ко времени победы коммунистов в Китае (1949 г.) оно не контролировало эти территории в течение двух столетий. В то время как в Центральном Тибете дети состоятельных родителей посылались на учебу как в Британскую Индию, так и в Китай, их сверстники в Восточном Тибете посылались преимущественно в Китай [Stoddard, 1994, с. 125]. Коммунистические идеи также в первую очередь дошли до Восточного Тибета, и многие среди восточных тибетцев совершенно сознательно вступали в коммунистическую партию, как, например, Сангье Еше (Тянь Бао), организовавший коммунистическую область в Канцзэ (Ганьцзы) и присоединившийся со своим тибетским отрядом к Мао Цзэду в Яньнани [там же], Пунцог Вангьял, организатор пантибетского движения и главный переводчик китайской стороны на переговорах по Соглашению из 17 пунктов. В 1979 г. Сангье Еше станет председателем ТАР (Тибетского автономного района), Пунцог Вангьял – заместителем председателя Комитета по национальным делам ВСНП (Всекитайского собрания народных представителей).

Что касается действий центрального правительства, то освобождение Тибета от *империалистического влияния* было отнюдь не голословным утверждением китайской пропаганды. Незначительное количество иностранцев в Тибете не означало, что они не имеют влияния на политику тибетских верхов². И хотя, как было сказано выше, запад-

² До китайского вторжения в Тибете было семь иностранцев: бывший глава английской миссии в Тибете Хью Ричардсон, два английских радиооператора, нанятых тибетским правительством: Роберт Форд и Реджинальд Фокс; двое австрийских альпинистов, Генрих Харрер и Петер Ауфшнайдер, бежавших из английского концлагеря для военнопленных и работавших на тибетское правительство; русский белогвардеец Нед-байлов, также работавший на правительство, и английский миссионер Джоффри Булл. Ричардсон и Фокс уехали из Тибета до вторжения, Харрер и Ауфшнайдер бежали в Индию, Форд

ные державы не имели стратегических интересов в Тибете, тибетское правительство именно на них возлагало свои главные надежды в противодействии китайской стороне. По замечанию М. Голдстейна, «Мао имел превосходное чувство истории» [Goldstein, 1999, с. 43]. И, действительно, Китай со своей многомиллионной армией без больших проблем мог бы оккупировать слабый в военном отношении Тибет. Однако Мао Цзэдун прекрасно понимал, что Тибет имел определенное международное значение, чем коренным образом отличался от любой другой национальности Китая. Он писал: «Несмотря на то, что население Тибета невелико, он имеет очень важное международное значение, поэтому нам необходимо им овладеть, а также преобразовать Тибет в народно-демократический» [Mao Zedong, 2001, с. 6]. «В Синьцзяне проживают несколько сот тысяч ханьцев, в Тибете же ханьцев практически нет, наша армия сейчас находится в совершенно другом национальном регионе» [там же, с. 61]. По замыслам Мао Цзэдуна, следовало выработать совершенно иной подход к Тибету. Военная оккупация Тибета могла вызвать серьезные международные осложнения, поэтому Мао Цзэдун выбрал стратегию «мирного освобождения», под которым подразумевалось соглашение с тибетским правительством о «добровольном» признании последним, что Тибет является частью Китая. Но он хорошо понимал, что заставить тибетское правительство сесть за стол переговоров можно лишь под военным давлением. Поэтому приготовления к военным действиям были начаты сразу же после победы компартии в Китае. Уже 23 ноября 1949 г. Мао Цзэдун просит Пэн Дэхуая, Хэ Луна, Си Чжунсюня, Лю Бочэна и Дэн Сяопина – своих главных соратников обсудить вопросы Тибета на совещании Северо-Западного отделения ЦК КПК. «...Невозможно решить тибетский вопрос без ввода войск, вводить войска следует безусловно, не только по северо-западной дороге, но и юго-западной. После того как Северо-Западное отделение овладеет Чуань-Каном³, ему следует взяться за Тибет. Для удара на Тибет нужны приблизительно три армии, сейчас еще трудно решить, как их распределить и кто будет отвечать за руководство армиями. Однако Северо-Западному отделению уже сейчас следует составить планы по поводу подготовки тибетских кадров и других насущных вопросов» [там же, с. 4].

Помимо военных приготовлений китайские коммунисты пытались принудить тибетское правительство начать переговоры о «мирном освобождении» через известных религиозных и политических деятелей этнографического Тибета, поскольку в политическом Тибете все чиновники гоминьдановского правительства, равно как и многие члены прокитайской группировки, были уже высланы из страны. От имени 12-летнего Панчен-ламы X, интронизиро-

и Булл были схвачены китайцами. Харрер, Форд и Булл написали впоследствии мемуары о своей жизни в Тибете: [Harrer, 1953], [Ford, 1958], [Bull, 1955]. Кроме них в Тибете в течение короткого времени побывали американский разведчик Франк Бессак и вице-консул американского консульства Макирнан, оба были агентами ЦРУ, и несколько русских, бывших белогвардейцев [Smith, 1996, с. 278].

³ Имеется в виду созданная на территории провинции Сычуань новая провинция Сикан, расформированная в 1955 г.

ванного еще при Гоминьдане в монастыре Кумбум, в 1949 и 1950 гг. правительству КНР были посланы телеграммы с поздравлениями и просьбой освободить Тибет [Xizang zizhiq, 1984, с. 363–364]. С аналогичными публичными обращениями также выступили член Северо-Западного военно-политического комитета, заместитель председателя народного правительства провинции Цинхай Шераб Гьяцо (известный ученый, бывший настоятель монастыря Сэра), вышеупомянутый тибетский коммунист Сангье Еше (Тянь Бао) и многие другие [там же, с. 364–365]. В Восточный Тибет был послан Гета Римпоче,

с тем чтобы наладить контакты с лхасским правительством и разъяснить тибетцам национальную политику партии⁴. Если влияние тибетских коммунистов в этнографическом Тибете было сравнительно не велико, то выступление на китайской стороне таких видных религиозных деятелей, как Панчен-лама, Шераб Гьяцо и Гета Римпоче, вызвало серьезные опасения тибетского правительства и тем самым стало косвенным свидетельством успешности пропаганды коммунистического руководства.

В этнографическом Тибете китайские коммунисты придерживались осторожной политики, всячески давая понять, что никоим образом не намерены менять существующие религиозные традиции и обычаи. В марте 1950 г. они разрешили проведение большой религиозной церемонии в монастыре Лавран в Амдо по поводу интронизации нового перерождения Чжамьяна Шепы. Китайское радио сообщало, что 20 тыс. тибетцев и монголов присутствовали на церемонии [Shakya, 1999, с. 35]. Кроме того, власти решили возродить Монголо-тибетскую комиссию. Первым ее директором был назначен Чжу Шигуай, тесть старшего брата Далай-ламы – Гьяло Тхондупа. Китайские власти стремились использовать эту связь. Чжу Шигуай пытался уговорить последнего воздействовать на тибетское правительство, с тем чтобы оно не направляло своих миссий за границу [там же]. Умело используя внутритибетские противоречия, традиционную вражду восточных тибетцев кхампа и центральных тибетских властей, опираясь на немногочисленное количество тибетских коммунистов и лиц, сочувствующих коммунистической идеологии, а также обещая не менять сложившиеся политические и религиозные структуры, новые власти Китая обрели таким образом достаточно обширную базу поддержки среди тибетцев этнографического Тибета.

Тем временем, вынужденное действовать, тибетское правительство поручило Цеча Тубтэну и Цепону Шакабпе провести переговоры с Китаем. Делегацию инструктировали провести переговоры с китайской стороной относительно четырех пунктов: «1) письма председателю Мао Цзэдуну от Иностранного департамента правительства Тибета, на которое не было получено ответа; 2) заявлений по радио из Пекина и Синина; 3) гарантий, что территориальная целостность Тибета не будет нарушена; и 4) информировать правительство Китая, что народ и правительство Тибета не потерпят никакого вмешательства в последовательное правление Далай-лам и будут сохранять свою независимость» [Shakabpa, 1967, с. 300]. Делегация прибыла в Индию и ожидала

⁴ Гета Римпоче был отравлен в Чамдо, отравление было инкриминировано английскому радиооператору Роберту Форду, которого арестовали и долго держали в заключении [Ford, 1958].

от английского правительства въездных виз в Гонконг. За это время Ц. Шакабпа несколько раз встречался с премьер-министром Д. Неру и всячески пытался уговорить последнего оказать поддержку Тибету. В течение нескольких дней тибетская делегация вела в Дели бесперспективные переговоры с послом КНР. Посол настаивал, чтобы Ц. Шакабпа принял два принципиальных условия: Китай будет нести ответственность за национальную оборону Тибета и Тибет признает себя частью Китая, на что тибетская сторона никак не соглашалась. Для того чтобы принудить тибетскую делегацию как можно быстрее прибыть в Пекин, 31 августа Министерство иностранных дел КНР известило Индийское правительство о том, что Народно-освободительная армия Китая начнет, согласно намеченным планам, действия на западе провинции Сикан и поэтому надеется на помощь индийских властей в отправке тибетской делегации на переговоры в Пекин к середине сентября [Xizang zhizhi, 1984, с. 367]. Делегация Шакабпы ждала инструкций от тибетского Кабинета министров Кашага и надеялась, что недавние изменения в американской политике смогут обеспечить Тибету хоть какую-нибудь международную поддержку. В то время весь мир с большой тревогой наблюдал за военным конфликтом на Корейском полуострове. Есть основания согласиться с мнением Ц. Шакабпы, что «китайское вторжение в Тибет было вызвано, по крайней мере частично, американским вмешательством в Корею» [Shakya, 1999, с. 469]. Американская политика в Корею и на Тайване не без оснований давала повод Китаю полагать, что Америка готовит плацдарм для нападения на Китай, и в этом случае необходимо было установить полный контроль над Тибетом. Власти Китая, не дождавшись делегации к намеченному ими сроку, а также опасаясь, что тибетцы смогут выиграть время и добиться помощи с Запада, решили начать действовать. Мао Цзэдун отдал приказ 18-й армии НОАК атаковать Чамдо. Одновременно китайские войска вторглись в Тибет с запада, заняв Северо-Западное нагорье.

В то же время, когда Корея была охвачена кровопролитной гражданской войной, схожие, казалось бы, события в Тибете прошли практически незамеченными мировой общественностью. 7 октября 1950 г. войска НОАК под командованием Чжан Гохуа перешли реку Дричу (верхнее течение реки Янцзы) и атаковали тибетские войска, охранявшие границу. Сравнивая подготовку к войне обеими сторонами, следует отметить полную несоразмерность сил противников. Если китайцы имели огромный перевес в численности своих вооруженных сил (40 тыс.), моральный фактор победы в войне с Гоминьданом и Японией и закаленное в гражданской войне высшее военное руководство (Мао Цзэдун, Лю Бочэн⁵, Дэн Сяопин, Хэ Лун), то тибетская армия страдала всеми возможными недостатками: плохим командованием (генералами тибетской армии назначались обычные чиновники правительства), устарелым вооружением, слабой военной подготовкой (многие солдаты служили из барщинной повинности и находились на фронте со всеми своими семьями), тактикой обороны и т. д. При прочих неравных условиях тибетцы не использовали пре-

⁵ Лю Бочен, к примеру, был известен как лучший полевой командир во время антияпонской войны, а также как «один из лучших тактиков и адептов истории войн» [Rigg, 1951, с. 32].

имуществ своей территории, даже не сделали попыток ведения партизанской войны в условиях высокогорья, не смогли договориться с кхампа о совместных действиях против неприятеля⁶, что вкупе вполне могло помочь, если не отвратить нашествие, то, по крайней мере, избежать столь скорого поражения.

Немаловажным фактором в победе китайцев стали продуманная тактика ведения боевых действий в тылу врага и умелая пропаганда. «Китайская народно-освободительная армия даже при сильном ветре или в непроглядную ночь, под проливным дождем, в насквозь промокшей одежде, ни при каких условиях не заходила в монастыри, не останавливалась в домах, не трогала ни травинку, ни дерево у населения», – пишут авторы «Обстановки в Тибетском автономном районе» [Xizang zhizhiq, 1984, с. 367]. При всех преувеличениях китайской пропаганды такое описание отношений с населением в начале 50-х гг. в целом соответствовало действительности, что признавалось даже тибетцами-эмигрантами [Norbu, 1986, с. 81; Smith, 1997, с. 273]. Армии НОАК использовали тибетцев в качестве гидов-переводчиков, извозчиков, рабочих на строительстве дорог и т. д. За работу, транспорт, продукты хорошо и своевременно платили. Авангардным частям было приказано с уважением относиться к местному населению, обычаям и традициям, показывать населению, что китайцы пришли помочь и уйдут, как только Тибет «улучшится». НОАК показывала тибетцам фильмы, ставила спектакли, местным тибетским чиновникам присваивались новые титулы, давались официальные посты с высокой зарплатой.

12 дней потребовалось китайской армии, чтобы овладеть Чамдо, захватить тибетскую армию и взять в плен генерал-губернатора. В рассказе очевидца обороны города английского радиооператора Роберта Форда, находившегося на службе у тибетского правительства, ярко описано, как причинная цепь взаимосвязи событий привела в итоге к неотвратимому поражению тибетской армии. 19 октября генерал-губернатор Чамдо Нгабо Нгаван Чжигмэ подписал документ о сдаче армии. Позже было объявлено, что захвачено 5738 солдат и офицеров, 180 человек убито и ранено [Shakya, 1999, с. 45]. Пленным победители прочитали лекцию о социализме, дали денег и провиант, а затем отпустили по домам. Дорога на Лхасу была открыта.

Мао Цзэдун, следуя своему первоначальному плану «мирного освобождения», приказал войскам остановиться. Он не хотел просто завоевать Тибет, а желал, чтобы верховный правитель Тибета – Далай-лама признал власть Китая над Тибетом. 10 ноября центральные власти Китая опубликовали заявление, содержащее суть будущей политики в отношении Тибета, которое легло в основу Соглашения из 17 пунктов⁷:

⁶ Многие исследователи отмечают коллаборационистскую роль кхампа в продвижении китайцев в центральный Тибет. Не только коммунистическое движение в Кхаме, но и традиционное недоверие между полунезависимыми князьями кхампа и центральными тибетскими властями мешало объединению сил. Р. Форд пишет, что тибетские солдаты боялись кхампа даже больше, чем китайцев.

⁷ По мнению Ц. Шакьи, заявление было написано Дэн Сяопином, секретарем Юго-Западного отделения ЦК КПК и политическим комиссаром Юго-Западного военного округа [Shakya, 1999, с. 45].

Председатель Центрального народного правительства Мао Цзэдун и главнокомандующий НОАК Чжу (Дэ), будучи глубоко озабоченными тем, что тибетский народ на протяжении долгого времени испытывал гнет английского и американского империализма, а также правительства Чан Кайши, отдали приказ армии войти в Тибет, чтобы помочь навсегда избавиться от этого гнета. Церковь и народ нашего Тибета должны сплотиться воедино и оказать полную поддержку НОАК, для того чтобы изгнать силы империализма и реализовать национальную автономию, а также установить братские взаимоотношения дружбы и взаимной поддержки с другими национальностями страны и построить с нашей помощью новый Тибет в новом Китае. Войска НОАК вошли в Тибет, они будут защищать жизнь и имущество церкви и народа, гарантировать свободу религиозных верований, защищать все ламаистские монастыри и храмы, а также помогать тибетскому народу развивать образование, сельское хозяйство, скотоводство, промышленность и торговлю, с тем чтобы улучшить жизненный уровень. Существующая политическая и военная системы Тибета не будут изменены. Вооруженные силы Тибета станут частью сил национальной обороны КНР. Все члены религиозных структур всех классов, правительственные чиновники и руководители будут исполнять свои обязанности, как прежде. Все вопросы, связанные с любыми реформами в Тибете, будут решаться только в соответствии с желанием тибетского народа и посредством консультаций с тибетским народом и его руководящим составом. Правительственные чиновники, поддерживавшие до этого империалистов и Гоминьдан, останутся на своих постах, к ним не будут применены никакие действия в случае, если последующие факты подтвердят, что они порвали отношения с империализмом и Гоминьданом и они не предпринимают никаких действий саботажа и сопротивления. НОАК будет соблюдать строгую дисциплину и верно проводить в жизнь вышеозначенную политику Центрального народного правительства, уважать религию, традиции и обычаи тибетского народа, будет вежливой в речах, будет справедливо покупать и продавать, не возьмет у людей без разрешения ни иглы, ни нитки, а только необходимое снаряжение с согласия владельцев, будет платить по рыночной стоимости за любой причиненный ущерб, оплачивать по адекватной цене службу людей и используемых животных. НОАК верой и правдой служит народу как армия народов всех национальностей Китая. Мы надеемся, что тибетские крестьяне, скотоводы, рабочие и торговцы, весь народ без исключения, будут жить в мире и заниматься своими делами счастливо. Не следует доверяться слухам о беспорядках и пугать самих себя. Об изложенном доводим до всеобщего сведения [цит. по: Xizang zizhiqu, 1984, с. 625].

Кашаг тем временем не мог принять никакого решения по поводу действий китайцев. Неэффективность действий лхасского правительства проявилась самым наглядным образом в решающую для судьбы Тибета минуту. В течение целого месяца Цепон Шакабпа не мог получить конкретных инструкций. Сначала правительство дало ему указания отправиться в Китай на переговоры и согласиться на основное условие китайцев, затем огласило заявление оракула о том, что на условия китайцев соглашаться нельзя. Когда медлить с ответом было уже нельзя, состоялось собрание регента, правительства и настоятелей трех больших монастырей (Сэра, Гандэн, Дрепун), на котором ре-

шили, что окончательный выбор действий будет сделан после консультаций с оракулом. «Одно было ясно, – пишет Ц. Шакья, – никто не хотел брать на себя ответственность» [Shakya, 1999, с. 48]. Оракулы в свою очередь возложили всю тяжесть ответственности на 16-летнего Далай-ламу. «Его время пришло», – объявил оракул, возложив ритуальный шарф – кхата на колени Далай-ламы [Dalai Lama, 1990, с. 58]. Как пишет Его Святейшество, он был очень удручен событиями, круто изменившими всю его жизнь. «Оглядываясь назад, я понял, что мне не следовало удивляться. В течение нескольких лет оракул выказывал неприкрытое презрение к правительству, в то время как ко мне относился с величайшим почтением», – напишет в своей автобиографии Его Святейшество [там же]. Очевидно, что правительство оказалось полностью несостоятельным перед лицом изменившихся обстоятельств, и поэтому заключение оракула, тоже своего рода политика, стало действительно единственно верным решением. 17 ноября в Потале была проведена церемония интронизации Далай-ламы XIV. На ней присутствовали представители Индии и Непала и дхармараджа Сиккима. Президент Индии отправил Далай-ламе поздравление. Регент Тактра сложил свои полномочия. Суркхан Ванчэн Гэлэгу в Дели было поручено известить китайского посла о том, что Далай-лама принял полномочия главы правительства.

Среди тибетских правящих верхов преобладало неприятие действий китайской стороны и неверие в благие намерения коммунистического руководства Китая вопреки всем заявлениям властей Пекина. Несмотря на внешнее единодушие, политическая элита Тибета разделялась на тех, кто полностью отвергал какой-либо компромисс с китайскими властями, и тех, кто считал необходимым добиться с ними соглашения. Примером первой партии был старший брат Далай-ламы – Тубтэн Чжигмэ Норбу (Такцер Римпоче). Он приехал в Лхасу с предложением от китайских властей склонить Далай-ламу на сторону китайцев. На самом же деле его миссия состояла в том, чтобы раскрыть глаза Далай-ламы и его окружения на истинные намерения завоевателей, которые он полностью осознал, будучи еще в Восточном Тибете, в монастыре Кумбум [Norbu, 1986, с. 217–228]. Он был убежден, что единственная надежда на спасение – это добиться международной поддержки и организовать вооруженное сопротивление [Dalai Lama, 1990, с. 58–59]. С этой целью он снял с себя монашеские обеты и отправился за границу в качестве эмиссара Тибета.

Ярким примером другой партии был Нгабо Нгаван Чжигмэ, бывший в то время губернатором Кхама. Оценка роли тибетских коллаборационистов из высших аристократических и религиозных кругов, к которым, несомненно, принадлежит последний, Панчен-лама X, заместитель председателя народного правительства провинции Цинхай геше Шераб Римпоче, Гета Римпоче, Ретин Римпоче и другие – дело весьма непростое. Думается, нет никаких оснований полагать, что их действия были вызваны симпатиями, как у тибетских коммунистов, к новому строю. Среди многих обстоятельств, побудивших их пойти на компромисс с китайскими властями, было, несомненно, одно: они лучше других понимали неотвратимость надвигающихся перемен и пытались приспособиться к новой действительности во избежание еще худших последствий.

Что касается Нгабо Нгавана Чжигмэ, то он, будучи в Чамдо, лично убедился в серьезности намерений коммунистических властей овладеть Тибетом и мощи китайской армии, в то время как лхасское правительство абсолютно не контролировало ситуацию и давало совершенно оторванные от реальности распоряжения. Он согласился написать письмо в Лхасу с объяснениями и своими предложениями. Письмо обсуждалось, выверялось и переписывалось несколько раз, после чего Нгабо и остальные 36 чиновников тибетского правительства его подписали [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 143]. Главным в письме был совет Далай-ламе направить свою делегацию в Пекин, в нем описывалось образцовое поведение войск НОАК и подчеркивалась тщетность сопротивления. Авторы письма в то же время советовали правительству согласиться на китайские условия, что должно было, по их мнению, гарантировать неприкосновенность монастырских и помещичьих владений [Apei Awang Jinmei, 2001, с. 297]. Тибетскому правительству вместе с письмом от Нгабо были также доставлены предложения китайской стороны, состоящие из восьми пунктов:

- 1) Союз пяти национальностей Китая не наносит ущерб интересам нацменьшинств.
- 2) Тибет остается под властью Далай-ламы.
- 3) Тибетская религия получает защиту.
- 4) Китай помогает Тибету реформировать свою армию для мощной обороны против внешней агрессии.
- 5) Китай предоставляет Тибету квалифицированную помощь в вопросах сельского хозяйства, скотоводства, торговли и промышленности.
- 6) Административные реформы предпринимаются только после двусторонних консультаций между Китаем и Тибетом.
- 7) Коллаборационисты с Америкой, Англией и Гоминьданом не будут преследоваться.
- 8) Тибет может быть уверен, что освободительное движение осуществляется не для поддержки анти tibетских элементов, как фракции Ташилунпо и Ретин⁸ [Dominion Office (London). Цит. по: Шакуа, 1999, с. 60].

12 декабря Национальная ассамблея обсудила восемь предложений и приняла решение начать переговоры с Пекином. Одновременно были приняты меры по обеспечению безопасности Далай-ламы и правящей элиты. 16 декабря Далай-лама, переодетый в обычное платье, вместе с двумя наставниками и членами Кашага покинул Лхасу. В Индию было отправлено большое количество золота и серебра из хранилищ Поталы. Члены аристократических фамилий также начали вывоз своих семейств и ценностей. В Лхасе началась паника. До того как Далай-лама покинул Лхасу, он назначил в качестве совместно исполняющих должность премьер-министра Лукханва Цеван Раптэна и чиновника-монаха Лобсана Таши.

Одновременно правительство решило, что последней надеждой для Тибета является Организация Объединенных Наций, к которой оно затем и обратилось за помощью. Когда 13 ноября обращение дошло до штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, оказалось, что никто из сотрудников офиса Генерального

⁸ Сторонников Панчен-ламы и бывшего регента Ретина Римпоче.

⁹ «grave concern and dismay».

секретаря не имеет понятия о статусе Тибета и ситуации в стране. Обращение было распространено среди членов Совета безопасности, и на этом все закончилось. Индия, Англия и США – единственные страны, которые знали о ситуации в Тибете, но по-прежнему не желали оказывать открытую поддержку и потому отказались поднимать тибетский вопрос в ООН. 17 ноября на заседании делегации Содружества ООН представитель Индии Намбаир заявил делегатам, что Индия не желает, чтобы вопрос обсуждался на Совете безопасности, и не поддерживает включение вопроса в повестку дня Генеральной ассамблеи. Однако в этот же день обращение к Президенту Генеральной ассамблеи о включении в повестку дня вопроса о «вторжении в Тибет иностранных сил» и вынесении резолюции, осуждающей действия Пекина, написал председатель делегации Сальвадора Гектор Кастро. Инициатива Сальвадора не была поддержана ни одной страной, причем решающее значение вновь сыграла Индия, представитель которой предложил вслед за Англией отложить вопрос до лучших времен. Вполне естественно, что Генеральный комитет единогласно постановил отложить рассмотрение весьма неудобного для него тибетского вопроса. Правительство Тибета в письме Генеральному секретарю выразило «свою озабоченность и тревогу»⁹ [Tibet in the United Nations, с. 14]. Далай-лама в своей автобиографии напишет: «Я помню чувство величайшей печали, когда я осознал, что это в действительности значит: Тибету предстоит один на один сойтись со всей мощью коммунистического Китая» [Dalai Lama, 1990, с. 67].

2. Соглашение из 17 пунктов о «мирном освобождении» Тибета

Об этом событии, перевернувшем судьбу тибетского народа, написано огромное количество книг и статей, опубликованы мемуары непосредственных участников переговоров. В КНР ежегодно отмечается годовщина подписания Соглашения, а не так давно, в 2001 г., состоялись празднования в честь 50-летия со дня его заключения. На Западе, в свою очередь, проводятся конференции и симпозиумы, на которых независимые эксперты приходят к заключению о незаконности Соглашения и соответственно незаконности присоединения Тибета к КНР. Интернационализация тибетского вопроса вынесла последний на обсуждение даже на государственных трибуны Америки и Европы. Несмотря на огромное количество литературы, посвященной теме заключения Соглашения, включая и «Дневник мирного освобождения» [Lu'i Yus-hung, 1952], некоторые принципиальные моменты остаются, на мой взгляд, невыясненными до сих пор. Причиной являются разногласия источников и вытекающая из этого проблема их интерпретации. Так, в КНР были опубликованы мемуары Нгабо и Лхаутары¹⁰. М. Голдстейн в своем исследовании пола-

⁹ «grave concern and dismay».

¹⁰ Речь Нгабо на II заседании V созыва Собрания народных представителей ТАР 31.07.1989. Эта речь была впервые опубликована Тибетским народным издательством в 1995 г. в сборнике «Мирное освобождение Тибета», переиздана Издательством китайской тибетологии в 2001 г. в «Сборнике в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета» [Heping jiefang, 2001] под названием «Воспоминания о заключении мирного освобождения Тибета» [Apei Awang Jinmei, 2001, с. 296–304]. В этом же сборнике опубликованы мемуары Тубтэн Тандара (Лхаутары) под названием «О заключении Соглашения о мирном освобождении Тибета» [Tudan Danda, 2001, с. 305–321], которые впервые были изданы на

гался в основном на устное интервью с Сампо, в то время как Ц. Шакья преимущественно использовал материалы Нгабо и Лхаутары (тибетский вариант), а также интервью с Таши Такла. Как пишет Ц. Шакья, свидетельства Нгабо и Лхаутары были позже подтверждены в главных деталях Такла и совпадают в целом с данными Сампо. Таким образом, первоисточниками, на основании которых можно реконструировать течение переговоров, являются интервью с Сампо¹¹ и Такла, с одной стороны, и свидетельства Нгабо и Лхаутары, – с другой. Причем мемуары Нгабо и Лхаутары опубликованы как на тибетском, так и на китайском языках, в то время как о свидетельствах Сампо мы узнаем лишь по изложению М. Голдстейна, а Такла – по изложению Ц. Шакья и др.¹² Огромный интерес представляет вышедшая в 2004 г. биография (от первого лица) переводчика Соглашения Баба Пунцог Вангьяла, пролившая свет на подлинные обстоятельства заключения этого документа [A Tibetan Revolutionary, 2004]. Эти источники дополняют труды участников событий тех лет: книги Его Святейшества Далай-ламы, Цепона Шакабпы и др. Интерпретация этих источников породила многочисленные версии хода событий, среди которых наиболее распространенной стала версия о том, что китайцы силой и угрозами заставили тибетскую сторону подписать Соглашение и вследствие этого оно является незаконным. Попытаемся разобраться в ходе событий и проследить течение переговоров согласно перечисленным источникам.

Как было сказано выше, тибетская сторона согласилась на переговоры под давлением внешних обстоятельств – поражения своей армии в Чамдо и отказа государств поддержать тибетский вопрос на международном уровне. Далай-лама и Кашаг обосновались в Ятуне на границе с Сиккимом. Правящая элита разделилась на две партии. Первая настаивала на немедленной эмиграции Далай-ламы, вторая – на переговорах с Китаем. Шакабпу вызвали в Ятун, где он в подробностях доложил ситуацию о том, что Англия воспрепятствовала их выезду за границу, не давая виз, а Неру и индийское правительство отказали в помощи. Уже было известно, что тибетский вопрос был отклонен в ООН. Кроме того, из Лхасы прибыли три делегации, состоящие из настоятелей крупных монастырей и монахов с целью уговорить Далай-ламу вернуться в Лхасу. Через десять дней напряженных дебатов большинство стало склоняться в пользу переговоров. Таким образом, тибетское правительство наконец решилось на отправку делегации в Пекин. Она состояла из пяти человек: ее главы Нгабо Нгавана Чжигмэ, Сампо Тэндзин Дондупа, Кенчун Тубтэн Легмона,

китайском языке в 1-м томе «Материалов по истории и культуре Тибета» [Xizang wenshi ziliao xuanji, 1981– китайский вариант SCHT] в 1981 г., на тибетском – в 1982 г. [SCHT, 1982]. Ц. Шакья пользовался тибетским вариантом.

¹¹ Описание переговоров М. Голдстейном практически целиком построено на интервью с Сампо. Судя по обилию приводимых фактов, свидетельства Сампо намного содержательнее свидетельств Нгабо и Лхаутары. Остается лишь сожалеть, что столь ценный источник недоступен большинству исследователей.

¹² Интервью с Такла см.: «Conversation with Yapshi Sey», National Archives, 793B.00/8-1851 [Smith, 1996, с. 297].

Кхеме Сонам Вандуя и Тубтэн Тандара, иначе Лхаутары. Первые трое отправились в Пекин из Чамдо, двое последних – из Ятуна через Гонконг. Переводчиком у тибетцев был Пунцог Таши Такла (зять Далай-ламы).

Китайские власти уже поставили в известность тибетскую сторону о своей цели «освободить Тибет». Следовательно, делегация, перед тем как пойти на диалог, должна была получить четкие инструкции относительно главного предмета переговоров. М. Голдстейн пишет, что базой для них было заявление из 10 пунктов [Goldstein, 1989, с. 759]. Однако ни Сампо, ни Такла не помнят конкретного содержания этих 10 пунктов [Shakya, 1999, с. 473]. Лхаутара говорит, что заявление содержало 9 пунктов [Tudan Danda, 2001, с. 315], Нгабо вообще не упоминает о количестве пунктов. Что же касается основного содержания тибетской программы – признания или непризнания Тибета частью Китая – свидетельства участников оказываются настолько противоречивыми, что порождают взаимоисключающие интерпретации у исследователей. Так, М. Голдстейн пишет, что «делегация из Ятуна привезла письменное заявление из 10 пунктов, представляющее основу тибетской позиции» [Goldstein, 1989, с. 759]. Далее, ссылаясь на Лхаутару, добавляет, что «им была дана инструкция руководствоваться ими, а *принять статус Тибета как части Китая только символически*» [курсив здесь и далее мой. – И. Г.]. Ц. Шакья, в свою очередь, также ссылаясь на Лхаутару, пишет, что «делегация получила инструкции *ни в коем случае не признавать суверенитет Китая над Тибетом*» [Shakya, 1999, с. 64]¹³. В моем распоряжении находится тот же источник, только в на китайском языке¹⁴. Лхаутара, согласно ему, пишет:

Перед нашим отъездом Кашаг раздал каждому из нас скрепленные печатью удостоверения о полномочиях, для внешнего оглашения в удостоверении указывалось, что это полномочная делегация, состоящая из пяти членов, их имена и положение, [в секретных инструкциях] для внутреннего пользования (*neibu*) было в том числе и признание, что *Тибет является частью Китая*. Однако, кроме согласия ежегодно являться Центральному правительству с верноподданническими заверениями¹⁵, не разрешалось давать никаких письменных обещаний [Tudan Danda, 2001, с. 313–314].

Показания Нгабо:

Каймо Соань Вандуй [Кхеме] и Тудань Даньда [Лхаутара] прибыли в Пекин через Гонконг позже нас на четыре дня. Они привезли с собой доверенность от Далай-ламы и Кашага относительно переговоров, доверенность состояла из двух частей: инструкций для внутреннего пользования и для оглашения на переговорах. Для внешней подачи: между Тибетом и Китаем имеют место только глубокие отношения патрона и наставника, сейчас КПК завоевала политиче-

¹³ Оба автора ссылаются на: lHa'u rta-ra Thub-bstan bstan-dar, bod zhi-bas bcings-'grol 'byung-thabs skor-gyi gros-mthun don-tshan bcu-bdun-la ming-rtgas bkod-pa'I sngon-rjes-su (Article on the Seventeen-Point Agreement by a member of the Tibetan delegation) // Bod kyi lo-rgyus rig-gnas dpyad-gzhi'I rgyu-cha bdams-bsgrigs (Sources on the Culture and History of Tibet). 1982. Vol. 1. Lhasa. P. 88–117.

¹⁴ Первоначально он был опубликован годом раньше тибетского варианта, в 1981 г.

¹⁵ Кит. «jin gong» «являться с данью» показалось нам устаревшим в данном случае выражением, поэтому мы перевели его таким, не совсем адекватным, образом.

скую власть, мы желаем этой политической власти процветания и прочего, однако *не признаем Тибет частью Китая*, для внутреннего пользования говорилось, что [Тибет] должен управляться независимо (самостоятельно)¹⁶, но нельзя соглашаться на отправку войск на границу. Количество представителей, работников и служащих центра в Лхасе не должно превышать ста человек. Полиция должна состоять из солдат тибетской армии, кроме того, желательно, чтобы посланные центром представители были верующими. Посоветавшись, мы решили, что так не пойдет. Во-первых, в коммунистической партии нет верующих, следовательно, послать верующего представителя от центра невозможно; во-вторых, не посылать войска на границу, по-видимому, тоже невозможно. Так как в 10 пунктах платформы для переговоров с Тибетом, выдвинутой Юго-Западным военно-политическим комитетом, совершенно ясно указано, что после того как НОАК войдет в Тибет, она должна будет охранять государственные границы. Внешнее признание, что *Тибет является частью Китая*, вот важный вопрос, он уже ясно прописан в Доверенности для внутреннего пользования, оставшийся вопрос – это не соглашаться, чтобы НОАК проследовала к границам. Если мы будем настаивать на этом пункте, то не имеет смысла и продолжать вести переговоры с центром ...¹⁷ [Ngabo, 2001, с. 298–299].

Исходя из приведенных свидетельств, можно заключить, что заявление тибетского правительства не содержало ясно сформулированной позиции и четких инструкций для руководства. В первую очередь, предлагалось не признавать Тибет частью Китая и отстаивать сложившуюся систему взаимоотношений (даннические отношения, или отношения типа «светский патрон – религиозный наставник»). При этом существовала также секретная часть заявления, «для внутреннего пользования» (*neibu*). В ней тибетское правительство уполномочивало делегацию в случае безвыходной ситуации признать Тибет частью Китая на условиях сохранения полной внутренней независимости. В противном случае, пропадал бы сам смысл отправки посольства.

Итак, тибетские делегации, одна наземным, другая морским путями, прибыли 22 и 26 апреля на переговоры в Пекин. Делегацию, которую возглавлял Нгабо, принимали с большим почетом. На вокзале ее встречал премьер Чжоу Эньлай и около 300 представителей различных национальностей. Делегатов поселили в гостинице «Пекин», и вскоре начались переговоры. Как пишет Нгабо и подтверждают другие участники, прочитав внимательно инструкции правительства, члены делегации поняли, что 10 пунктов заявления никак нельзя использовать в качестве базы для переговоров и они могут их только затруднить. Далее, по свидетельству Сампо, Нгабо предложил не показывать

¹⁶ Кит. «*neibu bixu shi duli zizhude*». Как я полагаю, здесь имеется в виду, что Тибет должен иметь независимость в своих внутренних делах, последующий противительный союз «но» и продолжение фразы заставляет толковать фразу как признание суверенитета Китая де-юре и внутреннюю независимость де-факто. Этот вывод подтверждается, как будет видно далее, и последующим содержанием речи Нгабо.

¹⁷ Речь Нгабо была произнесена в 1989 г., т. е. через 38 лет со времени подписания Соглашения. При всей ее противоречивости, надо признать, это было своего рода смелое заявление, так как впервые Нгабо открыто признал, что первоначальным планом делегации было отстаивание самостоятельного статуса тибетского государства.

заявление китайцам, а только иметь для себя в виду его основные пункты [Сампо по: Goldstein, 1989, с. 760]. Нгабо также считал, что не следует по всем вопросам обращаться в Ятун, а взять ответственность на себя. По его мнению, настоятели монастырей и другие тибетские консерваторы не имели ни малейшего понятия о современном мире и китайских коммунистах и по-прежнему настаивали бы на независимости или отношениях «патрон-наставник», а это могло бы на месяцы затянуть переговоры и спровоцировать возобновление вторжения. В случае же, если делегация возьмет на себя полную ответственность, переговоры, по мнению Нгабо, могли бы пройти быстро и в дружественной атмосфере. Он также сказал, что если Далай-лама и правительство посчитают Соглашение неприемлемым, то они смогут не признать его под предлогом, что делегация не имела абсолютных полномочий. Он также добавил, что берет всю полноту ответственности на себя и примет любое наказание, если тибетское правительство получит помощь извне и решит сражаться против китайцев. Четыре остальных члена делегации согласились [там же].

Премьер Госсовета Чжоу Эньлай встречает тибетскую делегацию на Пекинском вокзале.

Переговоры начались 29 апреля 1951 г. Китайская партия состояла из четырех человек: Ли Вэйханя – заместителя Генерального секретаря Госсовета, Председателя Рабочего отделения Единого фронта КПК и Председателя Коми-

тета по национальным делам Госсовета КНР, Чжан Цзинъю – заместителя командующего Юго-Западным военным округом (Хэ Луна), Чжан Гохуа – командующего 18-й армии НОАК, осуществившей вторжение в Тибет, и Сунь Чжюаня – работника Единого фронта. Каждая партия имела своего переводчика, с китайской стороны – Пунцог Вангьял, в совершенстве владевший и тибетским и китайским, он стал официальным переводчиком на переговорах, а зять Далай-ламы Пунцог Таши осуществлял сверку переводов.

Тибетская делегация состояла из 5 человек: Нгабо Нгавана Чжигмэ, Сампо Тэндзин Дондупа, Кенчун Тубтэн Легмона, Кхеме Сонам Вандуя и Тубтэн Тандара, иначе Лхаутары. Ее официальным руководителем был Нгабо. По наблюдению Пунцог Вангьяла, решения принимал Кхеме, дядя Суркхана, один из наиболее сведущих в международных делах представителей тибетской элиты. Нгабо, по мнению Пунцог Вангьяла, находился в слабой позиции. Его подозревали в том, что он куплен китайцами, это, по мнению Пунцог Вангьяла, было совершенной неправдой, тем не менее такие подозрения ослабляли его положение.

Первый день переговоров окончился сразу же после согласия сторон представить письменное заявление своей позиции. На второй день, 30 апреля, Ли Вэйхань дал тибетской делегации известное уже со времени падения Чамдо заявление из 10 пунктов. Согласно Лхаутаре, тибетцы представили заявление из 9 пунктов. Оглашение заявлений сторон состоялось на третий день, 2 мая. Китайцы огласили свое заявление наподобие лекции с историческими ссылками и разъяснением национальной политики. Позицию тибетского правительства оглашал Нгабо¹⁸. По словам Лхаутары, китайская делегация приняла и одобрила справедливые пункты, а неприемлемые отклонила, терпеливо объясняя свою позицию [Tudan Danda, 2001, с. 315]. Согласно Такла, Ли Вэйхань в ответ на заявление Нгабо сказал, что проблема статуса Тибета не обсуждается и суверенитет Китая над Тибетом – это исторический факт [Shakya, 1999, с. 66]. Тибетская делегация в полной мере убедилась в невозможности настаивать на независимости Тибета. Ей оставалось лишь добиваться наиболее выгодных условий Соглашения с Китаем.

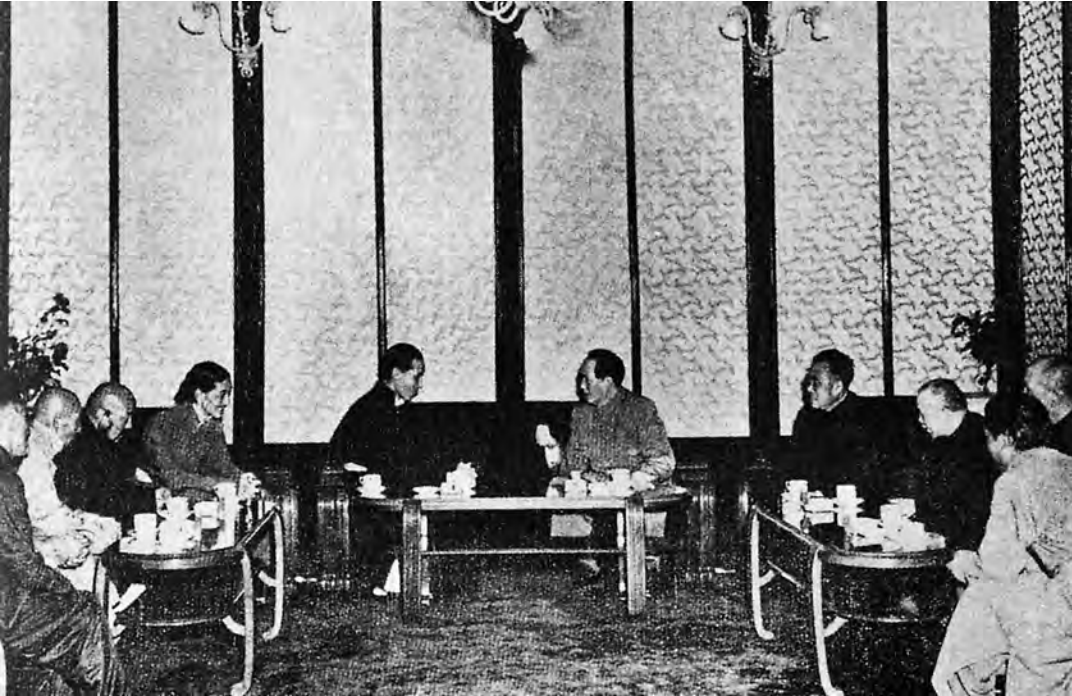
В последующие встречи обсуждались конкретные статьи Соглашения, которые в сущности свелись к обсуждению китайской позиции и окончились подписанием 23 мая «Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета» [Текст по приложению к Xizang zizhiqū gaikuang, 1984, с. 626–629].

Содержание Соглашения:

Преамбула.

Тибетская нация является одной из наций с длительной историей в пределах Китая, и так же, как и другие многочисленные нации, исполнила свой высокий долг в создании и развитии великой Родины. Однако в последние 100 с

¹⁸ Шакья в своей работе, ссылаясь на Лхаутару, пишет, что Нгабо открыто заявил, что Тибет – независимая страна и отношения между Китаем и Тибетом – это отношения светского патрона и религиозного наставника. В китайском варианте воспоминаний Лхаутары такого заявления нет. Нет этого и в воспоминаниях самого Нгабо. По Сампо, тибетская сторона письменного заявления своей позиции не представляла.

Второй день переговоров по «мирному освобождению» Тибета

лишним лет силы империализма проникли в Китай, а следовательно, проникли и на территорию Тибета, распространяя разного рода ложь и провокации. Реакционное правительство Гоминьдана, равно как и предыдущие реакционные правительства, продолжало осуществлять по отношению к тибетскому народу политику подавления и национальной вражды, что привело к возникновению внутри тибетской нации раскола и отсутствия сплоченности. Тибетское местное правительство, со своей стороны, не оказало сопротивления обману и провокациям империализма и приняло непатриотическую по отношению к великой Родине позицию. Эти обстоятельства ввергли тибетскую нацию и тибетский народ в пучину рабства и лишений. В 1949 г. в освободительной войне китайского народа в рамках всего государства была одержана победа, разбит общий внутренний враг всех национальностей – реакционное правительство Гоминьдана, изгнан общий внешний враг всех национальностей – агрессивные империалистические силы. На этой основе было провозглашено создание Китайской Народной Республики и Центрального народного правительства. Центральное народное правительство на основании Общей программы, принятой Народным политическим консультативным советом Китая, провозгласило, что все национальности в пределах Китайской Народной Республики равны, что они будут осуществлять сплочение и взаимную помощь, бороться против империализма и общих внутренних врагов народов всех национальностей, с тем чтобы Китайская Народная Республика стала великой семьей дружбы и сотрудничества всех национальностей. В великой семье всех наций Китайской Народной Республики во всех районах проживания нацменьшинств будет осуществляться национальная автономия, все национальные

меньшинства получают свободу развивать собственные языки и литературу, сохранять или преобразовывать обычаи, традиции и вероисповедание, а Центральное народное правительство будет помогать нацменьшинствам в деле развития своей политики, экономики, культуры и образования. С тех пор все национальности страны, кроме Тибета и Тайваня, обрели освобождение. Под единым руководством Центрального правительства и непосредственным руководством высших эшелонов народного правительства каждое нацменьшинство в полной мере обрело права на национальное равенство, осуществило или осуществляет национальную районную автономию. Для того чтобы успешно уничтожить влияние империалистических сил на Тибет, завершить объединение территорий и суверенитет КНР, защитить границы, помочь тибетской нации и тибетскому народу обрести освобождение, вернуться в великую семью Китайской Народной Республики и вместе с другими национальностями страны пользоваться равными правами национального равенства, развивать свою политику, экономику, культуру и образование, Центральное народное правительство отдало приказ Народно-освободительной армии войти в Тибет, уведомило местное тибетское правительство о [необходимости] отправки в центр делегации на проведение переговоров по заключению Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета. В последней декаде апреля 1951 г. в Пекин прибыла полномочная делегация тибетского местного правительства. Центральное народное правительство сразу же назначило полномочных делегатов, которые провели в дружественной атмосфере переговоры с полномочными делегатами местного тибетского правительства. В результате переговоров стороны заключили данное Соглашение и гарантировали его исполнение.

1) Тибетский народ должен сплотиться и изгнать из Тибета империалистические силы, тибетский народ должен вернуться в великую семью Родины – Китайскую Народную Республику.

Пункт 1 Соглашения поставил точку на фактической независимости Тибета. Впервые за всю свою историю Тибет формально признавал над собой суверенитет Китая. Тибетская делегация не возражала, поскольку надеялась на то, что внутренняя администрация будет целиком находиться в руках тибетцев.

2) Тибетское местное правительство должно активно содействовать Народно-освободительной армии по вступлению в Тибет и охране государственных границ.

Этот пункт вызвал самые большие возражения тибетцев. Тибетская делегация ожесточенно протестовала против этого пункта, пыталась доказать, что в Тибете нет империалистических сил. Тибетцы даже говорили, что если в будущем империалистические силы будут угрожать Тибету, то они сразу же попросят помощи Центрального правительства [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 146]. Видя противодействие тибетской стороны, китайцы предложили прервать переговоры на два дня, предложив тибетской делегации отдохнуть и осмотреть достопримечательности. Лхаутара пишет, что он был чрезвычайно обеспокоен, поскольку опасался, что китайцы, воспользовавшись перерывом, отдадут приказ войскам продолжить марш на Тибет и захватят власть [Tudan Danda, 2001, с. 315]. Нгабо в своих воспоминаниях пишет, что Кашаг категорически отказывался давать согласие на ввод войск в Тибет. «Получив теле-

грамму [с отказом], мы, пятеро делегатов и сопровождающие работники (зять Далай-ламы Пэнцо Чжаси (Пунцог Таши), Цзиньчжун Цзяньцан Пинцо и Сандо Жэньцин (Сандуй Ринчен)), посоветовавшись, решили, что если не согласиться на ввод НОАК в Тибет для охраны границ, Соглашение не будет подписано; мы уже признали, что Тибет не будет независимым, такой большой вопрос уже решен, остальные суть малые. Поэтому все решили: будем подписывать в этом виде!» [Apei Awang Jinmei, 2001, с. 299]. Далее он пишет, что, согласившись на ввод войск, они потребовали от китайцев внести в Соглашение дополнительный пункт о том, что в случае, если Далай-лама не признает по причине ввода войск Соглашение, то ему будет позволено уехать за границу на 4–5 лет, при этом его положение будет сохранено. Представители Пекина согласились, но только в виде приложения к Соглашению¹⁹. Споры продолжались, однако ввод войск был предрешенным делом, и тибетская делегация была вынуждена уступить. Вопрос возник также по поводу понятия «местное правительство». Но поскольку в пункте по-прежнему употреблялось само слово «правительство», делегация сочла, что новый статус Тибета не будет кардинально отличаться от старого [по: Goldstein, 1989, с. 765].

3) Согласно национальной политике, изложенной в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая, под единым руководством Центрального народного правительства тибетский народ будет осуществлять право на национальную районную автономию.

Состоялась небольшая дискуссия по поводу значения районной автономии, но больших возражений данный пункт не вызвал [там же, 766].

4) Центральные власти не будут менять существующую политическую систему Тибета. Центральные власти также не будут менять статус, функции и полномочия, закрепленные за Далай-ламой. Чиновники разных рангов будут занимать свои места как прежде.

Тибетцы были согласны с этим пунктом.

5) Сложившиеся статус, функции и полномочия Панчен-Эрдэни будут сохранены.

6) Под сложившимися статусом, функциями и полномочиями Далай-ламы и Панчен-Эрдэни имеются в виду статус, функции и полномочия Далай-ламы XIII и Панчен-Эрдэни IX в период дружественных между ними отношений.

Окончательная редакция этих пунктов была сделана в самом конце переговоров. Панчен-лама прибыл в Пекин до их начала, и китайские власти настаивали, чтобы делегация утвердила Панчен-ламу. Нгабо заявил, что у него нет полномочий утверждать лам, тем более высших иерархов, он телеграфи-

¹⁹ Речь Нгабо снабжена тремя поправками. В поправке 2-й читаем: «В приложении к Соглашению написано: «Центральное правительство разрешает Далай-ламе в первый год осуществления местным тибетским правительством Соглашения при некоторой необходимости самому выбрать место жительства». В речи сказано «разрешается Далай-ламе поехать за границу на 4–5 лет посмотреть», это не точно». Т. е. секретная часть Соглашения в виде приложения к нему все-таки не предусматривала гарантий для Далай-ламы в случае его отказа принять договор.

ровал в Ятун и предложил тибетскому правительству официально признать Панчен-ламу, что тибетское правительство и сделало срочным порядком. Однако пункт о включении в Соглашение ссылки на Панчен-ламу вызвал наиболее упорное противодействие со стороны Нгабо, о чем будет сказано ниже.

7) Будет осуществлена политика свободы вероисповедания, определенная Общей программой Народного политического консультативного совета Китая, религиозные верования, традиции и обычаи тибетского народа получают уважительное отношение, ламаистские монастыри получают защиту, центральные власти не будут менять доходы монастырей.

Лхаутара пишет, что он как чиновник-монах сделал немало предложений по поводу религии, монастырей и их доходов, с которыми центральные власти были полностью согласны. Поэтому этот пункт был принят тибетской делегацией с удовлетворением.

8) Тибетские войска будут постепенно преобразованы в Народно-освободительную армию и станут вооруженной частью национальной обороны Китайской Народной Республики.

Вопрос о будущем тибетской армии вызвал сильные возражения тибетской стороны и поэтому был обсужден в деталях. Китайцы пошли на компромисс, но только на условии, что детали будут прописаны не в Соглашении, а в секретном к нему приложении, согласно которому трехтысячный полк Гья-цзон будет сохранен, в то время как остальные тибетские части будут расформированы.

9) Язык, письменность и школьное образование тибетской национальности будут постепенно развиваться в соответствии с конкретной обстановкой в Тибете.

10) В соответствии с конкретной обстановкой в Тибете сельское хозяйство, скотоводство, промышленность и торговля будут постепенно развиваться, жизнь народа улучшится.

Данные пункты возражений не вызвали.

11) Что касается различных преобразований, то со стороны центральных властей не будет никакого принуждения. Местное тибетское правительство должно проводить реформы добровольно, если народ потребует проведения реформ, то [вопрос] должен быть решен посредством консультаций с тибетскими руководителями.

Согласно Сампо, наибольшие возражения вызвал именно этот пункт (по Нгабо и Лхаутаре – ввод войск). Во время обсуждения китайская сторона обещала, что их правительство не будет форсировать проведение реформ и гарантирует сохранение традиционной системы, после чего возражения были сняты [Goldstein, 1989, с. 768].

12) Относительно бывших проимпериалистических и прогоминьдановских чиновников, то если они решительно порвут связи с империализмом и Гоминьданом, не будут вредить и сопротивляться, могут по-прежнему продолжать исполнение служебных обязанностей, их ошибки будут прощены.

13) Вошедшая в Тибет Народно-освободительная армия Тибета будет соблюдать все пункты вышеизложенной политики, также будет справедливо покупать и продавать, не возьмет у народа самовольно ни иглы, ни нитки.

Эти пункты были приняты.

14) Центральное правительство будет централизованно осуществлять все внешние дела тибетского региона, будет мирно сосуществовать с соседями, устанавливать и развивать торговые взаимоотношения на основе равенства, взаимной выгоды и уважения территориальной целостности и суверенитета.

Этот пункт был принят неохотно.

15) В целях обеспечения исполнения данного Соглашения Центральное народное правительство организует в Тибете Военно-политический комитет и Военно-окружной штаб, в которых, кроме служащих, посланных Китайским народным правительством, настолько, насколько возможно будут вовлекаться в работу местные тибетские служащие.

Местные тибетские служащие, участвующие в Военно-политическом комитете, должны включать в себя патриотические элементы местного тибетского правительства, всех районов и всех главных монастырей; представители, назначенные Центральным народным правительством, должны после консультаций со всеми соответствующими сторонами представить список лиц и ходатайствовать перед Центральным народным правительством об их назначении.

Этот пункт вызвал открытое возмущение тибетцев. На вопрос Лхаутары о функциях этого комитета Ли Вэйхань заявил, что комитет будет отвечать за исполнение Соглашения и решать все важные политические и военные вопросы. Лхаутара в ответ заявил, что это противоречит пункту о гарантиях статуса Далай-ламы и сохранения существующей политической системы. На что Ли Вэйхань в раздражении сказал: «Вы что, показываете сжатый кулак коммунистической партии? Если вы не согласны, то вы можете уйти, когда пожелаете. Вам выбирать, будет ли Тибет освобожден мирно или с помощью силы. Стоит всего лишь послать телеграмму НОАК – и марш на Тибет будет возобновлен» [цит. по: Shakya, 1999, с. 67]²⁰.

Пунцог Вангьял позже раскрыл подробности этого драматического инцидента. До того как поднять вопрос на заседании, Ли Вэйхань пригласил Нгабо и Пунцог Вангьяла в свои апартаменты, где он изложил им суть этого пункта. Он объяснил им необходимость создания Военно-политического комитета, который должен был стать административным офисом Центрального правительства в Тибете. Главой комитета должен был стать Далай-лама, а его заместителями – китайский представитель и Панчен-лама. Нгабо ничего не сказал в ответ на предложение Ли Вэйханя и, извинившись, ушел. Через три дня, думая, что у тибетцев было достаточно времени обсудить этот пункт, Ли Вэйхань созвал собрание. Но как только он начал обсуждение пункта, тибетская делегация взорвалась от гнева. Тибетцам было по душе Соглашение в том виде, в каком они его понимали, а именно: будет сохранено традиционное правитель-

²⁰ Ц. Шакья приводит слова Ли Вэйханя без ссылки. Поскольку этот же эпизод описан и у М. Голдстейна, то, следовательно, является свидетельством Сампо. Ц. Шакья говорит, что эпизод подтверждает Такла, а в мемуарах Лхаутары он отсутствует.

ство Далай-ламы. Услышав о создании Военно-политического комитета, они резонно заключили, что он будет подрывать тибетское правление. Пунцог Вангьял слышал, как Кхеме прошептал: «Это дикость. Эти переговоры никогда не закончатся. Это плохо». Было очевидно, что делегаты впервые об этом слышат. Пунцог Вангьял подумал, что Ли Вэйхань как раз собирается спросить делегатов о результатах обсуждения этого вопроса с Нгабо. Но Лхаутара не дал ему сказать. Взбешенный, опустив рукава и потрясая кулаком, он произнес: «Что с вами происходит, люди? Каждый день что-нибудь новое приходит от Центрального правительства. Целые недели мы обсуждали всяческие вопросы и сейчас, когда все думали, что дело наконец завершается, вы преподносите нам такое!» Нгабо ничего не говорил и сидел молча. Другие же продолжали высказывать гневные замечания, в итоге вышел из себя и Ли Вэйхань. Без обиняков он заявил: «Раз вы так считаете, то можете собираться и ехать домой». Пунцог Вангьял пишет, что Ли Вэйхань под своими словами конечно же имел в виду «освобождение» Тибета силами НОАК. Когда ситуация практически вышла из-под контроля, Пунцог Вангьял попытался всех успокоить. Он сказал, что сегодня все рассердились и Ли Вэйхань просит всех вернуться в гостиницу, чтобы обсудить все потом в спокойной обстановке.

Китайская делегация, как пишет Пунцог Вангьял, была застигнута врасплох, и не только из-за того, что полагала вопрос уже обсужденным тибетскими делегатами с Нгабо, но также из-за того, что не предвидела особых возражений по поводу этого пункта. Военно-политические комитеты были учреждены по всей стране, и, казалось, что для Тибета не предлагается ничего особенного. После инцидента Пунцог Вангьял пошел к тибетским делегатам и попытался их успокоить. Он разъяснил им, что комитет не будет подрывать власть Далай-ламы, а только будет представлять Центральное правительство. Делегаты были очень удручены и разгневаны, но в конце концов согласились с его доводами. Китайские же представители приготовились к худшему. Когда Пунцог Вангьял пришел к Ли Вэйханю, последний сразу же спросил его: собираются ли ваши люди обратно? Пунцог Вангьял рассказал ему подробности своей встречи с тибетцами, Ли Вэйхань сначала не поверил, а потом выразил огромное облегчение. Тут же взяв телефон, он позвонил Мао Цзэдуну и сказал: «Пунван только что сообщил мне, что проблема решена. Мы можем продолжить переговоры с тибетской делегацией завтра». Пунцог Вангьял мог слышать голос Мао, который не мог скрыть радости по поводу нового оборота дела. Что касается Нгабо, то Пунцог Вангьял считает: руководитель тибетской делегации не сообщил о своей встрече наедине с китайцами из-за боязни еще больших подозрений в свой адрес. Как говорит Пунцог Вангьял, он чувствовал себя героем, когда Соглашение было в конце концов подписано, поскольку искренне полагал, что оно пойдет на пользу Тибету. И китайцы, и тибетцы были от души признательны Пунцог Вангьялу за его усилия. На банкете в честь подписания Соглашения Кхеме ему сказал: «Пунван-ла, когда мы приехали и узнали, что Вы будете участвовать в обсуждениях, мы были очень озабочены, так как знали, что давным-давно тибетское правительство изгнало Вас из Тибета. Мы не знали, чего ждать. После месяца дискуссий мы изменили свое мнение. Я достаточно знаю китайский, чтобы понять: когда Ли Вэйхань

на самом деле сказал нам отправляться домой в Тибет, Вы перевели, что нам следует возвратиться в гостиницу. Мы понимаем Ваши усилия, которые Вы сделали для работы на переговорах. Вы внесли самый большой вклад в дружбу между Тибетом и Китаем» [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 152–153].

16) Необходимые расходы на Военно-политический комитет, Военно-окружной штаб и вошедшую в Тибет Народно-освободительную армию несет Центральное народное правительство. Местное тибетское правительство должно помогать Народно-освободительной армии в купле-продаже, провозе продовольствия, фуража и удовлетворении других ежедневных потребностей.

Пункт был принят.

17) Настоящее Соглашение незамедлительно входит в силу сразу после подписания и скрепления печатями.

Это был важный пункт, означавший, что тибетская делегация имеет абсолютные полномочия своего правительства по заключению Соглашения. На самом деле Нгабо не имел полномочий принимать важные решения без консультаций с правительством и Далай-ламой. Как глава делегации, он с согласия других членов взял всю полноту ответственности на себя и на неоднократные вопросы китайской стороны, имеет ли он такие полномочия, отвечал утвердительно. В итоге тибетская делегация согласилась подписать Соглашение.

Оставалось закончить приложение к Соглашению²¹. Оно содержало пункты о медленном роспуске тибетской армии, кроме трехтысячного контингента, создании тибетской полиции, постепенном прекращении хождения тибетских денег и, самое главное, гарантиях для Далай-ламы в случае его пожелания жить вне Тибета. По Нгабо и Сампо, центральные власти согласились на то, что Далай-лама может по желанию жить за границей и его статус и полномочия будут в этом случае сохранены. На самом деле в приложении написано только следующее: «Центральное правительство разрешает Далай-ламе в первый год осуществления местным тибетским правительством Соглашения при некоторой необходимости самому выбрать место жительства».

Когда тибетцы были готовы подписать Соглашение, возникло еще одно непредвиденное обстоятельство. Ли Вэйхань заявил, что вопросы между Центральным и местным правительством разрешены и остается только внутритибетская проблема Панчен-ламы. Хотя она была уже решена и тибетское правительство официально признало нового Панчен-ламу, китайцы хотели во что бы то ни стало включить в Соглашение ссылку на него, однако Нгабо категорически отказывался обсуждать это. Он заявил, что Тибетское правительство дало ему полномочия обсуждать вопросы взаимоотношений Центрального и местного правительств, но не статуса Панчен-ламы. Он пишет: «Тем не менее центральные власти настаивали на том, что не обсудить этот вопрос никак нельзя, а также заявили: если ваш внутренний вопрос не будет решен, то Соглашение из 17 пунктов также не будет подписано. На это я так же твердо ответил: хорошо, не будет подписано, так не будет». Членам своей делегации

²¹ Содержание секретного приложения было изложено Сампо и подтверждено Такла. Оно упоминается также Нгабо.

он сказал: «Соглашение не будет подписано, возвращайтесь в Тибет» [Apei Awang Jinmei, 2001, с. 301]. Переговоры были приостановлены на несколько дней. Затем член китайской делегации Сунь Чжюань пришел к Нгабо в отель вместе с переводчиком Пин Ваном²². Вопрос обсуждали до самого вечера, после чего Сунь Чжюань предложил формулировку пункта 6-го Соглашения, на что Нгабо наконец дал согласие. Так в Соглашение вошли пункты 5-й и 6-й.

Тибетская делегация подписывает Соглашение из 17 пунктов

В конце переговоров китайская сторона спросила членов тибетской делегации, есть ли у них печати, чтобы скрепить Соглашение. Хотя у Нгабо и была печать губернатора Кхама, все ответили, что печатей у них нет. Тогда китайцы предложили изготовить печати в Пекине, на что тибетцы согласились. На них стояло лишь имя члена делегации. Этими печатями и было скреплено Соглашение. Этот факт подтверждают все члены тибетской делегации. Таким образом, получившая распространение история о подделке печатей является недостоверной.

23 мая китайская и тибетская делегации подписали окончательную версию Соглашения.

²² Баба Пунцог Вангьялом, или Пунваном.

Полномочные делегаты Центрального народного правительства:

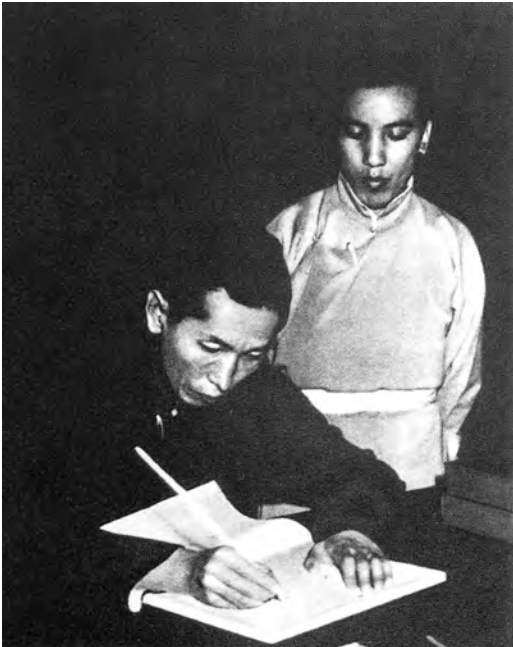
Главный представитель Ли Вэйхань,

Представители: Чжан Цзинъу, Чжан Гохуа, Сунь Чжюань;

Полномочные представители местного тибетского правительства:

Главный представитель Апэй Аван Цзиньмэй (*Нгабо Нгаван Чжигмэ*),

Представители: Каймо Соань Вандуй (*Кхеме Сонам Вандуй*), Тудань Даньда (*Тубтэн Дандар*, или *Лхаутара*), Тудэн Лемэн (*Тубтэн Легмон*), Сампо Дэнцэн Дуньчжу (*Сампо Тэндзин Дондун*) [текст Соглашения по: Непинг jiefang, 2001, с. 89–92].

Глава тибетской делегации
Нгабо Нгаван Чжигмэ подписывает
Соглашение из 17 пунктов

На следующий день после подписания Соглашения делегация встрети-лась с Мао Цзэдуном. Он произнес речь, в которой заявил: «Сейчас силы под руководством Далай-ламы и Пан-чен-ламы сплотились с Центральным народным правительством. Это было достигнуто только после того, как китайский народ сверг империалистов и внутренних реакционных правителей. Это сплочение – братское, а не такое, когда одна сторона угнетает другую. Это сплочение – результат совместных усилий всех сторон. Сегодня на основе этого сплочения все наши национальности будут двигаться к прогрессу во всех областях политики, экономики, культуры и т. д.» [Zhong-gong Xizang, 1995, с. 28–29].

В то время как тибетская делегация

готовила телеграмму в Ятун с подробным отчетом о переговорах, Пе-кинское радио 26 мая объявило о Мирном соглашении

между Центральным правительством Китая и местным тибетским правительством. Последнее узнало об этом вместе со всем миром, поскольку телеграмма в Ятун пришла с опозданием. Известия шокировали членов Кашага. Далай-лама писал, что Соглашение «превзошло самые худшие их ожидания» [Dalai Lama, 1985, с. 88]. Тибетское правительство в ответной телеграмме членам своей делегации указало, что Тибет вследствие Соглашения потерял все свои права, а также выразило упрек своим представителям за то, что они самоуправно заключили Соглашение, в то время как были обязаны испрашивать указания по всем вопросам. Им велели отправить полный текст приложения к Соглашению и дожидаться ответа в Пекине [Tudan Danda, 2001, с. 317]. По этому поводу Лхаутара пишет: «Получив телеграмму мы очень рассердились, поняв, что Кашаг в решении вопросов совершенно оторвался от реальности. К тому же, в то вре-

мя, для того чтобы отправить телеграмму из Пекина в Ятун, нужно было переправлять ее через Индию, на ответ требовалось очень много времени; Кашаг всегда затягивал с принятием решений, и если по каждому вопросу испрашивались бы указания, то неизвестно, в каком году и каком месяце Соглашение было бы подписано. Поэтому мы так же решительно телеграфировали: телеграфная связь с Ятуном неудобна, невозможно по каждому случаю испрашивать указаний; приложение к Соглашению касается государственных тайн, поэтому мы не можем телеграфировать, а только можем привезти с собой. Если Кашаг не согласен с Соглашением, то пусть пошлет других людей в Пекин на переговоры, мы же, по первоначальному плану, собираемся вернуться в Тибет» [там же].

Тибетские делегации вернулись в Тибет двумя группами. Нга-бо должен был ехать наземным путем через Чамдо, так как китайцы особо опасались за его безопасность, чтобы позволить ему ехать через третью страну. С ним отправился и Тубтэн Легмон. Оставшиеся трое возвратились через Индию. С ними отправился в Тибет новый центральный представитель – Чжан Цзинъю.

Соглашение в том виде, как оно было подписано, означало несомненную победу Пекина. Тибет впервые в своей истории признал над собой суверенитет Китая. Соглашение стало легальной основой, обеспечивающей Китай механизмом постепенной интеграции Тибета в составе КНР. Тибетская делегация считала, что она

сделала все возможное для того, чтобы избежать прямого вооруженного вторжения и сохранить политическую систему, статус Далай-ламы, религию и культуру. Обнародование Соглашения всему миру избежало острой международной критики именно по причине его «мирного» характера. Но, несмотря на широкую международную огласку Соглашения, окончательное утверждение оставалось за Далай-ламой и его правительством, так как Нгабо не имел абсолютных полномочий подписывать Соглашение от лица верховной власти Тибета.

Глава тибетской делегации
Нгабо Нгаван Чжигмэ подносит хадак
и подарки Мао Цзэду, 24 мая 1951 г.

Китайские и тибетские чиновники на банкете в честь празднования подписания «Соглашения о мирном освобождении Тибета»
 Слева направо, передний ряд: Нгабо, Ландун, Чжан Гохуа, Рамба, Лхалу, Рагашар;
 средний ряд: неизвестный, Чикьяб Кенпо Нгаван Намгьял, Тактра Дзаса, Домбор, Кхеме Дзаса, Хорсур Дзаса, неизвестный;
 верхний ряд: неизвестный, Кабшоба, Сампо, Дзаса Гьетхакпа, Люшар, Лобсан Самтэн, Царон, неизвестный

3. После подписания Соглашения

Итак, Соглашение было подписано, и тибетская делегация двумя группами вернулась в Тибет. Тибетская правящая элита была в целом единодушна в своем недовольстве условиями Соглашения. Однако она разделялась, как и прежде, на два лагеря: тех, кто был категорически против Соглашения, настаивал на его денонсировании и эмиграции Далай-ламы, и тех, кто выступал за принятие Соглашения и возвращение Далай-ламы в Лхасу. Первую партию возглавляли Пхала Тубтэн Водэн, Суркхан Ванчэн Гэлэк, Тричжан Лобсан Еше, Цепон Намселин. Ее поддерживали Шакабпа и семья Далай-ламы в лице его старшего брата Тубтэна Норбу (Такцер Римпоче). Вторую партию составляла наиболее влиятельная часть тибетского общества – все главные чиновники-монахи, настоятели трех главных монастырей, наставники Далай-ламы, оба премьер-министра и др.

Партия противников соглашения с Китаем по-прежнему пыталась добиться международной поддержки Тибета. Надежда на такую поддержку, несмотря на нежелание Индии и Англии вмешиваться в тибетские дела, пришла со

стороны Соединенных Штатов Америки²³. Это было время разгара холодной войны, и правительство США пользовалось любой возможностью противодействия новому коммунистическому руководству Китая.

В марте 1951 г., в то время как тибетская делегация была на пути к Пекину, Генрих Харрер²⁴, встретился в Индии с послом США Лойем Гендерсоном и рассказал ему о ситуации в Тибете и его юном правителе Далай-ламе. Лой Гендерсон в свою очередь написал письмо директору Госдепартамента по делам Южной Азии Мэтью, в котором предлагал направить Далай-ламе письмо с предложением немедленной эмиграции на Цейлон или в другую страну. Письмо было отправлено без каких-либо ссылок на американское правительство. 21 мая Далай-лама подтвердил получение письма и отложил ответ, так как в Пекине в это время проходили переговоры. В Индии Шакабпа и Джигмэ Тарин встретились с первым секретарем американского посольства в Дели Фразером Вилкинсом. Они рассказали ему о ходе переговоров и спрашивали совета, что следует предпринять в случае, если переговоры сорвутся. Шакабпа также рассказал американскому дипломату, что Далай-лама не хочет принимать китайские условия и готов покинуть Тибет, если китайцы будут настаивать на своих условиях. Тибетцы задали Вилкинсу ряд вопросов о состоянии тибетской проблемы в ООН, характере американской помощи, статусе Далай-ламы, в котором его будут принимать, если он попросит убежища в США, и проч. Американское посольство направило вопросы Госсекретарю с рекомендациями от Гендерсона, которые сводились к следующим пунктам: США считают, что обращение Тибета в ООН по-прежнему имеет смысл; США считают, что Тибету лучше всего в первую очередь обратиться к Цейлону за разрешением въехать в страну; США готовы предоставить Далай-ламе и ста его приближенным убежище, его будут принимать как высокое религиозное лицо и главу автономного тибетского государства; США по-прежнему готовы предоставить Тибету военную помощь и проч.

США попытались вновь пробудить интерес Индии и Великобритании к тибетскому вопросу. Но Индия по-прежнему не желала вмешиваться в тибетские дела. Баджпай, Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Индии, на вопрос сотрудника американского посольства Стира об отношении Индии к заявлению из Пекина ответил: «Правительство Индии считает, что на протяжении веков китайское влияние и контроль в Тибете колебались в зависимости от силы действующего режима. Слабые китайские правительства теряли практически все свое влияние, сильные правительства его восстанавливали... Неизбежно, что настоящее китайское правительство возьмет контроль над Тибетом, и индийское правительство ничего не сможет сделать в этом случае»²⁵. Госдепартамент также обратился к Великобритании, что они не должны более «потакать Индии и должны быть готовы к ухудшению отношений в

²³ Документы, свидетельствующие о тесных взаимоотношениях между Тибетом и Америкой в период 1950–1951 гг., опубликованы в *Foreign Relations of the United States; 1949. Vol. IV: The Far East; China*, далее как FRUS.

²⁴ Австрийский альпинист, 7 лет проживший в Тибете и сблизившийся с Далай-ламой.

²⁵ FRUS. 1951. Vol. VII. Pt. 2.

случае принятия решительных действий, которые могут быть оправданы потребностью отразить агрессию»²⁶.

Американцы стали действовать, не обращаясь более к Индии и держа от нее в секрете свои переговоры с тибетцами. Сотрудники посольства в качестве туристов ездили в Калимпонг на встречи с Шакабпой и другими тибетскими чиновниками. Позиция США в тибетском вопросе, которую американские сотрудники пытались донести до Шакабпы, состояла в следующем: США готовы оказать помощь Тибету в обращении к ООН. Однако Тибет должен сам обратиться за поддержкой к Великобритании, Индии, Пакистану, Франции и СССР. США готовы оказать поддержку в обеспечении малого количества легкого вооружения в зависимости от ситуации в Тибете и позиции Индии. Подчеркивалось, что США могут оказать действенную помощь только в том случае, если тибетцы внутри Тибета открыто заявят, что они желают сопротивляться и политическими, и военными мерами. Соглашение тем временем было уже подписано. Тибетская сторона в лице Шакабпы продолжала уверять американцев, что Далай-лама не намерен принимать Соглашение и хочет покинуть страну. Тибетцы также говорили, что не могут оказать сопротивления, пока не убедятся в поддержке со стороны США, и что официальный отказ принять Соглашение может быть сделан только после эмиграции Далай-ламы.

16 июня американцы уведомили английское правительство о том, что Далай-лама не принимает Соглашение, собирается покинуть Тибет и публично отказаться от договора, а также организовать сопротивление и обратиться в ООН за решением тибетской проблемы. Английская сторона выразила большие сомнения по поводу достоверности американских сведений. Она продолжала настаивать на том, что Тибету не следует оказывать никакой поддержки, пока своего решения не примет Индия. Английский верховный комиссар Нье (Nye) на встрече с сотрудником американского посольства Стиром говорил, что в случае различия позиций Индии и США Великобритания «будет склоняться в этом вопросе, скорее, на сторону Индии, нежели США».

Тем временем представители китайского правительства и тибетская делегация находились на пути в Тибет. Шакабпа поставил тибетское правительство в известность об американских предложениях. Далай-лама и Кашаг в Ятуне стояли перед необходимостью срочно принять решение. Однако они не решались принять предложение американской стороны, не заслушав отчет своих представителей о заключении Соглашения. Безрезультатные переговоры между американцами и тибетцами продолжались, а Кашаг и к концу июня не мог решить, следует ли ему расторгнуть договор или пытаться работать с китайцами. Между тем китайские и тибетские делегаты прибыли в Калькутту. Американцы медленно, но осознали, что позиция тибетской стороны, озвученная представителями партии оппозиционеров Соглашения, не является единственной. Поэтому они решили напрямую обратиться к Далай-ламе. Письмо, как и раньше, было без адресата и подписи. То, что это письмо от правительства США, должно было быть сказано его доставителем устно. Текст письма:

Мы посылали Вам два месяца назад письмо об опасности китайских коммунистов. Некоторые из ваших советников, возможно, думают, что они знают ки-

²⁶ FO (Foreign Office) 371 84469 [цит. по: Shakya, 1999, с. 75].

тайских коммунистов и смогут сторговаться с ними. Мы не думаем, что они понимают коммунизм или речи его лидеров... Ваше Святейшество – главная надежда Тибета. Если китайские коммунисты получают контроль над Тибетом, то Вы больше поможете своей стране, будучи вне Тибета, где Вы будете признанным лидером и будете символизировать чаяния тибетцев на возвращение свободы Тибету.

Мы не знаем, получали ли Вы наше письмо о китайских коммунистах. Мы хотели бы это знать. После отправки предыдущего письма, мы прочитали в газетах, что ваша делегация подписала в Пекине Соглашение с китайскими коммунистами. Мы не верим, что они подписали его с Вашего разрешения, и убеждены, что их к этому принудили. Однако весь мир стал считать, что Вы не возражаете против Соглашения, так как Вы не сделали никаких заявлений на этот счет. Мы считаем, что Вы как можно скорее должны сделать это заявление, так как китайские коммунисты послали делегацию в Ятун через Индию. Если Вы сделаете заявление до того, как они придут в Индию, то китайской делегации будет трудно попасть в Тибет. Если Вы не сделаете такого заявления, мы считаем, что тибетская автономия будет потеряна навсегда.

Единственный доступ в Тибет, который мы имеем, лежит через Индию. Поэтому важно, чтобы Тибет рассказал Индии, что он намерен сейчас делать, и убедить ее помочь или позволить другим странам сделать это. Мы не уверены, но считаем возможным, что Индия разрешит помочь, так как знаем, что многие индийцы опасаются коммунистов близ ее границ, несмотря на то, что она, похоже, в дружеских отношениях с китайскими коммунистами.

Мы желаем помочь сейчас Тибету и собираемся сделать следующее:

1. После того как Вы сделаете заявление, что не принимаете Соглашение, подписанное вашей делегацией с китайскими коммунистами в Пекине, мы сделаем публичное заявление о поддержке вашей позиции.
2. Если Вы решите послать новое обращение в ООН, мы поддержим в ООН вашу просьбу.
3. Если Вы покинете Тибет, мы думаем, что Вам следует искать убежища в Индии, Таиланде или на Цейлоне, в этом порядке, для того чтобы быть ближе к Тибету и иметь возможность оказать сопротивление китайским коммунистам. Хотя мы не консультировались с Индией, думаем, что она позволит Вам въезд, так как говорила, что Вы можете въехать туда в прошлом году. Мы не консультировались с Таиландом и Цейлоном, но спросим их, если Вы сможете приехать и захотите, чтобы мы переговорили с ними.
4. Если Вы покинете Тибет и организуете сопротивление китайским коммунистам, мы готовы послать вам легкое вооружение через Индию. Мы думаем, однако, что вы должны сначала спросить Индию о разрешении посылать оружие из-за рубежа через ее территорию. Если вы сможете организовать сопротивление внутри Тибета, мы также подумаем о том, как организовать вам заем денег на поддержание сопротивления, боевого духа и морального состояния тибетского народа. Это важно в том случае, если Вы почувствуете, что необходимо искать убежища вне Тибета, для того чтобы сохранить или вернуть автономию своей страны. Мы обсудим планы и программы военной помощи и займа денег с Вашими представителями, когда Вы нам сообщите, кто является Вашими представителями.

5. Мы уже сообщили Вашему брату Такцеру Римпоче, что он может ехать к нам в страну, и делаем распоряжения по его отбытию.

Мы намерены все это сделать. Мы отправляли Вам много посланий по этому поводу. Мы не знаем, получали ли Вы их. Поэтому просим Вас ответить по получении этого письма. Также просим Вас послать вашего личного представителя или написать нам, кто из тибетских представителей в Индии пользуется Вашим доверием²⁷.

Считается, что это письмо было доставлено в Ятун 6 июля. Тубтэн Норбу между тем тайно покинул Индию и добрался до Нью-Йорка. Перед отъездом он написал последнее обращение к Далай-ламе с просьбой не признавать Соглашение. Письмо было передано через зятя Далай-ламы Пунцог Таши Такла, имевшего свободный доступ к Его Святейшеству, в то время как Шакабпа такого доступа не имел. Американцы сделали еще несколько попыток убедить Далай-ламу покинуть Тибет вплоть до плана тайного вывоза его за границу. Этот план, предлагавший три способа побега, был направлен

Далай-ламе

17 июля 1951 г.:

1. Выбрать небольшую группу верных сторонников и тихо покинуть с ними [Ятун]. Предполагается выезд ночью, для того чтобы избежать делегаций из главных монастырей и правительства в Лхасе, приехавших убедить Далай-ламу возвратиться в Лхасу.
2. Приказать [в документе имя зачеркнуто] тайно вывезти его в Индию [часть записки уничтожена].
3. Если ни (1), ни (2) невыполнимы, Далай-лама посылает сообщение [имя зачеркнуто] с просьбой [имя зачеркнуто] послать Харрера и Паттерсона²⁸ тайно и переодетыми встретить Далай-ламу близ Ятуна в соответствии с подготовленным планом и привезти его. Детальный план этой операции будет передан через [имя зачеркнуто], но он должен ясно дать понять Далай-ламе, что это может быть принято только как последнее средство²⁹.

М. Голдстейн по этому поводу пишет: «Сама посылка этой операции была абсурдна. Далай-лама находился в Ятуне не как пленник, а вследствие того, что он и большинство его чиновников считали предложение США недостаточно обоснованным. С их точки зрения, США не желали связывать себя с тем, чего они добивались – активной и энергичной дипломатической и военной поддержки для создания независимой страны Тибет, признанной ООН. США были согласны посылать войска в Корею, но даже не желали признать, что Тибет был независимой страной, не говоря уже о вооружении и подготовке тибетцев для партизанской войны в Тибете» [Goldstein, 1997, с. 50]. До сих пор в точности неизвестно, получал Далай-лама это и другие послания или нет. Далай-лама в своей автобиографии лишь подтверждает получение от Генриха Харрера письма, в котором тот настоятельно рекомендует уехать из Тибета [Dalai Lama, 1990, с. 71]. Г. Паттерсон пишет, что Пунцог Таши Такла увез по-

²⁷ FRUS, 793B.00/7-1151, письмо Далай-ламе находится в донесениях американского посольства в Индии Госдепартаменту США, датировано 11 июля 1951 г.

²⁸ Английский миссионер, живший в Восточном Тибете до китайского вторжения.

²⁹ FRUS, 793B.00/7-1751, телеграмма № 52 от Генерального консула США в Калькутте к Госсекретарю от 17.07.1951 г.

следнее послание в Ятун, он вернулся через три дня и сообщил, что Далай-лама возвращается в Лхасу [Patterson, 1990, с. 132].

Борьба между фракциями противников и сторонников Соглашения развернулась с новой силой на собрании тридцати с лишним крупных чиновников тибетского правительства и представителей духовенства, которое должно было решить, возвращаться Далай-ламе в Лхасу или искать убежища в Индии. Собрание было инициировано противниками Соглашения, которые хотели от имени Кашага и всех чиновников подать петицию Далай-ламе с предложением уехать из страны. Первым выступил Цепон Намселин. Он сказал, что Соглашение признает Тибет частью Китая и это согласие было дано без консультаций с правительством, что коммунистам нельзя доверять и необходимо отвергнуть Соглашение до прихода китайской делегации, так как их присутствие будет равносильно признанию его законности [Goldstein, 1989, с. 799]. В ответ на это заявление выступил Труничеммо Чомпэл Тубтэн. Он высказался за Соглашение и сказал: «Посланные нами члены делегации – люди высокого авторитета в Кашаге и Игцзане³⁰, они не могли променять за чашку пива политическую и религиозную власть Тибета. Подписание Соглашения – правильное дело, мы должны его поддержать. Ни в коем случае не следует подавать петицию Далай-ламе, чтобы он уехал» [Tudan Danda, 2001, с. 318]. Чомпэл Тубтэна поддержал Шолкан Дондуп Дорже: «Шакабпа говорил, что в Индии нам будет оказан горячий прием, мы давно уже на пороге Индии, отчего же не видно их действий? Не будет результата, если полагаться на за границу, лучше полагаться на свою страну, надо возвращаться в Лхасу» [там же]. Большинство выступавших были против эмиграции Далай-ламы, так что Намселин оказался в одиночестве, а те, кто его поддерживал, не решались высказываться. Лхаутара пишет, что Намселин был так рассержен, что даже пытался подраться с Чомпэл Тубтэном.

Жизнь за границей без поместий и средств пугала многих. И хотя они боялись и не доверяли китайским коммунистам, но все же надеялись, что условия Соглашения гарантируют сохранение их прежнего образа жизни, поэтому в итоге собрание приняло решение рекомендовать Далай-ламе вернуться в Лхасу. Антикитайская партия сделала последнюю попытку помешать рекомендации собрания. Они стали настаивать на том, чтобы окончательное решение было принято после проведения божественной лотереи. Сосуд с шариками цампы, в которые были вложены листочки с надписями, потрясли перед изображением Палдэн Лхамо. Выпавший шарик содержал листочек, в котором было написано, что Далай-лама должен вернуться в Лхасу. Суркхан и Тричжан Римпоче раскрыли второй шарик, чтобы убедиться в том, что он не содержит идентичную запись. Но подделки не оказалось³¹.

³⁰ Подразделение тибетского правительства, ведающее религиозными делами, в то время как Кашаг ведал светскими.

³¹ Из интервью с Пандела [Goldstein, 1989, с. 801]. Лхаутара пишет, что подделки как раз опасались сторонники Соглашения. Они внимательно следили за действиями Тричжана и Суркхана, и как только выпал шарик с надписью о возвращении в Лхасу, тут же унесли сосуд во избежание повторной процедуры

[Tudan

Danda,

2001,

14 июля китайская делегация во главе с Чжан Цзинъю прибыла в Ятун. Он встретился с Далай-ламой, которому было передано письмо от Мао Цзэдуна и копия Соглашения. Далай-лама сказал Чжан Цзинъю, что даст ответ по поводу Соглашения по возвращении в Лхасу, после того как посоветуется с настоятелями монастырей и чиновниками правительства. Он также сказал, что будет лучше, если обе партии отправятся в Лхасу раздельно, на что Чжан Цзинъю дал согласие. Нельзя не отметить, что тибетцы, несмотря на решение возвращаться в Лхасу, весьма неохотно шли на контакты с китайской стороной. Кроме нежелания вместе прийти в Лхасу это проявлялось в трениях по поводу этикета – где и как полагалось сидеть во время встреч китайского представителя и Далай-ламы, кто должен встречать китайского гостя и т. д. [Xuekang Suolang Tajie, 2001, с. 225]. Натянутые отношения сразу же сложились между Чжан Цзинъю и премьер-министрами Лукханвой и Лобсан Таши. Негативное впечатление о китайском представителе сложилось и у Далай-ламы [Dalai Lama, 1990, с. 78].

Две партии, китайская и тибетская, порознь отправившись в Лхасу, прибыли туда 8 и 17 августа соответственно. Однако премьер-министры и Кашаг продолжали затягивать формальное признание Соглашения еще в течение целого месяца, несмотря на уговоры китайцев и Нгабо. Не совсем понятно, по чьей инициативе и в какой именно день было созвана для окончательного решения вопроса Национальная ассамблея Тибета. Лхаутара пишет, что инициаторами созыва были члены делегации, а Нгабо говорит, что на собрании настаивали премьер-министры [Tudan Danda, 2001, с. 319; Apei Awang Jinmei, 2001, с. 303]. Так это было или иначе, но состоялось собрание Национальной ассамблеи Тибета приблизительно в конце сентября.

На нем присутствовало более 300 чиновников различных рангов и представителей духовенства. По обычаю, министры-калоны не могли присутствовать на собрании. Однако на этот раз Нгабо попросил разрешения выступить на собрании с подробным отчетом об «освобождении Чамдо» и заключении Соглашения. Участники переговоров вошли в зал уже после того, как заседание началось, и были рассажены отдельно от присутствующих. Первым выступал Нгабо. Он в течение часа докладывал о ходе переговоров, а в конце своей речи сказал: «Мы, пятеро, жизнью своих семей и имуществом ручаемся, что Соглашение – в интересах системы Далай-лам, религии и политики Тибета и всего народа. Если же собрание решит, что Соглашение не в интересах перечисленного, то просим наказать нас, что мы не исполнили инструкций и действовали самоуправно» [Tudan Danda, 2001, с. 320]. Он также сказал: «Разве могли центральные власти купить нас? Что дали нам центральные власти? Центральные власти дали мне тогда портрет председателя Мао, кусок атласа, коробку черного чая – и все. Другие делегаты получили еще меньше моего. Могли они меня, Нгабо, купить этими вещами, подумайте, пожалуйста» [Apei Awang Jinmei, 2001, с. 303]. Вслед за Нгабо выступил Лхаутара, сказав, что готов поплатиться жизнью семьи и имуществом в случае, если Соглашение не в интересах Тибета [Tudan Danda, 2001, с. 320]. После своего выступления участники переговоров вышли. После длительной дискуссии Национальная ассамблея приняла решение рекомендовать Далай-ламе одобрить Соглашение, так как оно гарантировало сохранение статуса и власти Далай-ламы и религиозно-

политической системы Тибета. 24 октября Далай-лама направил Мао Цзэдуна телеграмму с официальным подтверждением Соглашения. Текст телеграммы:

В этом году полномочная делегация из 5 человек во главе с каломом Нгабо, направленная тибетским местным правительством, прибыла в конце апреля в Пекин, где провела переговоры с полномочной делегацией, назначенной Центральным народным правительством. Стороны в дружественной обстановке заключили 23 мая Соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета. Тибетское местное правительство, духовенство и весь народ единодушно его поддержали. Под руководством председателя Мао и Центрального народного правительства они активно помогают войскам Народно-освободительной армии войти в Тибет для обороны государственной границы, изгнанию из Тибета империалистических сил, защиты суверенитета и территории Родины.

26 октября в ответной телеграмме Далай-ламе Мао Цзэдун писал: «Благодарю за усилия по исполнению Соглашения по мирному освобождению Тибета и шлю сердечные поздравления» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 35]. Так спустя целых пять месяцев после подписания Соглашения Далай-лама официально признал его. Де-факто независимость Тибета, которой он обладал с 1911 г., кончилась, и он официально стал частью Китая. В последующие несколько месяцев в Тибет вошел многотысячный контингент войск НОАК.

Соглашение из 17 пунктов между правительствами Китая и Тибета стало знаменательным событием в истории сино-тибетских отношений XX столетия. Оно впервые в истории однозначно определило статус Тибета как части Китая, став, таким образом, легальной основой его инкорпорации в состав КНР. Легитимность Соглашения не вызывает сомнения, несмотря на то что оно было подписано и утверждено в значительной мере вопреки воле тибетской стороны и в силу сложившихся обстоятельств. Тибет, кроме независимости, де-факто потерял право ведения внешнеполитическими делами, туда вводились войска и образовывался военный округ. Вместе с тем Соглашение в том виде, в каком оно было подписано, гарантировало сохранение традиционной системы власти, религии и культуры, что, несомненно, являлось его позитивным моментом. Позитивным был также сам факт подписания Соглашения в виде международного договора, что предполагало совершенно отличный статус Тибета от других районов нацменьшинств как отдельного политического и культурного субъекта взаимоотношений (Внутренняя Монголия и Восточный Туркестан таких договоров не имели). Однако, несмотря на позитивные стороны Соглашения, его подписание ознаменовало поражение тибетцев в своей борьбе за независимость, которую начал Далай-лама XIII и которая продолжалась на протяжении сорока лет.

Глава 2

Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951- 1959)

1. Курс «осмотрительного внедрения» (shenzhong wenjin fangzhen)

В июле 1951 г. войска 18-й армии Юго-Западного военного округа во главе с Чжан Гохуа и Тань Гуаньсанем вместе с представителями тибетского правительства на переговорах в Пекине – Нгабо и Кхеме Сонам Вандуем вышли из Чамдо в направлении Лхасы. Преодолев более 2300 км пути и 19 высокогорных перевалов, 9 сентября 1951 г. к Лхасе подошел передо-

вой отряд 18-й армии в количестве более 100 человек под командованием Ван Цимэя. Основные силы прибыли 26 октября. Независимые подразделения 18-й армии Северо-Западного военного округа под командованием Фань Мина и Му Шэнчжуня, вышедшие из Синина, преодолев горные перевалы Куньмина и Тангулашани и северное тибетское плато Чантан, 4 ноября прибыли в Нагчу, а 1 декабря – в Лхасу. Кавалерийское подразделение Синьцзянских войск под командованием Ань Цзымина прибыло в Нгари, а войска Юньнаньского военного округа – в Цзаюл. Так части НОАК, одна за другой, прибыли в Лхасу, Шигацзе и приграничные пункты, основные населенные пункты – Нагчу, Гар, Гьянцзэ, Ятун, Цзаюл [Xizang zizhiq guaikuang, 1984, с. 377]. Говоря словами китайских историографов, «красный флаг был водружен над Гималаями, и было завершено великое дело объединения Родины» [там же]. Прибытие китайских войск сопровождалось грохотом фанфар. Тысячи тибетцев выходили на ули-

Вхождение НОАК в Лхасу,
26 октября 1951 г.

цы смотреть, как китайские войска маршируют по городам и населенным пунктам Тибета. С приходом в Тибет многотысячного контингента войск НОАК в истории Тибета начался новый период сино-тибетских отношений.

ЦК КПК после победы нового строя выдвинул в отношении нацменьшинств курс так называемого «осмотрительного внедрения». В июне 1950 г. ЦК издал директиву с требованием «осмотрительно регулировать национальный вопрос». В ней особо подчеркивалось:

При осуществлении работы с нацменьшинствами необходимо в первую очередь знать конкретную обстановку [выделено мной. – И. Г.] среди национальных меньшинств и, исходя из конкретной обстановки, вырабатывать соответствующий курс работы и конкретные рабочие методы. Необходимо в корне предотвратить механистическое перенесение опыта работы и лозунгов, применяемых в ханьских районах; необходимо полностью запретить осуществление различных политических мероприятий среди нацменьшинств приказными методами, принятыми там [цит. по: Jiang Ping, 1996, с. 2].

В Тибете этот курс принял наиболее ярко выраженный характер и продолжался дольше, чем в других районах нацменьшинств. Китайское руководство, в основном в лице Мао Цзэдуна, реалистично оценивало в начале 50-х гг. ситуацию в Тибете и приняло прагматичную позицию нефорсирования событий, руководствуясь принципами курса «осмотрительного внедрения» и пунктами Соглашения 1951 г. В основе курса лежала политика единого фронта с вождями нацменьшинств, в данном случае с «тибетскими верхами». Мао писал: «В решении всех вопросов в Тибете вы должны в первую очередь думать о национальном и религиозном вопросах, во всей работе нужно быть осмотрительными и умеренными» [там же].

ЦК поставил перед военными две первостепенные задачи: добиться поддержки Далай-ламы и тибетских верхов по обеспечению Соглашения и создать базу обеспечения для снабжения армии, коммуникаций и дорог. Прежде всего китайское руководство намеревалось нанести официальные визиты всем членам правящей верхушки Тибета. Мао Цзэдун лично инструктировал Чжан Гохуа, чтобы тот при встрече с Далай-ламой сделал перед ним простирания. Эта перспектива, конечно, не понравилась Чжан Гохуа и он спросил Мао, не достаточно ли будет с его стороны салюта. Мао, по воспоминаниям Пунцог Вангьяла, немного рассердился и сказал: «Чжан Гохуа, ты испытывал лишения и проливал кровь за революцию. Что ты видишь важного в том, чтобы сделать три простирания перед Далай-ламой?» [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 164]. Но несмотря на приказ Мао, Чжан Гохуа попросил совершить от лица китайской делегации простирания Пунцог Вангьялу, что последний и сделал без всяких проблем. Китайцы посетили всех высших чиновников тибетского правительства, дарили им по рангу дорогие подарки (чай, шелк, парчу и т. д.). Большая часть тибетской аристократии встречала их благосклонно, но старалась при этом не проявлять никаких эмоций. Единственным человеком, показавшим открытую враждебность при первой же встрече, был один из премьер-министров – Лукханва. По воспоминаниям Пунцог Вангьяла, дело происходило следующим образом. Ван Цимэй при встрече сказал что-то ничего не значащее, как-то: «Соглашение из 17 пунктов между центральным правительством и местным тибетским правительством подписано, и сегодня

мы пришли к вам с визитом. Мы хотели бы вручить вам подарки». В ответ же Лукханва разразился гневной тирадой, смыслом которой было то, что раньше между Китаем и Тибетом существовали отношения светского покровителя и духовного наставника и что сейчас имеются два правительства – китайское и тибетское. Он также открыто заявил: «Вы китайцы захватили в прошлом нашу территорию в Дарцеде, а сейчас нагло атаковали нас силой и под предлогом освобождения захватили нашу территорию в Чамдо. Ван Цимэй, во время войны в Чамдо Вы были одним из военных чинов. Люди Вас называли заместителем политкомиссара. Теперь, когда вы разбили наши войска, Вы прибыли в Лхасу в качестве командующего Вана. Но нас тут нелегко подавить. Не говоря уже о других вещах, зерна вашим солдатам не достанется». Пунван пишет, что был шокирован. «Этот взрыв полностью выходил за рамки принятого поведения среди тибетской аристократии. Лхасская элита никогда так не разговаривала друг с другом. Даже ожесточенные враги должны были разговаривать вежливо, как будто были друзьями». Ирония заключалась в том, что Ван Цимэй так и не понял всего, что сказал ему Лукханва, так как переводчик Тарчин смягчил перевод, оставив лишь фразу о правительствах. Позже Пунцог Вангъял сделал замечание Тарчину, и хотя он прекрасно понимал мотивацию Тарчина, тем не менее не мог не сказать, что обязанностью переводчика является точный перевод. После Ван Цимэй переспросил Пунвана, о чем говорил Лукханва. Когда Пунван передал ему смысл слов Лукханвы, Ван Цимэй отметил: «Этот человек – настоящий реакционер. Но он по крайней мере честен и говорит то, что думает. Другие аристократы всегда говорят в лицо хорошие вещи, однако ты никогда не узнаешь, что они думают на самом деле». Пунван был вынужден с ним согласиться [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 161–162].

Действительно, более важной проблемой, с которой столкнулись китайцы, придя в Тибет, оказалось не политическое сопротивление, а размещение и обеспечение продовольствием своих войск. Подразделения 18-й армии, первыми прибывшие в Тибет, насчитывали, по некоторым оценкам, 5 тыс. человек¹. С прибытием все новых подразделений войска увеличились еще в несколько раз. В пастбищах и фураже нуждались тысячи лошадей, яков и верблюдов. Чжан Гохуа в своих воспоминаниях пишет:

В то время передовой отряд, шедший по северному пути, испытывал острейшую нехватку зерна, ели корешки, дикие травы; чтобы утолить голод, убивали даже мышей, лица у товарищей были желтые, кожа да кости, наблюдался всеобщий упадок сил, продвижение вперед зависело только от наполнения желудка [Zhang Guohua, 2001, с. 163].

Помимо продовольствия проблемами стали размещение и обеспечение топливом. Пхала Тубтэн Водэн, чиновник-монах, назначенный тибетским правительством ответственным за размещение китайских войск, вспоминает:

Мы должны были обеспечивать топливо для солдат, но так как их было очень много, не могли удовлетворить их нужды. Солдаты были очень хорошо дисциплинированы. Они стояли в палатках около поля, где было много деревьев, но не срубили ни одного. Они

¹ Китайские источники не дают численности китайской армии в период вторжения. Количество в 5 тыс. дает Ц. Шакья без ссылки на источник [Shakya, 1999, с. 93].

ждали до тех пор, пока мы не принесли им немного дров. В течение двух дней у войск не было никакого топлива для приготовления пищи².

К концу 1950 г. население Лхасы удвоилось³. Обеспечение армии стало не только условием ее выживания, но и легло тяжелым бременем на традиционную тибетскую экономику, ограниченные ресурсы которой могли удовлетворять лишь потребности малого населения Тибета. Наплыв китайцев создал новые возможности быстрого заработка для тибетских торговцев и аристократов, которые стали продавать по спекулятивным ценам земли, жилье и продовольствие. Цены на все товары и услуги сразу же подскочили в несколько раз. Одной из составляющих китайской пропаганды были заявления, что китайцы будут оплачивать за все, что им потребуется. Поскольку китайские деньги не принимали в Тибете, то расчетной единицей служил гоминьдановский серебряный доллар (даянь), который специально отливали в Чэнду. Китайцы щедро платили за все товары и услуги. Получила даже хождение поговорка, что из рук китайцев серебряные монеты льются, словно дождь.

Авангардные войска, посланные в Тибет, в основном строго соблюдали предписанные партией правила поведения. Группы пропаганды в деревнях объясняли, что армия пришла помогать тибетцам и она не собирается изменять традиционный уклад жизни и религию, показывали фильмы о войне против Гоминьдана и Японии, пели песни, исполняли танцы. Высшие кадры давали банкеты правящей верхушке Тибета. В то же время китайские власти начали учреждать свои административные структуры. В январе 1952 г. официально образовался Тибетский рабочий комитет КПК во главе с Чжан Цзиньфу, назначенным секретарем, и его заместителями Чжан Гохуа, Тань Гуаньсанем и Фань Мином. Баба Пунцог Вангьял был единственным членом комитета тибетской национальности. 10 февраля 1952 г. официально учрежден Тибетский военный округ НОАК. Главнокомандующий – Чжан Гохуа, первый заместитель – Нгабо Нгаван Чжигмэ. Также был учрежден Образовательный комитет, большинство членов которого составляли тибетцы.

Несмотря, однако, на все усилия китайцев обратить на свою сторону тибетское население, особенно высшие круги, продолжающийся наплыв китайских войск и вызванные их приходом многочисленные проблемы не могли не вызвать трения. Необходимость решения проблемы обеспечения армии продовольствием заставила Чжан Гохуа пойти на встречу с премьер-министрами, для того чтобы армии были проданы зерновые резервы тибетского правительства. Лукханва при встрече, как вспоминает Чжан Гохуа, тут же заявил: «Командующий Чжан, не правда ли, что голод терпеть труднее, чем поражение в битве?» [Zhang Guohua 2001, с. 167]⁴. Тибетское правительство отказалось продавать китайцам зерно, ссылаясь на его недостаточное количество.

² Из устного интервью, запись которого хранится в Библиотеке тибетских работ и архивов. [цит. по: Shakyu, 1999, с. 93–94].

³ Официальной статистики численности населения в это время нет. Разные авторы называют разные цифры.

⁴ По Лхалу Цеван Дорже, Лукханва сказал: «Плохо проиграть войну, но еще хуже довести людей до голода». См.: SCHT. Vol. 1 (1982). С. 348 [цит. по: Shakyu, 1999, с. 96].

Тем не менее после отказа правительства многие аристократические семьи продавали зерно китайцам [Shakya, 1999, с. 96]. Несомненно, противодействие премьер-министров явно выражало настроения верхов Тибета, Далай-ламы и его окружения. Они настаивали на сокращении численности армии, решительно выступали против создания в Тибете Военно-политического комитета, реорганизации тибетских войск и их последующего слияния с НОАК, которые предусматривались Соглашением из 17 пунктов.

Для того чтобы склонить на свою сторону тибетскую элиту, китайское руководство решило принять участие в подготовке приближающихся празднований Монлама, во время которого в Лхасу ежегодно прибывали тысячи монахов со всех концов Тибета. Был образован специальный комитет, в который вошли представители от крупнейших монастырей и высшие чиновники-монахи. В соответствии с тибетской традицией, во время праздника от имени Далай-ламы и тибетского правительства было принято раздавать пожертвования всем без исключения монахам, присутствовавшим на церемониях, и, по решению китайских властей, было выделено на подношения и чай всем монахам 33 тыс. юаней. Этим они намеревались наглядно продемонстрировать, что не только не противодействуют религии, а, напротив, покровительствуют ей, как это было во времена Цинской династии.

Однако, несмотря на все усилия пропагандистской работы, антикитайские настроения, кроме оппозиции со стороны некоторых членов тибетского правительства, постепенно нарастали во всех слоях тибетского общества. Об этом пишет и китайская сторона, хотя всю ответственность возлагает на «реакционеров» из высших кругов. Так, Чжан Гоху вспоминает:

Для империализма, зарубежных реакционеров и их приспешников это [т. е. «мирное освобождение»] было, вне сомнения, большой трагедией. На обоих берегах реки в Лхасе они разместили войска четырех полков, построили сооружения, расставили пушки, со злобой и гневом кричали о необходимости расторгнуть Соглашение, чтобы с самого начала показать свою силу. Реакционные сплетни целиком и полностью исходили из этих темных углов: «КПК не разрешает верить в буддизм, хочет уничтожить религию, после прихода НОАК Далай-ламу собираются убить, остальных лам утопить в реке, статуи будд в Потале проливают слезы» ... Кроме того, тибетская армия открыто убивала, насиловала и грабила, а чтобы запятнать армию, распространяли сплетни, что это действия НОАК [Zhang Guohua, 2001, с. 166].

Наличие антикитайских настроений беспокоило пекинские власти, которые еще более опасались их всплеска во время празднования Монлама. И действительно, антикитайские плакаты стали появляться на улицах Лхасы. В них китайскую армию называли «врагами веры» (Тэндра) и призывали к борьбе с ней⁵. Ходили слухи об образовании организации под названием «Миман Цзондуй» – народные представители, которая планировала антикитайские демонстрации в Лхасе. Китайские власти были уверены, что действия органи-

⁵ Любопытно, что китайская пропаганда со своей стороны говорит о поддержке НОАК большей частью тибетского народа, которая, по ее словам, называла НОАК не иначе как «бодхисаттвовской армией».

зации были инспирированы группировкой премьер-министров [Xizang zizhiq gaikuang, 1984, с. 379].

31 марта народные представители из близлежащей деревни Чушул прибыли в Лхасу и представили в Кашаг петицию, в которой жаловались на взлет цен из-за прихода НОАК и просили убедить китайцев сократить численность армии до количества времен амбаней. Они также обратились с петицией к Чжан Гохуа, в которой помимо требований сокращения армии содержались пункты о гарантиях сохранения статуса Далай-ламы и религии Тибета. В этот же день свыше тысячи человек окружили дом Чжан Гохуа, требуя ответа на петицию. На следующий день Чжан Гохуа направил тибетскому правительству и Далай-ламе письмо с требованиями срочно принять меры и остановить антикитайские выступления. 1 апреля произошло вооруженное столкновение между китайской охраной дома Нгабо и тибетскими солдатами, пытавшимися, по одной версии, напасть на дом Нгабо, по другой, задержать китайских солдат, воровавших в соседнем саду овощи [Shakya, 1999, с. 106]. Ситуация настолько накалилась, что китайцы начали защищать свои здания мешками с песком, всерьез готовясь к войне. Многие были уверены, что «Миман Цзондуй» при поддержке Лукханвы и тибетской армии готовится к полномасштабной атаке [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 176]. Китайские представители встречались с членами Совета министров, требуя от них остановить протесты, но министры заявляли, что у них связаны руки, так как между ними и Далай-ламой стоит Лукханва.

Центральный комитет КПК знал о ситуации в Тибете из донесений Чжан Гохуа. 6 апреля 1952 г. Мао Цзэдун лично от лица ЦК издал директиву по работе в Тибете.

Из телеграммы Мао Цзэдуна:

Юго-Западному отделению, Тибетскому рабочему комитету, а также Северо-Западному отделению и подразделению Синьцзяна:

Мы в целом согласны с директивами Юго-Западного отделения, Юго-Западного военного округа Тибетскому рабочему комитету и Тибетскому военному округу от 2 апреля и считаем, что основной курс, изложенный в телеграмме (кроме пункта о реорганизации тибетской армии), а также многие конкретные шаги правильны. Только так и делая, наша армия сможет устоять в Тибете и не проиграть.

Обстановка в Тибете отличается от обстановки в Синьцзяне; и в политическом, и в экономическом отношении отличия очень большие. Когда войска Ван Чжэня вошли в Синьцзян, даже тогда все усилия были сначала положены на расчетливость и скрупулезность [в ведении хозяйства], опору на собственные силы, производственное самообеспечение. Сейчас они уже крепко встали на ноги и получили горячую поддержку со стороны нацменьшинств. Сейчас там снижают арендную плату и ссудный процент, осуществляют этой зимой передел земли, и народ еще более нас поддерживает. В Синьцзяне несколько сот тысяч ханьцев, в Тибете же ханьцев практически нет, наша армия сейчас находится в совершенно другом национальном регионе. Только опираясь на основной курс, состоящий из двух пунктов, мы сможем завоевать массы, выстоять и не потерпеть поражения. Первый пункт – это расчетливость и скру-

пулезность [в ведении хозяйства], опора на собственные силы, с тем чтобы влиять этим на массы, это самое главное звено. Дороги хоть и строятся, однако нельзя на них рассчитывать в целях провоза большого количества продовольствия. Возможно, Индия согласится на обмен продовольствия для ввоза в Тибет, но мы должны исходить из позиции, что даже если Индия вдруг когда-нибудь в будущем не даст нам продовольствия, наша армия все равно сможет выжить. Мы должны приложить все усилия и соответствующие меры, для того чтобы завоевать на свою сторону Далай-ламу и большинство верхних слоев, изолировать небольшое количество вредных элементов, добиться того, чтобы бескровно на протяжении длительного времени постепенно реформировать тибетскую экономику и политику; надо быть готовым и к отпору, в случае, если вредные элементы возглавят тибетскую армию и устроят мятеж, ударив на нас, в этом случае наша армия должна по-прежнему уметь выживать в Тибете и держаться. Все это можно осуществить только при опоре на расчетливость и скрупулезность, производственное самообеспечение. Этот пункт является основой базовой политики. Второй пункт, который можно и нужно осуществить, это наладить торговые отношения с Индией и внутренними районами для стабилизации ввоза и вывоза из Тибета, дабы не получилось так, что из-за нашей армии немного снизился уровень жизни тибетцев, напротив, нужно бороться за улучшение их жизни. Если мы не сможем решить эти две проблемы производства и торговли, мы тут же потеряем имеющуюся материальную базу, вредные элементы станут за деньги ежедневно провоцировать против нас отсталые массы и тибетскую армию, и наша политика сплочения большинства и изоляции меньшинства ослабнет и обессилит, так что невозможно будет ее осуществить.

Из всех соображений в телеграмме от 2 апреля Юго-Западного отделения лишь одно требует продумывания – это вопрос о возможности и необходимости реорганизации в течение короткого времени тибетской армии и учреждении военно-политического комитета. По нашему мнению, в настоящее время не следует реорганизовывать тибетскую армию и не следует формально образовывать военный округ, а также не надо учреждать военно-политический комитет. Пусть пока все остается по-старому, нужно отложить, дождемся, когда через год или два наша армия в действительности сможет обеспечить себя производственно и добьется поддержки масс, и тогда вновь обсудим эти вопросы. В эти год или два возможны два варианта событий: первый – наша политика единого фронта с верхами по сплочению большинства и изоляции меньшинства окажется эффективной, тибетские массы постепенно примкнут к нам, а вредные элементы и тибетская армия не посмеют организовать мятеж; другой вариант – вредные элементы сочтут нас слабыми и что нас можно обмануть, поднимут тибетскую армию и организуют мятеж, наша армия, защищая себя, отразит нападение и атакует. Оба варианта событий, независимо какой из них, нам выгодны. С точки зрения тибетских верхов, сейчас недо-статочно оснований, чтобы полностью осуществлять Соглашение и реорганизовывать тибетскую армию. Через несколько лет будет уже не так, они, возможно, сочтут, что будет лучше полностью осуществить Соглашение и реорганизовать тибетскую армию. Если тибетская армия организует мятеж или если они организуют не раз, а даже несколько раз, и каждый раз он будет отражен нашей армией, оснований, для того чтобы мы реорганизовали тибет-

скую армию, будет все больше. По всему видно, что не только оба силона (премьер-министра), но Далай-лама и большинство его группировки считают, что Соглашение заключено вопреки их воле и не хотят его осуществлять. У нас сейчас нет не только материальной базы, но нет и кадров и опоры среди верхов для полной реализации Соглашения, осуществлять скрепя сердце – вреда много, пользы мало. Они не хотят делать, ну и хорошо, сейчас не будем делать, отложим, потом опять поговорим. Чем дольше будем откладывать, тем больше у нас появляется оснований, и тем меньше – у них. Если будем откладывать, вреда нам не так уж и много, напротив, даже выгодно. Пускай всякие разрозненные личности замышляют свои дурные дела, мы же будем заниматься благими делами – производством, торговлей, строительством дорог, медициной, единым фронтом (спланировать большинство, терпеливо вести воспитательную работу), завоевав массы, дождемся, когда созреют условия, и тогда вновь поднимем вопрос о полном осуществлении Соглашения; если они считают, что не нужно организовывать начальные школы, то можно оставить и школы и не заниматься этим.

Недавние демонстрации в Лхасе не следует рассматривать только как инспирированные вредными людьми двумя силонами, а следует рассматривать как *проявленное к нам отношение со стороны большинства группировки Далай-ламы* [курсив мой. – И. Г.]. Их петиция совершенно тактического характера и отнюдь не означает разрыва, в ней только просят нас пойти на уступки. Содержащийся в ней пункт, в котором имеется в виду, что следует восстановить методы времен Цинов и не было НОАК, не является ее истинным смыслом. Они прекрасно понимают, что это неосуществимо, они пытаются этот пункт разменять на другие. В петиции критикуют Далай-ламу XIV, для того чтобы оградить Далай-ламу от ответственности в политическом отношении за эти демонстрации. Они появились, чтобы защитить интересы тибетской нации, они знают, что они слабее нас в военном отношении, однако в социальном плане они сильнее. Мы должны на самом деле (а не формально) принять эту петицию и отложить полное проведение в жизнь Соглашения. Не случайно, что они выбрали для проведения демонстрации время, когда Панчен-лама еще не прибыл. После того как он прибудет в Лхасу, они, возможно, захотят протянуть ему руку помощи, с тем чтобы Панчен-лама вступил в их группировку. Если мы будем хорошо исполнять свою работу, то Панчен-лама не попадет в их ловушку, а безопасно прибудет в Шигацзе, в таком случае обстоятельства повернутся в сравнительно благоприятную для нас сторону. Однако не может сразу же измениться то обстоятельство, что у нас недостаточная материальная база, и что они сильнее нас в социальном плане, поэтому не может сразу же измениться и то обстоятельство, что группировка Далай-ламы не желает полностью выполнять Соглашение. Мы должны сейчас формально предпринять наступление, укорить за необоснованность этих демонстраций и петиций (как нарушение Соглашения), однако фактически нужно приготовиться пойти на уступки, дожидаться, когда созреют условия и приготовиться к будущему наступлению (т. е. претворению в жизнь Соглашения).

Что вы думаете по поводу этих соображений, телеграфируйте.

ЦК, 6 апреля [Mao Zedong, 2001, с. 61–64].

Из директивы Мао Цзэдуна видно, что в самом начале своей политики в Тибете он придерживался курса «осмотрительного внедрения». Несмотря на конечные цели социалистического преобразования Тибета, его стратегией было установление дружественных отношений с тибетцами для того, чтобы они постепенно и добровольно приняли «воссоединение» Тибета с Китаем. Кадровые работники и армия называли себя «новыми китайцами», подчеркивали, что пришли в Тибет помочь тибетскому народу улучшить условия жизни, показывали уважение к тибетской культуре и религии, строго исполняли партийные предписания ничего не брать без согласия народа, платить за все приобретенное и проч.⁶ В основе стратегии Мао была политика единого фронта с верхами Тибета, в первую очередь с Далай-ламой, через сотрудничество с которыми предполагалось осуществить автономию Тибета.

Несмотря на рекомендации Мао Цзэдуна пойти на уступки и избрать выжидательную позицию, высший кадровый состав в Тибете, в реальности столкнувшись с антикитайскими выступлениями, убедил ЦК в необходимости сместить премьер-министров. Со смещением были согласны Пунцог Вангьял и глава администрации Панчен-ламы Чэн Чжигмэ. 10 апреля Рабочий комитет КПК в Тибете направил в ЦК на одобрение план смещения премьер-министров и прекращения беспорядков, в котором, в частности, предлагалось в пропагандистских целях раздать пожертвования всем монастырям⁷. План был в итоге одобрен ЦК. Мао пересмотрел тактические шаги и в дальнейшем лично руководил делом премьер-министров.

В этой накаленной обстановке Рабочий комитет решил обратиться напрямую к Далай-ламе. Чжан Цзинъю как глава Тибетского рабочего комитета написал Его Святейшеству три письма, потом посетил его персонально. Китайские власти потребовали от Далай-ламы и Кашага смещения премьер-министров и роспуска «Миман Цзондуя». В этой непростой ситуации Кашаг принял решение пойти на уступки китайской стороне и распустить «Миман Цзондуй», но в обмен на это ходатайствовать перед китайскими властями, чтобы премьер-министры оставались на своей должности. Весь апрель 1952 г. Тибетский рабочий комитет ежедневно докладывал ЦК о состоянии дел в Тибете. ЦК в лице Мао ежедневно направлял инструкции для исполнения. Мао рекомендовал китайским кадрам в Тибете на данном этапе полностью сосредоточиться на политической борьбе, а стратегические задачи, такие, как реорганизация тибетской армии, создание военного округа и военно-политического комитета, т. е. полное исполнение условий Соглашения, отложить на дальнюю перспективу и занять выжидательную позицию.

Из телеграммы Мао Цзэдуна по поводу вопроса снятия с должности премьер-министров и роспуска организации «Миман Цзондуй»:

⁶ Образцовое поведение китайской армии в начале 50-х гг. отмечают большинство тибетских историков, даже самые ярые противники китайского режима.

⁷ Отчет Тибетской рабочей группы ЦК от 10 апреля [см.: Мао Zedong, 2001, с. 67–68].

17 апреля. Тибетскому рабочему комитету и Юго-Западному отделению:

Телеграмму от 16 апреля получили⁸. Ходатайствующие ничего не говорили по поводу добровольной отставки премьеров, а говорили о том, чтобы премьеров оставили на посту, и о роспуске Народного собрания: смысл в том, чтобы роспуск Народного собрания разменять на двух сицхабов⁹. По этой причине вы должны в течение нескольких дней ничего не говорить, а по-прежнему настаивать на: во-первых, роспуске Народного собрания; во-вторых, снятии сицхабов. Дождавшись заявления Далай-ламы о роспуске Народного собрания, посмотреть, будут ли ходатайствующие поднимать вопрос о добровольной отставке. Если они не будут поднимать вопрос о добровольной отставке, по-прежнему продолжайте твердо настаивать на снятии с поста. Если они заговорят о добровольной отставке, то вы можете, по обстоятельствам, переменить свое мнение и согласиться на отставку. Тибетская аристократия искусна в деле политической борьбы, вы должны поучиться этому. Возможно, что они захотят договориться сначала об обмене условиями (т. е. оставить их на посту или принять добровольную отставку), а потом сделать заявление, вы должны настаивать на одновременном роспуске и снятии, также можно сперва распустить, а потом снять. Если же они будут твердо настаивать на роспуске против снятия, то тогда вы должны твердо не соглашаться. Если они будут разменивать роспуск на добровольную отставку, то тогда вы можете пойти на компромисс и согласиться на добровольную отставку. Действуйте по обстоятельствам.

ЦК, 17 апреля.

Несмотря на уважение и популярность премьер-министров среди народа, Далай-лама и Кашаг были вынуждены уступить. Индийский представитель в Лхасе С. Синха писал:

В течение нескольких дней Высочайший на земле, Кашаг, Трунцзи [Trungtsi – sic] и настоятели трех столпов государства (трех великих монастырей: Сэра, Дрепуна и Гандэна) умоляли китайцев о снисхождении в деле двух премьер-министров. Они просили о приличествующем времени, чтобы премьер-министры добровольно ушли в отставку. Посланцы и доверенные лица от Далай-ламы, в числе которых были Гьяло Тхондуп и Чикьяб Кенпо, спешили попасть к китайцам, но ничего нельзя было сделать против безвозвратного решения, принятого в китайском лагере. Разве что тибетские эмиссары от Далай-ламы возвратились с тревожными новостями о том, что китайцы призвали дополнительные силы в 5 тыс. человек для своего гарнизона в Лхасе¹⁰.

⁸ Имеется в виду доклад Тибетского рабочего комитета от 16 апреля 1952 г., в котором, в частности, сообщалось: «Сегодня после обеда около двадцати тибетских чиновников пришли к нам, чтобы просить за двух сицхабов» [Mao Zedong, 2001, с. 81]. За день до этого, 15 апреля, Рабочий комитет докладывал ЦК о согласии Кашага распустить Народное собрание.

⁹ Лукханва и Лобсан Таши на самом деле не имели полного статуса премьер-министров, по-тибетски *лончен*, или *силон*, их титул назывался *сицхаб* – исполняющий обязанности премьера.

¹⁰ Отчеты индийского представителя С. Синхи правительству см.: FO 371-99659: MR, 16 May 1952 [цит. по: Shakyu, 1999, с. 110].

Далай-лама по этому поводу писал: «Я получил письменное сообщение от китайцев с просьбой сместить Лукханву с должности, поскольку он империалистический реакционер и не хочет улучшения отношений между Китаем и Тибетом. Я также получил устное предложение от Кашага, что, возможно, будет лучше, если я попрошу обоих премьер-министров уйти в отставку. Это очень меня огорчило. Они выказывали такую преданность и убежденность, такую честь и искренность, такую любовь к людям, которым они служили» [Dalai Lama, 1990, с. 83–84].

27 апреля Кашаг официально известил об отставке премьер-министров. Организация «Миман Цзондуй» была распущена, а шесть ее лидеров были на короткое время заключены Кашагом под стражу. Снятие с постов Лукханвы и Лобсан Таши и роспуск «Миман Цзондуя» стали, по словам Ц. Шакья, «тяжелым ударом по тибетской морали и окончательной победой китайцев» [Shakya, 1999, с. 111]. Лукханва покинул Тибет и поселился в Калимпонге. Он умер в Дели в 1966 г., Лобсан Таши остался в Тибете, он вернулся к своим религиозным обязанностям. Многие аристократы оставили свои посты и уехали из Тибета в Индию. В их числе были старший брат Далай-ламы Гьяло Тхондуп, младшая сестра Чжецзун Пема и дети старшей сестры Церин Долмы.

2. Сотрудничество в рамках Соглашения

Мао Цзэдун в директиве от 6 октября 1951 г. определил двуединую задачу, на которой следовало сосредоточиться китайским властям в Тибете: 1) расчетливость и самообеспечение; 2) установление торговых связей с Индией и внутренними районами. Смысл задачи заключался в том, чтобы в целях достижения долгосрочных целей сосредоточиться на укреплении своего положения и завоевании доверия тибетского населения.

Главное внимание в рамках задачи уделялось строительству шоссейных дорог, которые начали сооружаться одновременно с продвижением войск НОАК. В строительство дорог задействовали огромные силы и средства. Многотысячный контингент войск НОАК и свыше 30 тыс. тибетцев трудились на этом фронте. В результате гигантской по своим масштабам работы к концу 1954 г. были открыты Сикан-Тибетское шоссе протяженностью в 2300 км и Цинхай-Тибетское шоссе в 2100 км. Наряду с магистральными строились местные дороги. К ноябрю 1956 г. построили 6 тыс. км дорог, которые связали все восемь областей Тибета [Богословский, 1978, с. 54–55]. Продвижение в строительстве дорог намного улучшило коммуникации с внутренними районами, появилась возможность провоза большого количества продовольствия из Китая, что благоприятным образом сказалось на экономике Тибета. Появилась возможность добираться до Лхасы из Синина за 12 дней, а из Пекина – за 20.

Наряду со строительством дорог армия в целях самообеспечения распахивала целину. Через год было освоено 10 тыс. му (667 га), это позволило на одну шестую обеспечить нужды армии в зерновых и наполовину – потребности в овощах. В дальнейшем освоили целины более 100 тыс. му, т. е. в десять раз больше первоначального года [Xizang zizhiqu gaikuang, 1984, с. 380]. Для решения проблемы недостатка продовольствия было создано Управление по доставке зерна, в которое вошли представители тибетских торговых и ари-

стократических семейств. Китайцы давали им беспроцентные ссуды для приобретения продовольствия и товаров из Индии. Пунцог Вангъял вспоминает, что Управление по доставке зерна, во главе которого стоял его старый друг калон Суркхан, устраивало частые собрания, во время которых подавался сладкий индийский чай и пирожные. Собрания стали популярными, так что в Лхасе начали шутить, что теперь лхасские правительственные учреждения опустели из-за того, что большинство чиновников правительства посещают зерновые собрания [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 177]. Увеличение количества продовольствия позволило значительно снизить недовольство населения [Shakya, 1999, с. 117].

Нововведения в области сельского хозяйства, промышленности и торговли произвели большое впечатление на тибетцев, которые постепенно начинали верить в то, что китайцы пришли в Тибет помочь тибетскому народу. Впервые в Лхасе появились современные машины, построены теплоэлектростанция в Шигацзе, ГЭС – в Лхасе, налажена регулярная почтово-телеграфная и телефонная связь, открыто авиасообщение Чунцин–Чамдо [Богословский, 1978, с. 52–57]. В Лхасе построена печатная фабрика, и появились газеты на тибетском языке, выходившие один раз в десять дней и ставшие очень популярными среди образованных тибетцев. Также основана школа, номинальным директором которой был Чжан Гохуа, но Пунцог Вангъял всячески пытался вовлечь в ее работу видных тибетцев. Ее первым тибетским руководителем стал наставник Далай-ламы – Тричжан Римпоче, преподавателями – известные тибетские ученые. В школе изучали тибетский, китайский и математику, и она сразу же стала популярной среди тибетцев. Кроме того, создана Лхасская молодежная ассоциация, возглавляемая прогрессивным аристократом Шокханом, которая насчитывала около 50 членов. На собраниях ассоциации китайцы объясняли национальную политику КПК, но большей частью разучивали новые революционные песни. Был создан новый исследовательский комитет, который переводил на тибетский новости и директивы. Индийский представитель Синха удивлялся по поводу смены отношения тибетцев к китайцам. Он писал:

Мы оказались перед лицом необычайного зрелища любви и энтузиазма тибетцев по отношению к китайским вещам; повсюду наблюдалось острое стремление подражать китайцам, одеваться, разговаривать, вести себя и петь, как китайцы, и это было особенно заметно среди респектабельной группы официальных семейств Лхасы, которые первыми поддались моде. Нашествие новокитайской культуры на тибетское общество, будь то в музыке, идеологии, одежде или речи, было на самом деле чем-то замечательным: то, что было статичным на этой земле, стало живым и динамичным. Не было дома в Лхасе, где портреты Мао и его соратников не нашли бы места на домашнем алтаре [цит. по: Shakya, 1999, с. 117].

23 мая 1952 г. праздновалась первая годовщина подписания Соглашения из 17 пунктов. Прошедший год оказался достаточно успешным для китайцев. Вся оппозиция была устранена, тибетское правительство оказалось практически без дееспособного руководства. Китайские власти начали постепенно завоевывать доверие и правящей элиты. Они стали приглашать влиятельных тибетцев в Китай на обучение и экскурсионные туры по промышленным горо-

дам Китая. Летом 1952 г. в Китай от тибетского правительства поехали чиновник-монах Люшар Тубтэн Тарпа и младший наставник Далай-ламы Тричжан Римпоче. Вслед за ними в Китай отправились и другие высокопоставленные чиновники. Тибетская делегация встречалась с Мао Цзэдуном, а 8 октября по центральному радио Люшар обнародовал обращение Мао к членам делегации. Текст обращения:

1) КПК придерживается политики защиты религии. Защиту и уважение к вере получают все, независимо от того, верующие они или неверующие, верующие в одну религию или другую. В настоящее время осуществляется политика защиты религии, в будущем политика религии будет исполняться по-прежнему.

2) Вопрос распределения земли и религиозный вопрос по сути разные. В районах с ханьским населением землю уже распределили, но религия по-прежнему защищена. Распределять или не распределять землю в районах нацменьшинств должны решать сами нацменьшинства. Сейчас нет речи о распределении земли в Тибетском районе, распределять или нет в будущем зависит от вашего решения, и если вы будете распределять, то будете это делать сами, мы за вас распределять не будем.

3) Создание военно-политического комитета и реорганизация тибетской армии определены условиями Соглашения, но так как вы опасаетесь, я извещу работающих в Тибете товарищей, чтобы они помедлили с исполнением. Соглашение нужно исполнять, но если вы опасаетесь, то лучше помедлить с этим. Опасаетесь в этом году, будем исполнять в следующем, будете опасаться в следующем году, подождем еще год.

4) Земли в Тибете обширны, а население невелико, население следует развивать, нынешние два-три миллиона следует увеличить до пяти-шести миллионов, а затем увеличить до десяти с лишним миллионов. Кроме того, следует также развивать экономику и культуру. Культура включает в себя школы, газеты, кино и прочее, религия тоже туда входит. В прошлом реакционные правители – цинские императоры и Чан Кайши, а также империалисты эксплуатировали и подавляли вас, в результате чего население не развивалось, экономика ослабла, не развивалась культура. КПК осуществляет национальное равноправие, не будет вас угнетать и эксплуатировать, а, напротив, будет вам помогать, развивать население, экономику и культуру. НОАК пришла в Тибет именно с целью осуществления политики помощи. В самом начале своего прихода она не могла помогать, в течение трех-четырех лет также не сможет оказать существенную помощь, но после уже непременно сможет помочь. Если КПК не сможет помочь вам развить народонаселение, развить экономику и культуру, то тогда не будет в ней никакой надобности.

Вы приехали, и я очень рад. Вы можете поехать для ознакомления в Нанкин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу, Дунбэй. В последующем, чем больше представителей из всех светских и религиозных кругов смогут приехать для ознакомления во внутренние районы, тем прочнее станут узы сплочения и дружбы всех национальностей нашего Китая [Мао Zedong, 2001, с. 88–89].

К концу 1953 г. китайцы уже могли с достаточной долей уверенности констатировать, что пункт первый определенной Мао Цзэдуном задачи был выполнен: власти и армия смогли в значительной мере осуществить самообеспе-

чение, внутренняя оппозиция была ослаблена, верхи Тибета стали постепенно склоняться в сторону Китая. Оставалось определиться в решении второго пункта задачи – проблемы торговых отношений с Индией и Непалом.

Проблема взаимоотношений с Индией и Непалом была чрезвычайно важна для китайского руководства. На международном уровне ни одна страна не оспаривала суверенитет Китая над Тибетом. Вместе с тем две страны – Индия и Непал пользовались экстерриториальными правами и имели свои миссии в Тибете. Индия к тому же имела в Тибете свой небольшой контингент войск. Как Китай, так и Индия считали такое положение вещей пережитком империализма, и поэтому Китай намеревался определить свои отношения с Индией на новых началах.

По Соглашению 1951 г., Тибет лишился права ведения международными делами. 6 сентября 1952 г. было образовано Представительство Центрального правительства по международным делам в Тибете. С 31 декабря 1953 г. по 29 апреля 1954 г. состоялись переговоры между Китаем и Индией по урегулированию торговых отношений в Тибетском регионе, окончившиеся подписанием «Соглашения по торговле и транспортному сообщению между КНР и Республикой Индия». В Соглашении обнародовали знаменитые «5 принципов мирного сосуществования» (Панча Шила)¹¹, на основании которых регулировались торговые отношения между обеими странами. Индия соглашалась на вывод своих военных сил из Гьянцэ и Дромо (Ятун), а также передавала по доброй воле свои почтовые, телеграфные и телефонные службы в Тибете. Подписание Соглашения между Китаем и Индией, несмотря на то что оно обговаривало только торговые отношения, стало для Китая большим достижением. Это – первое международное соглашение КНР с некоммунистической страной. Кроме того, подписав Соглашение, Индия впервые признавала Тибет в качестве китайского региона.

В 1956 г. было подписано «Соглашение по поддержанию дружественных отношений между КНР и королевством Непал, а также по торговле и транспортному сообщению между Тибетским районом КНР и Непалом». Соглашение вновь подтвердило «5 принципов мирного сосуществования» в качестве основы взаимоотношений между странами. Так ликвидировали особые права Индии и Непала в Тибете, унаследованные ими от Великобритании.

К концу 1954 г. китайские власти выполнили свои основные тактические задачи по работе в Тибете. Наставало время приступать к долгосрочным целям. В этом же году в Пекин на 1-й съезд Всекитайского собрания народных представителей были приглашены Далай-лама и все верхи Тибета. Тибетская делегация состояла из Далай-ламы и его семейства, двух наставников Его Святейшества, глав всех буддийских школ Тибета и трех шапэ – членов Кашага. В Пекин также прибыли Панчен-лама и его окружение. Всего тибетская делегация насчитывала около 500 человек, включая высших сановников и службу. «Процессия тибетских сановников была чрезвычайно зрелищной, никогда

¹¹ 1) Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, 2) взаимное ненападение, 3) взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга, 4) равноправие и взаимная выгода, 5) мирное сосуществование.

еще в тибетской истории не собиралось вместе столь большое количество важных тибетских сановников» [Shakya, 1999, с. 122]. Главной целью 1-го съезда ВСНП было принятие первой Конституции КНР. Приезд представителей нацменьшинств имел большое значение для китайских властей, поскольку новая Конституция определяла КНР как многонациональное унитарное государство, в котором тибетцы представляли одну из национальностей. Статья 4-я Конституции определяла создание районной автономии в регионах, где народы нацменьшинств проживают сосредоточенными группами. В Конституции особо подчеркивалось, что эти автономные регионы являются неотъемлемой частью Китая. На съезде Далай-лама был избран заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП, а Панчен-лама – членом Постоянного комитета ВСНП. Участие тибетской делегации в работе съезда было широко разрекламировано в прессе. Фотографии Далай-ламы и Панчен-ламы, голосующих за принятие новой Конституции, обошли весь свет, свидетельствуя об их принятии новой власти.

за принятие Конституции КНР
на съезде ВСНП, Пекин, сентябрь 1954 г.

Во время визита Далай-лама и члены его делегации встречались с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шао-ци и другими китайскими руководителями. Тогда же Его Святейшество впервые встретился с индийским премьер-министром Неру, а также некоторыми другими иностранными гостями. После окончания работы съезда тибетская делегация осуществила с ознакомительными

целями большой тур по Китаю с посещением регионов, свидетельствующих о прогрессе Китая в области промышленности. Визит в Китай оказал большое впечатление на Его Святейшество. Он писал:

Я был охвачен большим энтузиазмом по поводу возможностей сближения с Китайской Народной Республикой. Чем больше я узнавал марксизм, тем больше он мне нравился. Это была система, основанная на равенстве и справедливости для всех, объявившая себя панацеей от всех болезней мира. С теоретической точки зрения, ее единственным недостатком, как мне казалось, был упор на чисто материалистическое понимание человеческого существования. С этим я не мог согласиться. Я также познакомился с методами, используемыми китайцами для достижения своих целей, и у меня осталось сильное впечатление их жесткости. В то же время мне захотелось стать членом партии. Я был уверен, впрочем, как и ныне, что имеет смысл поработать над синтезом буддийских и чисто марксистских доктрин, что может на самом деле оказаться действенным методом в проведении политики [Dalai Lama, 1990, с. 98].

На съезде ВСНП. Пекин, 1954 г.

Слева направо, передний ряд: Ли Вэйхань, неизвестный, Чжан Лань, Сун Циндин, Панчен-лама, Мао Цзэдун, Далай-лама, Лю Сяоци, Ли Цзешэнь, Го Можо, неизвестный; верхний ряд: Пунцог Вангьял, Церин Цзомо (мать Далай-ламы), Нгабо, неизвестный, Фань Мин, Тэйчжар, Чжан Цзиньсунь, Лин Римпоче, Ван Фэн, неизвестный, отец Панчен-ламы, Чэн Чжигмэ, неизвестный, неизвестный

Его Святейшество также оказался под сильным впечатлением от личности председателя Мао, с которым он многократно встречался как во время собраний, так и на личных аудиенциях. Аура «авторитетности и искренности», «сильнейшая магнетическая сила», которыми обладал, по словам Далай-ламы, Мао Цзэдун, заставляли молодого тибетского правителя верить в искренность того, что говорил последний. Так, во время частной беседы Мао Цзэдун сказал Далай-ламе, что «пришел к заключению, что пока слишком рано осуществлять все статьи Соглашения из 17 пунктов и будет лучше образовать Подготовительный комитет рай-онной автономии вместо военно-политического комитета» [Dalai Lama, 1990, с. 97–98]. В результате по возвращении в Лхасу Далай-лама достаточно оптимистично оценивал перспективы сотрудничества Китая с Тибетом.

На съезде ВСНП. Пекин, 1954 г.
Панчен-лама, Мао Цзэдун,
Далай-лама

Решение о создании Подготовительного комитета, принятое во время визита в Китай тибетской делегации, еще раз подчеркнуло особое положение Тибета по сравнению с другими национальными регионами Китая. Далай-лама и тибетское руководство с оптимизмом восприняли идею образования Подготовительного комитета, поскольку полагали, что его создание позволит отсрочить на неопределенное время воплощение «демократических реформ» в Тибете. В этот момент отношения между китайцами и тибетцами были на самой лучшей своей стадии. Однако китайские власти, проводя политику «осмотрительного внедрения» и «союза с верхами», оказывали вместе с тем постоянное давление на своих «союзников», и это давление усиливалось с каждым годом.

3. Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного округа

Итак, 22 апреля 1955 г. в Лхасе состоялась инаугурация Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного округа. В честь этого события из Пекина прибыла делегация из 800 человек во главе с Чэнь И и Ван Фэном, заместителем председателя Комитета по национальным делам. 9 марта 1955 г. Госсовет принял постановление об образовании Подготовительного комитета по созданию ТАР, в котором отмечалось, что основная задача Подготовительного комитета «заключается в том, чтобы на основе положений Конституции нашей страны, Соглашения о мероприятиях по мирному освобождению Тибета и в соответствии с конкретной обстановкой подготовить осуществление национальной автономии в Тибете» [Конституция КНР, 1955, с. 210]. 26 сентября Постоянный комитет ВСНП утвердил Краткое положение о Подготовительном комитете ТАР. Краткое положение подтвердило, что Подготовительный комитет, являясь «консультативным органом», «учрежденным на период до создания ТАР», в то же время имеет характер «органа государственной власти» и «находится под руководством Государственного совета» [там же]. Наиболее важной частью Положения являлась 3-я статья, в соответствии с которой Тибет делился на три географические и политические части: 1) Тибетское правительство в Лхасе, представленное Далай-ламой, 2) Комитет Каньбу Панчен-ламы в Цзане, 3) Народно-освободительный комитет Чамдо.

Разделение политического Тибета на три части отражало не только стремление китайских властей ослабить влияние тибетского правительства, но также и реальное соотношение власти внутри тибетского общества. С прибытием Панчен-ламы в Тибет в апреле 1952 г. с большим эскортом китайских войск вновь вышел на повестку дня вопрос урегулирования взаимоотношений между ним и лхасским правительством. Соглашение из 17 пунктов определяло характер взаимоотношений между двумя иерархами тибетской буддийской церкви как тот, который сложился между их предшественниками в период дружественных между ними отношений. Но расплывчатость формулировки статьи требовала более ясного определения статуса и полномочий Панчен-ламы.

Тибетское правительство на протяжении многих лет пыталось ограничить влияние Панчен-ламы IX. Когда Далай-лама XIII вернулся в 1913 г. из Индии,

он обложил дополнительными налогами владельцев феодальных поместий. Панчен-лама IX от этих налогов отказался. Конфликт между двумя иерархами тибетской церкви вылился в открытую вражду, в результате которой Панчен-лама и его окружение были вынуждены покинуть Тибет в 1924 г. и уехать в Китай, где Панчен Римпоче и скончался в 1937 г. Прибытие в Тибет нового воплощения Панчен-ламы возродило амбиции его окружения добиться восстановления его статуса на прежнем, до 1923 г., уровне и максимизировать свою власть в Цзане и Шигацзе. Вовлечение в конфликт китайской стороны заставило лхасские власти пойти на уступки. В результате привилегии и власть Панчен-ламы, которому в то время исполнилось всего 14 лет, были восстановлены, а тибетские власти согласились предоставить существенную компенсацию и кредиты его поместьям. Образование Подготовительного комитета ТАР поставило точку в давнем споре между сторонами. Панчен-ламе присвоили статус и полномочия в Шигацзе, равные статусу и власти Далай-ламы в Лхасе: он получал право назначать своих людей для работы в Подготовительном комитете.

Образование Народно-освободительного комитета Чамдо также отражало реальное соотношение сил внутри тибетской правящей элиты. Власть тибетского правительства в областях Чамдо и Дагьяб была во многом номинальной. Эти территории пользовались большой степенью автономии и управлялись главными ламами двух основных монастырей: в Чамдо – Пхагба Гэлэг Намгьялом, в Дагьябе – Дагьяб Римпоче Лодэн Шерабом. Ко времени прихода китайцев оба ламы были очень молоды – 10 и 14 лет соответственно. Естественно, когда Гэлэг Намгьяла «избрали» заместителем председателя НОКЧ (Народно-освободительного комитета Чамдо), а Дагьяба Римпоче – членом комитета, они не имели никакой реальной власти. Комитет составляли «прогрессивные тибетцы», члены лхасского правительства, захваченные во время штурма Чамдо, и известные религиозные деятели. Он также включал несколько китайцев из НОАК. Китайские власти настаивали на отдельном статусе НОКЧ на том основании, что район Чамдо уже освобожден.

Когда Подготовительный комитет сформировали, в нем оказалось 15 представителей от лхасского правительства, 10 – от Панчен-ламы, 10 – от НОКЧ, 5 – от Тибетского военного комиссариата и часть представителей от тибетских религиозных школ и монастырей. Все решения ПКТАР утверждались Госсоветом. Далай-лама пишет:

Двадцать членов, несмотря на то что они тибетцы, представляли Освободительный комитет Чамдо и комитет, образованный в западном районе Панчен-ламы. Это – чисто китайские формирования. Их представители приобрели свое положение в основном благодаря китайцам и должны были в свою очередь поддерживать любые китайские предложения; представители Чамдо, однако, вели себя более приемлемо, нежели представители Панчен-ламы. Имея такой твердый блок контролируемых голосов, плюс пять голосов китайских членов, комитет не имел никакой власти, а был лишь фасадом с тибетским представительством, за которым вся власть исполнялась китайцами. Фактически же вся основная политика решалась другим органом – ЦК КПК в Тибете, в котором не было тибетских членов [Dalai Lama, 1990, с. 133].

Далай-лама был назначен председателем ПКТАР, Панчен-лама и Чжан Гохуа – его заместителями. Нгабо назначили Генеральным секретарем ПКТАР и одновременно представителем лхасских властей.

Реакция правящих кругов Тибета на создание ПКТАР была неоднозначной. С одной стороны, практически все чиновники тибетского правительства получили должности при Подготовительном комитете, им выплачивалась ежемесячная зарплата, и многие из них охотно сотрудничали с новыми властями. С другой стороны, приближенная к Далай-ламе группировка осознавала, что Подготовительный комитет подменяет местные органы власти и в конце концов реальная политическая власть окажется в руках тех, кто его контролирует, и по этой причине была против нового органа. Организационная структура ПКТАР, в котором предусматривались отделы финансов, религии, культуры, просвещения и проч., существенно снижала и ограничивала функции и власть тибетского правительства. Так, финансовый отдел комитета помимо выдачи денежных ссуд взял в свои руки сбор налогов. Отдел юстиции стал осуществлять судебные функции на основе законов КНР. Одновременно создавались органы на местах, что не предусматривалось Кратким положением. Конечно, подобные меры встретили резкое противодействие со стороны ближайшего окружения Далай-ламы и отдельных лиц тибетской элиты [Богословский, 1978, с. 69]. Угрозу власти тибетского правительства представляла также группировка Панчен-ламы, которая действовала независимо и напрямую сообщалась с китайскими властями.

Ситуацию вполне можно было назвать кризисом власти в Тибете. Тибетское правительство продолжало функционировать, однако его влияние постепенно становилось номинальным. Раскол между чиновниками, вынужденными работать в обеих структурах, становился все более очевидным.

4. Рост напряженности в Тибете

Создание и последующая работа Подготовительного комитета ТАР сопровождалась ростом напряженности в Тибете, основной причиной которой стала взрывоопасная ситуация в этнографическом Тибете. Регионы Кхама и Амдо, населенные этническими тибетцами, находились под юрисдикцией китайских правительств со времен Цинской династии. Однако ни Цины, ни республиканский Китай не имели в этих землях эффективного контроля, их власть являлась большей частью номинальной, в то время как реальная власть находилась в руках местных глав племен и настоятелей монастырей. Когда победили коммунисты, они не встретили здесь особого сопротивления. Напротив, привыкшие к смене разных режимов восточно-тибетские племена кхампа и амдова охотно шли на сотрудничество с новыми властями, так как полагали, что по-прежнему останутся полновластными хозяевами на своих территориях.

В начале 1950-х гг. Кхам и Амдо оказались под прямой юрисдикцией Центрального правительства КНР, но Пекин принял решение не проводить здесь перераспределение земли, как в других районах нацменьшинств. Первоначальной задачей ставилось интегрирование Кхамы и Амдо в административную структуру КНР согласно принятой конституции страны. В 1955 г. была упразднена провинция Сикан, созданная гоминьдановским правительством.

В 1956 г. были созданы тибетские автономные округа в провинциях Сычуань, Ганьсу, Цинхай и Юньнань.

Следует отметить, что создание многочисленных административных структур тибетской автономии не встретило со стороны населения какого-либо сопротивления, тибетцы продолжали сохранять лояльность своим традиционным вождям. Однако, если кхампа и амдова относительно спокойно просуществовали в первой половине 50-х гг., то к середине этого десятилетия ситуация стала резко меняться. Китайское руководство приняло решение полномасштабного проведения «демократических» реформ, включая регионы нацменьшинств. Единственным исключением оставался Тибет политический. Слухи о реформах сразу же накалили атмосферу в восточнотибетских областях, не подлежащих юрисдикции тибетского правительства. Особое раздражение вызвало требование китайских властей сдать оружие. Ружье или меч носил каждый мужчина, оружие было не только принадлежностью национального костюма, но и единственным средством защиты как от разбойников, которыми славились Кхам и Амдо, так и от посягательств чиновников – и китайских, и лхасских. Поэтому, несмотря на амнистию добровольно сдавшим оружие, никто из кхампа и амдова не последовал приказу.

В 1955–1956 гг. 80 % китайского крестьянства было вовлечено в коллективизацию. В 1955 г. власти объявили полномасштабное проведение «демократических реформ», включающее в себя создание бригад взаимопомощи, распределение земли и расселение кочевников, что сразу же привело к вспышкам недовольства среди тибетского населения Амдо и Кхама, быстро переросшим в вооруженные восстания.

Когда в Лхасе происходила инаугурация ПКТАР, в это же время в Восточном Тибете вспыхнуло крупномасштабное антикитайское восстание, получившее название «Кандинского мятежа»¹². Восстание характеризовалось спонтанными вооруженными нападениями на китайские кадры и учреждения и отсутствием централизованного руководства. Когда кадровые работники приходили в тибетские деревни для проведения коллективизации, они подвергались нападениям, во многих случаях их убивали. Наиболее ожесточенные схватки произошли в Литане, Чантрэне и Гьялтане. Последующие сражения вынудили многих повстанцев искать убежища в близлежащих монастырях. Так, в конце февраля 1956 г. 3 тыс. монахов монастыря Чантрэн Сампелин приютили несколько тысяч жителей деревень, участвовавших в антикитайских столкновениях. Часть из них были беженцами из разных мест Кхама, часть пришла защищать монастырь. Сначала китайцы раскидали с самолета листовки, в которых монахам и жителям предлагалось сдаться. Когда ответа не последовало, монастырь разбомбили с воздуха с одного-единственного самолета¹³. Кхампа не оставалось иного выхода, как сдаться. Монастырь был

¹² Город Кандин, тиб. Дарцедо, тибетский автономный округ Ганьцзы (тиб. Карцзе), провинция Сычуань, был традиционно пограничным городом между китайской и тибетской культурами, торговым центром между Китаем и Тибетом, во времена Гоминьдана – столицей провинции Сикан.

¹³ Интервью с Чантримпа Тензин Сультимом [см.: Shakyu, 1999, с. 140].

полностью разрушен, жертвы исчислялись сотнями. Оставшиеся в живых сдались НОАК, часть бежала в Центральный Тибет.

Вести о бомбежке монастыря Чантрэн Сампелин распространились по Восточному Тибету со скоростью ветра. В Литане под руководством Юнру-Пон Сонам Вангьяла организовали защиту монастыря Литан. На второй день тибетского Нового года (конец февраля) 1956 г. Юнру-Пона убили солдаты НОАК. Весть о его смерти вызвала восстание жителей Литана. Последовали нападения на китайские лагеря, было множество убитых. Целый месяц войска НОАК осаждали монастырь. В конце концов монастырь так же, как и Чантрэн Сампелин, разбомбили с воздуха.

После разрушения Литана тысячи кхампа пересекли реку Дричу и устремились в Центральный Тибет, неся вести о разрушении монастырей и гибели сотен монахов. Они отправили петиции в адрес Далай-ламы, тибетского правительства и трех крупнейших монастырей Тибета. Однако, к удивлению восставших, их возвания оставались без внимания. Окружение Далай-ламы отказывало представителям кхампа/амдова во встрече, так как боялось усиления нажима со стороны китайских властей. Более того, Далай-лама, несмотря на искреннее сочувствие восточно-тибетским повстанцам, не раз призывал их сложить оружие, а беженцев – вернуться домой.

Восстание в Восточном Тибете китайская пропаганда инкриминировала «кучке реакционеров и помещиков-крепостников из высших кругов», которые «под предлогом “защиты религии” и сохранения “национальных интересов” выдвинули лозунги “прогоним китайцев”, “никаких реформ” и с помощью оружия заставляли массы разбойничать в горах, нападали на правительственные органы и их служащих, убивали кадровых работников и население» [Mao Zedong, 2001, с. 142]. Однако несмотря на то что во главе восстания в Восточном Тибете действительно находились тибетские верхи, его масштабы были всенародными и охватили практически всю восточно-тибетскую область. «Китайские власти не учли специфики социальных отношений в Восточном Тибете, и прежде всего неразвитости классового антагонизма, прочности родо-племенных связей, влияния религии и, наконец, того, что их действия выглядели в глазах тибетцев как посягательство чужестранцев-безбожников на давние национальные традиции, освященные религией» [Богословский, 1978, с. 73]. Жестокое подавление восстания в Восточном Тибете явилось непосредственной причиной возникновения взрывоопасной ситуации в Центральном Тибете, хотя конфликт тщательно сдерживался обеими сторонами.

Создание Подготовительного комитета по образованию ТАР и наплыв беженцев из Восточного Тибета вызвали нарастание напряженности среди населения Центрального Тибета. Во время празднования Монлама в 1956 г., когда Лхасу заполнили тысячи паломников и монахов со всех сторон Тибета, на улицах появились плакаты и листовки с антикитайскими лозунгами [Dalai Lama, 1990, с. 115; Andrug, 1973, с. 36–37]. Их распространяла группа, называвшая себя «Миман Цзондуй» (Народным собранием). Группа носила такое же название, как и группа, распущенная в 1952 г. Новая организация была создана в 1954 г. накануне визита Далай-ламы в Китай для того, чтобы предотвратить поездку Его Святейшества. Организаторами «Миман Цзондуя» были

торговцы и тибетские чиновники низших рангов, считавшие, что власть Далай-ламы находится в опасности из-за китайского присутствия. Во главу движения встали торговец из Литана Ало Чонсед Церин Дорже и два чиновника тибетского правительства Лхабчуг Дхаргпа Тринлэ и Бумтан Гьялцэн Лобсан. Члены организации были возмущены действиями многих высших тибетских чиновников, которые, по их мнению, либо бездействовали, либо активно сотрудничали с новой властью. Деятельность «Миман Цзондуя» сначала ограничивалась распространением антикитайских листовок и подачей петиций китайским представителям и Кашагу. Постепенно организация начала приобретать популярность в широких кругах тибетского населения. Она получила поддержку даже у влиятельных правительственных чиновников, как Пхала и калон Суркхан Ванчэн Гэлэг, а также со стороны известных религиозных деятелей, как Цатрул Римпоче.

Но политическое и экономическое влияние группы было ограниченным. Несмотря на то что тибетское правительство и Далай-лама были не прочь использовать деятельность организации для противостояния китайскому режиму, они ни разу не поддержали его открыто, вследствие чего у многих складывалось противоречивое отношение к движению. Более того, Кашаг под китайским давлением объявил движение вне закона и даже арестовал его главных лидеров.

К середине 1956 г. напряженная обстановка создавалась во всем Тибете. В таких условиях состоялся визит Далай-ламы в Индию.

5. Далай-лама посещает Индию

Далай-лама, по его воспоминаниям, находился в то время из-за всех этих событий в очень подавленном настроении и был поэтому несказанно рад, когда получил приглашение от Махараджи Сиккима приехать в Индию на празднование 2500-й годовщины рождения Будды Шакьямуни. Он пишет:

Я был вне себя от восторга. Для нас, тибетцев, Индия – это Арьябхуми, Святая земля. Всю свою жизнь я стремился совершить туда паломничество, это было местом, куда я больше всего хотел попасть. Более того, посещение Индии могло дать мне возможность поговорить с Пандитом Неру и другими наследниками Махатмы Ганди. Я отчаянно хотел войти в контакт с индийским правительством, даже хотя бы просто затем, чтобы увидеть, как работает демократия [Dalai Lama, 1990, с. 123].

Пекин, понимая, что Далай-лама может не вернуться, меньше всего хотел его выезда за границу. Но поскольку в Индию был приглашен и Панчен-лама, а также по соображениям сохранения престижа государства Далай-ламе все же разрешили выехать. Для самого Далай-ламы кроме чисто религиозной цели посещения вновь открывалась возможность контакта с внешним миром, а для тибетской эмиграции в лице его братьев Гьяло Тхондупа, Тубтэна Норбу, бывшего премьер-министра Лукханвы, Цепона Шакабпы – еще раз попытаться уговорить Далай-ламу денонсировать Соглашение из 17 пунктов.

Далай-лама и его делегация, состоящая из Нгабо, Суркхана, Рагашара, двух младших братьев и других, и делегация Панчен-ламы выехали из Шигацзе

22 ноября и прибыли через столицу Сиккима – Ганток в Нью-Дели 25 ноября. На границе Далай-ламу ждали два старших брата, в аэропорту Нью-Дели на встречу прибыли премьер-министр Дж. Неру и вице-премьер д-р Радхакришнан. Дружественная атмосфера пребывания Далай-ламы в Индии, празднования дня рождения Будды, встречи с индийскими политиками и тибетскими эмигрантами вызвали желание Далай-ламы остаться в Индии и просить там политического убежища [Dalai Lama, 1990, с. 128].

Желание Далай-ламы и его окружения остаться в Индии и не возвращаться в Тибет не встретило поддержки у индийского правительства, и прежде всего премьер-министра Дж. Неру. Далай-лама несколько раз встречался с Дж. Неру и во время встреч подробно рассказывал о том, «какие ужасные вещи происходят в Восточном Тибете и что все боятся, как бы еще худшие беды не распространились на остальной территории страны» [Dalai Lama, 1985, с. 148]. Он говорил, что боится за религию и обычаи своей страны и о том, что Тибет «свои последние надежды возлагает на правительство и народ Индии» [там же]. И каждый раз Дж. Неру давал понять, что Индия ничем не может помочь, и советовал Далай-ламе пытаться сотрудничать на основе Соглашения из 17 пунктов.

При посредничестве индийского премьер-министра состоялась встреча Далай-ламы с Чжоу Эньлаем, прибывшим в это время в Индию из Европы. До этого Чжоу Эньлай встретился с братьями Далай-ламы – Гьяло Тхондупом и Тубтэном Норбу – главными сторонниками невозвращения Далай-ламы на родину. Тубтэн Норбу вернулся из Соединенных Штатов, где пытался заручиться тайной помощью Тибету от ЦРУ. Во время встречи братья Далай-ламы открыто критиковали действия Центрального правительства в Тибете. Чжоу Эньлай, будучи искусственным дипломатом, отвечал, что трудности неизбежны в любом большом начинании. Он советовал братьям убедить Далай-ламу вернуться в Тибет.

Во время встречи с Чжоу Эньлаем, происходившей в китайском посольстве в Дели, Далай-лама поднял вопрос о восстании в Восточном Тибете, а также подверг критике действия китайских властей. Далай-лама пишет: «Когда мы встретились вновь, я нашел своего старого друга таким же, каким я его и запомнил: полным обаяния, улыбок и лжи» [Dalai Lama, 1990, с. 129]. «Внимательно выслушав, как обычно, Чжоу ответил словами, приятно ласкающими слух: “Вы были в Китае только во время 1-го собрания ВСНП, сейчас же абсолютно все изменилось к лучшему”» [там же]. Чжоу, конечно, советовал Далай-ламе вернуться в Тибет. Чжоу Эньлай встречался также с членами Кашага: Нгабо, Суркхан Ванчэн Гэлэгом и Рагашаром Пунцог Рабгье. Все они критиковали китайское правительство за действия в Тибете, причем, на удивление, наиболее резким критиком был Нгабо [Shakya, 1999, с. 155].

После продолжительного тура по святым буддийским местам Индии Далай-лама вновь встретился с китайским премьер-министром. На этот раз Чжоу Эньлай уже имел при себе указания от Мао Цзэдуна. Он заверил Далай-ламу, что в Тибете по указанию Мао Цзэдуна реформы не будут проводиться по меньшей мере в течение шести лет. Однако добавил, что если ситуация в Тибете не улучшится, то Центральное правительство будет вынуждено силой подавить восстание. А Дж. Неру продолжал советовать, что Далай-лама должен

быть вместе со своим народом и единственным решением для Тибета является сотрудничество с Китаем в рамках Соглашения. Оракулы Тибета также заявили, что Далай-ламе необходимо вернуться в Тибет. Лукханва даже сказал в сердцах по этому поводу: «Доведенные до отчаянья люди спрашивают совета богов. Когда же сами боги в отчаянии, они говорят ложь!» [цит. по: Dalai Lama, 1990, с. 133]. Так, Далай-лама, положившись на советы Дж. Неру и заверения Чжоу Эньлая, несмотря на настойчивые уговоры своего семейства и большинства тибетских чиновников, принял решение возвратиться в Тибет, чтобы в очередной раз попытаться сотрудничать с новыми властями. Далай-лама вернулся в Тибет в начале марта 1957 г.

Тибетские события, главным образом, восстание в Восточном Тибете и пребывание Далай-ламы в Индии, заставили китайское руководство в очередной раз пересмотреть свою политику в Тибете. Если накануне отъезда Далай-ламы в Индию Мао заявлял на II пленуме 8-го созыва КПК 15 ноября 1956 г., что если Далай-лама не вернется в Тибет, то не произойдет ничего страшного, однако к окончанию визита Далай-ламы в Индию были официально озвучены критика действий китайского руководства в Тибете и обещание не проводить реформы без согласия тибетских верхов. Из речи Мао Цзэдуна на II пленуме

8-го созыва КПК¹⁴:

Еще раз обсудим проблему Далай-ламы. Бодхисаттва умер¹⁵ 2500 лет назад, сейчас Далай-лама и его окружение хотят поехать в Индию на поклонение. Разрешить ему ехать или нет? ЦК считает, что все-таки лучше разрешить, не разрешать будет нехорошо. Через несколько дней он должен поехать. Просить его лететь на самолете, он не согласится, если ехать машиной, то будет проезжать Калимпонг, а в Калимпонге – агентура всех стран, гомиьндановские шпионы. Следует ожидать, что Далай-лама, возможно, не вернется, и не только не вернется, а будет на весь свет ругаться последними словами: «КПК оккупировала Тибет» и прочее, вплоть до того, что провозгласит в Индии «независимость Тибета»; возможно также, что даст указание реакционерам из верхов Тибета устроить беспорядки с требованием изгнать нас, а сам скажет, что так как его не было, он не несет ответственности. Эту возможность следует рассматривать с плохой стороны. Случись такая плохая ситуация, я тоже буду рад. Тогда нашему Тибетскому рабочему комитету и войскам нужно будет приготовиться, начать строить сооружения, запастись едой и водой. Мы, как те несколько солдат, у каждого своя воля, ты нападаешь, я защищаюсь, ты наступаешь, я обороняюсь. Нам не нужно ударять первыми, пусть первыми ударят они, а затем ответить им контрударом и разгромить этих нападающих волков. Сбежит один Далай-лама, зачем же огорчаться? Прибавим еще девять, будет всего десять, и тогда не будем огорчаться. У нас уже есть один опыт, Чжан Готао¹⁶ сбе-

¹⁴ Пассаж речи Мао по поводу отъезда Далай-ламы, стенограмма которой хранится в Архиве ЦК, был впервые опубликован в 2001 г. [см.: Mao Zedong, 2001, с. 152–153].

¹⁵ День рождения Будды совпадает с днем его кончины.

¹⁶ Чжан Готао (1897–1979) – уроженец Цзянси, в 1919 г. во время движения 4 мая был членом студенческого комитета Пекинского университета, главой спикеров объединенного комитета пекинских студентов, главным ответственным работником. В 1921 г. участвовал в I съезде КПК, занимал руководящие посты в ЦК КПК, временном центральном правительстве Китайской Советской Республики, рабоче-крестьянской красной армии. Во время Великого похода осуществлял деятельность по расколу партии и армии. В Шаньбэй был назначен председателем приграничного района Ганьнин. В апреле 1938 г. под

жал, ничего плохого, ведь связанные не становятся супругами. Ему не нравится твое место, он хочет бежать, пусть и бежит тогда. Какой нам вред от того, что он бежал? Никакого вреда, не более как только брань. Нас, коммунистов, уже ругают 35 лет не иначе как: КПК «в изуверствах не имеет предела», «имеет общих жен» «бесчеловечна без предела». Добавим Далай-ламу, добавим еще кого-нибудь, к чему же беспокоиться. Будут ругать еще 35 лет, будет всего 70 лет. Я думаю, нехорошо бояться ругани. Некоторые боятся, что будут выданы секреты, а ведь сколько тайн знал Чжан Готао, однако никто не слышал, что наши дела ухудшились из-за того, что Чжан Готао их выдал.

Все заявления Мао по поводу тибетской проблемы, а для наибольшей наглядности вышеприведенное, показывают, что китайское руководство не имело никаких иллюзий по поводу своего союза с тибетскими верхами и всегда было готово к худшему для себя сценарию развития событий. Первоначальная стратегия Мао Цзэдуна, направленная на этот союз, натолкнулась на множество проблем, среди которых немаловажное место занимала позиция кадровых работников в Тибете. Как пишет М. Голдстейн: «Несмотря на воззрения Мао о необходимости политики постепенности, многим ожесточенным в боях командирам НОАК в Тибете было трудно оказывать уважение феодальной элите, отсиживаться и не трогать старую систему. Китайские работники в Тибете в действительности планировали начать политические и экономические реформы в 1956 г., хотя им это так и не удалось благодаря вмешательству Мао Цзэдуна» [Goldstein, 1997, с. 53]. Думается, что на последующее решение Мао пойти на уступки тибетской элите оказал немаловажное влияние Чжоу Эньлай, так как именно после встречи последнего с Далай-ламой и его приближенными уже 16 декабря Мао Цзэдун дает указание от ЦК Тибетскому рабочему комитету в течение второй пятилетки не проводить в Тибете никаких реформ [Mao Zedong, 2001, с. 154].

А 27 февраля, когда Далай-лама был еще в Калимпонге, на расширенном заседании Госсовета КНР Мао Цзэдун в своей знаменитой речи по поводу «правильного разрешения противоречий внутри народа», касаясь проблемы Тибета, говорил следующее:

Одиннадцатой проблемой является проблема нацменьшинств и великоханьского шовинизма, а также проблема Тибета. В Китае несколько десятков миллионов нацменьшинств, их территория занимает приблизительно 50–60 %; население составляет 6 % Китая. По этой причине у меня есть раздел среди десяти больших взаимоотношений, в котором следует сказать, что отношения между ханьцами и нацменьшинствами должны развиваться благоприятно. В этом и есть разрешение ханьского шовинизма. А разрешен ли он? Он до сих пор не разрешен. КПК готовится к проведению в этом году собрания высокого ранга, на пленуме ЦК будут специально [обсуждать вопрос] Единого фронта и проблемы нацменьшинств. Нам, действительно, необходимо изменить вели-

предлогом поклонения могилам императоров сбежал из Ганьнина в Ухань, вошел в Гоминьдан, был исключен из партии и объявлен предателем китайской революции [по: Mao Zedong, 2001, с. 153].

коханьский стиль работы, идеи, чувства, монополию на решение вопросов, которые должны исполняться другими, неуважение по отношению к меньшинствам.

В Тибете есть группа, которая хочет создать независимое государство. Сейчас эта организация чувствует себя несколько неуверенно, так как на этот раз Индия попросила нас разрешить им вернуться. Мы разрешили Далай-ламе поехать в Индию, он уже съездил в Индию. Сейчас он вернулся в Тибет¹⁷. Америка продолжает делать свою работу. Есть место в Индии под названием Калимпонг, где они специально проводят диверсии в отношении Тибета. Неру лично говорил премьеру [Чжоу Эньлаю], что это место – центр шпионажа, преимущественно американского и британского.

Если Тибет хочет быть независимым, то наша позиция состоит в следующем: если вы желаете агитировать за независимость, тогда агитируйте, если вы желаете независимости, то я не хочу [вашей] независимости. У нас есть Соглашение из 17 пунктов. Мы советовали Далай-ламе, что ему лучше вернуться: если вы останетесь в Индии, а затем отправитесь в Америку, для вас будет невыгодно. Премьер [Чжоу] говорил с ним несколько раз. Так же и с другими членами движения за независимость, некоторые из них проживают в Калимпонге, он говорил и с ними, советуя им вернуться. Что касается реформ, то Соглашение из 17 пунктов говорит, что реформы должны быть осуществлены, однако они требуют вашего согласия. Если вы не хотите реформ, то их не будет. Вот то, что только что им говорили. Не будет никаких реформ в период II пятилетнего плана, в III пятилетку мы посмотрим, что вы думаете; если вы скажете, что реформы нужны, мы будем их вводить; если вы скажете: нет реформам, то мы их не будем проводить. К чему такая спешка?¹⁸

Эта речь и последующие заявления Мао подтверждали гарантии, данные Далай-ламе Чжоу Эньлаем в Индии, о том, что в Тибете по крайней мере в течение 6 лет не будут проводиться реформы. В феврале 1957 г. Тибетский рабочий комитет в «Итоговом заключении по работе 1956 г., стратегии и задачах на 1957 г.» признавал серьезные ошибки, допущенные при проведении реформ в Чамдо и районе Панчен-ламы, приведшие к обострению ситуации в Тибете. В марте Секретариат ЦК при участии ответственных работников в Тибете Чжан Цзинъю, Чжан Гохуа, Чжоу Жэньшаня, Ван Цимэя, Я Ханьчжана и Му Шэньчжуна принял постановление, согласно которому, помимо моратория на проведение реформ на шесть лет предусматривалось продление отсрочки еще на одиннадцать лет [Zhonggong Xizang, 1995, с. 73]. А 14 мая в указании ЦК Тибетскому рабочему комитету говорилось, что в дальнейшем по работе в Тибете следует «придерживаться пяти» и «не делать четырех», с одной стороны, это:

- 1) продолжать осуществлять и расширять работу единого фронта с верхами в лице группировки Далай-ламы; 2) продолжать работу по воспитанию тибетских кадров; 3) продолжать делать с согласия верхов то, что приветствуется

¹⁷ На самом деле Далай-лама еще не вернулся, а был в это время в Калимпонге.

¹⁸ Пассажа, посвященного проблеме нацменьшинств, нет в Мао Цзэдун, 1957. Этой речи нет и в Мао Zedong, 2001. Я цитировала ее по: Shakya, 1999, с. 158–159. В примечании он пишет, что вся речь Мао была полностью опубликована значительно позже и стала доступна на Западе только с 1985 г.

массами, если есть условия, то оказывать влияние на массы в области экономики и культуры; 4) под руководством ЦК продолжать твердо соблюдать политику по обороне, внешним сношениям и сохранности дорог; 5) посредством различных методов проводить в верхах и народных массах патриотическое воспитание и деятельность против раскола; и, с другой стороны: 1) остановить и прекратить подготовительную работу по демократическим реформам; 2) не вмешиваться во внутритибетские дела; 3) не вести работу по принятию в партию; 4) ничего не предпринимать, если это не случай настоятельных требований и согласия тибетских верхов [там же, 75–76].

Среди причин, заставивших китайское руководство пойти на значительные уступки тибетскому правительству, в числе главных были события в Восточном Тибете и зарубежная деятельность тибетской эмиграции. Очевидно также, что решение приостановить реформы в Тибете отражало внутривластную борьбу и ситуацию в собственно Китае. К 1957 г. в КНР стал явственно проявляться упадок экономики, немаловажной причиной которого были огромные инвестиции в тибетскую инфраструктуру. ЦК было недовольно работой Тибетского рабочего комитета и требовало от него экономии средств.

В августе 1957 г. было объявлено о реорганизации Подготовительного комитета. Многие отделения ликвидировались, сокращалось количество китайских кадров, объявлялось, что до 90 % кадров должны быть тибетской национальности, значительно сокращалось количество войск НОАК. Таким образом, задуманный план административной интеграции Тибета посредством Подготовительного комитета ТАР по сути провалился. Перед руководством Китая вновь встала задача стратегии долгосрочной интеграции Тибета внутри Китая.

6. Движение кхампа «Четыре реки, шесть пиков»

К возвращению Далай-ламы в Тибет в марте 1957 г. ситуация в стране, несмотря на изменение курса, не улучшилась, а, наоборот, ухудшилась, что опять-таки было связано с событиями в Восточном Тибете. Если в Центральном Тибете властям и удалось до некоторой степени вернуть к себе доверие верхов Тибета, то в Восточном Тибете это стало нереально после разрушения монастырей и гибели мирных жителей. В этой ситуации предотвратить распространение восстания на территорию, находящуюся под юрисдикцией Далай-ламы, было уже невозможно.

К середине 1957 г. испытывающим дефицит в оружии и тесным НОАК повстанцам кхампа ничего не оставалось, как искать убежища в Центральном Тибете. Тысячами кхампа пересекали границу и появлялись там под видом паломников. Однако в Центральном Тибете местное население, его подавляющая часть, встретило кхампа в лучшем случае безразлично, а в худшем враждебно. Американская журналистка Анна Л. Стронг, сочувствовавшая китайскому коммунистическому движению, писала: «Мятеж в Сычуани – Чамдо был в основном подавлен к концу 1956 г., хотя разрозненные группы продолжали сохраняться, мародерствуя до тех пор, пока какой-нибудь монастырь не помогал им в пропитании или не организовывали “местный контроль”. Большая часть повстанцев двинулась в Тибет. Это были кхампа, войска Сикана, конница, дикие и недисциплинированные, привыкшие жить грабежом» [Strong, 1960, с. 66]. Среди населения Уй-Цзана, или Центрального Тибета, существо-

вало предубеждение против кхампа, которых большинство и вправду считало бандитами и боялось зачастую больше, чем китайцев.

Не было оказано поддержки кхампа и со стороны Далай-ламы и тибетского правительства. М. Пейсель по этому поводу писал: «Всего лишь слово от Далай-ламы, одна единственная прокламация, и весь Тибет несомненно поднялся бы против китайцев»¹⁹. Верно и то, что многие в тибетском правительстве, в том числе и Далай-лама, сочувствовали повстанцам, однако на самом деле не могли оказать никакой реальной помощи. Даже моральная поддержка в виде прокламации от Далай-ламы, о которой писал М. Пейсель, или что-либо подобное от известных религиозных деятелей могли иметь очень серьезные последствия. Более того, а это было серьезной причиной, Кхам и Амдо, несмотря на этническую общность с населением Уй-Цзана, находились вне юрисдикции тибетского правительства, по причине чего любая поддержка с его стороны могла быть расценена как вмешательство во внутрикитайские дела. Затруднительное положение, в котором оказалось тибетское правительство, понимали и некоторые из кхампа. Так, Андруг Гонпо Таши, лидер сопротивления кхампа, писал: «Тибетское правительство было в ужасном положении. Несмотря на то, что они, как и народ, нам симпатизировали, безусловно, что у них были подрезаны крылья и не было никакой возможности нам помочь. Сделать это стало бы совершенно недвусмысленным приглашением китайцам ввести невыносимые методы, которые Центральный Тибет пока избежал, но которые уже имели место в Восточном Тибете. Кашаг в полной мере понимал серьезность ситуации, равно как и мы» [Andrug, 1973, с. 57]. В результате, повстанцам пришлось полагаться лишь на помощь земляков из Кхама и Амдо, преимущественно торговых людей, проживавших в Лхасе.

Повстанцы кхампа оказались, таким образом, в очень трудном положении. На их родине войска НОАК захватили большую часть Кхама и Амдо, в Центральном Тибете, изможденные и подавленные, они оказались чуждыми большинству населения, так как несмотря на всеобщее недовольство китайским присутствием, открытой конфронтации в Центральном Тибете не было. Китайские власти, памятуя о новых указаниях, не предпринимали никаких действий и против беженцев кхампа, так как те находились на территории, подвластной действию Соглашения из 17 пунктов. Временное затишье позволило кхампа пересмотреть свою стратегию и собраться организационно.

Группа богатых торговцев кхампа, проживавших в Лхасе, приняла решение организовать молебен в честь долгой жизни Далай-ламы, который включал в себя подношение ему золотого трона. Андруг Гонпо Таши отправил людей во все части Тибета на сбор пожертвований [Andrug, 1973, с. 52–53]. Подношение золотого трона, по замыслам организаторов, должно было сплю-

¹⁹ Peissel, 1972, с. 90. Ц. Шакья, комментируя слова Пейселя, пишет: «Я уверен, что многие кхампа лично разделяют взгляды, выраженные Пейселем в его книге, хотя и не осуждают лично Далай-ламу: их гнев в основном направлен на тибетскую аристократию. На самом деле, во время моего исследования я встречал многих людей из Восточного Тибета, кто выражал сильное возмущение лхасским властям за то, что они их не поддержали» [Shakya, 1999, с. 488].

туть вокруг себя движение сопротивления, однако политические и социальные последствия события во многом превосходили ожидания инициаторов церемонии. В то время как любая социальная активность населения вызывала подозрение как тибетских, так и китайских властей, они ничего не могли поделать в том случае, когда речь касалась религии. На заседании Подготовительного комитета по организации церемонии 21 апреля присутствовали два калона тибетского правительства, которое позднее официально одобрило ее проведение [Zhonggong zhongyang, 1986, с. 76]. Энтузиазм населения со всех частей Тибета и всех слоев общества вылился в активнейшее участие в подготовке и проведении ритуала, который перерос в торжественную религиозную церемонию молебствий, состоявшуюся 4 июля 1957 г. в Норбулинке. Пожертвования составили, по словам Андруг Гонпо, 4745 индийских тола золотом и драгоценными камнями. Впервые тибетский народ объединился в защиту своих общих традиционных ценностей, к которым он относил правление Далай-ламы и свою религию – буддизм, против общего врага – китайцев, которых ассоциировал с Тэндра – «врагами веры», а кхампа – с «защитниками веры». Церемония стала подтверждением преданности и веры тибетского народа в суверенную власть Далай-ламы, и, что более важно, символическим актом неприятия власти, пришедшей извне.

Деятельность кхампа по сбору пожертвований на сооружение золотого трона стала центром движения сопротивления, но и на этот раз она не вызвала у лхасских властей какого-либо желания ему содействовать. Напротив, война в Восточном Тибете, развернувшаяся с новой силой к концу 1957 г., подавление восстания и новый приток беженцев в Центральный Тибет, составивший, по некоторым данным, 15 тыс. семейств [Peyssel, 1972, с. 95], заставили тибетское правительство, во избежание конфликта с китайской стороной, предпринять действия, которые кхампа вновь восприняли как предательство их интересов. Оно решило депортировать несколько сотен гоминьдановцев и кхампа. Решение правительства вкупе с трудностями практического характера: проблемами продовольствия и трениями по этому поводу с лхасским населением, – вынудили повстанцев переместиться на юг Тибета, в область Лхока, ставшую опорным пунктом повстанческого движения.

Сосредоточение в Лхока большого количества кхампа и амдова, их было около 15 тыс. [по: Shakyu, 1999, с. 169], ознаменовало рождение повстанческого пан-кхампа движения под названием «Чуши Гандрун» (*Chu-zhi Gang-drung* – «Четыре реки, шесть пиков») ²⁰. Повстанцы были разбиты на полки в соответствии с принципом землячества, как-то: полк Литана, Батана и проч. Андруг Гонпо был официально признан руководителем организации. 16 июня 1958 г. в местности Дригутхан состоялся митинг и парад вооруженных кхампа

²⁰ Чуши Гандрун – древнее название Кхама, охватывающее область проживания всех восточнотибетских племен, включая части Тибета политического и провинций Ганьсу, Цинхая, Сычуани и Юньнани. Четыре реки – это Салвин (Rgya mo ngu chu), Янцзы ('Bri chu), Меконг (Rdza chu), Хуанхэ (Rma chu); шесть пиков (гор) – Нгул За Шамо Ганг (rMgul rdza zal mol sgang), Пор бор Ганг (Spor 'bor sgang), Ми нгья Рава Ганг (Mi nyag 'a bas sgang), Цава Ганг (Tsha sgang), Маркхам Ганг (Smar khams sgang), Марша Ганг (Dmar rdza sgang).

и амдова, поднят флаг восставших и провозглашено создание «Добровольческой армии, защищающей веру» (*Bstan srung dang blangs dmag mi*) – другое название «Чуши гандруна». Ядро армии насчитывало тогда 5 тыс. человек.

Вести о нарастании тибетского сопротивления и образовании «Чуши гандрун» активизировали деятельность тибетских эмигрантов в Калимпонге, агентов Гоминьдана и ЦРУ. США находились в это время в состоянии холодной войны с «международным коммунизмом» и свою цель видели в дестабилизации коммунистических режимов всеми возможными средствами. Тибет, как и раньше, не был в их глазах стратегически важным объектом антикоммунистической борьбы. Предпочтение США было отдано не дипломатическим средствам, на которые хотелось бы рассчитывать лидерам тибетской оппозиции, а тайной поддержке антикитайской деятельности, которая возлагалась на ЦРУ. В результате тайных сношений американской разведки с лидерами тибетской оппозиции, в первую очередь, братом Далай-ламы – Тубтэном Норбу, ЦРУ обучило военным методам ведения партизанской войны шестерых тибетских партизан на секретной американской базе в Тихом океане. Пятеро из них двумя группами десантировались, первая – близ Самье, вторая – в Литане. Один из десантников был позже захвачен НОАК, в результате чего китайцы узнали о вовлечении в конфликт США. Целью десантников было установление прямой связи с Далай-ламой, проведение разведывательных действий и организация партизанских отрядов [Shakya, 1999, с. 170–180]. Связь с Далай-ламой установить не удалось. Что касается остальных целей, то их успех можно назвать относительным. Обученные ЦРУ партизаны стали активными деятелями тибетского сопротивления. Через их посредство американцам удалось дважды сбросить в Тибет вооружение – автоматы и амуницию. Однако роль ЦРУ в масштабах всего движения сопротивления была все же незначительной, по крайней мере, ее никак нельзя назвать определяющей в успехах повстанческой армии, последовавших к концу 1958 г.²¹ Далай-лама пишет:

Когда я оказался в изгнании, я слышал истории о том, как оружие и деньги сбрасывались в Тибет с самолетов. Однако эти миссии причинили вреда больше тибетским, нежели китайским силам. Так как американцы не хотели, чтобы их помощь можно было отнести на их счет, они снабжали оружием неамериканского производства. Вместо этого они сбросили лишь несколько старых базук и древних английских ружей, которые когда-то были в широком употреблении в Индии и Пакистане и по которым было бы невозможно установить источник их поставки в случае захвата. Однако повреждения, нанесенные им во время сбрасывания, сделали их практически бесполезными [Dalai Lama, 1990, с. 139].

Но не следует и недооценивать роль США в антикитайской деятельности. Для китайских властей значение имели не столько масштабы американского вовлечения в конфликт, сколько сам факт участия империалистических сил и

²¹ Я согласна с мнением Ц. Шакьи, который считает, что большинство книг о деятельности ЦРУ, включая отчеты его бывших агентов, очень сильно преувеличивают роль американской разведки в тибетском восстании и последующем бегстве Далай-ламы в 1959 г. [см.: Blum, 1986, Prouty, 1973, Marchetti and Mark, 1974, Knaus, 1999].

иностранной разведки в подрывной деятельности против КНР. Это давало им прямое основание для использования силы, так как тибетское восстание, в их интерпретации, оказывалось не просто инспирированным «кучкой помещиков-крепостников», а становилось результатом международного империалистического сговора против КНР.

Таким образом, не без помощи ЦРУ к концу 1958 г. вооруженные по-встанческие отряды уже представляли собой значительную силу. Не встречая серьезного сопротивления войск НОАК, значительная часть которых была выведена в 1957 г., они установили фактический контроль над всей территорией Тибетского района к югу от Брахмапутры (р. Цанпо). Однако количество повстанцев, определяемое некоторыми исследователями в 80 тыс., 100–200 тыс. [по: Богословский, 1978, с. 76–77], представляется явно преувеличенным. Китайские источники определяют число повстанцев в гораздо меньшем количестве, но общей численности не называют. Согласно тибетской стороне, в начале 1959 г. отряды кхампа атаковали трехтысячный гарнизон НОАК в Цзэтане, а затем овладели городом. Китайские источники утверждают, что тибетцев было более 2 тыс. человек, в то время как город обороняли всего 300 китайских солдат, осада продлилась 74 дня, а город так и не был захвачен [Zhonggong Xizang, 1995, с. 87]. К повстанцам стали примыкать уже в большом количестве и местные жители.

Обострение ситуации не могло не вызвать серьезной обеспокоенности со стороны центра. Однако действия Пекина перестают быть согласованными, поскольку в 1957 г. в политике центрального руководства страны стал все больше проявляться левый уклон, что отразилось и на политике в отношении нацменьшинств. В мае 1957 г. Мао Цзэдун провозгласил кампанию «пусть расцветают все цветы» и предложил китайской интеллигенции и партийным кадрам открыто критиковать ошибки КПК. В кампании приняли участие и тибетские студенты Пекинского института национальностей, большинство из которых были детьми тибетских аристократов. Они требовали от властей восстановления статуса и полномочий Далай-ламы. В это же время проходила кампания по исправлению ошибок, допущенных китайскими кадрами в районах нацменьшинств. На специальной сессии Комиссии национальностей ВСНП заместитель секретаря Тибетского рабочего комитета Фань Мин признался в допущении великоханьского шовинизма в работе в Тибете. В апреле 1958 г. уже развернулась кампания против правых. Она обратилась на этот раз против тех, кто критиковал великоханьский шовинизм. В вину им вменялся местный национализм и участие в антипартийных группировках. Среди жертв кампании оказались член КПК Баба Пунцог Вангьял и сам Фань Мин. Баба Пунцог Вангьяла сместили с работы в Тибете, Фань Мин и трое других ответственных работников были исключены из партии.

Внутрипартийная борьба и ситуация внутри Китая были настолько напряженными, что Пекин и лично Мао Цзэдун отстранились на время от тибетской политики. Об этом свидетельствует отсутствие в его трудах на протяжении всего 1958 г. каких-либо указаний в отношении тибетской политики. По этой же причине в период с середины 1957 г. и вплоть до восстания в марте 1959 г. ситуация в Тибете вышла из-под контроля как китайских, так и тибетских

властей. При отсутствии централизованного руководства партийные и военные власти в Тибете не знали, как поступить в этой чрезвычайной обстановке. Они не могли решиться на открытое подавление повстанцев на территории, находившейся под юрисдикцией Далай-ламы, так как ясно понимали, что это чревато втягиванием в антикитайское движение широких слоев населения Центрального Тибета, как это уже произошло в Восточном Тибете, и неизбежным крахом политики союза с верхами Тибета. Они также учитывали ограниченные возможности размещенных в то время в Тибете войск НОАК. Китайское руководство в этой ситуации решило переложить бремя ответственности на тибетское правительство и потребовало от него принятия мер по подавлению повстанческого движения.

Руководители повстанцев кхампа также усилили давление на тибетское правительство и Далай-ламу, требуя открытой поддержки своего движения. Тибетские власти вновь оказались меж двух огней. Их никак не устраивала открытая конфронтация с Пекином. Обещание не проводить в течение шести лет реформ, ограничение деятельности ПКТАР, сокращение войск НОАК и другие уступки со стороны китайского руководства позволяли им надеяться на продолжение действия Соглашения и сохранение традиционной формы правления. Желание поддержания стабильности в стране было продиктовано еще и тем, что во время Монлама в начале 1959 г. намечались заключительные экзамены Далай-ламы на получение докторской степени геше, которые никак нельзя было сорвать и на чем категорически настаивали настоятели крупнейших монастырей. Подавление движения кхампа силой по понятным причинам также не устраивало тибетские верхи, тем более, что многие из них сочувствовали движению и выражали ему открытую поддержку. Кроме того, тибетское правительство не обладало никакими ресурсами для подавления повстанцев, не говоря уже о моральной стороне подобных действий. Поэтому, по своей обычной практике, Кашаг занял выжидательную позицию, не желая выступать ни на чьей стороне: он отказывался предоставить какую-либо помощь повстанцам, издавал указы, запрещающие антикитайскую деятельность, и саботировал требования китайского правительства подавить восстание силой.

Обстановка в Тибете продолжала обостряться. В начале 1959 г. повстанцы уже действовали в непосредственной близости от Лхасы. Город заполнили тысячи беженцев из Восточного Тибета, монахи и паломники, прибывавшие на празднование Монлама.

7. Тибетское восстание и бегство Далай-ламы

Канун 1959 г. застал Тибет в состоянии безвластия и надвигающегося хаоса. Тибетское правительство в отсутствие дееспособного руководства не контролировало ситуацию, его функции фактически свелись к обеспечению охраны Далай-ламы. Продолжающиеся собрания чиновников в тибетском правительстве и ПКТАР не имели никаких результатов, отсутствие среди членов правительства взаимного доверия препятствовали открытому обмену мнениями и высказыванию своей позиции. Высшее руководство любым действиям предпочитало выжидательную позицию и предосторожность. Чинов-

никам низших рангов, занимавшим, как правило, более принципиальную позицию, ничего не оставалось, как вслед за руководством наблюдать и выжидать. Кампания против правых, набравшая обороты в собственно Китае, поглотила внимание и центрального китайского руководства. Под обстрел критики попали китайские кадры в Тибете, которым вменялось в вину распространение восстания в Восточном Тибете. Вместо конкретных действий им предписывалось «повышать идеологическое сознание и прислушиваться к мнению широких масс». В ПКТАР периодически устраивались сессии политического воспитания, на которых присутствовали как светские, так и религиозные деятели Тибета. О том, что и Пекин перестал контролировать ситуацию в Тибете, свидетельствует вызов в столицу двух самых высокопоставленных китайских кадров в Тибете – Чжан Цзинъю, представителя Центрального правительства в Лхасе, и Чжан Гохуа, главы военного комиссариата в Тибете – в самое чреватое антикитайскими настроениями время года, каким всегда являлся период проведения религиозного праздника Монлам. Центральные власти тем самым обезглавили свое руководство в Тибете.

Распространение восточнотибетского восстания в Центральный Тибет вызвало нарастание напряженности и всплеск антикитайских настроений среди местного населения, которое стало все больше оказывать поддержку повстанцам и даже входить в их ряды. В народе распространились слухи о том, что после проведения экзамена на степень геше Далай-ламу собираются насильно увезти в Пекин²². Наплыв в Лхасу огромного количества беженцев, паломников и монахов со всех частей Тибета подогривало царящее в городе возбуждение.

Событиям, произошедшим затем в марте 1959 г., посвящено огромное количество публикаций, авторами которых были непосредственные участники событий тех лет, как тибетцы, так и китайцы, западные корреспонденты, правозащитники, ученые и многие другие. Череда последовавших друг за другом событий описывается у разных авторов по-разному, порождая тем самым взаимоисключающие интерпретации. Рассмотрим эти события, в одночасье изменившие судьбу тибетского народа, более подробно.

29 числа 12 месяца по тибетскому календарю (7 февраля 1959 г.) во дворце Потала проходило представление монахов из монастыря Намгьял, исполнявших религиозные танцы. Этим завершались церемонии по окончанию года земляной собаки. Присутствовали Далай-лама, члены Кашага, Тань Гуаньсань, исполнявший обязанности китайского представителя, и Дэн Шаодун, заместитель командующего тибетского военного округа. Тань Гуаньсань и Дэн Шаодун во время зрелища сообщили Далай-ламе, что в Тибет прибыл новый танцевальный ансамбль из Китая. Так до сих пор не совсем понятно, по чьей инициативе было решено устроить спектакль для Далай-ламы в новом зрительном зале штаба Тибетского военного округа. Далай-лама пишет, что предложение о месте представления исходило от китайской стороны и что он

²² Слухи о возможном отъезде Далай-ламы в Пекин не были беспочвенными. В апреле открывалась сессия ВСНП, на которой Далай-лама должен был присутствовать как заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП.

охотно согласился [Dalai Lama, 1990, с. 142]²³. Нгабо же утверждает, что Далай-лама лично предложил, чтобы представление происходило в штабе НОАК, так как в Норбулинке не было подходящего помещения [Ngabo, 1991, с. 440]²⁴. Что касается времени проведения спектакля, то дату должен был определить Далай-лама. Однако в это время он был в гораздо большей степени озабочен предстоящими экзаменами на степень геше, нежели этим спектаклем, поэтому только 7 марта, когда он успешно прошел экзаменационные испытания и закончился Монлам, дал согласие посетить театр тремя днями позже, т. е. 10 марта.

Обстоятельства, сопутствующие этому спектаклю, также выглядят весьма странно. Так, всего лишь несколько человек из окружения Далай-ламы знали о договоренности, члены Кашага, в том числе и Нгабо, узнали о предстоящем визите только 9 марта. В этот же день китайцы вызвали зятя Далай-ламы Таши Такла на обсуждение деталей визита. По его свидетельству, они заявили, что Далай-лама на этот раз должен обойтись без обычного этикета и без своей личной охраны, так как ее обеспечение берет на себя китайская сторона²⁵. Нгабо же утверждает, что не могло быть и речи о том, чтобы Далай-лама явился на представление без личной охраны.

Весть о предстоящем визите Далай-ламы в китайский лагерь сильно обеспокоила его окружение. Чиновники-монахи тибетского правительства Барши и Еше Лхундуп приняли решение распустить среди светских и религиозных членов правительства слух о том, что Далай-ламу намереваются насильно увезти из Тибета. Этот слух, подобно ветру, тут же распространился по всему городу. На следующий день вся Лхаса уже знала о том, что Далай-лама должен посетить штаб НОАК, где его якобы намереваются заточить китайские власти.

На следующий день около Норбулинки собралась многотысячная толпа тибетцев, которая выражала настойчивое желание увидеть Далай-ламу. По мнению Ц. Шакья, гнев людей был направлен не только против китайцев, но и против тибетской правящей элиты, по их убеждению, предавшей интересы

²³ Далай-лама пишет, что предложение исходило от Чжан Цзинью. Его Святейшество, видимо, ошибается, поскольку Чжан Цзинью в это время в Тибете не было, и предложение могло исходить только от Тань Гуаньсяня и Дэн Шаодуна.

²⁴ В своей статье под названием «Факты о мятеже 1959 г.» Нгабо дает свою версию событий тибетского восстания. Он пишет: «С тех пор прошло 29 лет, и не только молодые тибетцы не знают правды об этом событии, но и старые люди мало что знают. К сожалению, распространителями слухов являются буддисты. Как свидетель событий, я знаю историю изнутри и обязан нынче раскрыть факты» [Ngabo, 1999,

с. 439]. В конце статьи Нгабо в частности утверждает, что Тибет никогда не был независимым. Ц. Шакья пишет, что Дхарамсала дала письменный отклик на статью Нгабо, однако не оспаривала главный аргумент Нгабо о том, что сам Далай-лама, а не китайцы, избрал местом проведения спектакля штаб НОАК [Shakya, 1999, с. 491–492]. Возможен и такой вариант, что Далай-лама не придал особого значения этому разговору, так что некоторые его детали стерлись со временем из памяти, ведь никто не мог тогда предположить, что с этого, казалось бы, незначительного эпизода начнутся события такого значения, как бегство Далай-ламы и разрыв Соглашения.

²⁵ По: Shakya, 1999, с. 189.

Далай-ламы [Shakya, 1999, с. 192]. Народ заблокировал дорогу ко дворцу и не пропускал внутрь чиновников правительства. Первым пострадавшим от действий толпы был Сампо – член делегации, подписавшей Соглашение из 17 пунктов, и член руководства тибетского военного округа. Его машину забросали камнями, после чего он был препровожден в больницу индийской миссии. Кунчун Со-нама Гьяцо – члена Народно-освободительного комитета Чамдо и Комитета по религиозным делам ПКТАР забили до смерти.

Утром 10 марта (по китайским данным, после обеда в 3 часа) калоны Кашага Суркхан, Люшар и Шасур отправились из Норбулинки в китайский лагерь, чтобы сообщить о том, что визит Далай-ламы не может состояться из-за скопления народа, окружившего дворец. Оказалось, китайцы не придали особого значения собранию людей у Норбулинки. Когда члены Кашага прибыли в штаб НОАК, их встречали школьники с ритуальными шарфами кхата и цветами. Нгабо в это время был уже в штабе, где председательствовал на образовательной сессии для членов ПКТАР, на которой присутствовали почти все без исключения чиновники Кашага. Во второй половине дня в китайский лагерь прибыли все религиозные верхи и тибетская аристократия в полном составе, включая двух наставников Далай-ламы и членов его семейства [Sakya and Emery, 1990, с. 271–273]. Тибетских гостей принимали по высшему разряду: религиозные деятели смотрели фильмы, для светских чиновников были расставлены столы для маджонга, а молодых чиновников препроводили в новый дансинг-холл [там же]. Тань Гуаньсань, узнав, что Далай-лама не придет на представление, тут же заявил, что демонстрации заранее спланированы, и потребовал от членов Кашага принять все меры для их прекращения [Zhonggong Xizang, 1995, с. 89].

В то время как тибетская правящая элита принимала знаки китайского гостеприимства, народные массы около Норбулинки продолжали требовать допуска к Далай-ламе. Калон Суркхан объявил собравшимся, что допустить всех без исключения к Далай-ламе не представляется возможным из-за соображений личной безопасности Далай-ламы и поэтому необходимо избрать для этой цели группу представителей от народа. Эта группа стала впоследствии ядром «Народных представителей». Калоны Кашага Суркхан, Люшар и Шасур были объявлены китайскими властями главными зачинщиками «мятежа», хотя как раз они пытались всеми способами примирить обе стороны конфликта.

Чиновники низшего звена, находившиеся в Норбулинке, смогли перевести гнев толпы с окружения Далай-ламы на китайцев. При встрече с народными представителями Барши заявил, что опасность исходит прежде всего от китайцев и только их присутствие является главной угрозой правлению Далай-ламы. Он также посоветовал представителям оставить около Норбулинки несколько человек, а остальным двинуться на Лхасу²⁶. Таким образом, чиновники Кашага, в основном служащие низшего звена, без официальной санкции руководства открыто агитировали толпу на антикитайские выступления, считая стихийные демонстрации народа последним шансом на то, чтобы избавиться от китайского присутствия.

²⁶ Интервью с Барши [см.: Shakya, 1999, с. 195].

Как было сказано выше, ситуацию в Лхасе не контролировали ни китайское руководство, ни верхи Тибета. Единственной личностью, которая хоть как-то могла оказать влияние на толпу, был Далай-лама. Он не хотел открытых антикитайских демонстраций, так как не без оснований полагал, что это повлечет за собой применение силы со стороны китайцев и неизбежные жертвы среди тибетцев. Поэтому, все еще надеясь на мирное разрешение конфликта, он пытался «выиграть время» и договориться с китайцами, для того чтобы предотвратить атаку на дворец и безоружных людей.

На достижение договоренности с Далай-ламой надеялись некоторое время и китайцы. Тань Гуаньсань написал Далай-ламе письмо, советуя воздержаться от посещения спектакля. Между ним и Далай-ламой завязалась переписка²⁷, в которой Его Святейшество в целях успокоения бдительности китайцев писал, что «среди толпы есть опасные элементы, которые хотят подорвать отношения между Тибетом и Китаем» [Dalai Lama, 1990, с. 147]. Тем временем на пути ко дворцу были возведены баррикады, в деревне Шол, что находилась у подножия Поталы, проходили митинги, в них принимали участие, по разным сведениям, около 50 или 70 членов тибетского правительства, было образовано так называемое «Народное собрание». На следующий день в Шоле собрались уже десятки тысяч человек. Соглашение из 17 пунктов было объявлено недействительным, китайцам предлагалось уйти из Тибета. Однако тибетское правительство отмежевалось от этих деклараций о независимости и денонсации Соглашения. В городе в отсутствие централизованного руководства восстанием стали образовываться профессиональные гильдии и общества взаимопомощи, которые затем примкнули к восстанию. На третий день толпы восставших направились к индийской и непальской миссиям с просьбами поддержать независимость Тибета. В этот же день были открыты арсеналы правительства и оружейные склады некоторых монастырей, и оружие раздавалось всем желающим. На сторону восставших перешли остатки тибетских войск. Восставшие усилили свое давление на Кашаг, требуя официально поддержать восстание. Кашаг и Далай-лама вновь оказались меж двух огней. В то время как китайцы считали Кашаг зачинщиком восстания, массы считали его руководителей коллаборационистами.

Затем на некоторое время наступило затишье. Далай-лама продолжал переписываться с Тань Гуаньсанем, и китайцы ничего не предпринимали, все еще надеясь склонить его на свою сторону. Кашаг тем временем искал способы обезопасить Его Святейшество от обоюдного давления. Было принято решение об эвакуации его из дворца, ответственность за это была возложена на Пхала. Последний вызвал Атхара и Лоцэ – операторов ЦРУ, находившихся в то время близ Лхунцзе Цзона, и информировал через своего служащего индийское консульство о том, что Далай-лама может попросить убежища в Индии.

Обстановка в Лхасе стремительно ухудшалась. Через неделю фактического бездействия китайских властей распространились слухи о том, что к городу

²⁷ Письма Далай-ламы и Тань Гуаньсяня были опубликованы в 1959 г. [см.: О тибетском вопросе, 1959].

продвигаются большие контингенты войск и артиллерия НОАК. 16 марта Далай-лама получил третье послание от генерала и сопроводительное письмо от Нгабо, по которому стало ясно, что китайцы намерены атаковать толпу и бомбардировать дворец [Dalai Lama, 1990, с. 148]. На следующий день в третий раз Его Святейшество обратился к оракулу за предсказанием. И только на этот раз Дорже Дракден в лице молодого оракула по имени Лобсан Чжигмэ велел уходить этой же ночью. Далай-лама в своих воспоминаниях пишет: «Оглядываясь назад с расстояния более чем в 31 год, я уверился в том, что Дорже Дракден знал все время, что мне нужно покинуть Лхасу 17 числа, но он не говорил этого, боясь распространения слухов. Если нет никаких планов, то никто о них и не узнает... Советы свыше совпали с моим собственным убеждением: я был уверен, что отъезд – это единственное, что я могу сделать для того, чтобы толпа разошлась. Если меня нет внутри, то нет причины для людей, чтобы оставаться. Поэтому я решил принять совет» [Dalai Lama, 1990, с. 149–150]. Ночью переодетый в светское платье Далай-лама и его ближайшее окружение покинули дворец, пересекли реку Кичу и направились в сторону Индии.

В Лхасе же через десять дней после начала восстания 20 марта НОАК был отдан приказ взять город. Китайские источники сообщают, что в 3 часа 40 минут «вооруженные мятежники» начали обстрел НОАК, контролировавшую переправу через реку Лхасы на юго-западе от Норбулинки. Вслед за этим были атакованы партийные, правительственные, военные учреждения, станция перевозок Цинхай-тибетской дороги, а также Отделение внешних сношений ПКТАР, Народная больница, Народный суд, почта и проч. В 6 часов утра состоялось экстренное заседание, на котором было принято решение о нанесении контрудара по мятежникам [Zhonggong Xizang, 1995, с. 95]. Громкоговорители призывали народ к разоружению и сдаче. Двое суток ожесточенных боев потребовались НОАК для того, чтобы захватить Норбулинку, Поталу и другие места дислокации повстанцев. 23 марта впервые в истории над Поталой взвился китайский красный пятизвездный флаг. Начались обыски и аресты. Улицы покрылись телами убитых и раненых. По официальным данным, было захвачено более 5300 человек, среди них убитыми – 545, ранеными и пленными – 4800 [там же, с. 96]. Также сообщалось, что было захвачено 8 тыс. ружей, 81 легких и тяжелых пушек, 27 минометов и 10 млн. патронов. 23 марта было объявлено в городах и селах о создании Комитета военного контроля.

Известие о полномасштабной атаке Лхасы дошло до партии Далай-ламы, когда она достигла монастыря Рамэ, что на юго-востоке Лхасы. Сильно обеспокоенные, члены партии решили двинуться еще на юг вдоль Брахмапутры. До отъезда из Рамэ Далай-лама написал письма калонам Нгабо и Сампо, бывшему премьер-министру Лобсан Таши о назначении его регентом, а также Панчен-ламе. Однако неизвестно, дошли эти письма до своих адресатов или нет. Партия продвигалась в направлении Лхунцзэ Цзона. Через четыре дня они достигли Чонгье Риводэчэн, где их встречали бойцы «Чуши Гандруна» во главе с Атхаром. Атхар рассказал Пхала о деятельности «Чуши Гандрун» и его лидере Гонпо Таши, а также об американской помощи в снабжении оружием и

тренировке партизан. На следующий день Атхар встретился с Далай-ламой и рассказал о желании Америки помочь тибетцам, он также хотел знать о намерениях Далай-ламы, для того чтобы обеспечить эту помощь. Далай-лама сказал Атхару, что решение еще не принято, но пока они хотят образовать временное правительство в Лхунцзе Цзона, о чем Атхар незамедлительно передал американцам по радио. Так впервые была налажена прямая связь между агентами ЦРУ и Далай-ламой. Но несмотря на это, ни Далай-лама, ни Кашаг не делали никаких прямых обращений к Америке. Тем не менее, американцы были уже вполне уверены в достоверности сведений о планах Далай-ламы, вследствие чего обещали сбросить третью партию оружия, которая должна была быть самой большой (для 2 тыс. человек).

Атхар и Лоцзе сопровождали Далай-ламу до Лхунцзе Цзона. Это место было совершенно свободно от китайского контроля и стало прибежищем для многих кхампа и солдат тибетской армии. Здесь Далай-лама создал временное правительство Тибета и включил группы сопротивления кхампа в его структуру. Андруг Гонпо Таши был награжден титулом Магчи Цзасаг (Magchi Dzasag) [Andrug, 1973, с. 106]. На следующий день состоялись переговоры между Атхаром и членами Кашага, которым было доложено о деятельности американцев и «Чуши Гандрун». Ц. Шакья пишет: «Намерения тибетского правительства устраивали ЦРУ. Это обеспечивало ЦРУ базой, а также законными и моральными основаниями для его вовлечения, способствовало планам создания партизанской сети в Тибете» [Shakya, 1999, с. 206]. В этот же день из Лхасы прибыла группа чиновников с вестями о падении Лхасы, разрушении Поталы и Норбулинки, выдвигении НОАК в сторону Лхунцзе Цзона и прочими слухами, вызвавшими панику среди членов правительства. Атхару было поручено связаться с американцами, с тем чтобы последние связались с индийским правительством и просили убежища для Далай-ламы.

28 марта Чжоу Энлай обнародовал приказ Госсовета, в котором объявлялось об окончательном подавлении мятежа, роспуске местного тибетского правительства, передаче его полномочий ПКТАР. Сообщалось также, что на время отсутствия Далай-ламы вследствие «его похищения» пост Председателя ПКТАР будет исполнять Панчен-лама, его заместителями назначаются Пхагба Гэлэг Намгьял и Нгабо Нгаван Чжигмэ. 18 членов ПКТАР – участников мятежа, в том числе Суркхан, Люшар, Шасур, снимаются с должностей и будут наказаны в соответствии с законом [Zhonggong Xizang, 1995, с. 97]. Мао Цзэдун в связи с официальным заявлением писал Лю Шаоци и Дэн Сяопину 27 марта в числе прочих пунктов следующее:

Они говорят, что ханьцев можно спугнуть; 9 лет назад ханьцы не посмели тронуть нашу прекрасную священную рабовладельческую систему; они могут лишь парировать удары, но не могут сами нанести удар; они не посмеют подавить мятеж, а будут только возлагать ответственность за подавление на нас; нам всего лишь нужно привезти из-за границы большую партию вооружения в Лхасу и ударить, и ханьцы должны побежать; если не побегут, то мы увезем Будду Далай-ламу в Наньшань, сконцентрируем силы, организуем контрудар, отвоюем Лхасу; если последнее не удастся, то побежим в Индию; Индия нам сочувствует, может быть, поможет нам; есть еще и мощная Америка, тоже может нам помочь; президент Тайваня Цзян [Чан Кайши] уже активно нам помогает; Далай-лама – бог, кто же посмеет не последовать ему? Амери-

канцы говорили, что китайские народные коммуны вызвали всеобщее негодование, так что все восстанут против, что сейчас самое время изгнать китайцев и самоутвердиться, и так далее и тому подобное. Души этих оппозиционеров уже взлетели за облака девятых небес, что скоро охватят весь космос. Поэтому они не то что не возьмутся останавливать атаки мятежников, а будут с еще большей яростью и активностью устраивать заговоры против Родины [Mao Zedong, 2001, с. 168].

Это письмо, впервые изданное с рукописного варианта в 2001 г., вряд ли требует комментариев. В марте 1959 г. руководство КНР без обиняков признавало между собой невозможность дальнейшего сотрудничества с тибетской элитой и соответственно крах проводимой ею в течение 9 лет политики единого фронта. Тибетское руководство, со своей стороны, так же не видело никаких перспектив дальнейшего сотрудничества. 30 марта 1959 г. Далай-лама и его окружение перешли границу по линии Мак-Магона, 31 марта индийское правительство официально предоставило им политическое убежище. Движение сопротивления практически сразу же сошло на нет, войскам НОАК потребовалось 8 дней, с 20 по 28 марта, чтобы овладеть всеми важнейшими городами и районами Тибета, и 10 дней, с 8 апреля, чтобы взять основные базы сил кхампа в Лхоке. Гонпо Таши перешел границу 28 апреля, вместе с этим событием закончилась страница вооруженного сопротивления внутри Тибета. В большинстве западных источников приводят данные, якобы взятые из захваченных китайских документов, согласно которым: между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. тибетцев, 25 тыс. арестовано, в течение года, начиная с 1959 г., за границу бежало в общей сложности около 80 тыс. человек.

Масштабы восстания и степень вовлечения в него различных слоев населения хорошо изучены в работе В. П. Богословского [Богословский, 1978]. Существуют две крайние точки зрения на проблему. В официальных китайских документах, опубликованных непосредственно во время событий, утверждалось, что «мятеж начали местное тибетское правительство и реакционная клика верхушки Тибета в сговоре с империализмом», в то время как «тибетский народ настроен патриотически» [там же, с. 82]. В работах же западных авторов (преимущественно журналистов) и тибетских эмигрантов говорится об общенациональном характере восстания. Эти точки зрения, на взгляд В. П. Богословского, нуждаются в корректировке. По его мнению, ни глава тибетского правительства Далай-лама, ни министры Кашага не были инициаторами и руководителями восстания. Напротив, большинство столичной аристократии занимало примиренческую, выжидательную позицию. Восстание началось стихийно. Его «горючим материалом» стало «лишнее население», оказавшееся в Лхасе в марте 1959 г. Оно состояло из монахов, собравшихся на Монлам, монахов и мирян, бежавших из восточных районов Тибета, вооруженных групп кхампа. В. П. Богословский вслед за М. Пейселем, Дж. Гинзбургом и М. Матосом отмечает руководящую роль кхампа в движении. При этом Дж. Гинзбург и М. Матос считают, что основная масса постоянных жите-

лей Лхасы и ее окрестностей не приняла активного участия в восстании. Причину этой пассивности они видят в социальной неоднородности населения, в его традиционном недоверии к кхампа, в отсутствии прямого призыва к восстанию со стороны Далай-ламы [по: Богословский, 1978, с. 85]. В. А. Богословский пишет: «Представляется, что последняя точка зрения наиболее близка к действительности, с поправкой на то, что население Лхасы участвовало в мартовских событиях если не с оружием в руках, то в демонстрациях и митингах» [там же]. Соглашаясь в целом с вышеизложенной оценкой событий, хочется добавить, что если само восстание и не носило общенационального характера с широким вовлечением всех слоев населения, общенациональным было сочувствие к повстанцам и неприятие китайского присутствия, в котором виделась угроза существованию традиционного Тибета.

* * *

Таким образом, период с 1951 по 1959 г. стал переломным в истории сино-тибетских взаимоотношений, когда две стороны – социалистический Китай и теократический Тибет – сделали попытку сосуществования в рамках обоюдного подписанного Соглашения. После 1959 г. Тибет перестал существовать в рамках традиционной политической системы, олицетворяемой правлением Далай-лам. Китайские власти в этот период руководствовались курсом «осмотрительного внедрения» и союза с верхами Тибета. Руководимая лично Мао Цзэдуном группа «либеральных» реформаторов сдерживала, насколько это было возможно, натиск сторонников жесткой линии внутри партии. Власти отступили в планах реорганизации тибетской армии, создании военно-политического комитета, административной реформы посредством Подготовительного комитета, отменили проведение реформ на близлежащую перспективу. До 1959 г. Соглашение из 17 пунктов формально исполнялось, политическая и религиозная структура тибетского общества не были изменены, тибетское правительство продолжало пользоваться довольно широкими полномочиями, в то время как по всей стране, включая районы нацменьшинств, в том числе и этнографического Тибета, развернулись во всю мощь кампании «демократических» преобразований. Несмотря на прогрессивную, по меркам социалистического государства, национальную и религиозную политику в Тибете, Центральные власти КНР все же не смогли осуществить реформу. В чем же состоит основная причина провала?

Как видно, каждая сторона по-своему защищала свои интересы и пыталась «обыграть» соперника/союзника, как только представлялась такая возможность²⁸. Основная причина лежит, на наш взгляд, в том, что центробежные силы в данный промежуток времени оказались сильнее интеграционных. Ни Китай, ни Тибет не оказались готовыми к мирному сосуществованию в рамках единого государства. Тибет существовал либо независимо, либо автономно от Китая на протяжении всей своей истории. Принять автономию в том виде, в каком она мыслилась лидерами социалистического Китая, Тибет был

²⁸ То, что стороны воспринимали своих союзников по единому фронту скорее как противников, говорят многочисленные источники, и в первую очередь высказывания их главных лидеров – Далай-ламы и Мао Цзэдуна.

категорически против, и естественно поэтому, что центробежные тенденции были преобладающими с тибетской стороны. Соглашение было выгодно, в первую очередь, китайцам – для того чтобы заложить легальную основу для интеграции Тибета внутри КНР. Однако Соглашение, а именно те пункты, в которых гарантировалась сохранность традиционной политической и религиозной системы Тибета, не устраивало большинство из высшего китайского руководства. Для них жесткий сценарий, по которому в ответ на мятеж, организованный верхушкой Тибета, НОАК проводит контрудар, представлялся в целях достижения конечной цели социалистического преобразования Тибета даже более благоприятным, чем ожидание в течение неопределенного времени момента, когда верхи сами созреют до проведения реформ. В рассматриваемый период 1951–1959 гг. в китайском руководстве, несмотря на все перегибы, связанные с начинающимся в партийном руководстве левым уклоном, все же преобладал реалистический подход к тибетской политике, направленный на сближение с тибетской правящей элитой, через сотрудничество с которой предполагалось постепенно интегрировать Тибет в состав многонационального Китая. Но упорное неприятие существующего положения вещей с тибетской стороны вкупе с натиском приверженцев жесткой линии с китайской исключало на данном этапе возможность компромисса, что и привело к неизбежному финалу. Можно даже сказать, что такой финал устраивал обе партии, так как каждая из них видела в нем своего рода решение проблемы. Для китайцев открывалась возможность без помех осуществить в Тибете реформы, а для тибетцев появилась надежда обрести международную поддержку и добиться решения тибетского вопроса на международном уровне.

Значение подписания Соглашения из 17 пунктов трудно переоценить, ибо оно стало первым официальным документом в истории сино-тибетских связей, регламентирующим отношения сторон. Однако, как пишет Ц. Шакья, «каждая партия видела в Соглашении то, что хотела видеть, вследствие чего оно было во многом обречено на провал с самого начала» [Shakya, 1999, с. 209]. С этим выводом трудно не согласиться. Для китайцев Соглашение было основанием ввода войск в Тибет для объединения государства, для тибетцев – гарантией сохранения политической и религиозной системы Тибета, стержнем которой был Далай-лама. Угроза власти и полномочиям Далай-ламы – воплощения хранителя Тибета Авалокитешвары виделась тибетцами именно в китайском присутствии, поэтому китайцев воспринимали не только как политических противников, но и как врагов веры – ключевого звена национальной идентичности тибетцев. Сино-тибетский конфликт 1959 г. имел, таким образом, ярко выраженный националистический характер. Совместить в одном целом ценности социалистического Китая и теократического Тибета оказалось в столь короткий для истории промежуток времени невозможным.

Глава 3

«Демократические» реформы в Тибете (1959–1966)

18 лет со времени эмиграции Далай-ламы в Индию (1959) вплоть до 1976 года, когда умер Мао Цзэдун, стали «ужасными временами для тибетцев в Тибете» [Goldstein, 1997, с. 60]. Тибет в плане руководства, претендующего на главенствующую роль в решении его судьбы, оказался разделенным между тибетской эмиграцией во главе с Далай-ламой и послушными Пекину органами власти в собственно Тибете. Тибетская эмиграция начала борьбу за независимость своей родины, в то время как китайские власти в Тибете приступили к полномасштабным реформам в целях окончательной его интеграции внутри КНР.

1. Тибетский вопрос в ООН

Драматические события марта 1959 г. поставили Тибет в центр международного внимания. Средства массовой информации антикоммунистических стран резко осудили действия китайских властей в Тибете, страны социалистического лагеря, за исключением Югославии, выступили, как и следовало ожидать, в поддержку КНР¹. Главной страной, на поддержку которой рассчитывал Далай-лама и его окружение, была Индия. Но этим надеждам, как показали дальнейшие события, не суждено было сбыться.

Прибытие Далай-ламы в Индию встретило самый горячий прием у индийской общественности. Приветственное послание от Неру, сотни телеграмм и писем с выражением солидарности, тысячи людей, встречающих Далай-ламу на протяжении всего пути от границы Теспура до Муссури, воодушевляли и вселяли надежду на поддержку Индии и международного сообщества. До отбытия в Муссури в Теспуре (Ассам) Далай-лама 16 апреля 1959 г. обнародовал свое первое заявление для прессы. В нем он заявлял, что находится в Индии по собственной воле, что тибетцы подписали Соглашение под давлением, а китайцы нарушили условия Соглашения из 17 пунктов². Заявление было написано в сдержанном тоне и тщательно выверено, однако, по выражению корреспондента Синьхуа, являлось не чем иным как «беспочвенным, неаргументированным, корявым документом, полным лжи и с массой упущений». «Если посмотреть на это заявление с точки зрения содержания, формы, упот-

¹ Более подробно о позиции Советского Союза [см.: Андреев, 2006, с. 362–364].

² The Dalai Lama's Press Statements. Statement issued at Tezpur. 18th April, 1959 // http://www.claudearpi.net/maintenance/uploaded_pics/Tezpur.pdf.

ребляемого стиля, равно как концепций и оборотов речи, – продолжал корреспондент, – то ни у кого не возникнет сомнения, что это заявление было сделано не Далай-ламой, а было ему приписано» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 101]. Любопытный факт – китайцы были не далеки от истины. Ц. Шакья пишет: «Один очень достоверный источник сообщил мне, что заявление было написано не кем иным как самим Неру» [Shakya, 1999, с. 216]. С этим мнением вполне можно согласиться, учитывая, что заявление было составлено от третьего лица и распространено через Министерство внешних сношений Индии.

В Муссури 24 апреля к Далай-ламе в первый раз со времени его приезда прибыл на встречу премьер Дж. Неру. Четырехчасовой разговор с главой Индии развеял надежды Далай-ламы на поддержку. Правитель Тибета пытался донести до индийского главы положение дел в Тибете и свои намерения о создании своего правительства и борьбе за независимость родины. Однако доводы Далай-ламы вызывали у премьер-министра только раздражение. В течение всего разговора он не раз откровенно давал понять, что Индия никогда не признает правительство Далай-ламы и не поддержит независимость Тибета [Dalai Lama, 1990, с. 160–162]. Далай-лама в своей автобиографии напишет: «Я начал понимать, что мое будущее и будущее моего народа оказалось еще более туманным, чем я мог себе представить. Наша встреча закончилась довольно сердечно, но после ухода премьер-министра я ощутил чувство глубочайшего разочарования» [там же].

Позиция индийского правительства оказала тяжелое моральное воздействие на Далай-ламу и его окружение, которым ничего не оставалось, как только принять ее, хотя они и считали Индию косвенно ответственной за происходящее, так как главным образом по совету Неру Далай-лама вернулся в Тибет в 1957 г. Позиция Неру кроме непонимания и разочарования с тибетской стороны встретила резкую критику оппозиционных партий и ведущих индийских политиков. По выражению Ачарьи Крилапани, Меморандум Панча Шила был «рожден в грехе, для того чтобы поставить печать согласия на разрушении древней нации» [по: Dalai Lama, 1990, с. 161]. Неру обвиняли в излишней боязни китайцев, предательстве интересов дружественной нации. Его желание избежать конфликта за счет Тибета не встретило понимания и у китайцев. Последние напали на Индию с сокрушительной критикой, обвиняя ее в том, что она по наущению империалистических сил вмешивается во внутренние дела КНР и нарушает совместно подписанную договоренность относительно Тибета. Так индийское правительство оказалось под обстрелом критики со всех сторон, но продолжало, тем не менее, проводить независимую, на ее взгляд, политику, направленную на то, чтобы не дать вовлечь себя в холодную войну. Надо отметить, что не только боязнь испортить отношения с КНР руководила намерениями Неру. Он был твердо уверен в том, что автономия в рамках Китая – это единственный путь ненасильственного решения тибетской проблемы. Следует добавить и то, что Индия без всякого колебания предоставила политическое убежище тибетской эмиграции, и, как оказалось, на долгие годы, за что тибетцы, несмотря на свою обиду, остались навсегда ей благодарными, в то время как китайцы по считали этот акт за недружественный и нарушающий Панча Шилу.

Тибетцам на протяжении большей части своей истории (за исключением эпохи религиозных царей) приходилось для защиты от одной внешней силы полагаться на помощь другой. На этот раз другой внешней силы, сразу же готовой прийти на помощь, не оказалось, но тибетцы не прекратили своей борьбы, что вызывало и вызывает по сей день уважение и симпатии мирового сообщества. Широкий резонанс тибетского вопроса в СМИ, большинство которых выражали сочувствие и поддержку тибетскому сопротивлению, не повлиял, однако, на позиции держав, продолжавших считать тибетскую проблему внутренним делом КНР и не решавшихся открыто поддерживать Тибет, опасаясь конфликта с Китаем. Не встретило поддержки держав и стремление тибетской стороны вынести свой вопрос на обсуждение в ООН, ибо они опасались, что тибетский случай создаст опасный прецедент для их собственных колоний. Несмотря на негласное противодействие индийского правительства и ведущих западных держав, волна общественной поддержки Тибету продолжала нарастать. 5 июня Международная комиссия юристов опубликовала предварительный отчет под названием «Тибетский вопрос и правопорядок» [The Question of Tibet and the Rule of Law, 1959]³. В этом документе КНР предъявлялись обвинения в систематическом нарушении обязательств Соглашения из 17 пунктов 1951 г.; систематическом нарушении основных прав и свобод тибетского народа; убийстве тибетцев, ведущих к их вымиранию как национальной и религиозной группы, что квалифицировалось как преступление геноцида [там же, 1959, с. 342]. В отношении легального статуса Тибета делалось заключение о том, что Тибет являлся де-факто независимой страной под китайским сюзеренитетом и этот статус был фактически номинальным. Комиссия юристов в заключение выражала серьезную надежду на обсуждение вопроса в ООН.

Заключение Международной комиссии юристов в большой степени повлияло на дальнейшую интернационализацию тибетского вопроса. Вынужденное считаться с общественным мнением, индийское правительство наконец разрешило встречу Далай-ламы с журналистами. 20 июня Далай-лама на своей первой со времени прибытия в Индию пресс-конференции, на которой присутствовало около 130 корреспондентов со всего мира, денонсировал Соглашение из 17 пунктов и заявил, что он и его правительство по-прежнему представляют народ Тибета, это было расценено мировой общественностью как объявление себя тибетским правительством в изгнании⁴. Правительство Индии сразу же дистанцировалось от действий Далай-ламы, заявив в тот же вечер, что не признает никакого тибетского правительства в изгнании [Dalai Lama, 1990, с. 166]. Тем не менее усилия тибетской эмиграции и их сторонников в целях обретения поддержки для поднятия вопроса в ООН продолжались и начали постепенно давать свои плоды. Брат Далай-ламы Гьяло Тхондуп заручился поддержкой правительства Филиппин в Маниле, Далай-лама на второй

³ Полностью опубликован в 1960 г. [см.: Tibet and the Chinese People's Republic, 1960]. Международная комиссия юристов – неправительственная организация в составе 35 тыс. юристов из 53 стран, имеет статус консультанта в ООН.

⁴ Стенограмма пресс-конференции [см.: The Question of Tibet and the Rule of Law, 1959. Document 20. P. 200–203].

встрече с Неру настаивал на своем желании поднять вопрос в ООН и найти спонсора для тибетского заявления, он также встречался с послами Японии, Цейлона, Филиппин и Таиланда и просил их правительства поддержать тибетский вопрос в ООН [Shakya, 1999, с. 224–225]. В конце концов 9 сентября он напрямую обратился к Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. В своем обращении он писал:

С величайшим сожалением сообщаю Вам, что агрессия китайских сил не прекратилась. Напротив, рамки агрессии существенно расширились, так что практически весь Тибет оказался оккупированным китайскими войсками. Я и мое правительство неоднократно обращались с заявлениями о мирном и дружественном решении проблемы, однако эти обращения совершенно игнорировались. В этих обстоятельствах и ввиду бесчеловечного обращения и преступлений против человечности и религии, которым подвергается тибетский народ, я прошу немедленного вмешательства ООН [цит. по: Shakya, 1999, с. 225–226].

Канцелярия генерального секретаря распространила обращение Далай-ламы среди членов ООН и для прессы. Приблизительно в это же время в Америку прибыла тибетская делегация во главе с Гьяло Тхондупом, Шакабпой и Сандуй Ринченем в сопровождении Х. Ричардсона и м-ра Сена, официального советника Далай-ламы. В переданном делегацией письме от 11 сентября Далай-лама просил американского президента Д. Эйзенхауэра поддержать свое обращение в ООН⁵. В конце сентября делегация с этой же целью прибыла в Великобританию. Одновременно проводились переговоры с политиками и общественными деятелями разных стран. В результате тибетский вопрос удалось вынести на обсуждение 14-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Инициаторами обращения стали Малайзия и Ирландия. 21 октября 1959 г. Генеральная ассамблея приняла резолюцию по тибетскому вопросу при 45 странах – за, 9 – против, 26 – воздержавшихся. Текст резолюции:

Генеральная ассамблея,

Напоминая о принципах основных прав и свобод человека, сформулированных Уставом ООН и Всеобщей декларацией прав человека и принятых Генеральной ассамблеей 10 декабря 1948 г.,

Считая, что основные права и свободы человека, на которые тибетский народ, как и другие народы, имеет право, включают в себя право на гражданскую и религиозную свободу для всех без исключения,

Напоминая также об отличном культурном и религиозном наследии народа Тибета и автономии, которой они традиционно пользовались,

Будучи всерьез озабоченной сообщениями, включая заявления Его Святейшества Далай-ламы, согласно которым тибетскому народу насильственно отказывают в основных правах и свободах,

Сожалея о влиянии этих событий на рост международной напряженности и ухудшение взаимоотношений между народами, в то время когда прилагаются искренние и позитивные усилия со стороны ответственных лидеров для уменьшения напряженности и улучшения международных отношений,

⁵ См.: Гарри, 2005а.

1. Подтверждает свою уверенность в том, что уважение принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека является основным принципом для достижения мира во всем мире, основанном на правопорядке;
2. Призывает к уважению основных прав тибетского народа и их отличной культурной и религиозной жизни⁶.

Против резолюции голосовал Советский блок. Среди воздержавшихся были Индия и Великобритания – страны, поддержку которых Тибет хотел бы иметь в первую очередь. Воздержались также Бельгия и Франция, опасавшиеся создания прецедента в ООН для своих колоний. Тем не менее принятие резолюции ООН стало серьезной победой тибетцев. Благодаря интернационализации тибетского вопроса на уровне ООН мировая общественность узнала о тибетской проблеме, интерес к которой не затихает и по нынешнее время. Кроме того, Тибет приобрел огромное количество сторонников своей позиции не только среди общественности, но и политических деятелей. На уровне же международных отношений резолюция ООН не имела большого эффекта, так как касалась исключительно проблемы нарушения прав человека в Тибете, в ней не содержалось призыва к выводу войск и переговорам с Далай-ламой, Китай вообще в резолюции не упоминался. Тибетский вопрос, а именно вопрос политического статуса Тибета, оказался как бы в замкнутом круге. Ни одна держава мира, несмотря на симпатии к Тибету, не признавала формальной независимости Тибета. Самая близкая страна – Индия признала Тибет частью Китая в Соглашении Панча Шила. Поддержка тибетского вопроса в ООН означала нарушение Статьи 2 (7) Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Это было основной причиной отказа стран обсуждать тибетский вопрос в плоскости политической. Для того чтобы выйти из этого замкнутого круга, требовалось вмешательство третьей стороны, которой и на этот раз стали США. Однако Америка не сочла возможным поддержать Тибет так, как он хотел, т. е. открыто признать его независимость, как это сделал Советский Союз в отношении Монголии, и склонить на это остальные державы⁷. Америка, по существу, использовала тибетский вопрос в своей борьбе с международным коммунизмом на пике холодной войны. США решили оказать негласную поддержку Тибету в вопросе прав человека и военной помощи тибетскому сопротивлению, в чем, как видно, достаточно преуспели, хотя в плане международного статуса Тибету это ничего не давало. Из докладного письма заместителя госсекретаря по делам Дальнего Востока Парсонса Госсекретарю Хертеру от 14 октября 1959 г.:

Департамент по делам Дальнего Востока закончил исследование вопроса признания США независимости Тибета и изучил в деталях все пункты «за» и «против» данного решения. Принимая эти факторы во внимание, мы пришли к за-

⁶ Resolutions on Tibet // www.tibet.com.

⁷ Тибетский вопрос означал для тибетцев исключительно вопрос политического статуса Тибета. По свидетельству Дава Норбу, вести о результатах обсуждения тибетского вопроса в ООН, воспринятые тибетскими беженцами как несомненная победа тибетской стороны, вызвали среди них ни с чем не сравнимую радость. Особенно воодушевляли их цифры: 45 стран за и только 9 против. Уже осенью 1959 г. многие беженцы начали приготовления к возвращению [Norbu, 1997, с. 248].

ключению, что аргументы против признания тибетской независимости в настоящих условиях перевешивают аргументы «за». Я считаю, что это решение обосновано как с точки зрения национальных интересов США, так и Тибета. Мы разделяем вместе с тибетцами цель поддержания интереса к тибетскому вопросу в мировом сознании и принятии Далай-ламы в качестве действующего представителя тибетского народа. По моему мнению, признание США правительства Далай-ламы как правительства независимого государства не принесет никакой пользы. Поскольку, что вероятнее всего, лишь самое малое количество стран последуют нашему примеру, наше признание в данный момент поставит Далай-ламу в положение лидера правительства в эмиграции, самым очевидным образом зависимого от политической помощи США. Это несомненно повредит его престижу и влиянию, которые он сейчас имеет как один из наиболее уважаемых азиатских лидеров, и затруднит его деятельность на благо тибетского народа. Тем не менее необходимо ответить на обращение Далай-ламы и выразить нашу точку зрения, подтверждающую нашу историческую позицию сторонника принципа самоопределения народов⁸.

Несмотря на то, что США не собирались поддерживать желание тибетских лидеров поднимать вопрос легального статуса Тибета, они были готовы расширить вопрос до признания права Тибета на самоопределение. В конце февраля 1960 г. в ответ на письмо Далай-ламы Хертер писал: «Как Вы знаете, что хотя исторической позицией США было считать Тибет автономной страной под сюзеренитетом Китая, американский народ традиционно выступает за принцип самоопределения. Правительство США считает, что этот принцип применим к народу Тибета, который должен иметь решающий голос в своей собственной политической судьбе» [цит. по: Shakyu, 1999, с. 232]. Позиция США, как и следовало ожидать, не встретила поддержки со стороны Индии и Великобритании, по-прежнему считавших, что поддержка тибетцам лишь создаст у них излишние иллюзии и надежды, и воздерживавшихся поэтому от любых официальных контактов с ними.

Тибетский вопрос был вновь поднят в ООН в июле 1960 г. Таиландом и Малайзией. На этот раз тибетцы добивались принятия более действенной резолюции. В письме Госсекретарю ООН Далай-лама писал о своем желании поставить на обсуждение вопрос международного статуса Тибета. Обсуждение не состоялось по причинам резкого обострения международной обстановки. И лишь с приходом к власти Дж. Кеннеди тибетскому вопросу был придан новый импульс. В сентябре 1961 г. Малайзия и Таиланд при поддержке Ирландии и Сальвадора инициировали включение тибетского вопроса в повестку дня 16-й сессии Генеральной ассамблеи. За резолюцию проголосовало 48 стран, против – 14, воздержавшихся – 35. Текст резолюции:

Генеральная ассамблея ООН – Резолюция 1723 (XVI),

Нью-Йорк, 1961.

Генеральная ассамблея,

Напоминая о своей резолюции 1753 от 21 октября 1959 г. по вопросу Тибета,

⁸ Memorandum from Assistant Secretary for Far Eastern Affairs (Parsons) to Secretary of State Herter, October 14, 1959 // FRUS, 1958–1960, vol. 19, China.

Всерьез обеспокоенная продолжением событий в Тибете, включая нарушение основных прав человека тибетского народа и подавление их отличной культурной и религиозной жизни, которой они традиционно обладали,

С глубокой озабоченностью отмечая суровые тяготы, которые эти события навлекли на тибетский народ, о чем свидетельствует широкомасштабный исход тибетских беженцев в соседние страны,

Считая, что эти события нарушают основные права и свободы человека, сформулированные в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека, включая принцип самоопределения народов и наций, и имеют прискорбное влияние на рост международной напряженности и ухудшение взаимоотношений между народами,

- 1. Вновь подтверждает* свое убеждение, что уважение принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека является основным принципом для достижения мира во всем мире, основанном на правопорядке;
- 2. Со всей серьезностью возобновляет* призыв к прекращению практик, лишаящих тибетский народ их основных прав и свобод, включая право на самоопределение;
- 3. Выражает надежду, что государства-члены сделают все возможные полагающиеся усилия для достижения целей настоящего решения⁹.*

Вторая резолюция, принятая ООН, стала еще большим достижением по сравнению с первой, так как включала помимо вопроса нарушения прав человека признание права тибетского народа на самоопределение. Однако в практическом плане она, как и первая, не имела никакого политического эффекта и никоим образом не влияла на политику Китая, который продолжал игнорировать все действия ООН. Интернационализация тибетского вопроса имела, таким образом, результат лишь в плане общественного мнения, что само по себе немаловажно. Объединенные нации подавляющим большинством голосов признали нарушение прав человека в Тибете, однако дело этим, собственно, и ограничилось. Что же касается поддержки Тибета Соединенными Штатами, то как справедливо пишет М. Голдстейн:

Надежда тибетских эмигрантов на то, что США будут стараться добиться мировой поддержки для обретения Тибетом независимости, с самого начала дала сбой и была полностью потеряна в конце 1960-х гг., когда президент Никсон и советник по национальной безопасности Киссинджер пошли на сближение с Китаем. К этому времени США вывели тибетских партизан, базировавшихся в Непале, и действия прекратились в течение нескольких лет. Более того, начиная где-то с 1966 г., в официальной политике США перестали говорить о «самоопределении» Тибета и даже о Тибете как автономной стране, как это было в заявлении Хертера в 1960 г. При политике, направленной на улучшение связей с Китаем, Тибет становился для США помехой. Тибетский вопрос не только перестал быть нужным национальным интересам США, а стал потенциально вредным. Поэтому в 1970-х гг. изменение ситуации в мире поставило тибетскую эмиграцию в еще более затруднительное положение [Goldstein, 1999, с. 59].

8* ⁹ Resolutions on Tibet // www.tibet.com.

С 1959 г., таким образом, тибетский народ оказался разделенным на тех, кто остался на родине, и тех, кто эмигрировал в Индию и другие страны. Причем в эмиграции оказалось законное правительство Тибета во главе с Далай-ламой, наиболее политически активная и образованная часть аристократических и религиозных кругов. Заслугой тибетской эмиграции, показавшей пример стойкости в выживании и мужества в борьбе, стало распространение сначала на Западе, а потом и во всем мире интереса к тибетской культуре и религии. Трагичным было то, что история этих двух тибетских миров протекала на протяжении почти 20 лет параллельно и независимо друг от друга, и только после смерти Мао Цзэдуна они смогли вновь соприкоснуться.

2. «Демократические» преобразования

Мартовское восстание и бегство Далай-ламы в Индию положило конец особому положению Тибета и существованию «местного» тибетского правительства. Перед китайскими властями в Тибете встала задача коренных преобразований политической и социальной структуры тибетского общества. Эти преобразования происходили на фоне всеобщего ухудшения политической и экономической ситуации внутри Китая. Страну сотрясали следовавшие друг за другом политические и идеологические кампании, «большой скачок», создание народных коммун, разрыв с СССР и, наконец, «культурная революция».

1957–1960 гг. – годы «большого скачка». На Лушаньском совещании Политбюро ЦК КПК и последовавшем вслед за ним VIII пленуме ЦК КПК 8-го созыва (июль–август 1959 г.) с резкой критикой политики «большого скачка» выступил министр обороны КНР Пэн Дэхуай¹⁰. В результате противостояния внутри ЦК Мао Цзэдуну при помощи Линь Бяо и других удалось сломить оппозицию, пытавшуюся выступить против «большого скачка» и нарождавшегося культа личности Мао. Пэн Дэхуай сняли с поста министра обороны, и в стране развернулась новая политическая кампания против «правого оппортунизма». Политика «большого скачка», коммунизации и «борьбы с правым уклоном» привела страну к глубокому экономическому и политическому кризису и обострила межнациональные противоречия. По оценкам экспертов, только в период «большого скачка» (1957–1960) в Китае умерло от голода более 30 млн. человек сверх обычного показателя смертности населения страны [Усов, 2006, т. 1, с. 248].

Внутрипартийная борьба на высшем уровне, естественно, сказалась и в районах нацменьшинств. Глухие разногласия наблюдались среди китайских кадров в Тибете. В первую очередь следует упомянуть о трениях между руководством Северо-Западного (Фань Мин) и Юго-Западного военных округов (Чжан Гохуа и Чжан Цзинъю). Руководство Северо-Западного округа имело более тесные взаимоотношения с Панчен-ламой и отвечало за ситуацию в Цзане.

¹⁰ «Герой революции» Пэн Дэхуай был в то время также членом Политбюро ЦК КПК и заместителем премьера Госсовета. Вместе с ним с критикой «большого скачка» выступили кандидат в члены Политбюро, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, начальник Генштаба НОАК Хуан Кэчэн, первый секретарь комитета КПК провинции Хунань Чжоу Сяочжоу и некоторые другие.

Фань Мин неоднократно выступал с критикой Чжан Гохуа и Чжан Цзинъю за ведение дел в Уйе. Ц. Шакья также отмечает разногласия между гражданскими и военными кадрами в Тибете. Руководство вновь прибывших войск для подавления восстания обвиняло старые гражданские и военные кадры, работавшие в Тибете с начала 50-х гг., в отсутствии правильной классово-политической позиции и заигрывании с тибетской элитой [Shakya, 1999, с. 265]. Если период с 1951 по 1959 г. характеризовался относительно стабильным курсом, главным содержанием которого был союз с верхами Тибета, то в период с 1959 по 1965 г. в политике китайского руководства постоянно наблюдаются сдвиги то «влево», то «вправо», в зависимости от преобладающей тенденции в высшем руководстве страны.

10 мая 1959 г. Мао Цзэдун в беседе с делегацией народного парламента ГДР говорил по поводу реформ в Тибете: «Сейчас условия созрели, не надо теперь ждать 1963 года. За это нужно сказать спасибо Неру и тибетским мятежникам. Их вооруженный мятеж предоставил повод для того, чтобы провести реформы в Тибете прямо сейчас» [Maо Zedong, 2001, с. 203]. Несмотря на существенный «сдвиг влево», китайское руководство все еще придавало значение особому положению Тибета. Мартовское восстание и бегство тибетского правительства позволили китайским властям начать реформы в Тибете уже без согласия верхов, значительная часть которых оказалась за границей. Перед китайскими властями встал вопрос: учитывать ли, как прежде, «местные условия» или проводить полномасштабные реформы по примеру уже предпринятых по всей стране. Возобладала все-таки позиция старых кадров, считавших, что, несмотря на «мятеж», в Тибете еще рано проводить полномасштабные социалистические преобразования. На этот раз ставку сделали на тибетские массы, которых надо было убедить в необходимости проведения реформ, что придавало бы легитимность действиям властей.

Делая ставку на народные массы, власти не отказались и от поддержки оставшейся в Тибете традиционной элиты. «Центральное народное правительство в вопросах времени, мер и методов проведения реформ осуществит широкие консультации с патриотически настроенными деятелями верхних и средних слоев населения и различными кругами народных масс Тибета», – говорилось в передовой «Жэньминь жибао» от 31 марта [О тибетском вопросе, 1959, с. 25]. Тибетский вопрос обсуждался 15 апреля на 16-й сессии Госсовета КНР. В своей речи Мао Цзэдун говорил:

Что касается аристократии, то какой же подход мы применим по отношению к революционным аристократам, тем, кто придерживается прогрессивной позиции и настаивает на реформах, а также к средней группировке, кто не столь революционен, стоит на средней, колеблющейся, но не контрреволюционной позиции? Мое личное мнение следующее: нельзя ли в отношении их земель и поместий применить методы, которые мы применяли к классу национальных капиталистов, т. е. осуществить политику выкупа, с тем чтобы они не потерпели убытков [Maо Zedong, 2001, с. 176].

7 мая 1959 г. Мао Цзэдун встречался с представителями «патриотической» тибетской элиты – Панчен-ламой, Нгабо Нгаваном Чжигмэ и другими и, в частности, говорил:

По нашему мнению, в Тибете можно произвести деление населения на четыре категории: левые, средние, правые и мятежники. К так называемым правым отнести тех, кто участвовал в мятеже, но без оружия в руках, и не бежал потом в Индию, но у которых твердолобая позиция, это люди, которые против нас, против революции. По отношению к этим четырем категориям людей следует применять неодинаковую политику. Вы же занимаете патриотическую, прогрессивную позицию, значит вы – левые, не нужно бояться, что после того как вы лишитесь своих поместий, вам будет нечего есть. По отношению к левым и средним нужно будет применить политику выкупа с гарантией, что после реформ уровень жизни не снизится [Mao Zedong, 2001, с. 196].

Таким образом, все еще сказывалось влияние политики единого фронта. Например, решением Отделения единого фронта Рабочего комитета предусматривалось вовлечение на работу в административные органы власти 565 человек из высших кругов, в том числе 215 – из аристократов и чиновничества, 200 – из религиозных кругов и 150 – из родовых старост, тысячников и сотников [Zhonggong Xizang, 1995, с. 108]. Одновременно предусматривалась постепенность проведения реформ. Как пишет Ц. Шакья:

У китайцев было две причины для принятия умеренных реформ: первая – экономическая, вторая – политическая. Из-за слабости экономических условий в Тибете насильственные и быстрые реформы могли вызвать серьезные экономические нарушения и разрушить сельскохозяйственное производство на многие годы ... Практически это означало, что основной целью китайцев было избегание серьезного экономического разрушения. Более того, коммунисты считали, что традиционная элита – монахи, аристократы и богатые торговцы – все еще имеют влияние на народ, и по этой причине их не следует отталкивать. Считалось важным заполучить их доверие и сотрудничество в осуществлении реформ [Shakya, 1999, с. 244].

С 28 июня по 17 июля 1959 г. состоялась вторая сессия ПКТАР, на которой было принято «Постановление об осуществлении в Тибете демократических реформ», в котором говорилось: «Условия для осуществления демократических реформ в Тибете созрели, центральной задачей на сегодняшний день в Тибете является окончательное подавление остатков бунтовщиков, полная мобилизация масс, полномасштабное осуществление реформ» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 106].

Для того чтобы лучше понять, что означали для тибетского народа демократические реформы, обратимся вкратце к фактам и цифрам, характеризующим тибетскую экономику до 1959 г. Согласно первой переписи 1953 г., население будущего ТАР составляло приблизительно 1 млн 150 тыс. человек (среди которых население, подчиненное Кашагу, составляло 1 млн. человек, а население района Чамдо – 150 тыс.)¹¹. Основными отраслями тибетской эко-

¹¹ Здесь приводятся официальные статистические данные (КНР) и результаты переписи населения. По их поводу китайский исследователь Ма Жун пишет следующее: «Вследствие того что статистические органы Тибета были образованы сравнительно недавно, некоторым статистическим работникам разных уровней не хватало опыта, по этой причине исследователи могут сомневаться по поводу точности и достоверности официальных правительственных статистических данных и материалов переписи населения. Однако эти цифровые данные – все, что мы имеем в плане всесторонних и систематических цифр по экономике общества, эти цифры, по крайней мере, могут отражать основную ситуацию и основные тенденции изменений тибетской экономики» [Ma Rong, 1997, с. 14–15].

номики были сельское хозяйство и скотоводство, производство которых составляло одну четверть и три четверти совокупной продукции соответственно. Согласно Статистическому бюро Тибета, площадь обрабатываемых земель в Тибете составляла 2 млн 450 тыс. му (1 му – 1/15 гектара, т. е. 163333 га)¹², производство зерна – 155335 т, в 1952 г., таким образом, в среднем на человека приходилось 135 кг зерна. До 50-х гг. производство зерна в Тибете находилось на уровне поддержания основных жизненных потребностей. В 1952 г. в Тибете было приблизительно 9 млн 700 тыс. голов скота, среди которых яков – 2 млн 250 тыс., овец – 4 млн 700 тыс., коз – 2 млн 500 тыс. Китайская историография и большинство исследователей (В. А. Богословский, М. Голдстейн) оценивают систему производственных отношений в Тибете как феодально-крепостную. Основными собственниками земли и пастбищ были правительство (38,9 %), аристократия (24 %) и монастыри (36,8 %). Свободные земледельцы составляли 0,3 %. В главном земледельческом районе Шаньнань (Лхока, Южный Тибет) до реформ помещики составляли 0,4 %, их поверенные (управляющие имением) 5,9 %, т. е. 6,3 % района Шаньнань были собственниками преобладающей части общественного благосостояния. Тибет в основном имел самодостаточную экономику, экспортировал шерсть и другие продукты скотоводства в обмен на чай, хлопчатобумажные ткани, золото и прочие предметы первой необходимости. Главной особенностью тибетского общества было исключительное положение буддийской церкви. В 50-х гг. монахи составляли приблизительно 10 % всего населения и половину населения городов и поселков. Монастыри контролировали экономическую деятельность государства и общества, владели одной третью обрабатываемых земель, большим количеством пастбищ и многочисленными «крепостными и рабами». Китайский социолог Ма Жун определил тибетскую экономику до 1959 г. как «религиозную экономику». Необходимо подчеркнуть, что тибетское общество, несмотря на политическую инкорпорацию Тибета в состав КНР, продолжало оставаться крайне консервативным, приверженным традиционным ценностям, с неразвитым классовым антагонизмом, прочностью родо-племенных связей, повсеместным влиянием религии на все сферы социальной жизни. Естественно поэтому, что реформы, которые, по выражению китайской пропаганды, «опрокинули небо и перевернули землю», затронули глубины этнической идентичности тибетцев.

Итак, решение о проведении демократических реформ было принято на всех уровнях власти. Их планировали осуществить в два этапа. На первом этапе предполагалось провести движение «против трех» (против мятежа, против повинности «ула»¹³, против системы личной зависимости) и движение «за два

¹² В китайской литературе 1 му земли (1/15 га) приравнивался 1 тибетскому кхэ. Кхэ – мера объема для сыпучих тел, вмещал в разных объемах от 13 до 20 кг ячменя. 1 кхэ земли – площадь, засеваемая 1 кхэ семян.

¹³ «Ула» означала, в первую очередь, транспортную повинность. Тибетские крестьяне были обязаны по первому требованию предоставлять все средства передвижения для кортежей правительственных чиновников. Здесь под «ула» имелись в виду все виды трудовой повинности в пользу правительства и феодалов.

снижения» (арендной платы и ссудного процента). На втором этапе предполагалось провести перераспределение земли. Экономические реформы предполагалось проводить через мобилизацию масс, пропагандистскую и воспитательную работу. С этого реформы, собственно, и начались.

Несмотря на то, что действительные участники восстания из высших кругов, а вместе с ними и те, кто им сочувствовал или помогал, в том числе крестьяне и скотоводы, уже были изолированы от общества, по всему Тибету были организованы кампании публичного осуждения «мятежа» и его участников. На фоне кампаний разоблачения бывших собственников началось движение «кто сеет, тот пожинает». Суть движения сводилась к полной конфискации земель и собственности участвовавших в восстании «трех собственников» (членов правительства, аристократии и религиозных деятелей) и распределении среди их крепостных и слуг. Надо сказать, что преждевременное проведение аграрной реформы на землях участвовавших в восстании феодалов было вызвано необходимостью срочно начать сельскохозяйственные работы. Вслед за этим осуществили движение «против трех» и движение «за два снижения». В отношении земель не участвовавших в восстании помещиков осуществляли только снижение арендной платы и ссудного процента. Все долги по арендной плате, равно как и ссуды, выданные за период 1958 г. и раньше, были ликвидированы. Проценты за оставшиеся долги за 1959 г. пересмотрены, старые договора уничтожены и составлены новые.

Таким образом, в течение всего лишь нескольких месяцев на территории 51 уезда, включавшей более 650 сел, с населением в 450 тыс. человек, были завершены движения «против трех» и за «два снижения» [Xizang zizhiqu gaikuang, 1984, с. 434]. Было создано более 500 сельских крестьянских союзов (более 100 тыс. членов). В пяти сельскохозяйственных районах: Шаньнань, Тагун, Гьянцзэ, Лхаса и Шигацзе – были ликвидированы долги зерном в 8500 тыс. кхэ, снижен процент на 26 тыс. кхэ, после осуществления движения «кто сеет, тот пожинает» массы получили 2 млн кхэ, снижен процент за 300 тыс. кхэ. Всего было получено 600 млн цзиней (1 цзинь – 0,5 кг), или 3 млн т, в среднем на человека получилось по 1500 с лишним цзиней (750 кг), фактически же каждый человек получил по 150 с лишним цзиней (75 кг). Согласно выступлению Панчен-ламы на десятом расширенном заседании Постоянного комитета ВСНП, подлежали выкупу только 450 тыс. кхэ, а 1 млн 050 тыс. кхэ были конфискованы и распределены среди крестьян [по: Богословский, 1978, с. 78].

В сентябре 1959 г. на третьей сессии ПКТАР были утверждены «Меры по осуществлению реформы земельной системы в Тибете», Рабочий комитет составил «Проект классового деления в деревне» и «Конкретные меры осуществления политики выкупа». Согласно этим документам, сельское население подразделялось на класс помещиков-крепостников и класс крепостных. Помещики-крепостники делились на два класса: помещиков и их поверенных. Класс крепостных делился на богачей, середняков, бедняков и лам-бедняков. Деление осуществляли на собраниях крестьянских союзов. Земли и орудия производства участвовавших в восстании помещиков и их поверенных конфисковались, не участвовавших – подлежали выкупу [Xizang zizhiqu gaikuang, 1984, с. 434–435]. Аграрная реформа в основном была завершена за год – к осени

1960 г. Общая площадь конфискованных и выкупленных земель составила свыше 2,8 млн. кхэ (186667 га), которые были распределены среди 800 тыс. «бывших рабов и крепостных».

Вслед за аграрной реформой последовало кооперирование крестьян. Оно осуществлялось исключительно быстрыми темпами и в основном завершилось к зиме 1960 г. К февралю 1961 г. в земледельческих районах было создано 13 тыс. бригад, в которых состояло 140 тыс. (90 %) крестьянских дворов, к 1964 г. бригад взаимопомощи насчитывалось уже 22 тыс. – в деревнях и 4 тыс. – в скотоводческих районах. Бригады взаимопомощи делились на временные и постоянные с преобладанием постоянных. Временные бригады состояли обычно из 7–10 семей, которые совместно осуществляли работы по пахоте и уборке урожая на своих полях, а потом распускались. Постоянные бригады имели круглогодичные планы и общее имущество: коллективно освоенные земли, тягловый скот и крупные сельскохозяйственные орудия. Методы работы во временных бригадах были во многих чертах схожи с методами, издавна применяемыми в тибетских деревнях в период сельскохозяйственного сезона, и поэтому не представляли скрытой угрозы традиционному тибетскому обществу [Avedon, 1984, с. 236]. Создание кооперативов позволило осуществить помимо сельскохозяйственных работ крупные проекты по ирригации, освоению новых земель, производству естественных удобрений, что вкуче позволило в первый же год получить очень хороший урожай.

С 1959 по 1964 г. наблюдался стабильный рост основных сельскохозяйственных показателей. По китайским данным, производство зерна в 1959 г. достигло 323 млн цзиней (1615 тыс. т), что по сравнению с 1958 г. было больше на 4,8 %; в 1960 г. – 411 млн (2055 тыс. т), т. е. больше предыдущего года на 27,5 % [Xizang zizhiqu gaikuang, 1986, с. 442]. В 1960 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось до 10 млн 500 тыс., на 10 % больше 1959 г. В 1964 г. власти заявили, что производство зерна увеличилось с 1959 г. на 52 %, а количество скота – на 40 %. Сейчас китайские экономисты и историки признают, что большинство производственных показателей времен «большого скачка» и народных коммун были дутыми, однако то, что в Тибете с начала осуществления демократических реформ наблюдался рост сельскохозяйственного производства, подтверждают и источники тибетской эмиграции, разумеется, не в таких пропорциях, как было заявлено официально. В чем же тогда состояла причина крайне тяжелого положения в Тибете в то время?

В первую очередь следует отметить тяжелое экономическое положение, сложившееся во внутренних районах Китая. 1959 год был первым неурожайным годом следовавших подряд трех лет, когда погибли от голода миллионы китайцев. Тибет, естественно, не мог прокормить весь Китай, однако то, что большое количество зерна вывозилось во внутренние районы [Avedon, 1984, с. 237], не вызывает сомнения.

Следует учитывать и то обстоятельство, что практически вся земля была разделена на крестьянские наделы. «Свободной» земли по существу не осталось. В ходе реформ было освобождено большое количество так называемых рабов, 5 % населения Тибета. В родные деревни вернулась и значительная часть монахов. И те и другие стали «лишними» людьми, что весьма осложнило

обстановку в деревне. Резкое увеличение численности армии в связи с подавлением мятежа и начавшимися конфликтами на индийской границе¹⁴ также требовало больших поставок зерна, которое изымалось у крестьянства [Богословский, 1978, с. 100]. Острая нехватка зерна заставила власти ввести карточную систему, по которой на одного работающего человека приходилось в месяц около 11 кг зерна, чуть более 200 г масла, треть кирпичного чая и немного соли, что составляло приблизительно две трети среднего рациона питания тибетца. Находясь на голодном пайке, члены кооперативов должны были работать по 10 часов в сутки и высиживать по два-три часа различных «сессий».

Небывало хороший урожай 1959 г. воодушевил членов кооперативов, они надеялись извлечь пользу от получения в собственность земли и новых методов хозяйствования. В Сакья на деле получилось так: сначала все зерно было тщательно взвешено, затем отобрано для будущей посевной, вслед за этим на «патриотический налог»¹⁵, и только потом отмерено по тем же 11 кг в месяц на работающего. Излишки зерна должно было выкупить государство, а плату перечислить в Народный банк, которым «собственники не то чтобы не пользовались, а просто никогда не видели» [Norbu, 1997, с. 213].

В итоге голод вслед за Китаем охватил Тибет. Дж. Аведон писал на основании показаний беженцев:

Так как все путешествия были почти полностью запрещены, население деревень запасалось дикими овощами, жителям городов приходилось еще хуже: лишенные свободных рынков, за счет которых они кормились, они получали всего 18 фунтов (меньше 9 кг) зерна в месяц. Жуткие истории были в большом ходу. Люди ели кошек, собак и насекомых. Родители кормили умирающих детей собственной кровью, смешанной с горячей водой и цзампой. Других детей заставляли уходить из дома и попрошайничать на дорогах, а старые люди уходили, чтобы умереть в одиночестве в горах. Тысячи тибетцев ели отбросы, предназначенные для свиней, выращиваемых в китайских поселках, а вокруг постов НОАК люди рылись в конском навозе, отыскивая оставшиеся зерна. Мясо и масло были недоступны даже для тибетских кадров, которые обычно питались лучше всего населения в целом, соль и черный чай были единственным дополнением к ячменю. Голод продолжался весь 1963 год. В это время по всему Тибету умерли голодной смертью десятки тысяч людей [Avedon, 1984, с. 237–238].

¹⁴ Так как сино-индийский конфликт выходит за рамки обсуждения нашей работы, заметим лишь, что он окончился поражением индийской армии в столкновении, которое произошло в октябре 1962 г., после чего кардинально переменялось отношение к тибетскому вопросу у правительства Индии и лично премьер-министра Неру. С этого времени правительство Индии стало открыто проводить политику поддержки тибетцев и Далай-ламы. Китайская пропаганда освещала свою победу как неопровержимое свидетельство превосходства НОАК, для тибетцев она стала очередным свидетельством «непобедимости» китайцев. [см.: Lamb, 1966; Maxwell, 1972; Mehra, 1979].

¹⁵ Семьи были поделены на 23 категории. К самой низкой категории принадлежали семьи, где на одного человека выходило менее 180 цзиней (90 кг) зерна в год, эта категория от налогов освобождалась. Категория, производящая от 181 до 240 цзиней, платила 3 %-ный налог, в то время как высшая (свыше 1861 цзиней) – 25 %-ный.

По-другому проходили демократические реформы в скотоводческих областях. По китайским данным, до реформ в Тибетском районе было около 10 млн голов скота, в том числе 80 % овец, 5 % мулов, 15 % крупного рогатого скота. Всего скотоводством в районе занималось 300 тыс. человек. Чисто скотоводческим районом считался знаменитый высокогорный район Северного Тибета Чантан (Нгари, Нагчу, западная часть районов 39 племен, северная часть районов Лхасы и Шигацзе), который составлял 100 тыс. кв. км пастбищ и где было сосредоточено 50 % скотоводства, оставшиеся 50 % были сосредоточены в земледельческо-скотоводческих районах Тибета. Скотоводческие пастбища в основном принадлежали трем главным собственникам Тибета (правительству, аристократии, монастырям), большая часть самих скотоводов относилась к так называемым крепостным. Пастбища участвовавших в восстании феодалов и скотовладельцев конфисковались и передавались скотоводам по принципу «собственность возвращается к самим скотоводам», затем организовывались движения «против трех» (мятежа, ула, крепостной зависимости) и «за два улучшения». Под последним подразумевалось улучшение взаимоотношений между пастухами и скотовладельцами: уничтожалась пожизненная зависимость, заключались договора, по которым скотовладелец обязывался выплачивать пастухам зарплату [Xizang zizhiqu gaikuang, 1984, с. 437–438]. Сама же система скотоводческой промышленности и средств производства изменениям не подвергалась, не проводилось перераспределения пастбищ, борьбы и классового деления. Власти оказались достаточно благоразумными, чтобы понять, что ущерб, нанесенный скотоводческой промышленности, может обернуться необратимыми последствиями разрушения всей отрасли, что и произошло впоследствии в период коммунизации.

Демократические реформы завершились через два года. К концу 1960 г. реформы завершились в сельскохозяйственных районах с населением 870 тыс. человек. К маю 1961 г. в скотоводческих районах, в местах с населением в 250 тыс. завершились движения «против трех» и «за два улучшения».

Демократические реформы менее чем за два года до основания разрушили политическую, экономическую и социальную структуру тибетского общества. Были ликвидированы феодальные производственные отношения, крестьяне освободились от личной зависимости и получили право на землю. Объективно реформы соответствовали интересам трудового крестьянства, и не вызывает сомнения, что многие из беднейших слоев населения приветствовали преобразования, благодаря которым они смогли существенно повысить свой жизненный уровень. Но методы их осуществления и обстановка, в которой они проводились, не могли не вызвать серьезных отрицательных последствий.

Наиболее болезненно были встречены населением методы кампании против мятежа и дискредитации правящей верхушки Тибета. Они осуществлялись по аналогу кампаний, проводимых во внутренних регионах Китая. Слабо выраженный классовый антагонизм тибетцев, преобладающая неграмотность населения, традиционный пиетет к институтам власти стали причиной крайнего неприятия идеологической кампании борьбы против «мятежников», которые, вместо того чтобы вызвать ненависть к

господствующему классу, вызвали недовольство новыми хозяевами Тибета. Например, в Сакья первым, кто подвергся дискредитации, был губернатор Сакья Содпа, «самый уважаемый и любимый правитель в Сакья, которым все восхищались за его большое чув-

Красота тибетских женщин –
в их гордости и независимости

ство справедливости и заботу о тралпа (крепостных. – И. Г.)» [Norbu, 1997, с. 170]. Сессии борьбы – тхамсины (*thamzing*), во время которых объекты борьбы подвергались публичному унижению, оскорблениям и избиениям, породили атмосферу страха и всеобщего недовольства. «Большинство из нас беспомощно сочувствовало заключенным, «эксплуататорам» народа. Связующей нас общей нитью было то, что мы все тибетцы, живем в Стране Снегов, едим цзампу, носим чупу и молимся «ом мани пад-ме хум». Различия же с китайцами, которые сажали в тюрьму нас, тибетцев, были так же велики, как между овцами и волками», – писал о проведении кампаний «против мятежа» Дава Норбу [там же, с. 160–161]. Сессии борьбы следовали одна за другой. Дискредитации по очереди подвергались «мятежники» и их пособники, феодальное правительство и их «собаки-приспешники»,

землевладельцы и их «агенты», затем следовали собрания «выплескивания горя», на которых людям вменялось в обязанность повествовать публично о невыносимых страданиях, перенесенных ими в старом обществе. Собрания «выплескивания горя» зачастую превращались в целые спектакли, вызывая у склонных к юмору тибетцев и смех и слезы одновременно. По мнению Ц. Шакьи, кампания против «мятежа» нанесла больший урон сино-тибетским взаимоотношениям, чем сам «мятеж». Он пишет:

В Китае массовая мобилизация и другие политические кампании, призванные подавить антикоммунистические фракции, имели некоторый успех, в частности, из-за того что они ассоциировались с конкретной заботой о китайских массах. Однако в Тибете не было ничего общего между китайцами и тибетцами. То, в чем китайцы видели самое вероломное преступление – «предательство родины», было пустым лозунгом для тибетцев, которые никогда не считали Китай родиной и для которых китайцы были такими же иностранцами, как англичане или индийцы, а их идеология так же чужда, как христианство. Для тибетцев восстание никогда не рассматривалось как предательство. Вынужденно посещая собрания или участвуя в них осознанно, они могли вернуться домой, с тем чтобы помолиться за скорейшее возвращение Далай-ламы. Если считать, что целью кампании против мятежа было уничтожение сотрудничества и согласия, то она ее достигла, так как ясно показала, кто теперь новые хозяева Тибета [Shakya, 1999, с. 250].

Непосредственное проведение реформ было возложено на крестьянские союзы и союзы скотоводов. Активистами союзов были выходцы из беднейших слоев населения. Так, например, в Сакья главными активистами были Намгьял, лицо без определенных занятий, бежавший из Лхацзе, спасаясь от наказания за совершение убийства (впоследствии был назначен председателем Сакьяского округа), и Церин, жена крестьянина, убившего своего соседа и подвергнувшегося суровому наказанию со стороны местных властей. В имении Кхасум (Лхока, Шаньнань), принадлежавшем Суркхану Ванчэн Гэлэгу, бывшему министру Кашага, главными активистами были бывший слуга Суркхана Нгаван, ставший впоследствии председателем сельского правительства, и бывший «раб» семейства Суркхан – Нима Церин, ставший в 1965 г. секретарем партийной ячейки и делегатом ВСНП от ТАР [Epstein, 1983, с. 46–52]. Естественно, что крестьянские союзы, состоявшие из подобных личностей, не могли самостоятельно выполнять задачи «демократических реформ». Они осуществлялись под руководством партии местными военными властями, т. е. были целиком навязаны сверху китайским руководством. Нет нужды говорить о том, что просьбы о проведении реформ, заявления и обвинения были сфабрикованы, о чем говорят многочисленные свидетельства непосредственных участников подобных сессий. Поэтому заявления китайской историографии о том, что «демократические» реформы встретили всеобщее одобрение тибетского народа, едва ли соответствуют действительности.

В еще более бедственном положении оказались тибетские заключенные. Напомним, что, по некоторым данным, между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. тибетцев, арестовано 25 тыс., в течение года, начиная с 1959 г., за границу бежало в общей сложности около 80 тыс. человек. Были арестованы все участники восстания из бывших чиновников правительства и аристократических кругов, почти вся тибетская армия, большое количество монахов. Аресту подверглись и те, кто не участвовал в восстании, но по разным причинам оказался вовлеченным в контакты с «мятежниками», в том числе из мест, не поддержавших восстание, – Шигацзе, Сакья и др. Арестованные сразу же стали объектом критики и осуждения, после чего были отправлены в трудовые лагеря Тибета и Китая.

Говоря о лагерях и тюрьмах Китая, следует отметить характерную только для них специфику (в отличие, к примеру, от советских лагерей) – наличие в них тех же самых «тхамсинов» (*thamzing*). По свидетельствам заключенных, они были самым мучительным испытанием, даже по сравнению с тяжелой работой и плохим питанием. Английский миссионер Джофри Булл, попавший в китайскую тюрьму как иностранный шпион, писал:

С утра до ночи, день за днем, месяц за месяцем, год за годом продолжались в той или иной форме «обучения», взаимные разглагольствования, критика и собрания борьбы. Каждое физическое и умственное движение находилось под неусыпным контролем со стороны кадрового работника, тюремного надзирателя или твоего сокамерника, каждый из которых не мог себе позволить смягчиться из-за страха за свое собственное будущее. Система взаимного шпионажа и доноса исключала любые идеи дружбы и взаимного доверия. В этой атмосфере конфликта, недоверия и отсутствия любви, окружающих тебя со всех сторон, жизнь для многих становилась невыносимой [Bull, 1975, с. 236].

Всем тибетским заключенным были приклеены ярлыки контрреволюционеров и эксплуататоров. Некоторые из них провели в лагерях и тюрьмах до 20 лет, некоторые были освобождены раньше, большое число (точное количество неизвестно) погибли в заключении¹⁶. По свидетельствам узников можно сделать вывод, что невыносимые условия содержания, тяжелый труд, голод и издевательства стали причиной смерти более половины заключенных. Так, например, по свидетельству личного доктора Далай-ламы XIV Чойдака, прошедшего три года в тюрьме Цзючжэнь, что на севере провинции Цинхай в пустыне Тэнгэр, из 76 тибетцев, прибывших вместе с ним в 1959 г., к 1961 г. умерло 40 [по: Avedon, 1984, с. 260].

Но наиболее болезненно, даже по сравнению с репрессиями по отношению к высшим кругам Тибета и перестройкой в сельском хозяйстве, была воспринята населением реформа буддийской церкви, о которой речь пойдет ниже.

3. Реформа буддийской церкви

До 1959 г. в Тибете существовала уникальная система «единения религии и политики» (*chos-srid zung-'brel, zhengjiao heyi*). В понимании монахов трех главных монастырей Тибета – Дрепуна, Гандэна и Сэры это звучало так: «Гандэн Пхотран [тибетское правительство] – это глава религии и покровитель религии» [по: Goldstein, 1989, с. 2]. Понимание Тибета как «государства религиозного и универсальность религии» являлись, по словам М. Голдстейна, «сутью тибетской национальной идентичности» [там же]. Религия была также средоточием всей культурной и духовной жизни тибетского народа, так как вся тибетская цивилизация, ее философия, искусство, архитектура, медицина, астрология, литература, сугубо религиозные в своей основе, были сконцентрированы и развивались вокруг религии.

Чиновники-монахи составляли половину членов тибетского правительства. Монастыри владели почти 40 % обрабатываемых земель, большим количеством пастбищ и многочисленными крепостными и являлись наряду с правительством и аристократией главным земельным собственником и фактически контролировали всю тибетскую экономику. Так, например, монастырь Дрепун имел 185 поместий, 20 тыс. крепостных, 300 пастбищ и 16 тыс. скотоводов-пастухов [Grunfeld, 1975, с. 17]. В Ташилунпо было до 4 тыс. монахов, а также до 9 тыс. монахов в более чем 50 дочерних монастырях. Монастырь правил 5 уездами, ему принадлежало 68 поместий, 62 пастбища, около 33 тыс. крепостных (свыше 160 тыс. человек), что составляло 3/5 общего населения нынешнего района Шигацзе [Epstein, 1983, с. 427]. Монахами в Тибете были от 10 до 15 % тибетского населения¹⁷. В 1958 г., по официальным данным, мо-

¹⁶ Официальной китайской статистики по количеству репрессированных и умерших в заключении нет. Источники эмиграции называют разные цифры. Так, например, согласно данным тибетского правительства в изгнании, «сессии борьбы» принесли 92000 смертей: 25951 – в Уй-Цзане, 48840 – в Кхаме и 15940 – в Амдо [Тибет, 2001, с. 24, 121]. По сообщению заключенного, прошедшего 21 год в пяти различных лагерях, 70 тыс. тибетцев находилось в тюрьмах к северу от Ланьчжоу, из которых 35 тыс. умерли от голода в 1959–1961 гг. [по: Avedon, 1997, с. 263].

¹⁷ В Дрепуне официально было 7700 монахов, фактически в 1951 г. их было около 10 тыс. В Сэра официально – 5500 и 3300 – в Гандэне, фактически 7 тыс. – в Сэра и 5 тыс. – в Гандэне. Всего в районе

настырей в Центральном Тибете насчитывалось 2711, монахов 114103 [по: Ma Rong, 1997, с. 31]¹⁸. Монастыри также занимались торговой деятельностью и давали ссуды под проценты. Хотя доходы монастырей и были очень высокими, однако они давали монахам весьма ограниченное пропитание. Львиная доля монастырских доходов предназначалась для проведения религиозных церемоний, на которых присутствующие монахи могли лишь получать еду. Если учесть и то обстоятельство, что большая часть доходов правительства тратилась не на деятельность правительства, а на религию, не говоря уже о простом населении, то можно себе представить, насколько значительной и, соответственно, затратной была религиозная деятельность в тибетском традиционном обществе¹⁹. Важно заметить при этом, что все религиозные пожертвования были добровольными, так как считалось, что они идут на всеобщее благо живых существ.

Необходимо также отметить, что именно религиозная система Тибета была фактором застойности и консервативности тибетского общества. М. Голдстейн по этому поводу писал:

Хотя религия была, с одной стороны, однородной силой в тибетской политике, с другой стороны, она была также фрагментарной и конфликтной силой. Соревнование между различными религиозными группировками в целях увеличения своего влияния и престижа и отсутствие согласия на предмет того, какая политика более соответствует интересам религии, были бедствием в истории Тибета XX столетия. Также массовая монашеская идеология и ежегодный цикл праздничных молебствий вынуждали монастыри непрерывно изыскивать еще большее количество земель и пожертвований и решительно противиться любым попыткам со стороны правительства уменьшить их доходы. Это и сделало их главными защитниками помещичье-крепостной экономической системы и, вследствие этого, крайне консервативными. Каждый раз, когда Тибет в XX в. пытался воспринять быстрые перемены, религия и монастыри играли главную роль в том, чтобы этому прогрессу помешать [Goldstein, 1989, с. 37].

Неудивительно, что наиболее консервативной силой, категорически не принявшей китайские реформы, и на этот раз стала буддийская церковь Ти-

Лхасы монахи трех монастырей составляли 20 тыс. человек, в то время как армия насчитывала всего одну или полторы тысячи человек [Goldstein, 1989, с. 25].

¹⁸ Поскольку главным предметом рассмотрения является ТАР, то мы приводим, как правило, статистику по этому региону. Если брать этнографический Тибет, то, по китайским данным, количество монастырей и монахов соответствовало: в Цинхае 722 – 57647, в Ганьсу 369 – 17000, в Сычуани 747 – 93700, по Юньнани нет итоговых данных [Jia Guangrong, 1994, с. 66, 76, 117]. Всего в этнографическом Тибете (за исключением Юньнани) монастырей насчитывалось 1838, монахов – 168347. Таким образом, получается, что, по китайским данным, в так называемом Большом Тибете в начале 1950-х гг. в целом было 4549 монастырей и 282450 монахов. Далай-лама, исходя из общего количества монастырей в Большом Тибете, называет цифру 6200, его сестра – около 4000 [по: Norbu, 1997, с. 285]. Вследствие того, что цифры существенно расходятся, можно, наверное, принять, что в Большом Тибете в начале 1950 гг. было около 4–5 тыс. монастырей – цифра колоссальная при любом рассмотрении.

¹⁹ Например, на религиозные праздники в первый и второй месяцы по лунному календарю уходило ежегодно 62 % годового дохода Поталы.

бета, и именно поэтому проблема религии стала одной из наиболее трудноразрешимых проблем, с которыми пришлось столкнуться китайскому правительству.

После мартовского восстания и бегства Далай-ламы в Индию тибетские монастыри, будучи «оплотом мятежников», стали наряду с аристократией главным объектом борьбы. В отношении монастырей проводилась та же политика, что и по отношению к аристократии. Земли и поместья участвовавших в восстании монастырей, а их было большинство, подверглись конфискации, не участвовавших – выкупу со стороны государства. В первой категории монастырей проводились движения «против трех» (мятежа, личной зависимости, особых феодальных прав) и «сведение трех счетов» (за политический вред, разного рода экономическое подавление, экономическую эксплуатацию). Реформы должны были разрешить четыре вопроса: подавление мятежа; уничтожение особых феодальных прав и феодальной эксплуатации монастырей; осуществление демократического управления монастырей и политики свободы вероисповедания [Xizang zongjiao, 2001, с. 167]. Главной целью при этом было:

Уничтожение собственности на средства производства монастырей, уничтожение эксплуататорской системы в виде ссуд под высокие проценты, долговых обязательств, принудительных обязательств, транспортной повинности, а также системы феодального управления; защита свободы вероисповедания, патриотических и законопослушных монастырей, исторических памятников, правильной религиозной деятельности; регулирование монастырей и количества монахов и монахинь, устройство жизни монахов и монахинь, патриотических лам из высших кругов и священнослужителей, снявших монашеский сан, организация демократического правления монастырей [там же].

Вышеизложенная политика касательно религии и монастырской системы означала на практике уничтожение ведущей экономической и политической роли буддийской церкви в Тибете. Монастыри были объявлены «рассадником мятежа», по этой причине реформа монастырской системы становилась важнейшим направлением борьбы с мятежом, в результате которой большинство монастырей было закрыто, десятки тысяч монахов убиты, репрессированы или бежали за границу. К осени 1960 г. в монастырях были проведены демократические реформы, которые свелись в основном к конфискации земель и поместий «мятежных» монастырей и выкупу у немногих «патриотических». Из не принимавших участие в восстании самую большую компенсацию в 9 млн. юаней получил монастырь Ташилунпо [Epstein, 1983, с. 417].

Уничтожение экономической базы монастырей лишило десятки тысяч монахов, или 10 % населения Тибета, средств к существованию и стало, по словам Ц. Шакьи, «самым значительным социальным и политическим событием в истории Тибета со времени принятия буддизма» [Shakya, 1999, с. 254]. Кампания за массовое возвращение монахов в «мир» и их приобщение к производительному труду проходила под лозунгом обеспечения «свободы вероисповедания». Под этим подразумевалось, что подавляющее большинство монахов стали ими не по своей воле. В результате в Дрепуне из 10 тыс. монахов к 1965 г. осталось 715, среди которых 512 – из беднейших слоев [Epstein, 1983, с. 422], в 1976 г. их оставалось 306 [там же, с. 424]. В «патриотическом» Та-

шилунпо после демократических реформ из 4 тыс. монахов оставалось 1980, т. е. количество монахов сократилось вдвое. Значительная часть покинувших монастырь монахов возвратились в родные деревни и стали заниматься сельскохозяйственным трудом, многие ушли на промышленные работы, некоторое количество стали кадровыми работниками, часть обзавелись семьями. Репрессии против монашества и приобщение их к «труду»²⁰ глубоко ранили религиозные чувства тибетцев. Простые люди отказывались видеть в монахах общественных паразитов, что они могли допускать в отношении аристократии. Подношения монастырям и ламам были добровольными; богатство монастырей, накопленное ими в течение столетий, образовывалось во многом за счет добровольных пожертвований. Более того, почти каждого тибетца с монастырем связывали узы родства с обитающими там монахами, поэтому реформа монастырской системы встретила у тибетцев самое большое возмущение.

Если земли и поместья монастырей были распределены среди непосредственных производителей, ранее трудившихся на этих землях, то деньги и сокровища монастырей полностью конфисковались в качестве контрибуции. По рассказам очевидцев, бывшие крепостные и «рабы» получали лишь старую мебель, одежду, сельхозорудия и утварь бывших собственников, в то время как основное богатство «уплывало» за пределы Тибета. Например, в 1965 г. была организована выставка тибетской революции, на которой экспонировалась опись частных сокровищ Далай-ламы, не считая того, что он вывез за границу. Среди самых ценных предметов перечислялось 110328 унций золота, 5 млн юаней серебром, 20331 драгоценный камень, 14675 предметов одежды общей стоимостью 98 млн юаней, или 41 млн американских долларов [Epstein, 1983, с. 412]. Конфискованные богатства становились «всенародной собственностью», т. е. полностью поступали в распоряжение государства. В начале 1980-х гг. часть конфискованного имущества монастырей была им возвращена, но значительная доля, по свидетельствам очевидцев, оказалась на аукционах Гонконга и Тайваня, а затем была продана на Запад и в другие страны.

Вот как, например, проходили реформы в монастыре Дрепун [по: Goldstein, 1998, с. 23–25]. Подавляющее большинство монахов Дрепуна не были активными участниками восстания, хотя безоговорочно поддерживали Далай-ламу. Но поскольку часть монахов защищала Летний дворец и сражалась в Лхасе, Дрепун был объявлен восставшим, все его владения и амбары были конфискованы без компенсации, все долговые обязательства монастырю уничтожены. По китайским подсчетам, Дрепун в то время владел 140 тыс. т зерна и 10 млн юаней (5 млн долларов) в займах. Приток дохода поэтому полностью прекратился.

Монастырская жизнь и административная структура были также полностью изменены. В монастырь была послана рабочая группа (*las don ru khag*) для того, чтобы принять монастырь на попечение. Она сразу же взяла власть в свои руки и назначила новый административный комитет, избранный из

²⁰ Монахам обетами запрещалось заниматься сельскохозяйственным трудом, в процессе работ они могли невольно лишать жизни живые существа. Поэтому приобщение монахов к труду выглядело в глазах тибетцев как оскорбление их религиозных чувств.

беднейших и «прогрессивных» монахов. Новая администрация стала называться Комитетом демократического управления. Эта структура действует во всех монастырях и поныне. Первой основной задачей рабочих групп было разделение монахов по классовому признаку. Монахи, участвовавшие в восстании, а также почти все руководство были квалифицированы как «эксплуататоры» и посажены в тюрьму или отправлены в рабочие лагеря. Остальных подвергли в течение нескольких месяцев «обучению» новой социалистической идеологии, согласно которой каждый индивид был обязан заниматься продуктивным трудом. Всех монахов агитировали за возвращение домой, к немонашеским занятиям. Количество монахов резко сократилось, и к концу 1959 г. их осталось всего около 400. Через несколько месяцев политического перевоспитания и реорганизации монастыря оставшихся монахов отправили на «добровольную» работу. По воспоминанию одного монаха:

Сначала мы ели монастырскую пищу там, где жили; после того, как многих монахов выслали и общее количество резко сократилось, оставшиеся собрались в дацане Лоселин, где ели все вместе. Через 5–6 месяцев монастырские запасы кончились. Однако к этому времени все уже были заняты продуктивным трудом, которым добывали себе пищу. В это время только старые монахи оставались в монастыре. Молодые монахи отсутствовали, находясь на различных работах. Возвращались в монастырь по-разному; кто раз в неделю, кто каждый день. Работы были непостоянными. После того как закончились совместные приемы пищи, нас поделили на более мелкие рабочие группы, которые работали и ели сообща; у нас, к примеру, были группы портных, каменщиков, строителей, плотников и сборщиков топлива. Позже некоторые из этих групп были разделены еще раз. Каждая группа имела свои средства к жизни и питалась вместе. Цзампу делили между монахами, а масло держали сообща, чтобы готовить чай для всех. Монахи раздельно ели цзампу, а чай пили вместе. Старые ламы, которые не могли работать и не хотели возвращаться домой, были организованы в «группы старых людей» и жили на субсидии от государства [цит. по: Goldstein, 1998, с. 25].

К 1965 г. из 10 тыс. монахов Дрепуна осталось всего 715. Физическая оболочка Дрепуна сохранялась, и монахи, сохранившие обеты, молились у себя в комнатах, однако институциональная религиозная деятельность: совместные молебны и теологическая программа «роци дхармы»²¹ – закончилась. Монастырь перестал существовать как институт, где практикуется религиозное обучение, диспуты и ритуалы.

Подобная же участь постигла практически все монастыри Тибета. Таким образом, всего несколько месяцев потребовалось китайским властям в Тибете для того, чтобы покончить с ведущей экономической и политической ролью буддийской церкви. Разрушение храмов и монастырей, уничтожение предметов культа, репрессии против духовенства и аристократии, создание бригад взаимопомощи серьезно обострили обстановку в Тибете, вызвав недовольство в широких кругах населения, в том числе и деятелей «патриотического»

²¹ Сравнительно небольшой огороженный сад внутри монастыря, где ученые монахи собирались трижды в день в течение учебного семестра для тренировки в искусстве диспута.

духовенства – Панчен-ламы и геше Шераба Гьяцо, бывшего заместителем председателя Народного правительства провинции Цинхай. «Период урегулирования», в течение которого руководство пыталось смягчить некоторые эксцессы проведения демократических реформ, связан большей частью с деятельностью Панчена Римпоче, который, вступив в пору зрелости, перестает быть послушным орудием китайских властей.

4. Панчен-лама и период урегулирования

Возникшая в связи с «большим скачком» угроза полной хозяйственной анархии, голод в стране, раскол с СССР заставили руководство ЦК КПК признать серьезные ошибки в линии партии. IX пленум ЦК КПК 8-го созыва (14–18 января 1961 г.) официально утвердил курс на урегулирование народного хозяйства. Лю Шаоци в докладе на рабочем совещании ЦК КПК (май–июнь 1961 г.) признавал, что «причина трудностей на 30 % – из-за стихийных бедствий, на 70 % – по вине людей», и предлагал сделать шаг назад, отступить, уменьшить контрольные цифры выплавки стали [Усов, 2006, т. 1, с. 295]. Мао Цзэдун, выступая с самокритикой, заявлял: «И на нас сейчас обрушилось возмездие. Почва не плодородит, люди и скот отошдали. Возмездие пришло за политику трех лет. А кто же виноват в этом? Главную ответственность несут ЦК и я. Я несу главную ответственность» [там же, с. 299]. Хотя в Тибете не было ни «большого скачка», ни народных коммун, критика политики «трех знамен» со стороны наиболее здравомыслящей части партийного руководства в лице Лю Шаоци, Ли Фучуня, Дэн Сяопина и других создала условия для выравнивания политики и в районах нацменьшинств. В Тибете с резкой критикой осуществления демократических реформ выступили геше Шераб Гьяцо и Панчен-лама.

В течение десяти лет, начиная с «мирного освобождения» Тибета в 1951 г., Панчен-лама Х наряду с Нгабо Нгаваном Чжигмэ был главным сторонником китайской политики в Тибете. Китайцы помогли ему возвратиться в Шигацзе и вернуть утраченные его предшественником власть и позиции. Панчен-лама не был членом партии, но верил в КПК, в правильность ее политики, Мао Цзэдун был его кумиром. Он и его друг Баба Пунцог Вангьял были из немногочисленных тибетцев, принявших китайскую сторону из искренних побуждений помочь тибетскому народу встать на путь прогресса. Панчен-лама поверил Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю и поддержал реформу буддийской церкви, так как считал, что монахов в действительности слишком много, следует помочь вернуться к светской жизни тем монахам, кто стал ими не по своей воле, и оставить в монастырях только имеющих настоящее религиозное призвание. Его глаза раскрылись после мартовского восстания в 1959 г. и роспуска тибетского правительства. Панчен-лама лично убедился в том, какая огромная пропасть лежит между обещаниями руководства Китая и конкретным воплощением реформ на местах. Причем он мог это увидеть на примере собственного монастыря Ташилунпо, которому, несмотря на существенную компенсацию, выплаченную в качестве выкупа его земель и поместий, не удалось избежать эксцессов «демократических» реформ. В результате действий рабочей группы, посланной в монастырь, уважаемые ламы и тулку были объявлены реакционерами и подвергнуты сессиям борьбы, глава комитета по делам религии Ши-

гацзе, не в силах стерпеть издевательств, совершил самоубийство (он выжил, но потерял способность говорить), гонениям были подвергнуты его родители, их имущество конфисковано [Hilton, 1999, с. 146]. Также после подавления восстания отпала необходимость сохранения режима Ташилунпо в качестве противовеса лхасскому. Подготовительный комитет ТАР как орган, состоящий из трех фракций – Лхасы, Шигацзе и Чамдо, исполнил свою миссию и был преобразован в 1961 г. в единую структуру. Это означало конец автономии Шигацзе, где окружение Панчен-ламы относительно самостоятельно осуществляло административную власть. Все это значительно ослабило позиции Шигацзе, хотя авторитет Панчен-ламы как второго лица в духовной иерархии Тибета все еще имел в глазах китайского руководства определенное значение для сохранения видимости продолжения политики единого фронта.

Прибытие Панчен-ламы в автономный округ
Нгаба провинции Сычуань

южному Китаю. Его сопровождали Ли Вэйхань и Ван Фэн, бывший первым секретарем парткома провинции Ганьсу и заместителем председателя Единого фронта. В поездке Панчен-лама и его спутники много разговаривали по поводу ситуации в Тибете, в ходе бесед Панчен-лама высказал Ли Вэйханю и Ван Фэну свою глубокую озабоченность по поводу проведения реформ в Тибете. Оба китайских политика восприняли критику Панчен-ламы со всей серьезностью. По возвращении в Пекин Ли Вэйхань во время собрания глав провинций и секретарей различных ведомств доложил о беседах с Панчен-ламой лично Мао Цзэдуну. Ли Вэйхань, со своей стороны, показал Панчен-ламе то, что он записал с его слов, и предложил ему сделать любые исправления и дополнения. Этот вариант лег в основу знаменитой Петиции из 70 тысяч иероглифов, составленной Панчен-ламой в адрес китайского

Панчен-лама, будучи одним из заместителей председателя ВСНП, по полугоду проводил в Пекине, где присутствовал на сессиях ВСНП в апреле и празднествах, посвященных дню образования государства, в октябре. В отличие от других тибетских коллаборационистов, Панчен-лама был вхож в высшие эшелоны власти Китая. Он много раз встречался с Мао и имел с ним продолжительные беседы. Он был в хороших отношениях с Ли Вэйханем – председателем Единого фронта и председателем Комиссии национальностей, главой китайской делегации, подписавшей Соглашение из 17 пунктов, и одним из высших партийных кадров, отвечавших за тибетские дела. В октябре 1960 г. Панчен-ламу направили в исследовательскую поездку по

правительства в июне 1962 г. Говорят, что Мао назвал Петицию «отравленной стрелой, пущенной в партию реакционными феодальными властителями» [A Poisoned Arrow, 1997, с. 4]. Таким образом, критика Панчен-ламы достигла высшего руководства КНР. Релаксация политики после «большого скачка», инициированная Лю Шаоци и Дэн Сяопином, возродила надежды на исправление ситуации. ЦК КПК отправил в Тибет в исследовательскую поездку заместителя председателя Комитета по национальным делам Ян Цзинжэня. Его доклад подтвердил критические замечания, сделанные Панчен-ламой. Содержание доклада было передано Дэн Сяопину, который также признал критику и согласился с тем, что в Тибете нужно исправлять «поспешность и левацкие ошибки, допущенные во время демократических реформ, перевоспитания высших кругов и в экономике» [Jiangbian Jiasuo, 1989, с. 100].

23 января Панчен-лама разговаривал лично с Мао Цзэдуном. На собрании присутствовало большинство из высшего руководства страны, включая Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и Ли Вэйханя. Мао Цзэдун также согласился с критикой Панчена Римпоче и выводами Ян Цзинжэня. В своей пространной речи Мао затронул шесть пунктов, на которые, по его мнению, нужно было в первую очередь обратить внимание, для того чтобы исправить «левый уклон»²²:

1) На данный момент создавать только бригады взаимопомощи, не создавать коммун... Социальная система Тибета подверглась реформированию, феодальная крепостная система превратилась в индивидуальную крестьянскую собственность, теперь требуется период стабилизации. 2) Наладить работу с деятелями из высших кругов, укрепить сплочение с патриотическими деятелями из высших кругов, которых более 3 тыс., на деле осуществлять выкуп, сотрудничать на долгосрочной основе, предоставлять им определенные должности, создавать им хорошие условия жизни... идеологические преобразования должны быть деликатными. 3) Религиозный вопрос. Я слышал, что Вы хотите оставить часть монахов, не занятых в производственном труде, я согласен с Вашим мнением, оставим несколько тысяч... Несколько тысяч будут изучать сутры, политику и другие знания; в то же время дать им понять, что в прошлом было 110 тыс. монахов, сейчас оставим несколько тысяч, чтобы специально занимались религией, а около 100 тыс. будут заниматься производством, так будет польза для развития экономики и населения. 4) Про исправление левого уклона. Не только в Шигацзе, но и в других местах Тибета в борьбе с правыми произошел левый уклон, сейчас как раз занимаемся исправлением. Просим прощения у тех, кого ошибочно подвергли борьбе, есть дурные люди, кто сеет раздор и провокации, нужно к ним применять меры. Ваши родители, к примеру, не были официально подвергнуты борьбе, кое-кто из масс пошел к ним обыскивать, то же самое и с Чэн Чжигмэ и Лами²³, эти действия неправильны, необходимо перед ними извиниться. Про Далай-ламу. Ваша история и история группировки Далай-ламы неодинаковы, между ними очень большая разница. С вами мы не сражались, с группировкой Далай-ламы

²² Стенограмма беседы [см.: Mao Zedong, 2001, с. 213–221].

²³ Чэн Чжигмэ был в то время председателем комитета совета Каньбу при Панчен-ламе, Лами – его заместителем. Чэн Чжигмэ был среди окружения Панчен-ламы главным сторонником сотрудничества с китайцами, в отстаивании прав и привилегий Панчен-ламы у лхасского правительства.

было два сражения. Первое – в Чамдо, когда были уничтожены их главные силы. После этого Далай-лама бежал в Ятун, а потом скрепя сердце подписал Соглашение. Они отправили представителей двумя путями: первым прибыл в Пекин Нгабо из Чамдо, второй отправился через Индию, Калькутту, Неру не разрешал им ехать, и они сами не хотели ехать. Потом поняли, что нельзя не ехать, так и прибыли. Нгабо мы убедили, он действительно любит родину, сотрудничая с нами. Результатом первого сражения стало подписание Соглашения из 17 пунктов. Второе сражение – это подавление мятежа. Они первыми напали на нас и хотели заставить нас уйти, не оставив нам иного выхода, как подавить мятеж. До этого мы хотели его (Далай-ламу. – И. Г.) убедить, хотя и знали его отношения с Индией. В то время вы могли понять, что мы доверяли Далай-ламе больше, чем вам, например, решили не делать первого выстрела, шесть лет не проводить реформы. На вашем месте можно было так подумать. Мы понимали, что среди населения в 1 млн. 200 тыс. большинство верит Далай-ламе. Население Переднего Цзана, Заднего Цзана, Чамдо, Кхама, Нгари, а также части Цинхая и Ганьсу очень суеверно по отношению к нему. Поэтому мы ни в коем случае не собирались делать первого выстрела. Не было иного выхода, чем выждать определенный промежуток времени, иначе у населения не было бы возможности поверить, что мы пришли к ним только с самыми лучшими намерениями. Сначала в Кхаме, затем в Лхасе несколько тысяч человек напали на нас, и только тогда мы развернулись, чтобы перехватить инициативу, подавить мятеж и наконец объяснить людям, что мы проявили максимум доброй воли. Замысел Далай-ламы на осуществление мятежа имел начало в 1955 г., когда он вернулся из Пекина. С начала 1957 г., после того как он вернулся из Индии, и до 1958 г. – организовывал два года. Во втором сражении Вы участвовали на нашей стороне. 5) Вопрос об образовании Тибетского автономного района. В этом году не получилось официального превращения ПКТАР в местное правительство автономии, я думаю, что это будет в будущем или еще через год. Главный вопрос – вопрос выборов... После возвращения сделайте подготовительную работу, сначала проведите выборы народных правительств на уездном и сельском уровнях, после будем выбирать народных представителей автономии. 6) Есть еще один вопрос, нужно сделать более тесными Ваши отношения с Тибетским рабочим комитетом. Я уже обговорил этот вопрос с представителем Чжаном (Чжан Цзинъю) и заместителем секретаря. У Рабочего комитета в прошлом были упущения, Вы будете удовлетворены, если они будут с Вами обсуждать дела? Я хочу сказать Вам, каким способом, если Вы чем-то недовольны, имеете какое-либо мнение или вопросы, то сразу же обращайтесь к ним, говорят, что у Вас такой характер, это очень хорошо²⁴.

²⁴ Ввиду того, что эта стенограмма впервые опубликована в 2001 г., мы посчитали целесообразным процитировать основные положения речи Мао. Ц. Шакая также приводит содержание беседы. Однако при сравнении очевидны разногласия по количеству пунктов и их содержанию. Особенно различается содержание пункта 5. По Шакая, с. 265: «Пятое, Далай-ламу не будут денонсировать, за ним будут сохранены посты в ПКТАР и ВСНП». В стенограмме этого нет, смысл высказываний Мао относительно Далай-ламы как раз обратный. Мао касается Далай-ламы в пункте 4-м об исправлении ошибок левого уклона. Он противопоставляет группировку Далай-ламы группировке Панчен-ламы. Борьба с первой, по его мнению, была неизбежной, в то время как борьба со второй – ошибочной.

Таким образом, было очевидно, что высшее руководство страны стало прислушиваться к словам Панчен-ламы, который, несмотря на свою молодость, в феврале 1961 г. ему исполнилось всего 23 года, серьезно воспринял обязанности руководителя своего народа в отсутствие главного лидера – Далай-ламы. Получив директиву Мао смягчить реформы в Тибете, ЦК КПК под председательством Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина обсудил положение в Тибете и в апреле 1961 г. провозгласил курс «стабильного развития» (*wending fazhan*), в соответствии с которым в Тибете в течение 5 лет не должны были проводиться социалистические преобразования, создаваться кооперативы, тем более народные коммуны, должны были исправляться «левацкие ошибки» и продолжен курс «сплочения с верхами» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 136–137].

Несмотря на положительные стороны политики урегулирования, она не затрагивала основ политики КПК в Тибете. Тибетцев устраивало Соглашение из 17 пунктов в том аспекте, где гарантировалась неприкосновенность институтов власти и религии, а также невмешательство в доходы монастырей. Естественно, что их не могли устраивать «демократические» реформы, направленные на уничтожение этих институтов и экономической основы тибетского общества, и поэтому поверхностные исправления, не затрагивающие сути изменений, не могли решить глобальных проблем, с которыми пришлось столкнуться тибетцам в столь короткий промежуток времени. Все это начал понимать и Панчен Римпоче. Среди многочисленных проблем, которых новые меры не могли решить, наиболее остро по-прежнему стояла проблема религии. Наступило время проведения ежегодного религиозного праздника Монлам. Прежде проведение праздника субсидировалось правительством и частными инвесторами. Важность церемоний в связи с Монламом понимало и китайское руководство, субсидировавшее проведение праздника начиная с 1951 г. и не отказавшееся от предоставления помощи и после 1959 г. Но политическое значение празднества, когда власть на время его проведения передавалась от правительства религиозным общинам, было навсегда утрачено. Оставалась нерешенной проблема, что делать с большим количеством монахов, вынужденных уйти из своих монастырей. Панчен-лама был против роспуска монахов и их приобщения к сельхозработам, так как, будучи духовным лицом, реально понимал тяготы духовенства, лишившегося средств к существованию и вынужденного заниматься физическим трудом, а главное, понимал вред, наносимый реформами самому существованию религии.

На своем пути из Пекина в Тибет Панчен-лама посетил районы, населенные тибетцами, в Цинхае, Ганьсу и Сычуани. Его шокировало положение в этих местах. Наблюдалось повсеместное снижение производства продукции, сокращение численности населения, голод, разрушения. В некоторых местах Цинхая после закрытия общественных столовых у части людей не оказалось даже чашек для еды. Увидев это, Панчен-лама очень расстроился. Он купил людям на свои деньги чаши и раздал их. Джампэл Гьяцо пишет: «Он сурово раскритиковал местные кадры, даже стучал по столу и метал громы. Он говорил: “Раньше только миряне давали монахам пожертвования, народ делал подношения тулку (перерожденцам). Где это видано, чтобы тулку покупали чаши и раздавали людям. В старом обществе у голодного в руке всегда была

хотя бы побитая чаша. При Чан Кайши и Ма Буфане, которые правили Цинхаем несколько десятков лет, простые люди Тибета не доходили до такой крайности, что не могли купить себе даже одну чашу» [Jiangbian Jiacuo, 1989, с. 103].

Панчен-лама понял, что избежать подобного катаклизма в Центральном Тибете можно лишь при условии, если реформы будут отложены на неопределенное время. Правда, причину катастрофического положения он видел не в самой политике реформ, а в некомпетентности кадровых работников на местах, которые, по его мнению, вводили в заблуждение вышестоящие органы победоносными отчетами, скрывая истинное положение в регионе. В Сычуани он открыто делал замечания китайским кадровым работникам, а Ли Цзиньцюаню, первому секретарю Сычуаньского райкома КПК, заявил, что китайские кадры создают «стену» между партией и народом. Партийных секретарей он называл «секретарями-умиротворителями», подразумевая под этим, что они боятся сообщать правду председателю Мао, умиляя руководителей, как ламы успокаивают гневных божеств. Он полагал, что стоит только довести до сведения высшего руководства страны все эксцессы реформ, ситуация будет исправлена к лучшему. В конце 1961 г. он начал писать свой знаменитый отчет, получивший название Петиции из 70 тысяч иероглифов.

В апреле 1962 г. он отправился в Пекин на очередное собрание ВСНП. Весной в столице наблюдалась либеральная атмосфера. Единый фронт ЦК под руководством Ли Вэйханя организовал собрание по обсуждению национального вопроса, которое длилось более месяца, с 21 апреля по 29 мая. На собрании присутствовали высшие руководители страны, такие, как Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай и Чжу Дэ. Ли Вэйхань предложил представителям нацменьшинств, не состоящим в партии, открыто высказаться по поводу национальной политики КПК. Несмотря на то, что многие делегаты высказывали критические замечания по поводу повальных арестов, разрушений мусульманских и буддийских храмов, нарушения свободы вероисповедания, было очевидно, что люди опасались открыто высказываться, боясь повторения кампании борьбы с правыми, последовавшей за кампанией «пусть расцветают все цветы».

Тибетцы составляли большинство представителей нацменьшинств, так как приехали из пяти различных административных образований, вследствие чего тибетский фактор возобладал на собрании. Среди тибетской делегации наиболее видными деятелями были Панчен-лама и геше Шераб Гьяцо. Панчен Римпоче на собрании не выступал, геше Шераб Гьяцо в начале также не проявлял активности, более свободно он вел себя на секционных заседаниях и в частных беседах с Ли Вэйханем и Лю Чунем. Однако в конце концов геше не выдержал и выступил на общем собрании с самым смелым выступлением, в котором подверг КПК сильнейшей критике. Речь геше отличалась особым стилем и остротой замечаний, доходящих порой до сарказма. Он говорил: «В некоторых ваших методах настолько отсутствует гуманность, что даже Чан Кайши и Ма Буфан не делали того, что сделали вы». В завершение он заявил:

Директор Ли, некоторые люди беспокоятся, что вы опять организовали заговор, для того чтобы выманить лису из норы. Вы, конечно, хорошо помните борьбу с правыми в

57-м году, Вы получили хороший результат, дважды наелись²⁵. Не то же самое ли и на этот раз, мне непонятно. Даже если и так, то я не боюсь. Сегодня я много уже говорил, возвращаясь к сказанному, я надеюсь, что ЦК КПК, Госсовет смогут, как говорили в последнее время председатель Мао, председатель Лю, премьер Чжоу, добросовестно обобщить опыт и подготовку этих лет и старательно с сей поры выполнять работу для благосостояния родины, благополучия людей и процветания религии. У меня больше нет никаких желаний, действительно никаких, говорю совершенно искренне, от чистого сердца, что может подтвердить и Будда [Jiangbian Jiasuo 1989, с. 116].

Хотя речь геше вызвала горячие аплодисменты, реакция была неоднозначной, и многие переживали за последствия. Его переводчиком и ближайшим учеником был ханец по имени Чэнь Тяньму. Он просил учителя больше ничего не говорить и не произносить никаких речей. Однако после обеда геше продолжил разговор с Ли Вэйханем в частной беседе, в которой геше пошел в своей критике еще дальше. Чэнь Тяньму всеми способами пытался удержать учителя, со слезами на глазах уговаривал, отказывался переводить, но ничто не могло остановить геше²⁶. В конце концов Чэнь Тяньму заново подготовил «Выступление делегата Шераба Гьяцо» и отдал в секретариат собрания, заявив, что только этот вариант является официальным. Однако Ли Вэйхань заверил геше в своем исключительном к нему уважении и почтении и пообещал, что это собрание не станет ловушкой для лис. Собрание вновь подтвердило политику умеренных реформ в национальных районах, что нашло отражение в статье «Жэньминь жибао» от 3 июня 1962 г.

Панчен-лама воздержался от выступления на собрании. Воодушевленный атмосферой открытости, царящей на заседаниях, он решил вернуться к своему отчету, над которым работал около полугода. Считая себя единственным человеком, кто доподлинно знает ситуацию, а также имеет доступ в высшие эшелоны власти, он был убежден, что как только доведет до сведения руководства страны последствия реформ в Амдо и Кхаме, злоупотребления тотчас же прекратятся. Его энтузиазм не разделяли ближайшие люди из его окружения – Чэн Чжигмэ, бывший в то время заместителем председателя ПКТАР, и его старший учитель Нгулчу Римпоче. Нгабо, который более чем кто-либо осознавал возможные последствия поступка Панчен-ламы, советовал ограничиться устным обращением. Шераб Гьяцо, будучи знатоком лингвистики, подверг критике стиль отчета. Нгулчу Римпоче, приложивший немало усилий на редактирование текста, предчувствовал плохой конец замысла Панчен-ламы и тоже пытался отговорить последнего от подачи петиции. В середине мая 1962 г. Нгулчу Рим-

²⁵ Джампэл Гьяцо пишет: «"Дважды наестся (кит.: *chi shuang fen*, или съест две порции)" – это выражение, бывшее в ходу в то время среди национальных, религиозных верхов и национальной интеллигенции. В 1957 г. во время борьбы с правыми некоторые проявили активность и стали левыми, либо получили повышение, повысили разряд, либо стали делегатами, членами комитетов, то есть извлекли выгоду; в 1958 г. во время борьбы с местным национализмом опять проявили активность и опять извлекли выгоду, то есть дважды наелись» [Jiangbian Jiasuo, 1989, с. 114].

²⁶ Примечательно, что Чэнь говорил: «Вы буддийский наставник глубочайшей учености, пользующийся безграничным уважением, но Вы не понимаете политику и тем более нашу китайскую историю. "Небесный император мудр и свят, подданный провинился – будет наказан". С древности и до сих пор виноватым может быть только подданный, и никогда – господин» [Jiangbian Jiasuo, 1989, с. 121].

поче предпринял последнюю попытку заставить своего ученика отказаться от задуманного. Он зажег лампы в храме резиденции Панчен-ламы и стал совершать простирания перед своим учеником, чем привел последнего в чрезвычайное беспокойство²⁷. После он начал убеждать Панчен-ламу не подавать петицию, говорил, что правительство прекрасно знает о случившемся и если бы оно хотело исправить ситуацию, то давно уже это сделало бы. Он также говорил, что консультировался с оракулами, и каждый раз они заявляли: предзнаменования не сулят ничего хорошего. В конце Нгулчу Римпоче со слезами на глазах сказал: «Далай-лама уже ушел, сейчас остались только Вы. Если и с Вами случится какое-нибудь несчастье, то не только Вы, Ташилунпо и Цзан, религия всей тибетской земли окажется в опасности, нескольким миллионам тибетцам не на кого будет опереться» [Jiangbian Jiacuo, 1989, с. 129]. Панчен-лама сердцем понимал беспокойство учителя, но не мог отступить от того, что считал своим долгом. Чжампэл Гьяцо пишет: «Он не мог не беспокоиться о судьбе и будущем тибетского народа. Он вспомнил одну фразу, которой его научил учитель китайского языка: “Я люблю своего учителя, но еще больше люблю истину”» [там же].

Отчет после многочисленных корректировок и редакций был переведен на китайский и озаглавлен как: «Доклад уважаемому премьеру Чжоу о страданиях народа Тибета и других тибетских регионов и предложения для дальнейшей работы Центрального Комитета». Китайский перевод доклада составил 70 тыс. китайских иероглифов, из-за чего получил название Петиции в 70 тысяч иероглифов²⁸. Панчен Римпоче официально представил свой отчет Чжоу Эньлаю 18 мая 1962 г. на собрании Департамента Единого фронта. Чжоу Эньлай отправлялся в поездку по северо-восточным регионам Китая, поэтому у него не было времени на то, чтобы полностью прочесть доклад, однако он согласился выслушать его устно. Во второй половине дня Панчен-лама сделал устную презентацию основных положений отчета в присутствии Уланьфу, Ли Вэйханя, Си Чжунсиня и др. На собрании присутствовали китайские кадры в Тибете – Чжан Цзинъю, Чжан Гохуа и Ван Цимэй, а также тибетские – Нгабо и Пхагба Гэлэг Намгьял, молодой тулку из Чамдо, избранный председателем Комитета освобождения Чамдо.

Выдержки из доклада²⁹:

²⁷ «Не боюсь духов, не боюсь чертей, только боюсь, когда учитель делает передо мной простирания», – сказал Панчен-лама [там же, с. 127].

²⁸ Для сравнения: знаменитый доклад Пэн Дэхуая о последствиях «большого скачка» состоял из 10 тыс. иероглифов.

²⁹ Очень интересна судьба рукописи доклада. Текст был впоследствии изъят из обращения и запрещен. О докладе можно было узнать лишь косвенно из хунвэйбиновской печати. Затем его содержание было пересказано в книге Чжампэла Гьяцо, а в 1996 г. копия китайского перевода доклада появилась в запечатанном конверте в офисе Тибетской информационной сети (TIN). Роберт Барнетт: «Это был китайский текст, напечатанный большими ровными иероглифами, свыше 123 страниц. Последняя страница указывала, что оригинал и аутентичный текст был на тибетском: мы не нашли никаких следов этого текста, хотя знали, что тибетский манускрипт, конфискованный где-то 25 лет назад, был возвращен партией Панчен-ламе перед его смертью. В китайском тексте, который мы получили, не было титульного листа, а также никаких указаний, из какой книги он взят; не было также никаких издательских деталей. Мы знаем, что издание для внутреннего пользования было напечатано

О ситуации в Тибете. Религиозные и светские массы Тибета испытывают чувство уважения, любви, поддержки и благодарности китайской коммунистической партии и великому лидеру председателю Мао и никогда не забудут, что именно они спасли их от горечи правления феодальной крепостной системы и привели их к счастью народной демократии; они чувствуют воодушевление и радость за все национальности страны во главе с ханьской национальностью, а также за НОАК и кадры в Тибете³⁰ (с. 10).

О национальности. Хотя Тибет и был под юрисдикцией родины в течение нескольких сотен лет, из-за того что методы правления и способы ведения внутренних дел отличались от принятых в других районах нацменьшинств родины, у большинства людей всех категорий было сильное восприятие себя как тибетцев и очень слабое восприятие родины (с. 69).

Когда исчезают национальные язык, одежда, традиции и другие важные характеристики, тогда исчезает и национальность, то есть превращается в другую национальность... когда нет национального языка и других характеристик, то не может быть и существования нации и ее развития (с. 70).

В отдельных регионах некоторые кадры не только плохо относились к религии и национальности, но также было время, когда они открыто и намеренно публиковали в тибетских газетах в Цинхае и Ганьцзы множество грубых и нелепых мыслей о неправильной и плохой сущности буддизма и Шакьямуни... когда кадры высшего уровня говорили о методах реформ, они подчеркивали мирные методы, постепенное продвижение, строгие рамки и обеспечение защиты объектов, что удовлетворяло людей. Но когда началось осуществление, методы раз за разом становились все более неистовыми, получились огромные перегибы, такие, как желание ускорения и поверхностное исполнение; границы стали расплывчатыми, а защита недостаточной (с. 97).

О религии. Что касается демократических реформ в монастырях, то исполнялась политика «трех против», а в отношении тех, кто мог исправиться, – «сведение трех счетов». Однако во время претворения в жизнь первой задачей была борьба против религии под так называемым лозунгом «уничтожения суеверий», второй задачей было уничтожение статуй Будд, свитков и ступ, третьей – любыми способами заставить монахов и монахинь вернуться к светской жизни... Что касается уничтожения буддийских статуй, свитков и ступ, то в общем, кроме очень малого количества монастырей, в том числе четырех ве-

для высшего руководства в 1962 г., и, вероятно, даже похоже на то, что наш текст является одним из них. В любом случае можно утверждать, что никто, кроме высшей элиты Китая, никогда не видел его раньше. Аутентичность текста была проверена самыми точными методами анализа и сверки с отрывками и оглавлениями в двух указанных публикациях 1974 и 1989 гг.; и не было никаких свидетельств, которые поставили бы под сомнение аутентичность текста» [A Poisoned Arrow, 1997, с. XV].

³⁰ На первых десяти страницах сплошным текстом идет восхваление деяний партии. Критике партии посвящены остальные 113 страниц доклада.

ликих, которые были защищены, в других тибетских монастырях и селах, маленьких городах и поселках, расположенных в сельскохозяйственных и скотоводческих районах, ханьские кадры составляли планы, наши тибетские кадры мобилизовались, и активисты, не понимая зачем, играли роль исполнителей плана. Присвоив себе имя масс или под обличьем масс, они взбили огромные волны для того, чтобы уничтожить буддийские статуи, свитки и ступы; они сжигали бесчисленные статуи Будды, буддийские рукописи и ступы, бросали их в реку, бросали оземь, ломали и расплавляли. Они безрассудно осуществляли дикое и поспешное разрушение монастырей, буддийских храмов, стен мани и ступ, крали многочисленные украшения со статуй Будды и драгоценные вещи с буддийских ступ... В итоге некоторые деревни и монастыри выглядели не как после специальных действий людей, а как будто разрушенные в результате бомбардировки или только что окончившейся войны, просто невозможно на них смотреть. Более того, они намеренно оскорбляли религию, используя Трипитаку в качестве удобрений, а рисунки с Буддами и сутры – для изготовления обуви. Это совершенно безрассудно. Они творили такие дела, на которые даже сумасшедший не был бы способен, люди всех сословий были совершенно шокированы, сбиты с толку, были лишены мужества и энтузиазма. Они рыдали и говорили: «Наша земля превратилась в черное место» (*в Тибете считается, что место, где нет религии, это черное место.* – прим. кит. переводчика), а также другие жалобные слова... (с. 50–51).

До демократических реформ в Тибете существовало более 2500 больших, средних и малых храмов, после демократических реформ было оставлено правительством только 70, сокращение более, чем на 97 %. Вследствие того что в большинстве монастырей не осталось обитателей, некому заботиться о монастырских молельнях и жилищах монахов. Массовое разрушение, нанесенное людьми и природой храмам, довело их до состояния гибели или близкого к тому.

В прошлом общая численность монахов составляла более 110 тысяч. Из них, возможно, 10 тысяч бежали за границу, так что осталось 100 тысяч. После завершения демократических реформ в сохранившихся монастырях находилось около 7 тысяч, сокращение на 93 %.

Кроме монастыря Ташилунпо, который является исключением, уровень образования оставшихся монахов и монахинь в основном очень низкий. Как я описывал выше, религиозные интеллектуалы и духовные мастера, исполнявшие религиозную работу, подверглись таким нападкам во время демократических реформ, что не могли уже спокойно существовать и поэтому они сейчас не живут в храмах, а если живут, то лишь некоторые из них. Это уже факт, что монастыри потеряли свое предназначение и роль религиозных институтов [с. 52].

Наиболее резко прозвучали пассажи, описывающие злоупотребления и голод, которые Панчен-лама обнаружил в своем родном Амдо. Сразу же после революции 1949 г., по его словам, жизнь улучшилась, но вспыхнули восстания. После мятежа «большинство людей было арестовано». С созданием коммун «население лишили даже личного имущества, производственные показатели были нереально высокими, и если не исполнялись, то следовала катастрофа». Панчен-лама обвинил кадры, «которые считали себя правыми и невиновными за ошибки». Они стали, по его словам, «хозяевами, севшими на шею

народа», «жадными и завистливыми». Когда начался «большой скачок», местные власти соревновались друг с другом в представлении отчетов о небывалых урожаях, в результате чего правительство требовало увеличения поставок зерна, тогда как урожаи на самом деле падали. «Люди не в состоянии противостоять этому жестокому мучению, и здоровье масс становится слабее день ото дня. В некоторых районах множество людей умирает от простой простуды или из-за еще более легких недугов. В других районах многие умирают от голода из-за того, что их рационы зерна урезаны. В некоторых местах от голода умирают целыми семьями. Уровень смертности достиг критической точки. Люди умирают из-за недостатка питания, и факт, что голодают все». Свою речь Панчен-лама закончил критикой, обращенной непосредственно ко многим из присутствующих, и в завершение сказал:

Оставив всякую мысль о собственной выгоде, я без колебаний представляю настоящий доклад, являющийся еще одним благим делом среди тех, что я сделал в своей жизни. Я дал клятву, что и в будущем буду делать только благие дела для партии и народа и никогда не позволю, чтобы хоть след остался в моей жизни, который мог бы запятнать мою репутацию как представителя трудолюбивого и храброго тибетского народа. В будущем под руководством Центрального комитета КПК, председателя Мао, Госсовета, Юго-Восточного отделения ЦК КПК, Тибетского рабочего комитета КПК и при поддержке и сотрудничестве каждого заместителя председателя ПК ТАР я буду тщательно исполнять свои обязанности. Прошу Вас проявить великодушие и щедрость духа, когда вы будете изучать вышесказанное (с. 123).

Доклад Панчен-ламы стал невиданным прецедентом в политической жизни КНР, когда критике подверглись не отдельные ошибки, а целиком национальная и религиозная политика партии. Критикой действий китайских властей в Тибете и в восточно-тибетских областях Панчен-лама нажил себе врагов среди высших партийных кадров – Ли Цзиньцюаня, Чжан Гохуа и Чжан Цзинъю, которые решительно выступили против доклада, настаивая, что в нем ошибки партии в Тибете чрезмерно преувеличены. Чжоу Эньлай не сказал, однако, ничего конкретного, а пообещал ознакомиться с письменной версией и вновь вернуться к разговору³¹.

В июне доклад был распечатан и распространен среди членов ЦК КПК. Поначалу казалось, что доклад, донесенный до сведения высшего руковод-

³¹ Чжоу: «С точки зрения борьбы против империализма, патриотизма и строительства социализма мы не только соотечественники, но и товарищи. Однако я не говорю, что Вы ошибаетесь, нужно выслушать все полностью. На ошибки надо Вам указать. В противном случае, это будет не по-товарищески, а также это не будет настоящей поддержкой. После того как вы закончите доклад, я его посмотрю. Поговорим после моего возвращения» [Jiangbian Jiaosuo, 1989, с. 132]. Учитывая, что Чжоу Эньлай был одним из самых искушенных китайских политиков, такая обтекаемая форма ответа говорит о том, что он, возможно, не решил, как реагировать на подобную критику.

С одной стороны, его последующие решения и действия говорят о том, что он все-таки воспринял критику. С другой стороны, он не поддержал открыто Панчен-ламу сразу после оглашения доклада. Это говорит о том, что он также посчитал доклад переходящим границы допустимой критики.

ства, приносит свои положительные результаты. Чжоу Эньлай инструктировал Ли Вэйханя и Си Чжунсиня созвать совещание по работе в Тибете и создать новую программу на будущее. В мае и июне состоялись совещания ЦК, на которых в присутствии Панчен-ламы обсуждались тибетские дела, что в итоге завершилось выработкой четырех документов для работы ПКТАР: о пересмотре дел заключенных, религиозной работе, воспитании кадров и сотрудничестве [Zhonggong Xizang, 1995, с. 143–144]. Конкретным результатом новой политики стало освобождение из тюрем заключенных³² и расширение «сотрудничества» с бывшими представителями господствующих классов. Некоторые лица, ранее обвиненные в мятеже, назначались на государственные посты, к сотрудничеству привлекались имеющие авторитет религиозные деятели и бывшие светские феодалы. Также были смягчены ряд особо жестких мер в отношении религии. В Ташилунпо разрешалось оставить 2 тыс. монахов и 3 тыс. – в других монастырях. Им позволялось не заниматься производством, государство согласилось выплачивать им стипендию. В начале августа Панчен-лама вернулся в Лхасу. С 13 августа по 2 сентября состоялось 6-е расширенное заседание Тибетского рабочего комитета под председательством Тань Гуаньсяня, на котором были объявлены новые меры (4 документа), утвержденные лично Чжоу Эньлаем и Ли Вэйханем. Панчен Римпоче очень воодушевился и искренне считал, что в Тибете началась новая эра.

Но получилось так, как предсказывал Нгулчу Римпоче. Во время их памятной беседы Панчен-лама говорил своему учителю: «Сейчас очень хорошая политика, ЦК в третий раз объявил, что нужно тщательно исполнять курс “трех не” и “трех самостоятельно”³³, не будет никакого беспокойства». Нгулчу Римпоче на это отвечал: «Эта политика изменчива, как летняя погода. Сегодня говорят “три не”, “три самостоятельно”, а завтра скажут “трижды ловить”, “трижды бороться”, что тогда делать?»³⁴ И действительно,

³² Кампания пересмотра обвинений проводилась под руководством Дэн Сяопина по всему Китаю. К концу августа 1962 г. было пересмотрено 6,95 млн. дел, что составляло 86 % всех репрессированных. Почти 7 млн. невинно репрессированных – цифра, дающая представление о масштабах политико-идеологических кампаний и количестве невинных жертв. В Тибете комиссию по пересмотру дел возглавили Нгабо и Чэн Чжигмэ.

³³ Китайский политический жаргон – это, безусловно, специальная тема исследования. Корни политической лексики зачастую уходят в глубь китайской истории. Кит. «san bu» дословно означает «не делать три», а именно (дословный перевод): «не использовать мелкие ошибки (bu zhua bianzi), не надевать колпаков (bu kou maoyi), не бить палкой (bu da gunzi)», что расшифровывается как: «не использовать для своей выгоды уязвимые места людей, не навешивать из-за этого ярлыков и не предпринимать после этого организационные меры». «Три самостоятельно» означает, в свою очередь, «самостоятельно выдвигать вопросы, самостоятельно анализировать вопросы, самостоятельно разрешать вопросы». Курс «трех не» и «трех самостоятельно» проводился в рамках кампании ректификации левацких ошибок «большого скачка».

³⁴ Геше Шераб Гьяцо в беседе с Ли Вэйханем очень остроумно подметил характерную для коммунистического лексикона игру словами и смыслом: «Некоторые говорят: “не следует смешивать 3, 6, 9” (в словаре китайских фразеологизмов для “3, 6, 9” есть значение “случайные числа”. В этом случае фразу можно перевести как “не надо смешивать вещи, не имеющие друг к другу отношения”). В эти годы никто и не смел смешивать “3, 6, 9”. У вас же, когда работа продвигается успешно и есть прогресс, вы во всеуслышание заявляете о великой победе “3 знамен”; когда же вас кто-нибудь критикует, вы его давите “6 политическими критериями”, эти “6” страшнее горы Сюймишань, если придавят, то

страна стояла перед лицом кризиса во внутренних и международных делах, усилилась внутривластная борьба между «левыми» и «правыми», которая склонялась к победе «левых». Летом этого же года, когда утверждались 4 документа по новой работе в Тибете, в Бэйдайхэ происходило расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором впервые прозвучали фразы Мао Цзэдуна «никогда не забывать о классовой борьбе», «никогда не забывать об опасности возникновения ревизионизма в партии», ставшие впоследствии лейтмотивом всех его выступлений на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва (24–27 сентября 1962 г.). X пленум стал поворотной точкой в межпартийной борьбе, когда радикальная фракция (Мао Цзэдун, Линь Бяо, Кан Шэн, Чэнь Бода, Цзян Цин) сумела одержать верх над умеренным крылом (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Бо Ибо).

В числе первых жертв, обвиненных в ревизионизме, оказались Ли Вэйхань и Си Чжунсинь. Ли Вэйханя сняли со всех постов. Вскоре, однако, его реабилитировали, но он уже никогда не играл прежней роли в партийных делах. Падение Ли Вэйханя оказало сокрушительное воздействие на положение в национальных регионах Китая. Будучи одним из основоположников национальной политики КПК, Ли Вэйхань в решении национальных проблем придерживался стратегии постепенности и умеренности, настаивая на учете специфических особенностей национальных районов и сотрудничестве с традиционной элитой, чем особенно раздражал китайские кадры на местах, придерживавшиеся, как правило, более жестких мер. Мао Цзэдун заявил, что Ли Вэйхань в работе Единого фронта «не ухватил сути классовой борьбы и допустил капитулянтство». Под этим явно подразумевалось поощрение национальной элиты. Идею моментально подхватили, следующий удар направили на лидеров нацменьшинств, позволивших себе выступить с критикой партии. Среди тибетцев очевидной мишенью становились Панчен-лама и Шераб Гьяцо, обвиненные впоследствии в «бешеной атаке на партию».

Получилось так, что в начале сентября Панчен-лама с воодушевлением сообщал в Тибете о начале политики релаксации, утвержденной высшим руководством Китая, а в конце того же месяца Чжан Цзиньгу с неменьшим, видимо, воодушевлением сообщал об опале Ли Вэйханя, Панчен-ламы и Шераба Гьяцо и указании приостановить действие решений 6-го расширенного заседания Тибетского рабочего комитета.

С октября 1962 г. началась кампания дискредитации Панчен-ламы. В директиве ЦК от 17 сентября того же года говорилось: «Поскольку на этот раз Панчен-лама предпринял на нас атаку на образовательной сессии лиц из вер-

никогда уж не подняться; когда ошибки и просчеты совершенно очевидны, производство падает, народ голодает, вы говорите “о связи между 9 пальцами и 1 пальцем”, о том, что нужно различать “главный поток и его течения”, “столицы Яньань и Сиань”, как получаются такие ошибки? Кто за них отвечает? Ни одной реальной вещи не говорите» [Jiangbian Jiacuo, 1989, с. 115–116].

хов ПКТАР, мы должны на этой сессии вступить с ними в борьбу», «метод борьбы все тот же – твердо следовать принципам и твердо придерживаться единства, используя борьбу, добиваться сплоченности» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 146].

Руководство Тибета было довольно, что теперь официально может свести счеты с Панчен-ламой. Чжан Цзинъю обвинил Панчен-ламу в «реакционной самонадеянности» и заставил его осуществить самокритику. Панчен-лама категорически отказывался признаваться в ошибках, так как не чувствовал за собой никакой вины.

Позже он рассказывал один курьезный случай, когда жена одного из его сотрудников, давая следователям против него показания, жаловалась: «Этот человек, называемый Панчен, причинил мне столько страданий, что я готова умереть от отчаяния». Приготовившись выслушивать дальнейшие обвинения, следователи услышали следующее: «Если бы он поднял нас на восстание против китайцев, то тогда наша жизнь была бы лучше... Однако он говорил нам, чтобы мы были прогрессивными и патриотичными. И вот что мы получили, следуя его советам. Сейчас нет никакой возможности бежать в Индию. Наш народ, и женщины и мужчины, подвергается гонениям. Мы испытываем ад на земле» [по: Hilton, 1999, с. 160].

Так и не заставив Панчен-ламу сознаться в ошибках, власти посадили его под домашний арест, в котором он находился весь 1963 год. Некоторые исследователи пишут, что в начале 1964 г. с Панчен-ламой произошел следующий случай. Ему пообещали простить ошибки при условии, если он публично осудит Далай-ламу как реакционера и орудие империалистических сил (ему предлагали это и раньше, но он никогда не соглашался). Во время Монлама в присутствии 10 тысяч человек Панчен-лама начал зачитывать подготовленное для него заявление. Но вместо того чтобы продолжить в ожидаемом смысле, он сделал паузу и сказал: «Сегодня, когда мы собрались здесь все вместе, я должен выразить свою твердую уверенность в том, что Его Святейшество Далай-лама вернется на Золотой трон. Долгих лет жизни Его Святейшеству»³⁵ [по: Hilton, 1999, с. 161].

³⁵ Этот эпизод, описанный во многих работах, не упоминается в книгах проф. Чжам-пэла Гьяцо и Церина Шакьи. Дава Норбу пишет, что этот случай до сих пор помнят два тибетца, получившие образование в Китае, но относят его к 1960–1961 гг. «Церин Дорже Гаши вспоминает одну подобную проповедь, на которой присутствовало около 10 тыс. тибетцев. Экономическое развитие Тибета было на первом месте в сознании Панчен-ламы, вспоминает Гаши. Так как тибетцы все еще не встали на ноги, китайцы должны остаться в Тибете, чтобы 'помочь'. Поэтому все, что ни случилось, на ответственности тибетцев. Он также подчеркнул, что нельзя дать тибетскому культурному наследию умереть; нужно все сделать в целях его дальнейшего развития. Но, говорил Лама, необходимо приспособить нашу культуру к современным условиям. Затем он начал говорить о свободе веры, которая была обещана Мао и гарантирована китайской конституцией. Он вдохновлял людей свободно и без страха молиться и следовать своим обычаям и традициям, как прежде. После проповеди, – пишет Гаши, – Панчен-лама оглянулся вокруг со вздохом сожаления и печали. Затем Лама медленно сказал: "Его Святейшество Далай-ламу насильно увезли из нашей страны за границу. Во время его отсутствия в интересах каждого тибетца, чтобы Далай-лама вернулся невредимым.

Я твердо уверен, что он работает со всей ответственностью. Долгих лет жизни Его Святейшеству". Прослушав эту трогательную проповедь, Гаши сказал, что он беспомощно зарыдал, как и большинство присутствовавших там тибетцев» [по: Norbu, 1997,

Начало 1964 г. ознаменовалось кампанией «четырёх чисток». В Тибете главной мишенью кампании стал Панчен-лама. 50 дней, с 18 сентября по 4 ноября, в Тибете проходило 7-е расширенное заседание Подготовительного комитета ТАР, основной задачей которого была критика Панчен-ламы. Панчен-лама очень болезненно воспринял кампанию. Джампэл Гьяцо пишет:

У него был прямой характер, очень вспыльчивый, горячий из-за молодости, к тому же, будучи тулку, он принадлежал к особой категории людей, всегда пользовавшихся уважением. В Пекине все партийные и государственные лидеры страны: председатель Мао, председатель Лю, главнокомандующий Чжу, премьер Чжоу, генералы Чэнь И и Хэ Лун – поддерживали его, проявляли заботу и уважение, где он мог видеть такое унижение и нападки?! Он не выносил даже критических замечаний, не говоря уже об «анализе собственных ошибок и преступлений». Он рьяно сопротивлялся, изо всех сил доказывал свою правоту, защищал себя, иногда не мог сдержаться и громко кричал, стучал по столу, бил стаканы, рвал материалы по критике [Jiangbian Jiasuo, 1989, с. 145].

Подобное поведение только усугубляло его положение. Кампания принимала все больший размах. На судилище было создано огромное количество людей со всех концов Тибета. Самого почитаемого после Далай-ламы религиозного деятеля подвергли перед лицом его народа оскорблениям и физическому насилию: били кулаками, дергали за волосы, плевали. Причем среди бивших были и два тулку³⁶. Публичное поношение и издевательства стали невыносимым ударом для Панчен-ламы. В конце 50 дней Панчен-ламу официально осудили по трем обвинениям (надели три колпака) – заговоре против партии, народа и социализма [Zhonggong Xizang, 1995, с. 158]. Собрание также постановило о смещении его с поста исполняющего обязанности председате-

с. 303–304]. Джон Аведон описывает ту же проповедь и те же слова Панчен-ламы, но относит инцидент к Монламу 1964 г. [Avedon, 1984, с. 273–274]. Трудно сказать, насколько достоверен этот эпизод. Вполне вероятно, что Панчен-лама действительно отказывался публично отречься от Далай-ламы. Но то, что это произошло именно в такой форме, вызывает сомнения, учитывая обстановку тех лет. Отсутствие этого эпизода в биографии, написанной Чжампэлом Гьяцо, склоняет к мысли, что этот случай, скорее всего, народный миф, сложившийся из разных фрагментов в единый эпизод, как память народа о своем духовном лидере.

³⁶ Сэнчэн Римпоче, поднявший руку на Панчен-ламу, был выходцем из маленького монастыря в Гьянцэ, находившегося под юрисдикцией Ташилунпо. В 1959 г. пришел в Ташилунпо, в котором был одним из рядовых лам. Во время «культурной революции», как и многие другие, снял обеты и женился. Занимал важные позиции в религиозных административных органах и администрации монастыря. Другим отрицательным персонажем и врагом Панчен-ламы, также осмелившимся поднять на него руку, был Пхагба-лха Гэлэг Намгьял, тулку из Чамдо. В 1956 г. в возрасте 10 лет стал председателем Освободительного комитета Чамдо, в 1959 г. – заместителем председателя ПКТАР (Панчен-ламы), далее продолжал занимать высокие должности, в том числе председателя отделения ТАР Народного политико-консультативного совета. Оба Римпоче сыграли крайне отрицательную роль при новом появлении Панчен-ламы в начале 1980-х гг. и в поисках его перерождения. 10–50

ля ПКТАР. С этих пор Панчен-лама стал «самым опасным врагом всех национальностей Тибета». Далее, в декабре 1964 г. Чжоу Эньлай обнародовал решение I-го пленума 3-го созыва ВСНП о смещении Далай-ламы и Панчен-ламы с постов заместителей председателя ВСНП. Чэн Чжигмэ, Нгулчу Римпоче и глава его офиса в Пекине Энгэ Палдэн объявлены участниками «клики Панчена». Все имущество Панчен-ламы конфисковано, сам он изолирован в Пекине. Однако все худшее еще было впереди. В 1966 г., в самом начале «культурной революции», в его резиденцию ворвались хунвэйбины. Сессия критики на этот раз состоялась в здании Института национальностей. Панчена Римпоче держали со связанными позади руками, били и оскорбляли, затем вели по улицам, объявляя по громкоговорителям, что это «крупнейший реакционный крепостник» и «самый большой паразит и кровопийца Тибета» [Hilton, 1999, с. 162]. Приказом Чжоу Эньлая Панчен-ламу удалось перевести под охрану НОАК, несмотря на протесты его юных преследователей. Через несколько месяцев ему разрешили вернуться домой, где он год находился под домашним арестом. Весной 1968 г. в разгар «культурной революции» Панчен-ламу посадили в одиночную камеру, в которой он провел без малого целых 10 лет. Он мог читать труды классиков марксизма и изучать китайский язык. В 1974 г. Чжоу Эньлай пытался освободить его, но сам попал под атаку «банды четырех». И только в октябре 1977 г., когда и Мао Цзэдуна, и Чжоу Эньлая уже не было в живых, он вышел наконец из тюрьмы. Он все еще был относительно молод – 39 лет – и полон желания начать все сначала.

5. Создание Тибетской автономии

За основу решения национального вопроса в КНР была принята система национальной районной автономии, впервые прописанная в Общей программе Народного политического консультативного совета Китая в 1949 г. Принятые в 1952 г. «Основные принципы осуществления районной национальной автономии» конкретизировали основные моменты национальной политики, а Конституция 1954 г. закрепила систему национальной районной автономии. Основными пунктами теории решения национального вопроса китайских коммунистов стали следующие положения:

Во-первых, унитарность государства как ведущий принцип национальной политики. Во-вторых, декларирование равенства всех национальностей Китая. В-третьих, использование системы районной национальной автономии в качестве законодательного инструмента национальной политики. Главное содержание автономии – предоставление органам самоуправления более широких прав по сравнению с обычными административными единицами Китая. Четвертое положение – социально-экономическая помощь менее развитым национальным районам со стороны государства. Пятое – контроль центра над национальными районами, осуществляемый в различных формах, в том числе через ханизацию этих районов [Жоголев, 1994, с. 47–48].

К концу 1950-х гг. все национальные районы страны, за исключением Тибета, были интегрированы в состав КНР в качестве автономных районов³⁷.

³⁷ 1 мая 1947 г. создан автономный район Внутренняя Монголия, 1 октября 1955 г. – Синьцзян-Уйгурский автономный район, 15 марта 1958 г. – Гуанси-Чжуанский автономный район, 25 октября 1958 г. – Нинся-Хуэйский автономный район.

Напомним, что попытка включения Тибета в общую схему решения национального вопроса в КНР была сделана уже в 1956 г. путем создания Подготовительного комитета ТАР, хотя формально продолжало действовать Соглашение из 17 пунктов, которое не вписывалось в систему районной национальной автономии и предполагало совершенно иной механизм интеграции Тибета в состав КНР. 28 марта 1959 г. приказом премьер-министра Госсовета Чжоу Эньлая «местное» тибетское правительство было распущено, функции которого передавались Подготовительному комитету по созданию ТАР. Действующим председателем вместо Далай-ламы назначался Панчен-лама, заместителями – Пхагба-лха Гэлэг Намгьял и Нгабо Нгаван Чжигмэ. 18 бывших членов ПКТАР освобождались от своих должностей и подлежали наказанию, одновременно в состав комитета вводились 16 новых членов [Xizang zizhiq, 1984, с. 394–395; Богословский, 1978, с. 88]. Реорганизации подвергся и сам Подготовительный комитет. В дополнение к уже имевшимся отделам – канцелярии, комитету по делам религии, отделам по гражданским делам, финансов, культуры и просвещения и отделу строительства – создавались новые: безопасности, здравоохранения, промышленности и торговли, сельского хозяйства и животноводства и бюро советников [Богословский, 1978, с. 89]. Придание ПКТАР функций правительства и реорганизация его структуры имели лишь символическое значение осуществления власти самими тибетцами. Среди бывших союзников по Единому фронту остались лишь три влиятельные фигуры из высших кругов: Панчен-лама, Нгабо и Сампо. Кадровая политика становилась важнейшим звеном в создании тибетской автономии.

В 1952 г. Мао Цзэдун говорил, что у коммунистов нет социальной базы в Тибете. Восемь лет инкорпорации Тибета в КНР этой базы так и не создали. Единый фронт с верхами Тибета показал свою несостоятельность. На этот раз было решено сделать опору на широкие массы населения. Но поскольку эту базу только предстояло создать, китайским властям не оставалось другого выхода, как временно продолжить опору на «патриотические» круги из тибетских верхов, которые могли назначаться на высшем (районном) и среднем (окружном) уровнях. Так, решением Департамента Единого фронта Рабочего комитета КПК (июль 1959 г.) предусматривалось привлечение на работу в административные органы власти 565 человек из числа аристократии, чиновничества и религиозных кругов. Все тибетские члены ПКТАР были бывшими правительственными чиновниками и высокими ламами. Однако ни они, ни другие «патриотические» члены – представители высших кругов аристократии и духовенства не пользовались доверием власти, поэтому их участие в административных органах было чисто номинальным. Панчен-лама, как мы уже знаем, стал «огромным камнем на пути социализма». Наиболее видная фигура «патриотических верхов» Нгабо Нгаван Чжигмэ также не внушала абсолютного доверия властей. Потомок древнего аристократического рода, крупный землевладелец³⁸, калон правительства Далай-ламы, он был главным тибетским коллаборационистом. Но даже ему не было позволено участвовать в решении глобальных проблем Тибета. Вынужденный постоянно жить в Пекине, он ис-

³⁸ Он владел 4 тыс. кв. км земли, 2500 крепостными. Компенсация за землю оценивалась в 447 тыс. юаней.

пользовался по преимуществу в качестве рупора китайской пропагандистской машины. Его диссидентство стало обнаруживаться в поздние годы жизни, наиболее явным проявлением чего стало открытое несогласие с властями по поводу использования золотой урны для избрания нового Панчен-ламы. Создание тибетских кадров, абсолютно лояльных, в отличие от верхов Тибета, по отношению к китайским властям, становилось, таким образом, одной из самых насущных задач партии.

Во внутренних районах Китая КПК полагалась в своей работе, в первую очередь, на своих членов. В Тибете немногочисленные члены КПК были в основном выходцами из Кхама. По словам Сангье Еше³⁹, более известного под китайским именем Тянь Бао, тибетцев, участвовавших в Великом походе Красной армии, было две тысячи, из них большая часть погибла из-за «оппортунизма» Чжан Готао⁴⁰. С 1930-х гг. они получили революционное обучение, сражались на фронтах, работали в разных регионах страны и районах нацменьшинств, преимущественно во Внутренней Монголии. Затем вместе с 18-й армией пришли в Восточный Тибет, а потом в Центральный⁴¹. Второе поколение тибетских кадров – люди, вошедшие в контакт с НОАК в 1950–1951 гг. Они также в основном выходцы из восточнотибетских территорий⁴². Первое и второе поколения тибетских кадров, занявших ведущие позиции в создаваемых в Тибете административных органах, составляли очень ограниченное

³⁹ Сангье Еше (Тянь Бао) в 1976 г. – секретарь парткома ТАР, в 1979 г. – председатель правительства ТАР, с 1981 г. – секретарь парткома провинции Сычуань. Ян Дуншэн (Синроб Дондуп), другой участник Великого похода, – в 1955 г. заместитель председателя тибетского автономного округа Ганьцзы провинции Сычуань, генерал НОАК, второй командующий войсками НОАК округа, глава первого тибетского полка НОАК.

⁴⁰ Сангье Еше: «Армия вскоре начала беспорядочно метаться вперед-назад, то в одну сторону, то в другую. Что это было? Только потом мы поняли, что это было из-за предательства Чжан Готао, возглавлявшего 4-ю армию. Он приказал своим войскам двигаться на запад через Ганьсу и Синьцзян, для того чтобы, по его словам “открыть международный путь” в Советский Союз. На самом деле, это было с его стороны паническое бегство. Это стоило нам больших потерь. Две тысячи тибетцев было в 4-й армии, и большинство из них погибло. Если бы не оппортунизм Чжан Готао, сколько бы старых тибетских кадров, ветеранов Великого похода, работало бы сегодня! А сейчас их осталось всего несколько человек» [по: Epstein, 1983, с. 154].

⁴¹ Ц. Шакия, ссылаясь на китайский источник «Материалы по созданию КПК в ТАР» (изд. дом ТАР, 1993), находящийся в ограниченном обращении (мы не располагаем этим источником), приводит данные о количестве членов КПК. Однако он и сам не понимает, относятся ли эти цифры к тибетцам или к нацменьшинствам в целом. «Когда китайцы пришли в Тибет, было 877 членов КПК и среди них всего несколько тибетцев. В 1959 г. общее число членов партии достигло 5846, однако меньшинства составляли только 875 человек... Между 1960–1963 гг. наблюдалось резкое увеличение и тибетских, и китайских членов КПК, общее число которых возросло к 1963 г. до 14523, из которых 5711 были из нацменьшинств» [Шакуа, 1999, с. 255]. Из приведенной цитаты действительно неясно, о ком идет речь. Мне кажется, что если речь идет о приблизительно 6 тысячах членов партии, то это относится в целом ко всем нацменьшинствам. Навряд ли в Тибете в 1963 г. могло быть столько членов КПК-тибетцев.

⁴² Например, Лосан Цечэн был в 1976 г. заместителем председателя ТАР, Чжэнь Ин – партсекретарем и заместителем председателя окружного правительства Шигацзе.

количество. Будучи убежденными сторонниками новой власти, они не могли, тем не менее, из-за своей малочисленности создать опорную базу КПК в Тибете.

Третьим поколением тибетских кадров стали люди из собственно Тибета. Эту часть кадров можно разделить на три категории. К первой относилась молодежь, отправленная в китайские учебные заведения в 1950-х гг. Ее избирали из разных слоев населения, однако большинство – выходцы из высших и средних кругов. Это – наиболее грамотные и талантливые молодые люди, на которых власти возлагали большие надежды. Пекинский институт национальностей и 16 других учебных заведений, расположенных большей частью на западе страны, обучали эти будущие тибетские кадры. В программе обучения кроме обычных дисциплин обязательными являлись китайский язык и марксизм-ленинизм. В 50-х гг. в институтах царила интернациональная атмосфера, приветствовались национальные традиции в виде ношения традиционной одежды, фольклорных выступлений и проч. Однако эти будущие элитные кадры, обученные по канонам коммунистической идеологии и призванные быть звеном между китайским руководством и тибетскими массами, превратились в постоянный источник беспокойства властей. Студенты были преисполнены стремления научиться у передовой нации знаниям и опыту построения у себя на родине общества, идущего нога в ногу с современным прогрессом. Однако преподавание в институтах зачастую велось в шовинистическом духе превосходства китайской нации над меньшинствами, оскорблявшем национальные чувства обучаемых, что в итоге стало причиной роста у многих студентов национального самосознания и национализма. Вспомним, к примеру, случай открытого выступления студентов Пекинского института национальностей во время кампании «пусть расцветают все цветы». В 1962 г. 3 тыс. новых кадров были уволены с работы как не внушающие доверия. Известно также много случаев во время «культурной революции», когда именно эти кадры стали организаторами открытых выступлений тибетцев. Таким образом, власти получили грамотные, но весьма сомнительные по части лояльности кадры. Не могло быть и речи об абсолютном доверии к этим кадрам, в отличие от первых, но власти вынужденно использовали их, так как, кроме них, некому было служить посредником между китайскими кадрами и тибетскими массами.

20 марта 1959 г. около одной тысячи тибетских студентов Пекинского института национальностей разбудили посреди ночи. Собравшись в аудиториях, они впервые услышали о «вооруженном мятеже». В середине мая первая группа из 250 человек возвратилась в Тибет, чтобы стать в авангарде «демократических» реформ. Летом уже три с половиной тысячи студентов со всех институтов страны отправились на работу домой, где они становились переводчиками, учителями, медицинскими работниками, корреспондентами и т. д. Они присоединились к двум другим категориям тибетских кадров – представителям «беднейшего крестьянства и домашних рабов». Эти кадры, выходцы из низов, стали главной опорой властей в Тибете. Среди них вторая категория – местные активисты – выдвинулась в ходе демократических реформ. Это – люди, как правило, из самых низших слоев общества, без определенных принципов, старавшиеся любыми путями выслужиться перед новой властью, для того чтобы возвыситься в обществе, где прежде были никем. Их назначали на должности в школах, на заводах, в армии и правительственных органах. На-

род их не любил и насмешливо прозывал «львами с оскалом собаки» [Avedon, 1984, с. 271]. Другая категория – новоиспеченные кадры из крестьян, прошедшие краткие курсы революционной подготовки от двух до шести месяцев. Они не были активистами, выбранные китайскими властями в качестве кадровых работников, служили, как правило, в административных органах нижайшего звена, образованных в результате выборов. В отличие от активистов, их лояльность также вызывала сомнение. Многие из них бежали за границу или попали в тюрьмы из-за своих антикитайских убеждений. К 1965 г., по официальным данным, в ТАР насчитывалось более 16 тыс. кадров из состава нацменьшинств, среди которых более тысячи занимали руководящие посты разных уровней [Xizang zizhiq, 1984, с. 412]. Несмотря на рост количества тибетских кадров, их качество было неудовлетворительным. Власти не могли не отдавать себе отчета в том, что подавляющее большинство новых работников были неграмотны и необразованны, без малейших навыков административной работы и опыта руководства. Элитные же кадры, служившие посредниками между ними и тибетскими массами, составляли небольшой контингент и не пользовались доверием властей.

Недоверие к верхам и шаткость социальной опоры среди низов вынуждали пекинское руководство опираться на «собственные силы». Одновременно с приказом Госсовета от 28 марта 1959 г. о роспуске тибетского правительства сообщалось об установлении военного контроля в различных частях Тибета. Комитеты военного контроля состояли из представителей НОАК и «патриотически настроенных местных жителей». В их задачу входило помимо подавления «мятежа» создание административных органов различных ступеней. Таким образом, тибетские кадры, от высших коллаборационистов до низших активистов, вряд ли могли принимать действительное участие в создаваемых органах власти. Реальная власть была отдана в руки армии.

С роспуском местного тибетского правительства ликвидировались и местные органы власти. Вместо старой административной системы, основанной на цзонах (*dzong*), вводилась новая. Тибет был поделен на восемь административных единиц: Лхасский муниципалитет и семь округов (*qu*)⁴³, которые далее делились на уезды. Вместо 147 цзонов образовались 72 уезда (*xian*). До создания нового административного аппарата функции низших органов власти в деревнях и скотоводческих районах возлагались на крестьянские союзы и союзы скотоводов. Постановлением Рабочего комитета КПК от 30 октября 1959 г. указывалось на уровнях районной автономии и округов назначать на должности незначительное число представителей высших кругов, на уровне уездов и ниже – избирать активистов, выдвинутых в ходе реформ. Особо указывалось, что в создании административных органов власти на период, пока не созрели условия для всеобщих выборов, разрешается использовать метод назначений на должность [Zhonggong Xizang, 1995, с. 114]. К концу 1959 г. крестьянские союзы и союзы скотоводов образовались в большинстве уездов.

В постановлении Рабочего комитета от 30 октября отмечалось, что созданный в 1956 г. ПКТАР с представителями от Кашага, Комитета Каньбу и На-

⁴³ Чамдо, Нинтри, Лхока, Шигацзе, Гьянцэ, Нагчу и Нгари.

родно-освободительного комитета Чамдо по существу бездействовал, а решением Госсовета КНР в 1961 г. объявлялось, что Комитет Каньбу Панчен-ламы в Цзане и Народно-освободительный комитет Чамдо осуществили свою историческую миссию и поэтому распускаются. В первой половине 1960 г. в 7 округах были созданы окружные управления и муниципальное народное правительство Лхасы. На всей территории будущего ТАР были учреждены 72 уездных, более 270 районных и более 1300 сельских административных органов власти. Со второй половины 1961 г. в каждом районе начали проводить плановую предвыборную работу. В августе 1962 г. создана избирательная комиссия Тибетского района под председательством Панчен-ламы. В марте 1963 г. опубликовано положение о выборах, предусматривавшее многоступенчатую систему выборов: население избирало депутатов непосредственно в собрания народных представителей сел. Последние избирали депутатов в уездное собрание, а те, в свою очередь, депутатов в Собрание народных представителей ТАР [Богословский, 1978, с. 91]. Избирательных прав лишались «мятежники» и «контрреволюционеры». Весной 1963 г. выборы провели в 50–70 % сел.

Но в это время кампания по выборам неожиданно прекратилась. Набирала обороты другая – «за социалистическое воспитание» (суд над Панчен-ламой), требовавшая усиления внимания на классовую борьбу. В 1963 г. была разработана подробная схема классового деления в зависимости от размеров собственности на землю и скот. В сельскохозяйственных районах люди, совсем не имевшие земли и вынужденные наниматься на работу к собственникам земли, составили категорию «бедных крестьян», объявленных главной опорой партии. Те, кто землю имел, но работников не нанимал, были отнесены к категории «средняков». Эта категория оказалась наиболее уязвимой, так как по ней проходил водораздел между хорошим социальным происхождением и плохим – эксплуататорским. Средняки далее подразделялись на три группы: высших, средних и низших, в зависимости от того, имеют они наемных работников или нет. Те, кто нанимал работников, считались высшими середняками и, соответственно, эксплуататорами. То же деление применялось и к скотоводам, в зависимости от количества принадлежавшего им скота и того, нанимают они работников или нет. В качестве дополнительного критерия классового деления бралось количество произведенных излишков продукции. Семьи, имевшие свыше 50 % излишков продукции, объявлялись «землевладельцами-богачами», с 25 % – «средняками» [Choedon, 1978, с. 33]. Городские жители были отнесены к «классу, не имеющему состояния», в 1964 г. их насчитывалось 20 тыс. Монахи и ламы подразделялись на классы в зависимости от их положения в церковной иерархии. Занимающих верховные позиции относили к высшему классу эксплуататоров, таких оказалось, по китайским источникам, всего 4 тыс. человек, остальные 95 % принадлежали к классу монахов-бедняков. Клерикальная верхушка приравнивалась к классу землевладельцев [Shakya, 1999, с. 294–295]. Произведенное классовое деление позволило выявить классовых врагов, которыми, конечно, стали богатые крестьяне и скотоводы, а также высшее ламство. Бедным полагалось осуществлять борьбу против своих классовых врагов. Кампания «за социалистическое воспитание» существенно отличалась от предыдущей борьбы против мятежа.

Если раньше критерием для выявления врагов являлось участие в восстании, то на этот раз классовой борьбе подвергались уже просто зажиточные крестьяне и скотоводы, обвиняемые в классовой эксплуатации. Таким образом все население было поделено на два лагеря – эксплуататоров и эксплуатируемых.

Во время кампании «за социалистическое воспитание» внимание обращалось также на мобилизацию тибетской молодежи. Многие молодые тибетцы вступили в ряды Союза коммунистической молодежи, из них немалое количество было послано на учебу в Китай. В 1964 г. секретарь тибетского комсомола Бао Ишань заявлял, что 50 % его членов составляют «хребет основных правительственных органов и кооперативов» [цит. по: Shakya, 1999, с. 296].

Кампания «за социалистическое воспитание» стала прелюдией «культурной революции». На встрече с делегацией от африканских стран в августе 1963 г. Мао Цзэдун впервые заявил, что «суть национального вопроса – это классовая борьба». Хотя эта фраза первоначально относилась к классовой борьбе угнетенной национальности против империалистических сил, в процессе кампании «за социалистическое воспитание», направленной против «капитулянтства и ревизионизма», она была перенесена в сферу национальных отношений и поставлена во главу угла решения проблем. Это означало окончательный отказ от проводимой прежде политики учета так называемых местных условий и терпимости к национальным обычаям и традициям. В 1963–1965 гг. возрастал культ личности Мао Цзэдуна, съезды и пленумы ЦК не собирались, проходила военизация гражданской жизни, идеологизация армии, в решении любых задач применялись волевые решения, командно-административный стиль руководства. В «ревизионизме» помимо кадровых работников обвинялись известные писатели, философы, историки, экономисты. Страну сотрясали чистки, прокатилась волна самоубийств среди интеллигенции, партийных и кадровых работников.

В Тибете в результате кампании «за социалистическое воспитание» была устранена вся оппозиция, на высшем уровне приняли решение, что переходный период завершился и Тибет вступил в социализм. Это означало, что созрели условия для официального создания Тибетского автономного района (ТАР). Летом 1965 г. возобновилось формирование выборных органов управления. И буквально за месяц, к июлю 1965 г., предвыборная работа закончилась в более чем 90 % сельских районов, были созданы собрания народных представителей и создана «народная власть на селе с абсолютным преобладанием освобожденных крепостных и рабов». В августе этого же года в основном завершилась предвыборная работа на уездном уровне. В 54 уездах открылись заседания первого Собрания народных представителей, на которых избирались председатели и заместители председателей уездов [Xizang zizhiq, 1984, с. 396]. В августе 1965 г. состоялся 15-й созыв ВСНП, на котором было принято решение утвердить выдвинутый Госсоветом проект по созданию ТАР. Торжественное собрание народных представителей в честь инаугурации Тибетского автономного района проходило в Лхасе с 1 по 9 сентября 1965 г. На нем присутствовало более 300 делегатов, подавляющая часть которых представляла трудящихся района. Тибетцев среди них было более 220 человек и

11 человек других национальностей Тибета, более 80 % депутатов были тибетцами [там же; Богословский, 1978, с. 93]. С речами выступили первый секретарь Тибетского райкома КПК Чжан Гохуа, исполняющий обязанности Председателя ПКТАР Нгабо Нгаван Чжигмэ. Депутаты избрали Председателем Народного комитета, или нового автономного правительства, Нгабо Нгавана Чжигмэ, его заместителями – шесть тибетцев и двух китайцев, а также 29 членов комитета⁴⁴. 9 сентября Нгабо Нгаван Чжигмэ официально провозгласил создание Тибетского автономного района, которое состоялось, говоря словами китайских историографов, «в благоприятной обстановке, когда в Тибете были завершены демократические преобразования и он вступил в период социализма» [там же]. В этот же день состоялось официальное создание Собрания народных представителей ТАР и райкома КПК (ранее – Рабочий комитет КПК).

Что касается состава автономных органов управления, то интересно заметить: все члены ПКТАР, бывшие, как известно, выходцами из аристократических кругов, заняли ключевые посты в новом правительстве, например Нгабо и Пхагба-лха Гэлэг Намгьял. Однако на уездном и волостном (сельском) уровнях во главе административных органов встали выходцы из беднейших слоев населения. Естественно, что избранные крестьяне и скотоводы не знали ни китайского разговорного, ни тибетского письменного, поэтому в своей работе полагались на целую систему поддержки, которую осуществляли китайские партийные кадры. Партийные рабочие группы стали основной политической силой, вершащей все дела в ТАР. Пост первого лица от КПК после Чжан Цзинъю занял Чжан Гохуа, назначенный первым секретарем Тибетского райкома КПК и ставший первой фигурой в ТАР. Чжан Цзинъю в 1966 г. был назначен заместителем Председателя Департамента Единого фронта КПК.

С образованием Тибетского автономного района КНР завершился процесс создания системы районной национальной автономии в КНР. Всего в районах, где проживают тибетцы, были созданы: один автономный район (ТАР), десять автономных округов, два автономных уезда и одно автономное село (волость). По четвертой переписи населения 1990 г., население тибетской национальности составляло 4590 тыс. человек, или 0,4 % общего населения КНР. Площадь Тибетского автономного района составила 1200 тыс. кв. км, автономные области провинции Цинхай составили 97 %, провинции Сычуань – 45 %, Ганьсу – 13 % и Юньнань – 6 %. Площадь тибетских автономных областей составила 2200 тыс. кв. км, или 23 % общей площади КНР [Xizang shehui fazhan yanjiu, 1997, с. 1]⁴⁵. Таким образом, через шесть лет после начала реформ была на-

⁴⁴ Цифры приводятся во основном по: Xizang zizhiq guikuang, 1984. Они в отдельных случаях незначительно отличаются от данных, приводимых по: Богословский, 1978. Последний в основном опирался на данные прессы. Думается, что в Xizang zizhiq, 1984 цифры более скорректированы. Так, например, по Богословскому, заместителей председателя было семь человек, по Xizang zizhiq, 1984 – восемь.

⁴⁵ Одним из требований, предъявляемых Тибетским правительством в изгнании китайскому правительству, является создание Большого Тибета, включающего в себя Тибет политический и Тибет этнографический. Однако этнографический Тибет более 100 лет как уже вышел из-под контроля Лхасского правительства, там проживает помимо тибетцев большое количество ханьского и мусульманского

конец создана тибетская автономия с подавляющим большинством тибетцев в административных органах управления. Но она не привела к реальному самоуправлению тибетцев. Власть по-прежнему была сосредоточена в руках армии и партийных органов, где тибетцы не играли какой-нибудь даже формальной роли.

Поскольку 1965 год был объявлен годом вступления Тибета на путь социализма, отпали все препятствия для воплощения в ТАР единой для всей страны политики в области экономики. Одновременно с решением о создании ТАР ЦК КПК принял решение о создании в Тибете народных коммун. В обстановке военизации гражданской жизни и международной изоляции КНР всеобщая коммунизация виделась лидерами Китая как средство решения всех проблем; в отношении Тибета единственным средством преодоления отсталости и достижения цели становилась опора на собственные силы. Коммуна – первичное звено организационной структуры общества, исполняющей под руководством партийных органов экономические, социальные и административные функции. В 1965–1966 гг. в 19 уездах были созданы первые 150 коммун, к 1970 г. их уже насчитывалось более тысячи [Xizang zizhiqū gaikuang, 1984, с. 454–455]. Хотя им было далеко до масштабов собственно Китая, где каждая коммуна насчитывала в среднем более 5 тыс. семейств, тибетские коммуны (в среднем по 700 человек), по аналогу китайских, также имели в коллективной собственности землю, скот, сельскохозяйственные орудия. Повсеместное насаждение коммун развернулось уже в период «культурной революции».

* * *

Восемь лет реформ в Тибете (1959–1966 гг.) без преувеличения «опрокинули небо и перевернули землю». По теории китайской историографии, «демократические реформы способствовали превращению феодально-крепостной системы собственности в индивидуальную собственность трудового народа. Период урегулирования позволил осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, скотоводства и ремесленного производства, перепрыгнуть через капиталистическую фазу и вступить на путь социализма» [Xizang zizhiqū gaikuang, 1984, с. 459]. Другими словами, Тибету потребовалось всего восемь лет на то, чтобы из феодализма, минуя капитализм, «прыгнуть» в социализм. В практическом отношении это означало полное уничтожение сложившейся на протяжении тысячелетия политической, экономической и социальной структуры тибетского общества, на остатках которой была построена новая социалистическая, создана административная система в соответствии с принципами местной автономии, принятыми в КНР.

Реформы происходили в условиях зарождения культа личности Мао Цзэдуна, в период политики «треб знамен», и это, конечно, не могло не повлиять

населения, переселившегося в эти земли задолго до победы коммунистов в Китае. Трудно представить поэтому, что Китайское правительство удовлетворит требования правительства Далай-ламы и отдаст почти четверть своей территории под *большую* тибетскую автономию.

на методы и сам характер преобразований. Местная автономия превратилась, по словам Георга Мосли, в полную противоположность тому, что она на самом деле означала, и более правильным, по его же словам, было определить ее как «местное заточение» [Moseley, 1966, с. 16]. «В результате, – писал В. М. Богословский, – местная автономия стала прикрытием власти армии и партийных органов, аграрная реформа и начавшееся кооперирование в значительной степени стали средством изымания прибавочного продукта у непосредственных производителей, в ходе реформы буддийской церкви пострадала значительная часть рядового монашества» [Богословский, 1978, с. 131].

Тибетская эмиграция во главе с Далай-ламой добилась заметных результатов в деле интернационализации тибетского вопроса. ООН приняла две резолюции по Тибету, осуждающие нарушение прав человека в Тибете (1961, 1965); Международная комиссия юристов сделала заключение о том, что «Тибет был во всех отношениях независимой страной и пользовался большой степенью суверенитета» (1959); США стали говорить о праве тибетцев на самоопределение (1960). Однако тибетская диаспора так и не смогла добиться поддержки держав в своей борьбе за независимость, ее усилия не имели влияния и на ситуацию внутри Тибета. Китайские власти полностью отказались от диалога с тибетскими верхами. В 1964 г. и Далай-лама, и Панчен-лама были объявлены главными врагами Тибета. Тибет стоял в преддверии «великой пролетарской культурной революции».

Глава 4

«Культурная революция» (1966–1976)

«Великая пролетарская культурная революция» стала порождением конфликта в высших эшелонах китайской власти относительно идеологии государства, а также следствием борьбы за власть. Провал «большого скачка» и последовавшая политика урегулирования, проводимая оппонентами Мао Цзэдуна, заставили его на время отступить. Однако он и его сторонники не отказались от «левой утопии». Мао Цзэдун стал все больше проникаться мыслью о том, что стране грозит реставрация капитализма и ревизионизм пустил корни в руководящем партийном звене. Единственное средство для предотвращения реставрации капитализма он видел в эскалации классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. В условиях разрастания культа личности Мао, достигшего апогея в годы «культурной революции», под предлогом борьбы против «идущих по капиталистическому пути» в стране началось полномасштабное наступление на предполагаемых оппонентов председателя КНР. В мае 1966 г. расширенное заседание Политбюро ЦК КПК опубликовало «Сообщение ЦК КПК от 16 мая», в котором были изложены основные идеи Мао Цзэдуна о «культурной революции». Собственноручная дацзыбао Мао Цзэдуна от 5 августа призвала к разгрому штабов, то есть парткомов, а «Решение ЦК КПК о Великой пролетарской культурной революции», более известное под названием «Программы из 16 пунктов»¹ от 8 августа обозначило «культурную революцию» как борьбу против руководящего звена партии, придерживающегося капиталистического пути. Лю Шаоци и Дэнь Сяопин были объявлены главными поборниками капитализма (идущими по капиталистическому пути) и ревизионистами. Радикальные группировки, состоящие из преданных Мао Цзэдуну военных, кадровых работников и представителей массовых организаций, получили название «красных охранников» (хунвэйбинов). Их деятельность контролировала созданная в Пекине Группа по делам КР, идейным вдохновителем которой являлась жена председателя Мао – Цзян Цин, главнокомандующий НОАК Линь Бяо был объявлен преемником Мао. Тройственный союз «красных охранников» (военные, кадры и массы) имел целью захватить власть у сторонников Лю и Дэна, очистить партийные ряды от капиталистов и ревизионистов и создать революционные комитеты, кото-

¹ Дацзыбао «Огонь по штабам» и «Решение ЦК по КР» были приняты в качестве официального

рые будут временно исполнять партийные и правительственные функции до тех пор, пока не будет создана новая система органов управления, основанная на принципах «культурной революции». «Программа из 16 пунктов» объявила кампанию «за ликвидацию четырех старых» (идеологии, культуры, привычек и обычаев) и, соответственно, «создание четырех новых», которая вылилась в тотальное разрушение памятников культуры, уничтожение исторических и культурных ценностей². «Культурная революция», выплеснувшись сначала на улицы Пекина, стала стремительно распространяться по всей стране. Пожар «культурной революции» моментально охватил всю страну. «Только установив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там великий порядок», «бунт – дело правое» – эти новые изречения председателя Мао стали лозунгом второй революции в Китае.

Происходившие в центре события мгновенно отразились на национальных регионах. Прежде всего подверглась атаке сама национальная политика, характерной особенностью которой был акцент на национальную специфику автономий. В основу национальной политики КПК было положено изречение Мао Цзэдуна о том, что «национальный вопрос – это в сущности классовый вопрос». На самом деле эта идея принадлежала В. И. Ленину и теоретически означала, что национальный вопрос автоматически исчезнет с уничтожением классов, национальные особенности национальностей перестанут иметь значение и однородная пролетарская культура займет место многообразных форм этнических культур. Взяв лозунг на вооружение, радикалы призвали к отмене всех привилегий для национальных меньшинств, которые должны были стать наряду с ханьским населением объектом одинаковой для всех граждан КНР политики, что означало по сути их полную ассимиляцию. Американский ученый Дж. Т. Дрейер писала по этому поводу:

По разным причинам личной заинтересованности многие ханьцы обижались на то, что члены национальностей пользуются особым к себе отношением. Если посмотреть с более идеалистической точки зрения, то в особом отношении к национальностям они видели преграду, которая отделяла национальности от остального китайского общества и препятствовала их участию в нем на совершенно равной для всех основе [Dreyer, 1976, с. 210].

Вследствие этого все, что происходило в национальных регионах, стало последовательным отражением событий, происходивших внутри страны. Однако здесь имелись и существенные различия. Во-первых, в Тибете с низложением Панчен-ламы любая реальная оппозиция сошла на нет. В Тибете не было ни ревизионистов, ни сторонников капитализма. Но поскольку указы ЦК требовали их выявления и борьбы с ними, партийные и административные органы на местах оказались, по выражению Дж. Аведона, «в парадоксальной ситуации, когда были вынуждены атаковать самих себя» [Avedon, 1984, с. 282]. В целях сохранения своих позиций партийные кадры создали собственные

² «В итоге действий хунвэйбинов по борьбе с «четырьмя старыми» было разрушено, по неполным данным, более 6 тыс. памятников культуры, уничтожено 2 млн 357 тыс. исторических книг, 185 тыс. картин и свитков с каллиграфией, 538 единиц других культурных ценностей» [Усов, 2006, т. 2, с. 65].

группы хунвэйбинов, что вылилось в междоусобную борьбу за власть в «штабах», причем каждая группировка настаивала на том, что именно она является истинным авангардом «культурной революции», в то время как противная представляет ревизионистское крыло. Идеологических различий между ними было настолько мало, что даже Группа по делам КР в Пекине не могла решить, которой из них следует отдать предпочтение в плане их революционности. В результате ожесточенной борьбы между группами хунвэйбинов больше всех пострадали тибетцы, в большинстве своем не имевшие ни малейшего понятия о реставрации капитализма и борьбе двух линий в партии. Вторых, национальные регионы оказались, естественно, наиболее уязвимым объектом кампании «ликвидации четырех старых» (идеологии, культуры, привычек и обычаев). Кампания приняла ужасающие масштабы в собственно Китае, где разрушению подверглись все без исключения символы старого общества – конфуцианские, буддийские, даосские, мусульманские, христианские, что и говорить о районах нацменьшинств, в которых проживали люди, весь жизненный уклад которых олицетворял в глазах хунвэйбинов наихудшие образцы «старого» общества.

1. «Культурная революция»: 1966–1968 гг.

События, последовавшие вслед за Сообщением ЦК КПК от 16 мая, показывают, что китайские власти в Тибете «культурная революция» застала почти врасплох. Решив, что последовала очередная кампания, инициированная сверху, тибетский партком тут же создал свой собственный комитет КР, во главе которого поставил ветерана тибетской кампании Ван Цимэя³, а его заместителем назначил Чжан Цайвана, тоже военного, заведующего отделом пропаганды тибетского парткома КПК. Первоначально партийное руководство намеревалось ограничить кампанию рамками партийного аппарата и административных органов. 6 июня, по сообщению «Сицзан Жибао», кадровые работники органов безопасности, редакции газеты, местного парткома и других организаций вывесили огромное количество первых дацзыбао под лозунгом «атаковать пером и словом всякую нечисть» (*kouzhu bifa menggong niugui sheshen*) [Zhonggong Xizang, 1995, с. 174]. 8 июня тибетский партком принял

³ Ван Цимэй был одним из главкомандующих НОАК по проведению тибетской кампании, командиром передового отряда, первым вошедшего в Лхасу, главой Освободительного комитета Чамдо. Баба Пунцог Вангьял (Пунван) описывал его следующим образом: «Ван Цимэй, например, делал вещи, которые шокировали меня. Он участвовал во многих сражениях и получил известность умелого и храброго воина. Но он был чрезмерно дисциплинирован, взрывного характера и исключительно подозрителен. У меня был странный, а в ретроспективе знаменательный, опыт с его подозрительностью во время нашего путешествия в Лхасу. Как вскоре я заметил, Ван Цимэй не доверял Нгабо и тибетскому правительству (далее следует рассказ о ничем не обоснованных и абсурдных подозрениях Вана по отношению к Нгабо и Пунвану)... Я был несколько ошеломлен и шокирован инцидентом. Ван, хотя и был командующим высшего звена НОАК и прошел подготовку по национальной политике КПК в Тибете, попросту не чувствовал ни тибетцев, ни их культуры. Я вспоминаю, что подумал тогда, что, может быть, именно эта сверхподозрительность имеет своим результатом такое количество выигранных сражений» [A Tibetan revolutionary, 2004, с. 156–157].

решение причислить к классу помещиков тулку (перерожденцев), кханпо (настоятелей монастырей) и бывших чиновников 3-го и 4-го ранга.

С 15 июня по 5 июля состоялось расширенное заседание тибетского парткома, на котором было принято решение о развертывании «культурной революции» в ТАР. Оно показывает, что на первых порах «культурной революции» в Тибете преобладала позиция старых партийных кадров, не желавших широкого распространения начавшейся политической кампании. Признавалось, что в образовательных, издательских, культурных, медицинских и научно-технических кругах власть захватила интеллигенция помещиков

и капиталистов, проникшая в партийные, административные, военные и, в особенности, культурные органы. Было принято решение из 10 пунктов, в соответствии с которыми официально осуждался редактор «Сицзан Жибао» Цзинь Ша, образовывались группы «культурной революции» на всех уровнях административной власти, а также формировались партийные рабочие группы, контролирующие развертывание «культурной революции». Однако при этом «обращалось особое внимание на сохранность оружия и конфиденциальность работы, предотвращение случайностей, недопущение демонстраций, борьбы друг против друга, подчеркивалось, что движение армии должно регулироваться парткомом» [Zhonggong Xizang, 1995, с. 175]. Решение парткома было распространено среди административных учреждений. Чи Цзэмин, начальник Отделения общественной безопасности, даже издал указ, запрещающий в его отделении нападки на партию и партийные органы. Любые выступления, согласно указу, расценивались как контрреволюционные [SCMP, 1968, № 216, с. 28]. О том, что местные кадры не были в курсе коренных сдвигов в политике центра, свидетельствовал организованный тибетским парткомом

2 июля роскошный пикник, на который явились многие приглашенные тибетские аристократы. Буквально через несколько дней после пикника большинство из тибетских гостей были репрессированы [Shakya, 1999, с. 318]. Дальнейшее развитие событий в Пекине не оставляло тибетскому парткому надежды сохранить свои позиции на прежнем уровне и предотвратить распространение «культурной революции» в Тибет.

24 августа Лхасская средняя школа и Тибетское педагогическое училище создали первые группы хунвэйбинов. Как полагает Ц. Шакья, эти группы скорее всего сформировали местные партийные органы для того, чтобы противостоять возможному вторжению хунвэйбинов из Китая [Shakya, 1999, с. 320]⁴. 27 августа хунвэйбины из Тибетского педагогического училища развесили свои дацзыбао и распространили по Лхасе листовки, требующие уничтожения феодальной культуры (*zhing tren lam lug*).

Из текста листовок [цит. по: Shakya, 1999, с. 320]⁵:

- 1) Отменить поклоны и высовывание языка в знак уважения как признаки феодально-угнетения пролетариата.
- 2) Отменить проведение религиозных праздников.

⁴ Дж. Аведон сообщает, что уже в июле в Тибет прибыла маленькая группа хунвэйбинов из Китая [Avedon, 1984, с. 281]. Другие источники это сведение не подтверждают.

⁵ Ц. Шакья достал листовку в Катманду, она состояла из четырех страниц текста на тибетском языке.

- 3) Изменить все феодальные названия парков и улиц.
- 4) Уничтожить все большие и малые ступы.
- 5) Запретить все книги, прославляющие идеализм и феодализм.
- 6) Разрушить все стены с мани (молитвами), религиозные флаги и курильницы.
- 7) Полностью запретить чтение молитв, священные обходы и простираения. Запретить консультации с оракулами и предсказателями.
- 8) Люди должны уничтожить все фотографии Далай-ламы и Панчен-ламы.
- 9) Уничтожить все фотографии, прославляющие ревизионистов, феодализм и реакционеров.
- 10) Все монастыри и храмы, кроме находящихся под охраной правительства, превратить в места общего пользования.
- 11) Тибетской ежедневной газете и радио Лхасы употреблять язык пролетариата и отказаться от языка аристократии. Тибетская грамматика должна быть соответственно реформирована.
- 12) Всем мусульманам также принять новый порядок и разрушить старые традиции.
- 13) Народный парк, бывший Норбулинка, открыть для общественного отдыха.
- 14) Организовать в еще большей степени политическое и идеологическое перевоспитание монахов и монахинь. Разрешить им отказываться от своих религиозных обязанностей и обетов без давления со стороны монастырей.
- 15) Разрешить монахам и монахиням жениться, они должны заниматься производительным трудом.
- 16) Подвергнуть класс эксплуататоров трудовому перевоспитанию и бдительно следить за их поведением.
- 17) Упразднить такие феодальные обычаи, как банкетты, обмен подарков и кхата (ритуальных шарфов).
- 18) Уничтожить феодальные обычаи женитьбы, когда один мужчина имеет двух жен, женщина – двух мужей, отец и сын – одну жену, две сестры – одного мужа и два брата – одну жену.
- 19) Пропагандировать среди народа научное образование. Показывать фильмы, дающие научное образование.
- 20) Уничтожить всех уличных собак в Лхасе, запретить держать собак и кошек в доме.

Ц. Шакья отмечает, что в листовке, как ни странно, нет ссылок на борьбу двух линий (капитализма и социализма), не упоминаются в ней и местные партийные органы [Shakya, 1999, с. 321]. Он пишет: «Получается, по их мнению, что «культурная революция» – это на самом деле борьба против феодальных традиций. Это указывает на то, что доморощенное движение «красных охранников» разожгли местные партийные органы в предумышленной попытке отвести гнев хунвэйбинов от партии и направить его на всеобщую атаку на тибетское общество» [там же]. Мнение Ц. Шакьи представляется верным, но только отчасти. Вред, причиненный бесчинствами местных хунвэйбинов-

тибетцев, он возлагает на местные партийные органы. Тибетцы действительно не принимали участия в китайской революции. Зато в «культурную революцию» тибетские массы, в основном молодежь, были вовлечены в движение «против четырех старых» и в междоусобные фракционные битвы. Разрушения монастырей и прочие бесчинства были сотворены в основном руками самих тибетцев. Безусловно, тибетцы выступали в качестве подчиненной силы, все решения принимались китайской стороной, и они не могли повлиять ни на ход событий, ни на принятие решений⁶.

Хунвэйбины буквально на следующий же день после создания своей группировки ворвались в главную святыню Тибета – храм Чжокхан и начали крушить бесценные фрески и статуи, жечь рукописи и ксилографы. Разрушение приняло катастрофический характер еще и потому, что в Чжокхане были собраны наиболее ценные артефакты из близлежащих монастырей, спасенные от «демократических» реформ Панчен-ламой. Через несколько дней та же участь постигла летний дворец Далай-ламы Норбулинку.

Кампания против «четырех старых» имела разрушительные последствия на культуру и этническую идентичность тибетцев. На этот раз уничтожению подвергся сам тибетский образ жизни. Были запрещены национальные праздники, народные песни, танцы, отправление традиционных обрядов, все обычаи и традиции, вплоть до ношения украшений и высывания языка в знак уважения. Молитвенные флаги на крышах домов заменили красные флаги. Буддийские ступы (чортэны), изображения буддийских божеств и религиозные молитвы, выложенные камнем на склонах гор, уступили место огромным плакатам с изображениями Мао Цзэдуна и лозунгами «культурной революции». Были сорваны все вывески с названиями улиц, все улицы и здания города переименованы на новые, революционные. Даже тибетский язык –

⁶ Большое количество работ по современной истории Тибета, не говоря уже о публикациях в средствах массовой информации, представляют историю «культурной революции» в Тибете исключительно как историю разрушения Тибета приехавшими из Китая хунвэйбинами. Но факты показывают, что такая однозначная оценка событий неверна. Я, разумеется, не имею в виду научно обоснованную работу Ц. Шакьи. Нежелание тибетской диаспоры поднимать вопрос о вовлечении тибетцев в бесчинства «культурной революции» вполне понятно, так как здесь присутствует моральный аспект. Та же причина, очевидно, присутствует и в замалчивании истории в Тибете с китайской стороны. В литературе почти не упоминается о «культурной революции» в Тибете. Многочисленные «Истории Тибета», «Истории КПК» и прочие материалы ограничиваются констатацией факта о нанесенном «бандой четырех» вреде и официальными данными по экономике. Р. Барнетт в статье «За моделью коллаборационист – мученик: стратегии согласия, оппортунизма и оппозиция в Тибете» пишет: «...роль тибетцев в проблеме китайско-тибетских взаимоотношений зачастую видится в западном и иностранном воображении как драма коллаборационизма и сопротивления, в которой ведущим тибетским деятелям отводятся только две эти роли» [Barnett, 2006, с. 25–26]. Широкий диапазон мотивов поведения членов общества в экстремальных условиях не может быть охвачен упрощенной моделью «коллаборационист – мученик». История революций показывает, что под влиянием харизматического лидера и мощного идеологического воздействия массы поднимаются на действия, которые в мирное время вряд ли кто только совершить, но даже и представить.

единственное, что невозможно уничтожить одновременно, подвергся дискриминации. Появился так называемый «тибетско-китайский язык дружбы», представлявший собой смешение двух языков с непонятными для большинства тибетцев грамматикой и лексикой.

Монастырь Гандэн.
Восстановленная часть и руины

утварь из золота, серебра и бронзы, украшения, дорогие ткани, картины (танки), то есть все, что представляло материальную и художественную ценность, упаковывалось и вывозилось, оставшиеся предметы и сам монастырь подвергался оргии крушения. Родная тетушка Дава Норбу, бывшая монахиней в женском монастыре в Сакья, рассказывала следующее [Norbu, 1997, с. 269–270]:

... Как только тибетский кадровый работник закончил свою громоподобную речь, одетые в синюю униформы китайцы направились в сторону толпы, которая тут же разделилась на две группы. Большая группа ринулась в главный зал и начала крушить статуи и стены. Меньшая группа стала обыскивать комнаты монахинь и вытаскивать религиозные артефакты и свитки, которые затем нагружались на старших монахинь. Нагруженных таким образом до полной нелепости старших монахинь потащили в де-

Гонения на религию приняли то-тальный характер⁷. По официальной статистике, в 1958 г. в ТАР было 2711 монастырей (114103 монахов), в 1960 г. – 370 монастырей (18104 монахов) [Ma Rong, 1997, с. 31]. В 1964 г. Рабочий

комитет ЦК КПК в Тибете одобрил положение, по которому там могло в общем оставаться 553 монастыря и 7 тыс. монахов и монахинь [Dangdai Zhongguode Xizang, 1991, vol. 1, с. 315]. Однако к 1965 г. было уже разрушено 80 % монастырей от общего числа, а к 1976 г. в ТАР оставалось всего 8 монастырей и 800 монахов. Приведенные цифры показывают, что разрушение религии носило планомерный характер и началось задолго до «культурной революции» (сразу же после восстания 1959 г.). По многочисленным свидетельствам очевидцев, разрушение монастырей происходило всегда по одной и той же схеме: все культовые предметы монастыря записывались в две статьи, первая – для сохранения, вторая – для разрушения. Статуи и

⁷ Следует отметить, религия не входила в число «четырех старых», которые должны были подвергнуться разрушению. Характерно, что вплоть до окончания «культурной революции» не было сделано ни одного официального заявления в поддержку или против конституционного права на свободу вероисповедания [MacInnis, 1972, с. 283].

ревню, что находилась в долине. В каждой деревне в Ла они останавливались для *тхамсина*, а затем шли в следующую. Как и женский монастырь, каждая деревня была подвергнута обыскам. Религиозные артефакты вытаскивались, длинные волосы сельчан насильно остригались. Молитвенные флаги срывались. Главной задачей было оскорбление верующих и подчинение их новому учению. Все, что вчера считалось святым, делалось посмешищем, объекты поклонения и гордости подвергались поруганию. Весь космологический порядок был перевернут; земля встала на небо, небо – на землю.

В результате разрушений от многих монастырей остались одни руины, некоторые были стерты с лица земли, так что даже невозможно было представить, что когда-то здесь находился монастырь или храм. Разрушению подверглись даже главные монастыри Тибета: Дрепун, Сэра и Гандэн. Гандэн, первый гелукпинский монастырь, основанный Цзонхавой, взрывали динамитом. Через три года после начала «культурной революции» «весь тибетский пейзаж представлял собой руины, напоминая разбомбленные города» [Avedon, 1984, с. 292].

Беспрецедентная пропагандистская кампания в рамках «движения против четырех старых» была направлена на то, чтобы очернить Тибет до 1959 года. На уровне повседневной жизни она проводилась в виде собраний народных коммун, на которых, по свидетельству Дондуп Чойдэн, «все должны были рыдать и говорить: “Боги, ламы, религия и монастыри суть средства эксплуатации; три категории крепостников сделали тибетцев бедными; КПК освободила нас, дала нам пищу, одежду, дома и землю; КПК добрее родителей, да здравствует КПК, да здравствует Мао Цзэдун! Преступления крепостников, которые поедали плоть и пили кровь народа, выше гор, выше неба...”» [Choedon, 1978, с. 60–61]. На уровне официальной пропаганды кампания вылилась в издание огромными тиражами буклетов, альбомов, книг и статей, в которых старый Тибет изображался в виде «ада на земле», а новый – в виде «рая». Окончательный портрет старого Тибета был воплощен на выставке Музея тибетской революции в Лхасе, который входил в обязательную программу посещений иностранных гостей. На выставке экспонировались документы, на основании которых доказывалось, что Тибет является неотъемлемой частью Китая с XIII века. В качестве доказательства того, что старый Тибет являлся «адом на земле», были выставлены орудия пыток, применявшиеся в старом обществе (плети, ножи, наручники), фотографии ослепленных и покалеченных и прочие свидетельства «зверств» крепостников по отношению к их «рабам» и крепостным. Специальная экспозиция представляла диорамы, изображающие 106 фигур, сгруппированных по четырем разделам: «Феодальное поместье – ад на земле», «Ламаистский монастырь – зловещее логово, пожирающее крепостных», «Кашаг – реакционное местное правительство» и «Борьба крепостных за освобождение» [Avedon, 1979, с. 293]⁸. Необходимым и едва ли не основным объектом борьбы со старым обществом была кампания по дискреди-

⁸ Выставка была создана в конце «культурной революции». Следует отметить, что тенденция изображать старый Тибет в виде «ада на земле» не преодолена до сих пор. Фотоматериалы «Источников по истории тибетского общества в Китае» [Zhongguo Xizang shehui lishi ziliao, 1994] основаны на материалах этой выставки. Думается, что они переиздавались не один раз.

тации и осуждению Далай-ламы и Панчен-ламы. В 1968 г. она достигла апогея, когда радио Пекина объявило Далай-ламу «политическим трупом, бандитом и предателем» [по: Avedon, 1984, с. 292].

Между тем, в собственно Китае набирала обороты кампания борьбы с «поборниками капитализма» и ревизионистами, главной мишенью которой были Лю Шаоци и Дэн Сяопин. Последний был политическим комиссаром Юго-Западного военного округа, осуществившего вторжение в Тибет, и, следовательно, одной из главных фигур тибетской политики КПК. Ему вменялось потворство реакционерам и проникновение в Тибет буржуазных идей. Критике подверглась вся национальная политика, проводимая Единым фронтом, которая была определена как капитулянтская и потворствующая реакционной национальной элите. Хотя главным стратегом вышеозначенной политики был сам Мао Цзэдун, о чем неопровержимо свидетельствуют многочисленные директивы по тибетскому вопросу, написанные им лично от лица ЦК, это не помешало ему воспользоваться предлогом, для того чтобы сокрушить Дэн Сяопина. «Буржуазная национальная политика», вменявшаяся Дэн Сяопину, была лишь поводом для его дискредитации. Основная причина заключалась в его несогласии с «левым уклоном», произошедшим в КПК под влиянием Мао и его сторонников. Национальные регионы в период «культурной революции» перестали быть объектом какой-либо особой политики. Мао Цзэдун отошел от национальных проблем. С падением Ли Вэйхана и Дэн Сяопина Тибет был отдан на произвол решений Группы по делам КР, некомпетентной в национальной политике, и местных партийных органов, действовавших в зависимости от того, куда подует ветер из Пекина.

В августе 1966 г. последовала команда «огонь по штабам». Первым бросил вызов местному парткому Юэ Цзунмин, работник административного комитета по культуре ТАР, который 19 сентября написал *дацзыбао* под названием «Разгромим штаб, огонь по руководству партийного комитета КПК». *Дацзыбао* была размножена и распространена среди различных организаций с призывом организовать удар по местной КПК, которой инкриминировалось проведение буржуазной реакционной линии Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

Как

полагает

Ц. Шакья, листовка появилась в результате работы группы людей внутри партийных рядов местной КПК либо была санкционирована центром [Shakya, 1999, с. 324]. Контрудар со стороны местного парткома не замедлил сказаться. Он тут же объявил листовку контрреволюционной, организовал кампанию по защите местной КПК и заставил Юэ Цзунмина написать самокритику. В свою защиту партком также издал брошюру в 20 тыс. иероглифов, написанную Ван Цимэем, Чжан Цайваном и Чэнь Вэйем, директором отдела культуры и образования ТАР. С этого события началась фракционная борьба за власть в Тибете.

Волна критики в адрес местного партийного руководства продолжала нарастать. В октябре Чжан Гохуа был в Пекине на праздновании годовщины образования КНР и только тогда, видимо, понял, что «культурная революция» – это не очередное политическое поветрие, а смена власти в ее высших эшелонах. Тогда он позвонил в Лхасу и приказал своим подчиненным отменить ре-

шение в отношении Юэ Цзунмина и его *дацзыбао* и признать, что ее основное содержание было правильным. Однако этот тактический ход уже не мог предотвратить эскалации борьбы против местных партийных органов. 21 октября Юэ Цзунмина уже открыто поддержало местное отделение агентства Синьхуа [SCMP, 1968, № 216, с. 32]. В ноябре на поддержку оппозиции прибыли первые группы хунвэйбинов из Китая. С их помощью началось активное образование различных местных групп «красных охранников», встававших в открытую оппозицию парткому. На этом этапе членов радикальных групп было меньше тех, кто поддерживал местную КПК.

Конфронтация становилась день ото дня ожесточенней, повергнув Тибет в хаос. Партком Тибета был не в состоянии сдержать наплыв хунвэйбинов из Китая, обостряющий и без того напряженную обстановку. Чжан Гохуа, еще пытавшийся в начале «культурной революции» балансировать между сторонами, к концу года был вынужден пойти на значительные уступки оппозиции, признав действия парткома по подавлению радикальных групп ошибочными. Но его признания не удовлетворили противную сторону, и к концу года мишенью критики радикалов стали уже все высшие руководители ТАР – Чжан Гохуа, Чжан Цзинъю и Ван Цимэй, которых обвинили в подавлении революции. В результате 22 декабря 54 группы общим количеством около тысячи человек (в основном группы хунвэйбинов из Китая) объединились в единую организацию, названную «Главным штабом лхасских революционных *цзаоцзунов* (бунтарей)», по-тибетски ставшую известной под названием *Гьенлог* (*gyenlog* – «свержение» властьдержателей). Их целью стала открытая оппозиция и захват местной власти.

Через несколько дней после создания Гьенлог партийное руководство Тибета образовало свою собственную группу под названием «Лхасский боевой штаб защиты идей Мао Цзэдуна». В начале 1967 г. «Штаб защиты» объединился с другими организациями и сформировал «Штаб широкого объединения Лхасской пролетарской революции», по-тибетски ставшую известной под названием *Ньямдрэл*, по-китайски *Даляньчжи* – «объединение». Основной целью Ньямдрэл было защитить партийное руководство района, персонально Чжан Гохуа и Ван Цимэя, и заявить себя в качестве законного представителя КР и пролетариата. Поскольку Гьенлог тоже объявила себя единственным представителем пролетариата, идеологических разногласий между двумя фракциями по существу не было, основное различие состояло в том, что фракция Гьенлог была более радикальной и, по-видимому, пользовалась поддержкой ГКР в Пекине, в то время как за фракцией Ньямдрэл стоял местный партком, и она была более многочисленной. К декабрю 1967 г. Гьенлог насчитывала 7 тыс. сторонников, Ньямдрэл – 38 тыс. [SCMP, 1968, № 216, с. 21]⁹.

Руководящее звено обеих фракций составляли ханьцы. Этнический же состав фракций и географическая зона, откуда появились те или иные хунвэйбины, не совсем ясны. Китайские власти утверждают, что фракции не разделялись по этническому признаку. По-видимому, так оно и было, однако

⁹ Ц. Шакья пишет, что достоверный источник в Индии утверждает, что Гьенлог насчитывал 20 тыс. сторонников, а Ньямдрэл – 50 тыс. [Shakya, 1999, с. 513].

большинство тибетцев поддерживало фракцию Ньямдрэл [Shakya, 1999, с. 329]. Среди хунвэйбинов, приехавших из-за пределов Тибета¹⁰, большую часть представляли, по-видимому, студенты-ханьцы из столичных университетов¹¹. Отдельно также прибыли «революционные студенты и преподаватели» из национальных институтов Пекина и провинций, т. е. тибетцы. Социальный состав группировок был также неоднородным. Ньямдрэл состояла в основном из старших кадровых работников и тех, кто выдвинулся на кадровые должности за последнее десятилетие, ее больше поддерживало местное сельское население. Боевым звеном Ньямдрэла стали хунвэйбины из группировки под названием «Копье крепостных». Ее членами в основном являлись дети бедных крестьян, только что вернувшихся из Китая. Они положительно выиграли от политики парткома и поэтому целенаправленно атаковали штаб Гьенлог [Shakya, 1999, с. 329]. Главную опору Ньямдрэл видела в войсках. Гьенлог поддерживали хунвэйбины, прибывшие из Китая, и кадровые работники среднего и низшего звена, недовольные политикой парткома. Большую опору Гьенлог имела среди городского населения, боевое звено группы составляли китайские хунвэйбины, в основном студенческая молодежь не старше 20 лет. Выросшие в атмосфере сменяющих одна другую политических кампаний и громких лозунгов, они были переполнены революционного пыла и абсолютистских понятий. Тибет являл собой полную противоположность их представлениям о социализме. В этом они безусловно видели происки ревизионизма и своей целью ставили ниспровержение органов власти и замену их истинно пролетарскими, а себя видели в качестве авангарда революционной молодежи отсталого региона. Из-за своего юного возраста хунвэйбины были очень опасной фанатичной взрывной силой, готовой на что угодно ради исполнения призывов, провозглашенных в лозунгах.

В январе-феврале 1967 г. фракции появились в каждой деревне и в каждой рабочей группе. Во второй декаде января началась цепь «захватов власти» в провинциальных центрах Китая, вызвавшая ожесточенную борьбу за власть и в Тибете. 10 января цзаофани (цзаоцзуны) Гьенлог захватили помещение Тибетской ежедневной газеты (Xizang Ribao), которое Ньямдрэл отбила на следующий же день. Между январем и мартом 1967 г. было еще несколько попыток захвата власти у парткома ТАР. Конечной целью Гьенлог объявила свержение всех властных структур района, включая Народный комитет ТАР и руководство военного округа. В рамках Гьенлог образовалась группа под названием «Специально бить по императору» (т. е. Чжан Гохуа). 3 февраля Гьенлог объявила о создании «Подготовительного комитета генерального штаба революционных бунтарей ТАР», а также заявила о захвате власти у местного парткома и потребовала, чтобы кадровые работники всех уровней отчитывались перед созданным комитетом.

Некоторые исследователи (В. П. Богословский, Ц. Шакья) отмечают, что действия хунвэйбинов и цзаофаней Гьенлог, несмотря на их относительную

¹⁰ К ноябрю их насчитывалось 1300 человек [Dreyer, 1976, с. 218].

¹¹ Госсовет и лично Чжоу Энлай неоднократно издавали указы, запрещавшие китайским студентам обмениваться революционным опытом в Тибете. Но китайские хунвэйбины обратились к ГКР и, видимо, получив от них разрешение, продолжали оставаться в Тибете [Dreyer, 1976, с. 218].

малочисленность и отсутствие поддержки среди местного населения (их считали пришлыми), явно выражали взгляды организаторов «культурной революции» в Пекине, в частности Цзян Цин. Кроме того, события в Тибете вновь стали отражением ситуации в стране, когда вслед за «захватом власти» в Шанхае аналогичные события, инспирированные радикальным руководством в центре, последовали повсюду. Позиция консерваторов из Ньямдрэл была, однако, сильнее позиции их оппонентов, так как на их стороне выступала армия. Чжан Гохуа, несмотря на шквал обвинений в свой адрес, сумел противостоять радикалам. Воспользовавшись приказом Мао Цзэдуна о разгоне всех «контрреволюционных организаций», последовавшим в конце января, Чжан Гохуа созвал 6 февраля собрание руководства НОАК, на котором заручился поддержкой армии. Он также добился разрешения ввести в Тибет три дополнительные дивизии. Через четыре дня 4-я полевая армия НОАК под командованием Цзэн Юнъя (политкомиссар – Жэнь Жун) выступила на стороне Ньямдрэл, объявила военное положение, а затем беспощадно подавила движение Гьенлог. Фракцию объявили контрреволюционной, 13 ее руководителей были арестованы. Несмотря на то, что Гьенлог не хотела сдавать свои позиции, армии удалось восстановить подобие порядка в Тибете. В конце марта военные власти объявили, что у Гьенлог осталось всего около тысячи сторонников, в то время как Ньямдрэл насчитывала более 38 тысяч [SCMP, 1968, № 215, с. 21]. 5 марта военные власти организовали массовый митинг в Лхасе по поводу празднования поражения Гьенлог. Пекинскому руководству пришлось принять победу Ньямдрэл как свершившийся факт и приказать хунвэйбинам вернуться в Китай. 8 марта им организовали торжественные проводы, испорченные активистами Ньямдрэл, которые плевали им вслед, швыряли камнями и кричали проклятья [там же]. Для Гьенлог это стало унижительным поражением.

Чжан Гохуа, которого радикалы обвиняли во всех грехах, вплоть до желания «создать независимое царство» и стать в нем «императором», смог удержаться у власти и продолжал оставаться самой влиятельной фигурой в Тибете. Он понимал, что оставаться в Тибете ему уже небезопасно из-за непрекращающейся критики в его адрес. В середине марта он отправился в Пекин, где получил новую должность первого политкомиссара военного округа Чэнду и первого секретаря Юго-Западного военного округа. Перемещение Чжан Гохуа в Сычуань – один из важнейших военных регионов Китая, где беспорядки были еще сильнее, чем в Тибете, свидетельствовало о признании его заслуг центром.

После перевода Чжан Гохуа в Чэнду исполняющим обязанности первого секретаря парткома ТАР был назначен Чжоу Жэньшань, прибывший в Тибет в 1956 г. из Амдо (Цинхая). НОАК оставалась под командованием Цзэн Юнъя. Политкомиссаром Тибетского военного округа назначили Жэнь Жуна. Таким образом, после февраля 1967 г. Тибет оказался под властью партийных кадровых работников высшего звена и армии, то есть тех же самых консерваторов, против которых замышлялась «культурная революция». ЦК КПК, обеспокоенный масштабом вовлечения армии в разгром «революционных масс», издал указ от 1 апреля 1967 г., запрещавший военным и местным партийным органам произвольно объявлять массовые организации контрреволюционными-

ми. Согласно указу, все важнейшие решения должны были утверждаться центром. Это воодушевило радикалов Гьенлог возобновление боевых действий. В апреле они создали группу под провокационным названием «Готовые к аресту», а затем «Временный командный пост штаба бунтарей». В конце мая часть хунвэйбинов вернулась из Китая в Тибет, чтобы «довести дело культурной революции до победного конца».

Указ Группы КР в Пекине о прекращении силового подавления левых и прибытие в Тибет новой волны хунвэйбинов в количестве 8 тыс. человек позволили Гьенлог произвести контрудар, а также частично привлечь на свою сторону армию. С мая по сентябрь между фракциями происходили многочисленные вооруженные столкновения, даже более ожесточенные, чем в начале «культурной революции». Битвы шли на улицах Лхасы, затем перекинулись на другие районы Тибета, за исключением приграничных территорий, остававшихся под военным контролем.

Главной причиной столкновений по-прежнему был вопрос о том, кто будет контролировать местные партийные органы, который обе стороны прикрывали идеей борьбы двух линий в партии. Поддержка центром радикалов и отъезд Чжан Гохуа, умевшего, как никто другой, балансировать между враждебными сторонами, существенно пошатнули позицию Ньямдрэл, в рядах которой наметился раскол. Фракция Ньямдрэл выступила против Чжоу Жэньшаня, исполнявшего обязанности первого секретаря парткома, объявив его самым главным поборником капитализма и агентом Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Чжоу Жэньшаню, как ни странно, оказала поддержку фракция Гьенлог, хотя он и был во главе подавления радикалов в феврале. Армия на этот раз также разделилась на два лагеря как следствие раздора между командующим Тибетским военным округом Цзэн Юнья и главным политкомиссаром НОАК в Тибете Жэнь Жуном, причем Цзэн поддерживал Гьенлог, а Жэнь – Ньямдрэл. С мая по август 1967 г. в Тибете продолжались ожесточенные вооруженные столкновения между фракциями, в результате которых тысячи людей были убиты и ранены [Shakya, 1999, с. 339]. В августе лидеры враждующих группировок отправились в Чэнду, желая в свою пользу заручиться поддержкой Чжан Гохуа. На этот раз Чжан Гохуа оказался больше на стороне Гьенлог, несмотря на то, что именно эта группировка пыталась в свое время его свергнуть. Он заявил, что Ньямдрэл не хватает революционного духа, что Ван Цимэя необходимо свергнуть, а членов Гьенлог, объявленных контрреволюционерами, реабилитировать [по: Shakya, 1999, с. 340]. Такое решение, конечно, не устраивало Ньямдрэл и Жэнь Жуна, и бои поэтому не утихали до тех пор, пока в дело не вмешались центральные власти.

18 сентября Чжоу Энлай, Чэнь Бода и другие члены ЦК КПК подписались под указом о прекращении фракционной борьбы, который состоял из 5 пунктов: 1) обе фракции являются законными массовыми объединениями; 2) все бои должны быть прекращены, крестьяне и скотоводы должны вернуться в свои производственные бригады и заняться работой; 3) весь народ должен остерегаться внутренних и внешних врагов партии; 4) газеты должны публиковать только труды председателя Мао и указания центра; 5) каждый должен

сконцентрироваться на правильном выполнении своих задач [по: Shakyu, 1999, с. 340]. Под давлением центра 24 сентября фракции подписали соглашение из 8 пунктов о прекращении вооруженной борьбы. НОАК конфисковала у противоборствующих сторон тяжелое вооружение. В следующем месяце была образована «Подготовительная группа Большого альянса ТАР». Однако альянс распался почти сразу же после образования, так как группировки не смогли исполнить собственное соглашение, продолжая взаимные обвинения и фракционную борьбу. В начале октября провал соглашения стал очевидным, и бои между фракциями возобновились. В начале нового 1968 г. в стране наблюдалось постепенное стихание боев в связи с образованием повсюду революционных комитетов, благодаря которым в Китае постепенно восстанавливалось подобие порядка. Зато в Тибете бои были в самом разгаре, и даже центр не мог их остановить. В январе 1968 г. там происходили самые ожесточенные битвы. Только в Лхасе были сотни убитых, когда Гьенлог заставила Ньямдрэл, обосновавшийся в здании администрации ТАР перед Поталой, бежать в китайские кварталы, находившиеся на окраине. В конце месяца из-за раскола в армии весь транспорт, коммуникации и строительство были остановлены. Сообщалось, что целые гарнизоны с оружием в руках выступали на стороне той или иной фракции. Армия едва справлялась с обеспечением порядка на границе. Тибет погрузился в хаос. А когда от Лхасы было отрезано тщательно охраняемое зернохранилище в Чароне и перестала действовать система распределения зерна, Тибет вновь охватил голод, продолжавшийся на этот раз полных пять лет, вплоть до 1973 г. [Avedon, 1997, с. 287].

Тибетская кочевница с детьми

Потребовалось 20 месяцев, чтобы в конце концов создать Революционный комитет ТАР. Для прекращения раскола в армии в Тибет ввели две дополнительные дивизии. Для того чтобы фракции пришли к соглашению, устранили Ван Цимэя и Чжоу Жэньшаня, объявив их агентами Лю Шаоци (в результате опалы Чжоу Жэньшань покончил жизнь самоубийством). После их смещения обе фракции подчинились командованию НОАК, и 5 сентября 1968 г. в Тибете учредили Революционный комитет (ревком), на инаугурации которого в Лхасе присутствовало 50 тыс. человек. С его созданием власть перешла к армии, и, следовательно, Цзэн Юнъя как командующий войсками возглавил и ревком. Жэнь Жун уступил первую позицию Цзэн Юнъя, зато стал его первым заместителем. Тибетский ревком насчитывал 27 членов, из которых 12 являлись представителями массовых организаций, 10 – армии и 5 кадровых работников. Среди них только четверо были тибетцами: Нгабо Нгаван Чжигмэ, Тубтэн Нима, Церин Ламу и Пасан [Dreyer, 1976, с. 220].

В марте 1969 г. Тибетский ревком принял решение о создании ревкомов на всех уровнях административной системы. В конце 1970 г. ревкомы действовали во всех 70 уездах ТАР. Считалось, что ревкомы представляют все массовые объединения Тибета, однако на самом деле основная власть сосредоточилась в руках армии, которая в очередной раз стала ведущей политической силой в решении всех проблем региона. Прекращение фракционной борьбы и сосредоточение власти в НОАК дало возможность приступить к восстановлению партийной и административной системы Тибета.

2. «Культурная революция»: 1969–1976 гг.

Первые три года «культурной революции», принесшие хаос и разрушение тибетского образа жизни, стали тяжелейшим периодом современной истории Тибета. Создание ревкома, окончание фракционной борьбы и нормализация обстановки не означали, однако, окончания политического курса «культурной революции», затянувшегося еще на семь лет, вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. В китайской историографии стало принятым считать, что «культурная революция» продолжалась 10 лет. «Культурную революцию» стали называть «десятилетием бедствий». Первые годы после создания ревкомов власти менее всего интересовались проблемами национальностей. Они отказались даже от претензии на то, что национальные районы управляются при поддержке нацменьшинств. Национальные особенности, автономные права абсолютно не принимались во внимание. Все, приемлемое для собственно Китая, считалось приемлемым и для нацменьшинств, о существовании которых в то время даже не говорилось. Появившиеся упоминания о нацменьшинствах во второй половине 1969 г. были связаны в основном с приграничными инцидентами на границе с Советским Союзом и с необходимостью объединения всего Китая (вместе с нацменьшинствами) против советской угрозы. Хотя Тибет не имел с СССР границей, этнические и приграничные проблемы в соседнем Синьцзяне имели непосредственный отклик в Тибете. Китай видел себя в положении осажденного государства: на севере – Советский Союз, на юге – Индия. Улучшение отношений между Советским Союзом и Индией казалось Китаю очередным свидетельством неизбежности войны. Военная угроза извне вкупе с

внутренней угрозой со стороны неблагонадежных нацменьшинств с присущим им сепаратизмом вынуждала китайцев бросить огромные ресурсы на оборону страны и военнизацию приграничных территорий.

Нужды обороны, а также постепенная нормализация обстановки в ТАР позволили властям вновь взяться за сельское хозяйство, брошенное в начале «культурной революции». Прорыв в сельскохозяйственном производстве предполагалось осуществить через всеобщую коммунизацию, которую по разным причинам так и не удалось внедрить повсеместно, несмотря на то, что народные коммуны давно уже стали повседневностью жизни КНР, в том числе и районов нацменьшинств. Первые 150 коммун образовались еще в 1965 г., однако «культурная революция» задержала их дальнейшее формирование. К 1970 г. в Тибете было уже больше одной тысячи коммун, а к 1975 г. – 1925, или 93 % всех уездов вместе взятых. Средняя коммуна насчитывала около 700–1000 членов и имела в коллективной собственности землю, скот, сельскохозяйственные орудия и движимое имущество коммунаров. Например, коммуна «Красное знамя», расположенная в плодородном сельскохозяйственном районе Шаньнань (Лхока, Гонэшань), состояла из 150 семей (728 человек) [Choedon, 1978, с. 5]. Руководство коммуны состояло из 9 человек во главе с ее председателем, однако на деле исполнительная власть находилась в руках партийной ячейки (тоже 9 человек), которая получала директивы вышестоящей парторганизации и докладывала о результатах работы своей коммуны. Коммуна состояла из 5 бригад во главе со своими бригадирами. Работа в обычное время продолжалась 8 часов с ежедневными собраниями, длившимися около 3 часов. В период уборки урожая работа продолжалась с раннего утра до поздней ночи. Оплата производилась по рабочим баллам. Члены коммуны получали в день от 5 до 10 баллов в зависимости от произведенной работы, дети получали 4 балла. Цена одного рабочего балла приравнивалась где-то к 1 мао (0,1 юаня), однако реальная стоимость одного балла исчислялась только после уплаты 6 %-ного налога государству (патриотический налог), выделения зерна на посевную, на корм для скота, на случай голода, на случай войны, на расходы коммуны, на продажу государству (по заниженным ценам). В итоге на одного члена коммуны приходилось в среднем по 12,5 кхэ зерна на человека, или 175 кг в год, 14,58 кг в месяц. Другие продукты (соль, мясо, масло и т. д.) приобретались в обмен на зерно, которого после вычета всех расходов оставалось по 11,58 кг в месяц, или 0,38 кг в день [там же, с. 35]. Особенно трудно приходилось многодетным семьям, семьям с пожилыми людьми или больными.

Коммунизации подверглись и скотоводы. Коммуны образовывались на основе одной деревни, имущество и скот коммунаров были коллективизированы. Питание скотоводов, состоявшее обычно из мясных и молочных продуктов, заменил ячмень. Голод, охвативший Тибет на этот раз, продолжался 5 лет, с 1968 по 1973 г. Сельскохозяйственный фронт получил, таким образом, результаты, обратно пропорциональные предполагаемому прорыву, что признавала даже китайская историография. Она отмечала, что в результате левачьих ошибок, в число которых засчитывалось сеяние пшеницы, и стихийных бедствий, произошедших с 1968 по 1972 г., производство зерна в 1972 г.

упало на 8 % по сравнению с 1966 г. [Dangdai Zhongguode Xizang, 1991, т. 2, с. 6], имел место большой падеж скота (цифры не приводятся) [там же, с. 45].

Ситуация начала выправляться с 1972 г. В 1977 г. валовой объем производства зерна впервые достиг по статистике 500 млн кг (5 млн т), в 1978 г. 5,1 млн т, превывсив показатель 1972 г. (2,9 млн т) на 72 %. Производство скота с 20 млн 250 тыс. в 1973 г. поднялось до 23 млн 490 тыс. в 1979 г., производство мяса увеличилось на 0,3 %, шерсти на 27,4 %, молочной продукции на 38 %, валовой объем скотоводческого производства увеличился на 27,3 %. По статистике, за без малого 30 лет, начиная с 1952 по 1980 г., Тибетский район КНР добился ощутимого роста экономических показателей. По китайским данным, с 1952 по 1980 г. площадь обрабатываемых земель увеличилась в 1,3 раза; производство зерновых в 2,2 раза, составив на душу населения по 550 цзиней (225 кг). Сельскохозяйственное производство составило 34 % валовой продукции экономики региона [Xizang zizhiqu gaikuang, 1984, с. 463–464]. Общее количество скота увеличилось в 2,4 раза. Скотоводческое производство составило приблизительно 60 % валовой продукции [там же, с. 469]. На первый взгляд бросается в глаза несоответствие роста экономических показателей по китайским данным и реального положения в сельском хозяйстве Тибета по данным тибетской эмиграции. Однако это не покажется странным, если учитывать, что рост производства зерновых в 2,2 раза, количества скота в 2,4 раза произошел за 30 лет при очень низких начальных показателях. Рост сельскохозяйственного производства в условиях системы народных коммун не мог привести к росту благосостояния членов коммун, так как большая часть прибавочного продукта изымалась в виде налогов, обязательной продажи зерна государству и т. д. При этих обстоятельствах заявленное увеличение на душу населения количества зерновых всего в 1,2 раза (225 кг) за 30 лет означало на самом деле крайне тяжелое положение, буквально на грани выживания.

В августе 1971 г. состоялось первое собрание парткома ТАР, на котором было объявлено о выводе из его членов Чжоу Жэньшаня и Ван Цимэя. Это стало персональной победой и началом выдвижения Жэнь Жуна, получившего должность первого секретаря партийного комитета. В конце 1971 г. Китай потрясло известие о «деле Линь Бяо». В Тибете «дело» обернулось смещением Цзэн Юнья (протезе Линь Бяо) с поста председателя ревкома и назначением на его место Жэнь Жуна, который стал, таким образом, первым лицом в ТАР. Его влияние было ограничено только назначением на пост командующего Тибетским военным округом Чэн Минъи. С уходом Цзэна, реорганизацией партийной и административной системы и переходом власти от военных к гражданским органам в Тибете восстановилось подобие порядка и стабильности. За «делом Линь Бяо» и перестановкой кадров последовало некоторое смягчение национальной и религиозной политики, вновь стали говорить об использовании национальных языков, подчеркивать национальные особенности и необходимость воспитания национальных кадров. В 1971 г. из семи секретарей тибетского партийного комитета двое были тибетцами (Тянь Бао и Пасан). Самый известный среди них – Тянь Бао (Сангье Еше), назначенный в 1976 г. и вторым политкомиссаром Тибетского военного округа, а в августе 1979 г. – председателем ТАР. Его назначение и выдвижение Пасан и Рагди в качестве

высокопоставленных тибетских кадров являлось демонстрацией того, что тибетцы отныне сами управляют собственными делами¹². В мае 1972 г. в Норбулинке был проведен «большой праздник» тибетского комсомола, на котором организовали песни, танцы и спортивные игры. Двумя месяцами позже объявили о «четырёх основных свободах»: свободе практиковать религию, торговать, давать деньги под проценты и нанимать работников или слуг. Был снят запрет на ношение *чулы*, реабилитированы некоторые коллаборационисты из высших кругов (Пхагба-лха Гэлэг Намгьял), объявлена программа реставрации Чжокхана и нескольких других монастырей. В конце года произошёл очередной сдвиг влево с более знакомой кампанией «одна борьба и три анти», направленной против «контрреволюционеров», «три анти» как раз против объявленных «четырёх свобод» [Avedon, 1984, с. 312].

Постоянные колебания китайской политики в 1970-х гг. свидетельствовали о скрытой борьбе в высших эшелонах власти, которая на этот раз не выплескивалась наружу, а держалась в строгом секрете. Стратегическое положение Тибета не позволяло китайцам отстраниться от тибетской проблемы. В 1972 г. китайские власти сделали попытку пойти на сближение с Далай-ламой при посредничестве известного журналиста Дж. Паттерсона. В апреле 1973 г. в Гонконге состоялась серия встреч между сторонами [Patterson, 1990, с. 212]. На этих секретных переговорах предметом обсуждения были предположительные условия возвращения в Тибет Далай-ламы. Параллельно китайская сторона вела секретные переговоры с Соединёнными Штатами. В июле 1971 г. Генри Киссинджер сделал свой тайный визит в Пекин через Пакистан, а в следующем году состоялся исторический визит в КНР президента Никсона. КНР также пригласили стать членом ООН. Вследствие всех этих событий Китай более не нуждался в сотрудничестве с Далай-ламой и потерял интерес к переговорам, которые вскоре были прерваны. США перестали рассматривать Китай в качестве главной угрозы своим интересам в Азии и решили прекратить финансовую и военную помощь тибетскому сопротивлению, опорной базой которого был Мустанг в Непале. Ц. Шакья писал: «Западный Тибет охранялся войсками Северо-Западного военного района Китая, та же самая группа отвечала за сопротивление любой возможной советской угрозе на северной границе. Американцы не желали, чтобы тибетцы в Мустанге атаковали китайцев, так как хотели быть уверенными в том, что НОАК без проблем могла концентрироваться на границе с Советским Союзом» [Shakya, 1999, с. 360]. Решение ЦРУ о прекращении финансовой помощи тибетским (кхампа) партизанам в Мустанге стало для них тяжелейшим моральным ударом. В дополнение ко всему, неблагоприятно для тибетского сопротивления начали складываться обстоятельства в Непале. В 1972 г. умер король Махендра, симпатизировавший тибетской проблеме и сквозь пальцы смотревший на деятельность тибетских партизан на своей территории. Зато его наследник Бирендра не собирался терпеть тибетцев. Он хотел сближения Непала и Китая и в феврале

¹² Тянь Бао – уроженец Восточного Тибета, член КПК со времен Великого похода, его жена китайка, а сам он не говорит по-тибетски. Пасан, единственная женщина среди тибетской партэлиты (дочь «раба»), и Рагди выдвинулись во время «культурной революции», их называли «ерлан жигтэн» – «поднявшимися крестьянами».

1970 г. посетил Пекин. В 1973 г. непальцы потребовали, чтобы тибетцы сдали оружие и расформировали базу в Мустанге. Далай-лама был также за то, чтобы кхампа сдались, так как их деятельность становилась помехой создаваемому имиджу тибетцев как миролюбивой нации, использующей ненасильственные методы борьбы. Кхампа не оставалось иного выхода, как сдаться непальской армии, что и произошло в середине 1974 г. Правительство Непала созвало международную прессу на выставку захваченного оружия и обвинило тибетцев в создании террора и угнетении местного населения. Утрата Мустанга привела к распаду партизанского движения и потере боевого духа у свободолюбивых и воинственных кхампа, ознаменовав собой конец вооруженного тибетского сопротивления.

Между тем во внутренних делах наметилась тенденция некоторого смягчения национальной политики, по крайней мере на словах. В 1972 г. вновь открылись Центральный институт национальностей в Пекине и Тибетский национальный институт в Сяньяне, Шэньси [Dreyer, 1976, с. 243]. Вновь заговорили о развитии национальных языков. В 1972 г. открылось новое издательство для публикации книг на тибетском языке, написано большое количество пьес на тибетском, переиздан с дополнениями китайско-тибетский словарь. Вновь появились высказывания о необходимости продвижения национальных кадров. Было заявлено (Синьхуа), что в Ланкацзу, районе Шаньнань (Лхока) ТАР, почти 90 % кадров на уровне уезда, коммуны и города тибетской национальности [по: Dreyer, 1976, с. 246].

За этим смягчением национальной политики последовало очередное ее ужесточение. На сей раз в связи с результатами X съезда КПК (август 1973 г.), на котором опять верх взяли радикальные лидеры «культурной революции», или так называемая «банда четырех». Для Тибета съезд КПК имел двоякий результат. С одной стороны, началась новая атака на бывших тибетских лидеров. В рамках санкционированной сразу после съезда критики Линь Бяо и Конфуция с новой силой возобновились нападки с целью дискредитации на Далай-ламу и Панчен-ламу, затихнувшие было в период проведения переговоров. Кампания проводилась по худшим образцам канона коммунистической пропаганды, изображавшей бывших лидеров Тибета не иначе как с ножом в одной руке и четками в другой и сопровождавшейся циничными эпитетами: «бандиты», «шакалы», «кровопийцы», «крепостники» и проч. Как обычно, проводились митинги и собрания, на которых тибетцам вменялось в обязанность публично поносить и отречься от них. Вместе с критикой Линь Бяо, Конфуция и Далай-ламы – «трех лам одного монастыря» возобновились гонения на тибетские традиции и обычаи.

С другой стороны, результатом съезда стала очередная попытка добиться развития Тибета усилиями «рывка» по образцу китайских коммун Дачжай и Дацин. Вновь все силы были брошены на увеличение производства в коммунах. В сельские районы отправлялись сельхозспециалисты, партийные работники, военнослужащие, производственные и строительные корпуса. Трактора, удобрения, инсектициды, специальное зерно для посевной хлынули в Тибет. В 1973 г. количество направленных в ТАР грузов увеличилось на 50 % по сравнению с 1965 г., а количество ввезенной продукции, необходимой для сельского хозяйства, возросло на 100 % [по: Dreyer, 1976, с. 250]. Радио Пе-

кина заявило, что с 1969 по 1974 г. государство на сельскохозяйственное и промышленное производство, здравоохранение, пенсии и пособия потратило в три раза больше средств, чем все население ТАР заплатило налогов [там же]. Сельскохозяйственный сезон завершился в 1974 г. победоносными отчетами не только по зерновым, но и по овощам и фруктам, выращенным в условиях высокогорья. Жизнь крестьян и скотоводов, как говорилось раньше, не стала лучше, напротив, упадок тибетской деревни в условиях системы коммун становился все более очевидным. Рынок в сельском хозяйстве сопровождался рынком в области образования. В середине 1974 г. в Тибет было направлено 389 высококвалифицированных преподавателей, которым была поставлена задача ускоренной подготовки тибетских учителей. В 1975 г. в Тибете открылось первое педагогическое училище повышения квалификации учителей, в 1973–1974 гг. в вузы страны было послано около тысячи студентов. Наряду с усилиями в области образования продолжались попытки воспитания тибетских кадров, издания книг на тибетском языке.

В январе 1975 г. состоялся IV съезд Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Нгабо наряду с Вэй Гоцином, Сайфудином и Уланьфу был выбран постоянным председателем президиума и заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП. Новая Конституция, утвержденная ВСНП, вновь подтвердила равенство всех национальностей, свободу использования национального языка и осуществления районной автономии. Преамбула Основного Закона государства признавала необходимость единения всех национальностей и развития революционного Единого фронта, но в той части, которая относилась к нацменьшинствам Китая, представляла собой значительно урезанный вариант Конституции 1954 г. Это касалось, например, статьи об использовании национального языка в судебных слушаниях. В новой редакции просто указывалось, что «все национальности имеют право использовать свой разговорный и письменный язык». Конституция 1954 г. гарантировала пропорциональное представительство нацменьшинств в органах самоуправления, теперь же такой гарантии не давала. По мнению Ц. Шакья, «целью, которую преследовала [конституция], была окончательная ассимиляция нацменьшинств» [Shakya, 1999, с. 366]. Т. Дрейер в свою очередь считает, что «сокращение статей, касающихся нацменьшинств, мотивировано, скорее, целью лаконичности высказываний, нежели намерением урезать права меньшинств» [Dreyer, 1976, с. 256]. Новая Конституция действительно представляла собой лишь отголосок документа 1954 г., однако в своих основных пунктах – равенство национальностей, свобода использования национального языка и право на районную автономию – она оказалась гораздо ближе к старой, нежели проект, обсуждавшийся в 1968 г., и предлагавший включить в нее положение о том, что «национальный вопрос – это в сущности классовый вопрос».

1975 год также отмечен тем, что являлся годовщиной десятилетия образования ТАР. По торжественному поводу в сентябре в Лхасу прибыла большая делегация во главе с Хуа Гофэном. На пышных торжествах, устроенных в честь годовщины, превозносились успехи ТАР, сделанные за десятилетие, и прославлялась политика партии с самого начала инкорпорации Тибета в КНР. Следующий 1976 год стал знаменательным для народов всего Китая. В этом

году умерли три высших руководителя КНР – Чжу Дэ, Чжоу Эньлай и Мао Цзэдун. Уже через месяц после смерти «великого кормчего», которая случилась 9 сентября 1976 г., были арестованы вдова председателя – Цзян Цин и ее сподвижники. Линь Бяо и так называемая «банда четырех» (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Яо Вэньюань) стали официальными ответчиками за все просчеты и ошибки, допущенные партией. Несмотря на то, что конкретные изменения после смерти Мао последовали только после III пленума 11-го созыва КПК, несомненно было одно: смерть председателя заставила весь Китай со страхом и надеждой ждать перемен.

* * *

«Десятилетие бедствий» стало страшным испытанием для всего Китая. Китайское руководство признало, что «культурная революция» нанесла огромный вред национальной политике, однако продолжало утверждать и утверждает поныне, что национальная политика партии и правительства в целом была и является правильной. Тибетская диаспора осудила национальную политику китайского правительства, целью которой, по ее мнению, являлась насильственная ассимиляция тибетского народа, а конкретным результатом – геноцид, сравнимый с нацистским истреблением евреев¹³.

По утверждению тибетского правительства в изгнании, китайское правительство через войны, тюрьмы, казни и голод уничтожило 1,2 млн тибетцев¹⁴. В 1950 г., по заключению тибетской диаспоры, население составляло 6 млн тибетцев и такое же количество насчитывалось полвека спустя¹⁵. Цифра в 1,2 млн. была озвучена зарубежной прессой и политиками, и ее стали повторять в качестве всеми признанного факта. Разумеется, китайская сторона оспаривала эти цифры, но к ее возражениям никто не прислушивался. Но вскоре некоторые авторитетные лица на Западе выступили с публикациями, оспаривающими заявления диаспоры, и первым среди них – Патрик Френч, бывший руководитель кампании «За свободный Тибет» в Великобритании. Исходя из цифры, что в 1951 г. было приблизительно 2,5 млн тибетцев, цифра в 1,2 млн погибших означала бы, по его словам, смерть почти половины тибетского населения! П. Френч получил доступ к документации, на основании которой были сделаны выводы тибетского правительства, и нашел их крайне недостоверными по причине огромного количества дубликатов, неподтвержденных и неправдоподобных свидетельств [French, 2003, с. 289–292]. Демограф Б. Саутман детально изучил случаи уничтожения населения

¹³ «Nazis of Asia Set out to Hoodwink the Free World» (www.ibiblio.org/obl/reg.burma/archives/1999710/msg00147.html); «Tibetan Groups in India Protest Lhasa Arrests», United Press International (UPI), May 23, 1993: «...правительство КНР во всех отношениях напоминает нацистский режим, включая... намеренное уничтожение тибетцев, подобно евреям, и организацию концентрационных лагерей по всему Тибету».

¹⁴ www.tibet.com/Govt/Intro-tib.html.

¹⁵ Интересно, что часто повторяемую цифру – 6 млн тибетцев в КНР тибетская диаспора ничем не подтверждает. Согласно всекитайским переписям населения, тибетцев в КНР было: 1953 г. – 2753081 чел., 1964 – 2501174, 1982 – 3847875, 1990 – 4593,072, 2000 – 5416,021. В настоящее время большая часть авторитетных ученых-тибетологов более склонны доверять китайской статистике.

классическими колониальными режимами с XVI по XX в. и пришел к выводу, что «нет свидетельств о *намеренном репрессировании тибетцев* [курсив мой. – И. Г.], не говоря уже о демографическом истреблении». Он также нашел крайне необоснованными утверждения тибетской диаспоры о количестве погибших неестественной смертью в Тибете¹⁶. Так, например, количество погибших мужского пола, о которых было заявлено, равнялось бы 85 % всего тибетского мужского населения. Исследование соотношения полов в 1960 г. показало, что количество умерших от голода составляло лишь малый процент от заявленных; количество заявленных смертей в боевых действиях превысило в несколько раз соотношение смертей главных воюющих сторон в двух мировых войнах, количество заявленных смертей в тюрьмах равнялось тому количеству, если в тюрьмах сидела бы десятая часть тибетского населения три десятилетия подряд. Б. Саутман указывал, что даже Далай-лама в интервью журналу китайских диссидентов признавал, что в статистике имели место «наложения» (overlap) [Sautman, 2006, с. 230–257].

Думается, что следует согласиться с выводами, сделанными П. Френчем и Б. Саутманом о том, что цифра в 1,2 млн погибших необоснованна и что термины «геноцид» и «насильственная ассимиляция» не применимы даже к случаю «культурной революции» в Тибете. Не подлежит, однако, сомнению, что количество насильственных смертей в Тибете было огромным¹⁷. «Десятилетие бедствий» нанесло самый сокрушительный удар по тибетцам и их культуре. «Культурная революция» воспринимается тибетцами как уничтожение тибетского образа жизни и их этнической идентичности и своими последствиями имела болезненный, трудноразрешимый конфликт на этнической и религиозной почве. «Этот период сформировал коллективную память ненависти и недоверия, которые продолжают и по настоящее время»¹⁸. Десять лет «культурной революции», по оценке китайских политиков и историков, стали «великим и страшным бедствием» в истории Китая. Для национальных меньшинств КНР, и в частности тибетцев, «культурная революция» стала бедствием вдвойне.

¹⁶ Количество смертей, 1949–1979, согласно данным тибетского правительства в изгнании: тюрьмы и лагеря – 174138; казни – 156,758; сражения – 432067; голод – 413151; пытки – 92931; самоубийства – 9002; всего – 1207387 [Samdup Tseten. Chinese Population – Threat to Tibetan Identity // [www.tibet.com/Human rights/poptrans.html](http://www.tibet.com/Human%20rights/poptrans.html)].

¹⁷ Ц. Шакья писал в отношении Восточного Тибета, что «тысячи тибетцев ... были убиты во время подавления восстания или умерли в результате экономического кризиса» [Shakya, 1999, с. 504].

¹⁸ М. С. Goldstein. Introduction to the Buddhism in Contemporary Tibet, 1998, с. 10.

Глава 5

Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)

8 октября 1976 г. преемником Мао на посту председателя ЦК КПК стал Хуа Гофэн. Он был достаточно известен в Тибете в связи с тем, что приезжал во главе делегации Центрального правительства на празднование 10-й годовщины образования ТАР. Некоторое смягчение политического контроля и прекращение сессий борьбы, связанные с назначением Хуа Гофэна, и такие значимые события, как приезд иностранных гостей – короля Непала, сестры шаха Ирана, секретаря Министерства обороны США, нескольких западных журналистов и писателей предвещали грядущие перемены. Возрождение Единого фронта ЦК, во главе которого в июле 1977 г. встал Уланьфу, единственный представитель национальных меньшинств, занимавший высокую позицию в высшем руководстве, уже явно свидетельствовало о том, что в политике центра происходят заметные сдвиги.

Возрождение Единого фронта означало прежде всего возвращение к принципам политики, основой которой был союз с традиционной элитой нацменьшинств. Так, в марте 1978 г. впервые после 1964 г. появился на публике Панчен-лама, которого тут же назначили членом Постоянного комитета Политико-консультативного комитета КНР. Далее начался пересмотр дел репрессированных в период до и во время «культурной революции». Уже к началу 1979 г. из 4714 дел по ТАР рассмотрено 69,7 % [Dangdai Zhongguode Xizang, 1991, т. 1, с. 390]. К концу года начали освобождать бывших чиновников тибетского правительства, аристократов и участников восстания 1959 г. Возобновлена программа компенсации за конфискацию имущества в период «культурной революции», 60 лицам возмещен приостановленный во время «культурной революции» выкуп имущества, компенсацию в размере 7 млн юаней получили более 2300 человек, более 90 % репрессированных получили работу. Из 500 аристократов 258 назначены на должности, 376 активных участников восстания выпущены на свободу, 6 тыс. освобождены условно [там же, с. 391–392].

Декабрь 1978 г. ознаменовался эпохальным событием современной истории Китая – состоялся III пленум 11-го созыва КПК, в результате которого во главе страны встал Дэн Сяопин. Он объявил курс «четырёх модернизаций», благодаря которому КНР в настоящее время вышла на передовые рубежи мира.

1. Стратегия реформ: четыре форума ЦК по работе в Тибете

В результате межпартийной борьбы Дэн Сяопину удалось сместить левое руководство (Хуа Гофэна) и поставить во главе секретариата ЦК своего убежденного сторонни-

ка – Ху Яобана. Новый секретариат создал Рабочий комитет по Тибету, который возглавил сам Ху Яобан. 14–15 марта прошел первый форум по работе в Тибете, на котором были приняты рекомендации для партийных и государственных органов, состоящие из 8 пунктов [Xizang zizhiq gaikuang, 1984, с. 601].

Изучение новым комитетом положения в Тибете показало полную несостоятельность ультралевого руководства ТАР, которое продолжало действовать в духе времен «культурной революции» и не желало перестраиваться. Первым практическим действием комитета стало решение устранить с поста первого секретаря тибетского парткома Жэнь Жуна и поставить на его место Инь Фатана в качестве исполняющего обязанности первого секретаря. Инь – соратник Дэн Сяопина, пришел в Тибет в 1950 г. и проработал там больше 20 лет, выучил тибетский язык и хорошо знал ситуацию.

Ху Яобан первоначально хотел поставить на пост первого секретаря тибетца. Однако все тибетские кадры являлись выдвиненцами «культурной революции» и простыми пешками китайского руководства. Ху Яобан при личной встрече с Баба Пунцог Вангьялом в июне 1980 г. говорил: «Многие из них [тибетских кадровых работников] просто делают то, что им говорят китайские кадры. Они ничего не говорят в пользу своей нации, и поэтому их нельзя в действительности назвать тибетскими кадрами, так как они не защищают и не представляют мысли и чувства тибетцев» [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 288]. Ху Яобан рассчитывал на Пунцог Вангьяла, однако он в то время еще не был реабилитирован, и слишком большое противодействие со стороны тибетского руководства вызывала его неординарная личность. Несмотря на это, уже после приезда из Тибета Ху Яобан предложил Пунцог Вангьялу встать на место Тянь Бао в качестве председателя правительства ТАР (губернатора), а через два года возглавить партком. Пунцог Вангьял отказался. 18 лет одиночного заключения и невыносимых страданий не сломили его мужество и стремление принести пользу своему народу. Основной причиной его отказа стало желание закончить труд по теории диалектического материализма, созданию которого он посвятил все долгие годы тюрьмы¹.

¹ Пунцог Вангьял продолжал играть значительную роль в политической жизни Тибета как истинный патриот и неустанный борец, чем вновь, как и Панчен-лама, нажил себе многочисленных врагов. Что касается его научных трудов, то его главный труд «Новое исследование диалектики» (800 тысяч иероглифов) был опубликован Народным издательством Тибета. Работа получила высокое признание в Китае, в честь нее была проведена конференция, материалы которой опубликованы. В 1994 г. вышла его вторая книга «Вода существует на Луне в жидкой форме». В исследовании астрономических явлений он использовал диалектический метод, результаты его исследования были подтверждены экспертами НАСА. В 1996 г. была опубликована его третья книга «Дальнейшее исследование естественной диалектики». В настоящее время Пунцог Вангьял – профессор и наставник докторантов Академии социальных наук КНР, он первый тибетский наставник докторантов по философии [из послесловия М. Голдстейна,

Д. Шераба и В. Сибенчуха к A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 306–307]. Хочу привести небольшую выдержку, описывающую, как он начинал свои научные изыскания: «С самого начала у меня было большое желание делать записи моих мыслей, и я постоянно просил своих охранников дать мне ручку, бумагу и чернила. Они ни разу мне не ответили, и тогда я изобрел свой способ. Я постирал свою одежду и оста-

Таким образом, остановившись на кандидатуре Инь Фатана, Рабочий комитет ЦК по работе в Тибете с 22 мая по 1 июня совершил исследовательскую поездку в Тибет. Там Ху Яобан встретился с членами делегации, подписавшей Соглашение из 17 пунктов, Лхаутарой и Сампо, каждый из них провел более 20 лет в трудовых лагерях [Shakya, 1999, с. 381]. 29 мая он выступил на собрании, на котором присутствовало более 4500 кадровых работников Тибета. В своей речи он признал, что КПК потерпела поражение в Тибете, подверг резкой критике китайские кадры, а в завершение провозгласил новый радикальный курс из 6 пунктов:

- 1) Под руководством ЦК полностью осуществить право на районную автономию.
- 2) Ввиду тяжелой обстановки в ТАР решительно осуществлять политику возрождения жизни, во многом облегчить бремя народа. Тибетцы в течение трех лет освобождаются от налогов и принудительного труда, а также от государственных квот по обязательной закупке зерна. Их продукция должна приобретаться по договорной цене.
- 3) На экономическом фронте осуществлять особо гибкую политику, соответствующую Тибету, с тем чтобы как можно быстрее способствовать развитию тибетской экономики.
- 4) Увеличенную государственную помощь использовать на развитие сельскохозяйственного и скотоводческого производства и насущные потребности повседневной жизни тибетского народа.
- 5) Твердо придерживаясь социалистического направления, всемерно восстанавливать и развивать культуру, образование и науку Тибета.
- 6) Реально претворять политику партии по национальным кадрам, всемерно укреплять тесное сотрудничество тибетских и китайских кадров. Постараться, чтобы в течение трех лет тибетские кадры составляли более двух третей кадровых работников [Hu Yaobang, 1980, с. 113–118].

На первый взгляд, программа Ху Яобана не казалась радикальной, напоминая многие другие, провозглашенные в традициях коммунистической риторики партийного руководства КНР. Однако на этот раз ее содержание действительно было глубоким. Важным для Тибета в стратегическом плане было провозглашение гибкой политики в соответствии со специфическими условиями Тибета, в экономическом плане – роспуск коммун и освобождение от налогов и квот государственной закупки зерна, в плане культуры – обещание развивать тибетскую культуру и образование и, наконец, в плане кадровой политики – обещание постепенной передачи дел тибетцев в руки самих тибетцев. Результаты политики либерализации не замедлили сказаться. Жизнь в Тибете заметно улучшилась сразу же после начала реформ. Ослабление политического контроля позволило людям свободно вздохнуть. Прекратились бесчисленные митинги и собрания, люди постепенно возвращались к традицион-

вил окрашенную воду в тазу. Когда краска после испарения потемнела, я нанес ее на газеты, чтобы они полностью потемнели. Затем я отколол белую краску со стен, растворил ее в чашке и использовал в качестве чернил. Вытащив соломинку из матраса и используя ее как ручку, я начал записывать мои мысли. Таким способом я написал около 10 тысяч иероглифов. Вскоре я понял, что записи, сделанные на газете, к сожалению, не могут долго сохраняться, так как белый цвет быстро блекнет. Мне пришлось изобрести другой способ письма» [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 255].

ному укладу жизни, начали носить национальную одежду, практиковать религию. Особенно приветствовались роспуск коммун и передача земли и скота крестьянам и скотоводам.

В 1984 г., с 27 февраля по 28 марта, в Пекине состоялся второй форум по работе в Тибете. Председателем форума от начала до конца был Ху Яобан, присутствие которого придавало дополнительную значимость работе этого представительного собрания. В своей вступительной речи он подчеркнул специфическое положение Тибета и главенствующее значение экономики в решении его проблем. Форум постановил одобрить 43 проекта, которые должны осуществить в помощь Тибету 9 провинций и муниципалитетов, для того чтобы достойно встретить 20-ю годовщину образования ТАР². Объем инвестиций в строительство составлял 480,85 млн юаней. Резюме работы форума от 1 апреля включало 10 пунктов:

- 1) цель и задачи съезда; 2) как более глубоко и правильно изучить Тибет; 3) всемерно развивать энергетические ресурсы и транспорт; 4) постепенно либерализовать политику для ускоренного развития сельского хозяйства, скотоводства, лесной промышленности и национальных кустарных промыслов; 5) поднимать образование, развивать культуру и искусство; 6) во внешних связях осуществлять политику открытых дверей, во внутренних – усилить интеграцию; 7) усилить внимание к деятельности Единого фронта, национальную и религиозную работу; 8) добросовестно воспитывать тибетские кадры; 9) сделать осуществление этого курса основным содержанием работы партии; 10) успехами нового строительства встретить 20-ю годовщину ТАР [Zhongguo gongchandang, 2006, с. 409].

Вслед за указаниями форума правительство ТАР приняло решение продлить срок освобождения крестьян и скотоводов от уплаты налогов до 1990 г. и в течение 30 лет не менять контракты на землю и пастбища [Dangdai Zhongguode Xizang, 1991, т. 1, с. 411].

Основным содержанием новой программы было углубление реформ в экономике, которое на этот раз предполагалось осуществить за счет открытия Тибета внешнему миру (туризм) и экономической интеграции с внутренними районами КНР (пункт 6). Несмотря на то, что непосредственным следствием курса стал резкий скачок в улучшении жизненного уровня населения ТАР, последствия новой политики имели неоднозначный характер, о чем будет сказано в следующем параграфе.

Период со времени проведения второго форума, вплоть до 1990 г., характеризовался сложными социально-политическими процессами, ставшими оборотной медалью инициированных новым руководством Китая реформ. Реакция Пекина на демонстрации и беспорядки (см. гл. 7) была двоякой: ужесточение политического контроля, с одной стороны, и еще большие усилия в области экономики, с другой. С этого времени стала явственно прослеживаться следующая тенденция: чем сильнее обострялись проблемы так называемого

² 43 проекта включали строительство энергетических, транспортных, медицинских, городских, туристических, образовательных, лесозаготовительных, пищевого, торгового, культурных объектов [Zhongguo gongchandang, 2006, с. 407].

идеологического фронта (проблема Далай-ламы), тем масштабнее становились инвестиции в экономику Тибета. Так, в 1990 г. правительство одобрило амбициозный проект развития долин трех крупнейших рек Центрального Тибета – Ярлун Цзанпо, Нянчу и Лхасы³. Учитывая, что долины этих рек представляют собой политический, экономический и культурный центр ТАР, в котором проживает 36 % населения Тибета (780 тыс. чел.), правительство поставило перед собой задачу сделать так, чтобы Тибет к 2000 г. мог самостоятельно обеспечивать себя зерном⁴, а район, охватывающий долины названных рек, превратить к 2000 г. в центр пищевой, легкой и прядильной промышленности, овощеводства и научно-технического прогресса. Объем инвестиций на 173 объекта составлял 2,042 млрд юаней, половина из которых предназначалась 115 сельскохозяйственным объектам [Zhongguo gongchandang, 2006, с. 583].

1994-й стал годом окончательного отхода от принципов политики либерализации, инициированной Ху Яобаном. Противостояние между Центральным правительством и Далай-ламой относительно 11-го перерождения Панчен-ламы достигло последней грани, после чего в 1995 г. произошел полный разрыв отношений. Первый секретарь райкома ТАР Ху Цзинтао, при котором произошли наиболее драматические события современной истории Тибета, ушел с повышением в центральные органы власти. Его сменил Чэнь Куйюань, отличившийся беспрецедентным по жесткости отношением к религии и культуре Тибета. В июле состоялся третий форум ЦК по работе в Тибете. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзымин в своей речи на форуме заявил: «Мы никогда не позволим Тибету отделиться от родины, мы никогда не позволим Тибету длительное время быть отсталым» [цит. по: Zhongguo gongchandang, 2006, с. 679]. Далай-ламе Цзян Цзымин, впрочем, все еще предлагал вернуться при условии, если «он отбросит идею независимости и прекратит деятельность по расколу родины».

Премьер Госсовета Ли Пэн определил главный приоритет китайской политики в Тибете: «Поставив во главу угла экономическое строительство, одной рукой контролировать развитие, другой – стабильность, обе руки должны быть жесткими» [там же, с. 680]. Целью 2000 г. он поставил добиться ежегодного 10 %-ного роста экономики района, удвоить ВВП 1993 г., повысить доходы крестьян и скотоводов, улучшить жизнь народа, покончить с бедностью, с тем чтобы жизнь большинства достигла уровня зажиточности и процветания (*xiaokang shuiping*), а общий уровень экономического и социального развития повысился в значительной степени. Он также заявил, что Госсовет

³ В задачу проекта входило в десятилетний срок преобразовать 760 тыс. му полей с низкой и средней производительностью; увеличить ирригационные мощности на 300 млн м³, что в общем составило бы 100 млн м³; увеличить поливные площади на 440 тыс. му; сделать 1 млн му крестьянских полей высоко- и среднеурожайными; создать 420 тыс. му лесопосадок; 210 тыс. му пастбищ; в области промышленности развивать электрификацию, добычу полезных ископаемых, переработку шерсти, пищепереработку; строительство дорог.

⁴ Ежегодно в Тибет поставлялось 150 млн кг зерна из Китая, только транспортные расходы составляли 300 млн юаней (64 млн дол.).

решил продолжить в отношении Тибета особую политику и гибкие меры. К 30-й годовщине ТАР ЦК постановил одобрить 62 строительных проекта с объемом инвестиций в 2,38 млрд юаней.

Огромные инвестиции, хлынувшие в ТАР, привели к внушительному росту ВВП – в среднем по 12,8 % в год за период с 1993 по 1999 г., что превысило и без того высокие планки, поставленные третьим форумом, а также прирост ВВП в целом по стране. В 2000 г. Центральное правительство одобрило Стратегию развития западных регионов Китая. В отношении ТАР Стратегия предполагала строительство железной дороги из Голмуда в Лхасу. Протяженность дороги от Голмуда до Лхасы составляла 1142 км, более 960 км должны были пройти на высоте свыше 4 тыс. м, самая высокая точка пролегла на высоте 5072 м, 550 км дороги прошли в зоне мерзлоты. Стоимость строительства составляла 20 млрд юаней, период строительства – 6 лет. В июне 2001 г. строительство началось и 1 июля 2006 г. было окончено. Самая высокогорная дорога в мире стала реальностью, хотя ее необходимость для жизни большинства тибетцев до сих пор подвергается сомнению. В то время как китайская пресса (*Beijing Review*) превозносила блага, которые дорога принесет тибетскому народу, тибетская (*Tibetan Review*) – представила карикатуру, на которой дорога была изображена в виде извивающегося дракона – символа Китая, проползающего сквозь гору под Поталой – символом Тибета и сносящего дворец с лица земли. Из рта дракона низвергались в виде термитов тысячи крошечных китайцев в армейских фуражках на голове [по: Dreyer, 2006, с. 140].

На четвертом форуме, который состоялся в июне 2001 г., опять говорилось о выполнении двуединой задачи – развитии экономики и поддержании стабильности. На этот раз акцент на стабильность доминировал в речах руководящих лиц. Цзян Цзымин говорил об «усилении борьбы против сепаратистской деятельности клики Далай и вредоносной вмешательской деятельности международных антикитайских сил в целях обеспечения стабильности Тибета, единства и безопасности государства» [цит. по: *Zhongguo gongchandang*, 2006, с. 931]. Форум постановил увеличить динамику протекционистской политики в отношении Тибета, в течение десятой пятилетки увеличить инвестиции в автономный район с упором на капитальное строительство, на 10 лет продлить координированную поддержку Тибета при активном участии крупных госпредприятий и соответственном увеличении числа кадровых работников. Форум также одобрил строительство 117 объектов с объемом инвестиций в 31,178 млрд юаней, 70 объектов со стороны провинций и муниципалитетов в качестве координированной помощи стоимостью в 10,6 млрд юаней.

Таким образом, Центральное правительство КНР определило в отношении Тибета двуединую политику – развитие экономики и поддержание стабильности. Причем развитие определялось как ключ к достижению стабильности. Дж. Дрейер, касаясь резюме 4-го форума, писала: «Не совсем ясно, отдавали ли себе отчет участники форума в круговращении дилеммы «яйцо – курица», а именно: нестабильность порождает провал в развитии, а провал в развитии порождает нестабильность» [Dreyer, 2006, с. 140]. Остановимся более подробно на первой составляющей политики центра.

2. Экономическая политика

Прежде всего отметим, что к началу проведения реформ по всему Китаю Тибетский автономный район являлся самым отсталым в стране. По некоторым данным, ко времени визита Ху Яобана 28 % населения Тибета жили «в ужасающей бедноте и были лишены даже достаточного для поддержки существования количества пищи и одежды», 320 тысяч семей «для того, чтобы выжить, были полностью зависимы от экстренной правительственной помощи»⁵. В 1987 г., через семь лет после начала реформ, Панчен-лама говорил: «Китай – это страна третьего мира, Тибет же – третий мир в стране третьего мира»⁶. И в настоящее время Тибет продолжает оставаться регионом с самым высоким уровнем бедности, самой высокой степенью неравенства в доходах городского и сельского населения и самыми слабыми показателями в области образования.

Современная тибетская деревня в Кхаме, автономный округ Ганьцзы, Сычуань

Как мы уже писали, положение в Тибете значительно улучшилось сразу же после начала реформ. В первую очередь новая политика положительно сказалась на жизни сельских жителей, составлявших приблизительно 85 % тибетцев ТАР. Роспуск коммун, распределение земли среди крестьян, освобо-

⁵ Цит. по: Smith, 1996, с. 568. В. Смит ссылается на неопубликованную работу Цзин Цзюня (Jing Jun. Socioeconomic changes and Riots in Lhasa, 1989). Трудно сказать, насколько достоверны эти цифры, однако другие экономические показатели этого периода в какой-то мере подтверждают их.

⁶ BBC Summary of World Broadcasts. June, 1987 // <http://w3nexc.com>.

ждение от налогов и квот государственной закупки зерна позволили существенно улучшить жизнь сельских жителей.

Распределение земли осуществлялось, как и по всему Китаю, на душу населения. Земля закреплялась за семьей на основе долгосрочной аренды, так что семейное хозяйство вновь становилось основной производственной единицей, самостоятельно решающей все дела, связанные с управлением, производством и финансами. Вдобавок к земле каждое хозяйство получило свою часть коммунального скота и общего имущества. Согласно антропологическим и социологическим исследованиям, проведенным в Центральном Тибете совместным коллективом западных, китайских и тибетских ученых, 94 % респондентов считали, что их жизнь значительно улучшилась после деколлективизации хозяйств [Goldstein, Ben Jiao, Beall, Phuntsog Tsering, 2006, с. 198]⁷. Основную причину улучшения качества жизни опрошенные видели не в новых технологиях, а во вновь обретенной свободе усердно трудиться ради собственного блага.

72–81 % респондентов ответили, что со времени деколлективизации урожаи повысились, однако повышение было незначительным. Тем не менее 77 % семейств производили достаточное или с избытком количество зерна для своих нужд. поголовье скота увеличилось на 82 %. Если в среднем на период деколлективизации одно хозяйство имело 14,5 голов скота, то в 1996 г. скота было 30,1. Значительно улучшилось питание. Традиционная диета, состоящая из цзампы, мясных и молочных продуктов, стала доступна практически для всех. 55 % семейств отметили, что они построили новый дом или перестроили старый. «Так, – пишут исследователи, – в отличие от многочисленных сообщений об исключительной бедности сельского Тибета, наши данные показывают, что большинство жителей исследованных областей сделали ощутимый прогресс со времени деколлективизации и могут поддерживать свое обеспечение в смысле хорошей пищи и жилья согласно традиционным тибетским стандартам. Однако несмотря на эти улучшения, из-за того что условия в период коммун были очень плохими, настоящий уровень развития и стандарты жизни в сельском Тибете по-прежнему очень ограничены. По сравнению с сельским восточным Китаем, у тибетцев впереди еще долгий путь, который нужно пройти, даже в самых лучших районах. К примеру, ни в одной из 13 исследованных деревень нет в домах водопровода, и только в единственной деревне, расположенной вблизи уездного центра, есть одна водоклонка на все село. Также только в одной деревне есть электричество. Ни один из районов не улучшил грязных дорог, не говоря уже о мощеных» [там же, с. 202].

⁷ Исследование проводилось в 1997–2000 гг. Центром по исследованию Тибета Западного резервного социологического университета (Case Western Reserve University's Center for Research on Tibet) совместно с Тибетской академией общественных наук в Лхасе при поддержке фонда Генри Луса (Henry Luce Foundation). Объектом исследования были 13 сельскохозяйственных сел 4 уездов Уйя и Цзана. Авторы статьи пишут: «Со стороны правительства не было никакого вмешательства в составление и анализ вопросников, никто из правительственных служащих не сопровождал нас на интервьюирование сельчан. Мы могли свободно посещать дома, когда мы хотели, и днем, и вечером».

Исследования ученых показали, что, несмотря на большие трудности, жизнь в сельских районах Тибета постепенно стала улучшаться. В качестве анализа экономической ситуации 1980 – начала 1990-х гг. я хотела бы представить выжимку из статьи китайского исследователя из Института социологии и антропологии Пекинского университета – Ма Жуня «Экономическая ситуация в Тибете и ее динамика»⁸.

В своей работе китайский исследователь опирается на концепцию М. Хечтера о существовании в больших государствах двух моделей развития: «модели распространения» (когда более развитый регион страны доводит отсталый регион до своего уровня развития) и «модели внутреннего колониализма» (когда более развитый регион эксплуатирует ресурсы отсталого региона). По его мнению, отношения «центр-периферия» между Китаем и Тибетом соответствует по Хечтеру – «модели распространения». Ма Жун, опираясь в основном на известные работы западных исследователей, характеризует экономику Тибета до 1951 г. Он приходит к выводу, что тибетская экономика в рассматриваемый период, несмотря на свою отсталость, являлась самодостаточной и находилась на уровне поддержания основных потребностей населения. Отличительным признаком экономики была ее религиозная направленность, вследствие чего исследователь назвал ее «религиозной экономикой». Периоду до 1951 г., когда отношения между центром и периферией были достаточно слабыми, соответствует, по мнению автора, первый этап «модели распространения». Второму этапу модели соответствует период с 1959 по 1980 г., когда на периферию распространяются политические, экономические и социальные институты центра, связи между центром и периферией получают мощное развитие.

Третьему, заключительному, этапу модели Хечтера, когда отсталый регион доходит в своем развитии до уровня развитого, должен, по идее, соответствовать период с 1980 г. Что же получилось на самом деле? Ответу на этот вопрос посвящена вторая половина работы исследователя, на которой мы остановимся более подробно⁹.

Налицо большие изменения в сфере производства. Дорожная сеть составила к 1992 г. 21900 км. В 1992 г. в Тибете было 27 тыс. машин и 9922 трактора. Благодаря использованию удобрений и сельскохозяйственной техники производство сельского хозяйства в Тибете выросло за последние 30 лет в 4 раза. Площадь обрабатываемых земель в Тибете с 1952 по 1992 г. увеличилась с 2 млн 450 тыс. (161 тыс. га) до 3 млн 360 тыс. му (224 тыс. га). Произ-

водство зерна с одного му в 1952 г. с 80 кг увеличилось в 1992 г. до 228 кг, потребление зерна на душу населения увеличилось со 132 кг в 1952 г. до

⁸ Мне кажется это целесообразным в связи с тем, что в западной литературе очень мало работ, посвященных экономической ситуации в Тибете. Практически все публикации о развитии в Тибете основываются на выборочных данных из официальной статистики, которая справедливо подвергается критике. Исключение представляет книга Эндрю Мартина Фишера «Государственный рост и социальное выбрасывание (исключение) в Тибете» [Fischer, 2005]. Книга посвящена экономическим проблемам Тибета последнего десятилетия и, к сожалению, очень кратко останавливается на экономической ситуации 1980-х гг.

⁹ В своем анализе автор в основном опирается на опубликованные правительством статистические данные и результаты переписи населения. Отношение исследователя к данному виду источников мы цитировали в главе 3.

292 кг в 1992 г. Количество скота увеличилось с 9 млн 720 тыс. в 1952 г. до 23 млн 950 тыс. голов в 1990 г., что в среднем составило по 10,6 голов на человека. Скорость увеличения сельскохозяйственного и скотоводческого производства превысила скорость увеличения населения.

В Тибете начала развиваться современная промышленность. После 1959 г. были построены ряд заводов. Но первые заводы были убыточными. Преобразования в области промышленности позволили увеличить валовую продукцию, которая возросла с 372 млн юаней в 1990 г. до 497 млн юаней в 1992 г. Однако промышленное производство продолжает оставаться убыточным. В 1985 г. каждый юань инвестиций в промышленность приносил убыток в 0,45 юаня. Только после 1989 г. доход предприятий в финансовом доходе ТАР перешел от отрицательной величины к положительной. В 1992 г. в финансовом доходе отчисления от прибыли государственных предприятий района составили 3 млн 400 тыс. юаней, а дотации планируемых убытков составили 120 млн юаней, что на самом деле говорит о том, что промышленное производство продолжает оставаться убыточным. Отрицательный результат промышленных инвестиций приводит к тому, что тибетские средства различными путями безостановочно уплывают в приморские провинции. То, что средства уходят из экономически отсталых регионов в экономически развитые нерационально с макроэкономической точки зрения, но полностью соответствует рыночным экономическим законам в связи с тем, что капитал в экономически развитых районах дает большую прибыль. Автор задается вопросом: «Как сделать так, чтобы производственная структура Тибета была более рациональной и соответствовала реальному положению в области энергетических ресурсов, сырья, техники, уровню управления, природе рабочего человека, развитию рынка, по-настоящему повысить потенциал и эффективность вкладываемых в строительство средств, а не только по-простому опираться на политический уклон и государственные дотации, является большой проблемой экономического развития Тибета. В противном случае, даже если и направлять средства в Тибет через плановые каналы, они все равно могут уйти в другие регионы в соответствии с экономическим законом “избегать убытков, стремиться к прибыли”».

С начала реформ в Тибете доходы населения увеличились. Годовая зарплата рабочих и служащих государственных предприятий повысилась с 852 юаней в 1978 г. до 2739 юаней в 1988 г., ежегодные средние ассигнования на улучшение материально-бытовых условий (включая медицину, страхование труда, пенсии и т. д.) увеличились со 161 юаня в 1978 г. до 538 юаней в 1988 г. Средняя годовая зарплата рабочих и служащих в Китае в 1988 г. составляла 1810 юаней, ассигнования на улучшение – 537 юаней. В этом же году среднегодовой доход населения городов Тибета составлял 1211 юаней, в то время как по всей стране – 1192. В 1992 г. средняя зарплата рабочих и служащих в учреждениях государственной собственности в Тибете была 3495 юаней, намного превышая среднюю по стране – 2878. Несмотря на отсталость тибетской экономики и убыточность промышленного производства, доход рабочих

и служащих государственных предприятий и населения городов и сел по-прежнему выше, чем в целом по стране.

В 1985 г. среднегодовой чистый доход сельского населения ТАР составлял 353 юаня, в целом по стране – 398, в 1990 г. в Тибете – 447, в целом по стране – 630 (чистый доход сельского населения равен совокупному годовому доходу за вычетом себестоимости производства, налогов, амортизации имущества, установленной суммы за подряд). С 1985 по 1990 г., по мере углубления реформ, скорость развития сельской экономики внутренних районов КНР еще более увеличилась по сравнению с Тибетом, соответственно увеличилась и разница в доходах. В 1992 г. чистый доход на крестьянскую семью в Тибете составил 830 юаней, в целом по стране чистый доход на душу сельского населения – 78 юаней, в начале 90-х гг. доход сельского населения в Тибете почти удвоился, этот быстрый доход бросается в глаза. Учитывая, что крестьяне и скотоводы Тибета получали широкие дотации на бесплатную медицину, бесплатное образование и другие нужды, фактический доход сельского населения мог быть даже выше приведенных цифр. Согласно данным статистического управления по расходам населения в различных регионах страны в 1989 г., средние расходы на душу сельского населения в Тибете составили 412 юаней, несельского населения – 2078. Уровень расходов несельского населения Тибета (населения городов и поселков) самый высокий по стране, второе место – Шанхай (2045), третье – Гуандун (722) (т. е. в 1992 г. доходы и расходы сельского населения в Тибете были ниже, чем в целом по стране, в то время как доходы и расходы несельского населения выше, чем в целом по стране). Это говорит о том, что разница между доходами в городе и деревне намного превысила разницу в целом по стране, по мнению автора, в исследовании экономики и общества не стоит пренебрегать этим важным фактором.

Как считает китайский исследователь, с точки зрения благосостояния и доходов населения Тибет в основном приблизился к последней фазе описанной Хетчером модели распространения: доходы населения отдаленных регионов постепенно приблизились к доходам центральных районов. Здесь есть существенное различие: идеальная реализация модели распространения заключается в том, чтобы отдаленные регионы осуществили развитие промышленности, процветали собственными силами и могли поддерживать свое социальное и экономическое развитие, тогда как уровень промышленного развития Тибета очень низок и к тому же убыточен, повышение доходов населения достигнуто за счет централизованных дотаций, а не за счет реального развития экономики.

В области торговли рост объемов сбыта потребительских товаров намного выше продаж средств производства (первые выросли в 6,2 раза, последние в 2,6), что говорит о том, что тибетская экономика постепенно превращается в потребительскую, а не производственную, рост и уровень потребления намного опережает развитие экономики и производства.

Стоимость потребительских товаров, закупленных общественными организациями (т. е. государственными предприятиями), за 14 лет увеличилась в 14,1 раз, а частниками только в 4,9 раз. Служащие государственных учреждений всего 7 % населения Тибета, однако эти структуры в 1990 г. закупили 31 % потребительских товаров, в 1992 – 29 %, в то время как в целом по

стране – 10 %. Явление «коллективных расходов» проявляется в Тибете очень ощутимо. Вследствие того, что большой процент этих потребительских товаров распределяется среди служащих учреждения, прибавим к этому, что служащие сами же покупают на рынке товары (которые входят в список покупок частными лицами, а не учреждениями), уровень расходов служащими коллективов этих структур на самом деле весьма высок.

По мере углубления реформ коллективная и частная экономика в Тибете достигла определенного развития. В 1983 г. объем розничной продажи коллективами составил 4 млн 680 тыс. юаней, частниками – 370 тыс. юаней, в 1992 – 21 млн 3340 тыс. и 437 млн 330 тыс. соответственно. Объем розничной продажи в частной торговле составил 26 %.

Очень быстро увеличился объем ввоза в Тибет товаров из внутренних регионов страны (1955 г. – 7 млн 100 тыс. юаней, 1990 г. – 701 млн 750 тыс.), в то время как вывоз товаров увеличился всего с 800 тыс. юаней в 1959 г. до 49 млн 880 тыс. в 1990 г. Ввоз в 1990 г. превысил вывоз на 651 млн 870 тыс. юаней, вывоз составил всего 6,6 % ввоза. 1991 г. стал поворотным для вывоза, увеличившегося с 49 млн 880 тыс. в 1990 г. до 139 млн 270 тыс. в 1991 г. и 149 млн 390 тыс. в 1992 г. В это же время ввоз извне сократился, импорт упал до 3 млн 800 тыс. юаней, что говорит о том, что торговля Тибета пережила важный период урегулирования.

Пищевые продукты, энергоресурсы, потребительские товары и «распределительные материальные ресурсы» являются основными видами ввоза. Скотоводческая продукция и лекарственное сырье (мускус кабарги, насекомые и травы) по-прежнему остаются основными продуктами вывоза. С 1980 г. вывоз продукции скотоводства заметно снизился. Зато хромит и дерево становятся важными видами вывоза из района.

В 1955–1983 гг. ввозимые из внутренних районов материальные ресурсы составляли 82 % стоимости продаваемых товаров в ТАР. В 1983 г. соотношение достигло 94 %. Огромный дефицит торговли Тибета с внутренними районами иногда называли «донорской экономикой», иногда говорили: «Для поддержки тибетской экономики и ее расходов покупать товары Центрального правительства деньгами Центрального правительства». Таким образом, Тибет в течение 30 лет опирается на поставляемые внутренними районами энергию, ресурсы и продукцию для того, чтобы поддерживать производство и расходы, более того, эта зависимость углубляется.

Ма Жун констатирует постепенное увеличение внешней торговли и туризма. Однако роль экспорта-импорта пока еще невелика. В 1988 г. объем внешней торговли составлял 152 млн юаней. В 1992 объем экспорта-импорта составлял 348 млн 910 тыс. юаней, в то время как объем торговли с внутренними районами составлял в 1985 г. 1 млрд 026 млн юаней. Постепенно стал развиваться туризм. Доходы от туризма увеличились с 1980 по 1992 г. с 1 млн 300 тыс. до 92 млн 560 тыс. юаней, но составили всего 5,9 % от совокупного дохода ТАР, и вряд ли станут в ближайшее время важным стержнем тибетской экономики.

Доходы и расходы правительства ТАР. Сильный контраст с медленным ростом производства показывает быстрый рост дефицита бюджета прави-

тельства ТАР. Промышленные, торговые и продовольственные отрасли Тибета убыточны на протяжении длительного времени. До 1988 г. убытки предприятий постоянно превышали совокупность налогов и местного дохода. Только к 1990 г. убытки местных предприятий и местный доход (в основном с налогов) стали приблизительно равными.

В то же время расходы правительства ТАР непрерывно росли. В 1992 г. местные доходы правительства ТАР не достигали 100 млн 100 тыс. юаней, а расходы достигли 1 млрд 660 млн юаней. К тому же основная часть этих 100 млн дохода была получена не благодаря развитию производства, а за счет льготной политики Центрального правительства. Дотации составили 1 млрд 450 тыс. юаней (93 % дохода), без которых правительство ТАР и тибетская экономика попросту не смогли бы существовать. В 1952–1959 гг. 89 % дохода тибетского правительства составляли дотации Центрального правительства, в 60-х гг. – 84,3 %, в 70-х гг. – 106,7% (превышение 100 % говорит о том, что расходы не только в сфере администрации, капитального строительства, культуры, образования и медицины обеспечивались за счет Центрального правительства, но и производственные единицы нуждались в государственной помощи), в 1980-х гг. – 104,7 %, в 1990–1992 гг. – 96,4 %.

За 1962–1992 гг. административные расходы увеличились в 13,9 раза, расходы на культуру и образование возросли в 56,8 (только на образование было потрачено 100 млн 450 тыс. юаней), а на поддержку сельского хозяйства увеличились в 66,4 раза.

Одной из причин финансового дефицита Тибета являются административные расходы. Очень быстро растет количество служащих правительственных органов, численность работников органов всенародной собственности увеличилась с 40487 человек в 1959 г. до 156 тыс. в 1992 г. Банковские документы свидетельствуют, что расходы средств в 1990 г. на «зарплату служащим всенародной собственности» составили 500 млн 280 тыс., «премии служащим всенародной собственности» – 36 млн 320 тыс., что составляет 34 % расходов правительства ТАР. Если прибавить к этому другие расходы: предоставление квартир, транспорт, расходы на посещение родных и т. д., то сумма будет еще выше.

Второй большой причиной дефицита являются производственные, строительные, транспортные, торговые, продовольственные отрасли, так как почти в каждой имеются финансовые убытки. Вследствие недостатка в Тибете энергоресурсов (нефть, уголь), промышленного сырья (металлов, хлопка, бумаги и т. д.), низкого уровня образования рабочей силы, недостатка технической подготовки, плохого управления предприятиями, высокой себестоимости перерабатывающей промышленности предприятия в течение длительного времени терпят убытки.

Как и во внутренних районах, местное правительство обеспечивает городское население необходимыми для повседневной жизни предметами необходимости по низким ценам. Однако учитывая расходы на транспорт и прочие нужды, фактическая стоимость этих предметов намного превышает их стоимость во внутренних регионах. Закупки по высокой цене сельскохозяйственной продукции в сельских районах и продажа по низкой цене в городах и поселках – это государственная политика для поддержки сельского хозяйства и

горожан. С начала реформ это стало большой проблемой китайского правительства в финансовой сфере. Эта проблема еще больше выделяется в Тибете.

После 1980 г. в ТАР осуществлялся курс «4 иероглифов: отпускать, освобождать, сокращать, сохранять», освобождающий от налогов в сельском хозяйстве и скотоводстве. Только так правительство смогло закупить в Тибете незначительное количество зерновой продукции, большая часть необходимого для городского населения зерна ввозилась из внутренних районов. В 1985 г. общий объем зерновых в Тибете превысил 1 млрд цзиней, на 2 млн населения на душу пришлось приблизительно по 500 цзиней, что в основном удовлетворило бы потребности района, однако в 1986 г. коэффициент зерновой продукции, закупленной в районе, составил всего 6,5 %. В 1987 г. продовольственные отрасли ТАР закупили внутри района всего 30 тыс. т зерна, 6,5 % общего объема зерновых в Тибете. В этом же году для нужд города было завезено 66 тыс. т. В 1990 г. внутри района было закуплено 72 тыс. т (12,9 %), вне – 229 тыс.

Кроме того, ввоз зерна требует огромных транспортных затрат. В 1983 г. убыток с каждого цзиня ввозимого зерна составлял 0,28 юаня, убыток 200 млн цзиней составляет 60 млн юаней и 50 % транспортных мощностей. Отправка зерновых продуктов в Тибет – большое бремя для тибетских финансов. Если менять зерно на соль в Непале, то цена импортного зерна составляет всего 70 % внутреннего.

Стоит обратить внимание на увеличение расходов на «другие» нужды: с 3 млн 640 тыс. юаней в 1977 г. они возросли к 1992 г. до 429 млн 240 тыс. Основная причина в росте компенсаций монастырям и пострадавшим во времена «культурной революции». Эти «другие» расходы числятся только в тибетском статистическом ежегоднике и нигде больше не встречаются (например, во Внутренней Монголии). Они составили 27,2 % всех расходов Тибета, в 1992 г. – 25,8 %, что в 5 раз превышает доход ТАР этого же года.

Монастыри, бывшие до 1952 г. самыми расходными статьями бюджета, после 1959 г. потеряли свое могущество, количество монахов заметно сократилось. Зато после 1959 г. правительственный аппарат год от года разбухал, число кадровых работников неуклонно росло. До демократических реформ число монахов составляло 114 тыс. и приблизительно 1 тыс. чиновников. В 1989 г. в Тибете было 35 тыс. монахов, в то время как количество служащих различных правительственных органов достигло 161 тыс. Зарплата и другие дотации этим работникам составляют свыше 32 % расходов. Разница состоит в том, что монастырские организации в прошлом обеспечивались в основном за счет экономики самого Тибета, в то время как сейчас государственные служащие полностью находятся на содержании Центрального правительства, не составляя в основном экономического бремени для тибетского народа.

Таким образом, согласно Ма Жуну, Центральное правительство должно: 1) оплачивать административные расходы местного тибетского правительства и его аппарата; 2) обеспечивать 161 тыс. кадровых работников, рабочих и служащих тибетского правительства (среди которых 63 % тибетцев); 3) оплачивать расходы на бесплатное образование и медицину, давать ассигнования на различные материально-бытовые нужды общества, общественные дела,

городское и сельское строительство, а также инвестиции на создание рабочих мест для молодежи; 4) давать ассигнования и материальные средства на стимуляцию развития сельского хозяйства и скотоводства; 5) поддерживать местное промышленное производство, несмотря на ее серьезную убыточность; 6) финансировать реставрацию монастырей и пособия монахам; 7) выделять средства на реабилитацию сфабрикованных в прошлом дел, на претворение политики свободы вероисповедания и т. д. для обеспечения стабильности в тибетском обществе.

Как видно из описанного, социальная и экономическая система внутренних регионов «распространилась» в Тибете, значительно вырос доход населения, согласно правительственной статистике, средний доход населения городов и поселков превысил средний уровень по стране. И поэтому Тибет должен был бы вступить в последнюю фазу «модели распространения», когда исчезают культурные различия между центром и периферией.

Но обстановка в Тибете, по мнению автора, отнюдь не так проста. Различия в культуре, особенно религиозные, по-прежнему продолжают оставаться, более того, являются важным фактором политической и общественной жизни Тибета. Попытки развития современной промышленности в Тибете в определенной степени встретили затруднения. В противоположность намеченным целям, «распространение» административной и экономической системы внутренних регионов принесло некоторые непредвиденные результаты.

Больше всего заслуживает внимания сильная зависимость тибетской экономики от центра в финансовом плане. Нельзя сказать, что особенно пугают цифры дотаций Центрального правительства, ежегодно составляющие примерно 1 млрд юаней. Но пугает количество дотаций на душу населения, которое не превышает 2 млн человек. Если посчитать дотации в 1992 г. в среднем на человека, то получится цифра в 644 юаня. Чистый доход сельского населения в стране в этом же году не достигал 630 юаней. По прошествии 30 лет административное управление, экономическая деятельность, общественное движение целиком зависят от дотаций Центрального правительства. Некоторые ученые выдвинули по отношению к модели развития Латинской Америки концепцию «зависимого развития» (Dependant Development), означающую, что развитие промышленности и экономическое процветание некоторых стран (Бразилия) в огромной степени зависят от зарубежных инвестиций. Тибетскую экономику также можно назвать «зависимым развитием» или лучше «зависимой экономикой» (Dependant Economy), поскольку в Тибете так и не появилось настоящего накопления капитала и индустриализации, а есть только уровень доходов и расходов городского населения, который повысился благодаря политике дотаций.

Новые политические и экономические отношения Тибета и других провинций Китая развиваются согласно модели «зависимой экономики».

Далее автор анализирует причины образования двух экономических ситуаций – до и после 1952 г. По мнению автора, первая экономическая ситуация характеризовалась «религиозной экономикой», в основе которой лежали теократическая и помещичье-крепостная системы.

Что касается причин образования экономической ситуации после 1952 г., то автор выделяет следующие:

1) Традиционные китайские представления о единении, с одной стороны; о центре и периферии, с другой. Первая концепция выражается в формуле «великого единения Датун» и отражает стремление к единству «книги и письма, колеса и телеги», или, как говорится, «мерить все одним аршином». Вторая концепция отражает традиционные китайские представления о срединном, развитом центре и варварской, отсталой периферии. В соответствии с этой концепцией целью развития экономики нацменьшинств является «догнать ханьцев» или, другими словами, «китаизация» экономики. По мнению Ма Жуна, это – сформированный историей, но ограниченный взгляд на развитие. Концепция «единения» и однобокая концепция «китаизации» – теоретическая основа того, что сознательно или бессознательно политическая и экономическая системы «распространяются» в районы нацменьшинств. При слабой промышленной базе, низком уровне общественных и экономических организаций, низком уровне потребления в районах нацменьшинств внедрение всей политической и экономической системы китайских районов, создание несравнимого с масштабами производства колоссального административного

и управленческого аппарата, организация по модели внутренних районов убыточных местных предприятий – местные финансы не в силах вынести бремя этих расходов, поэтому подобные меры легко приводят к «зависимой экономике».

2) Другой теоретической основой «зависимой экономики» является национальная политика «всячески помогать нацменьшинствам и т. д.». С точки зрения людских, материальных и финансовых ресурсов активная помощь нацменьшинствам имеет большое значение для поддержки национального единства и укрепления национального сплочения. Однако забота и предоставление льгот может привести к побочным эффектам, т. е. сформировать зависимость от Центрального правительства.

3) Плановая экономика – гарантия существования системы «зависимой экономики» районов нацменьшинств. Все может выполняться согласно плану. Но плановая экономика зачастую занимается производственной задачей распределения и сравнительно мало обращает внимания на экономическую выгоду.

4) Площадь нацменьшинств велика, население маленькое. В результате политики рождаемости население нацменьшинств Китая увеличилось с 6 % в 1964 г. до 8 % в 1990 г., достигнув 91 млн 200 тыс. Несмотря на огромные дотации, правительство, тем не менее, в состоянии выдержать это бремя, так как при распределении этих расходов на китайское население из-за малочисленности нацменьшинств бремя расходов не так уж велико. То, что правительство может нести бремя этих расходов, также образует объективные условия для «зависимой экономики».

5) Историческая обстановка тоже является особой причиной. Опора Тибета на Центральное правительство стало традицией со времен Цин.

Все эти факторы в совокупности сформировали «зависимую экономику».

Далее автор анализирует отношения, сложившиеся между двумя экономическими ситуациями. Он задается вопросом, почему «религиозная экономика»,

контролируемая религиозными группировками и обслуживающая религиозную деятельность, обратилась в «зависимую экономику»? Есть ли между ними связь?

При смене этих экономик был применен метод «полностью разрушить и вновь создать» (*dapo dali*). Полное разрушение и создание новой системы объективно оказалось возможным. Кроме того, были некоторые особенности. Новая система полностью отличалась от предыдущей, «великое созидание», последовавшее за «великим разрушением», внедрялось извне, что можно определить как «высадку на чужбине» (*yidi yizhi*). Так как все было внове, то, естественно, создание промышленности не могло быть жизнеспособным и неубыточным.

Смена двух различных экономик оказалась возможной при «полном разрушении и новом созидании», причем между двумя экономиками была одна общая характерная особенность. Обе экономики не имели или им не доставало стремления к развитию. Первая была озабочена религиозными нуждами, вторая – повышением жизненного уровня, укреплением центральной власти, поддержанием единства.

Далее Ма Жун сравнивает экономическую ситуацию в Тибете и Внутренней Монголии. После этого переходит к сравнению моделей «распространение – индустриализация» и «распространение – обеспечение». По его мнению, тибетский вариант следует отнести, по Хетчеру, к «модели распространения», а не к «модели внутреннего колониализма». Однако результаты «тибетской модели распространения» были отнюдь не утешительными и привели к «зависимой экономике». Несмотря на то, что уровень доходов в Тибете превысил в целом имеющиеся по стране, он полностью зависит от правительственной помощи. Поэтому Тибет отнюдь не самый лучший пример модели распространения.

Модель внутреннего колониализма подверглась критике, в то время как модель распространения – идеал для всех стран. Автор спрашивает: в чем причина неуспеха модели распространения, и что нужно делать, чтобы исправить положение? Все страны мечтают развить окраинные территории и уменьшить дотации. Это же стало причиной развития промышленности, которая, по мнению многих, является непременным условием развития. Путь этот очень нелегок. Хотя многие и считают, что в один прекрасный день отдаленные народы и их традиционное общество воспримут современную цивилизацию, ценности и поведение центра и начнут изменяться, но такое случается очень редко. Сохранение культуры и традиций – это нерациональный отклик нацменьшинств в отношении индустриализации, окраинные народы стараются сохранить свои отсталые формы жизни, более того, пытаются обособиться от быстрых изменений современного индустриального общества, так как считают традиционный образ жизни очень уютным. Это свидетельствует о том, что культурные различия и консервативное сознание препятствуют экономическому единению.

В условиях политического единства люди пытаются объяснить, почему окраинные территории многих государств всеми силами пытаются сохранить свою традиционную культуру, медленно развиваются экономически и отнюдь не собираются сливаться с титульной нацией? Одни считают, что культурный фактор препятствует экономическому единению, другие полагают, что замед-

ленное экономическое единение препятствует культурному единению. Почему в современном мире по-прежнему может сохраняться традиционализм? Самое простое и частое объяснение – окраины еще не слились окончательно с экономикой центра.

На тибетском примере видно, что Центральное правительство приложило огромные усилия для развития экономики. Но при больших различиях в культуре, нельзя сказать, что в двух факторах – экономическом и культурном – экономический фактор всемогущ. В развитии экономики окраин капитал и материальные ресурсы также не всемогущи. За 30 лет Центральное правительство так и не смогло добиться исполнения модели «распространение – индустриализация», более похоже на то, что оно смогло только добиться модели «распространение – снабжение». В заключение, автор приходит к выводу, что Тибет является классическим примером в Китае, когда модель «распространение – индустриализация» обернулась моделью «распространение – снабжение», в результате чего превратилась в «зависимую экономику» [по: Ma Rong, 1997, с. 13–61].

Анализ Ма Жуна тибетской экономики в первое десятилетие реформ показывает, что политика Ху Яобана в области экономики принесла ощутимое повышение жизненного уровня тибетцев. Однако из работы видно, что широко разрекламированные на весь мир успехи в экономике сильно преувеличены. Превращение «религиозной экономики» Тибета в полностью «зависимую» от центральных дотаций вряд ли можно назвать «великим созиданием».

Исследователь Д. А. Жоголев в 1994 г. писал: «Заявления в китайской печати последних лет показывают, что сегодня основная ставка делается на развитие востока и центра страны, а широкомасштабное освоение национальных районов запада развернется не ранее начала следующего столетия. Если на этот достаточно абстрактный промежуток времени отношение руководства КНР к экономической политике не изменится, то вполне возможно, что компенсирующий вектор экстенсивного хозяйственного роста на западе ослабнет, негативные моменты в экономике обострятся, и экономический фактор будет играть дестабилизирующую роль в национальной ситуации современного Китая» [1994, с. 174–175].

С этим выводом трудно не согласиться. Стратегия широкомасштабного развития западных регионов Китая была одобрена Центральным правительством в 2000 г. Ее результатом стал стремительный рост ВВП ТАР, превысивший общенациональный. Однако этот рост был целиком обусловлен огромными инвестициями и субсидиями. Капитальное строительство финансируемых Центральным правительством объектов привело к невиданному масштабу урбанизации. Предполагалось, что выгоду от строительства объектов получают в первую очередь тибетцы. Но этот быстрорастущий сектор экономики требовал высокого уровня образования и квалифицированного рабочего труда, чего не доставало городским тибетцам и сельским тибетским мигрантам, более 40 % которых были неграмотными в 2002 г. [Fischer, 2005, с. 154]. Возможность устройства на работу, где требуется неквалифицированный рабочий труд, очень ограничена в тибетских городах, в которых производственная деятельность занимает минимальное место в экономике. Там же, где не квали-

фицированный рабочий труд в быстрорастущей экономике тибетских городов мог бы потребоваться, тибетцы сталкиваются с конкуренцией со стороны китайских и мусульманских мигрантов. Незнание китайского языка усугубляет проблемы трудоустройства. В результате Тибет продолжает оставаться регионом с самым высоким уровнем бедности среди сельского населения и городских мигрантов, самой высокой степенью неравенства в доходах городского и сельского населения. Фактически получается, что тибетцы оказываются вне рамок стремительно растущего государственного сектора экономики Тибета, который существует как бы сам по себе. Он не затрагивает сельское население, составляющее более 80 % тибетцев, 15 % образованных тибетцев заполняют административные и профессиональные ниши правительственного сектора и получают самую высокую по стране заработную плату. Как справедливо пишет А. М. Фишер, «самой гнетущей экономической проблемой, стоящей перед тибетскими регионами западного Китая, является маргинализация большинства тибетцев от проводимого государством быстрого развития. Пространственное измерение – разделение город – село – играет важную роль в этой поляризованной динамике» [Fischer, 2005, с. XI]. Оказываясь вне растущего государственного сектора экономики, и городские, и сельские жители Тибета получают солидную помощь государства в виде субсидий. Таким образом, зависимость экономики от центральных субсидий и инвестиций все больше углубляется и становится негативным фактором современной ситуации в Тибете.

3. Религиозная ситуация

1. Официальная статистика

Центральное правительство КНР в 1980 г. приступило к осуществлению широкомасштабных реформ в Тибетском автономном районе и поставило двуединую задачу: экономическое развитие и стабильность. Решение проблемы религии в Тибете можно отнести ко второй составляющей этой задачи, наиболее болезненной и трудноразрешимой в условиях Тибета. По утверждению официального Пекина, в КНР осуществлено конституционное право свободы вероисповедания. Согласно «Белой книге китайского правительства» (февраль 1998), в Тибетском автономном районе действовали 1787 мест отправления религиозного культа и насчитывалось 46380 буддийских монахов и монахинь [White Papers, т. 2, с. 299]. Тибетский автономный район и каждый из его семи уездных городов имеют свою собственную буддийскую ассоциацию, Буддийская ассоциация ТАР имеет свой журнал и типографию для издания буддийских текстов.

С начала 1980-х гг. государство направило средства в сумме более 300 млн юаней на реставрацию и поддержание деятельности монастырей. Государство финансировало реставрацию крупнейших и наиболее знаменитых монастырей Тибета: Чжокхан, Палкор, Целаюндрун, Миндол, Самъе, Ташилунпо, Дрепун, Сэра и Гандэн (Гэлук), Чжампалин в Чамдо, Рэдрэн, Сакья, Цурпу и Кармаданса (Карма Кагью), Дригунтил (Дригун), Меру и Рала Юндрунлин (Бон), Шалу (Шалу). Центральное правительство КНР также выделило более 55 млн юаней на обновление Поталы и ее полов площадью 33900 кв. м. Другой специальный фонд в 6,7 млн юаней, также включивший 111 кг золота,

более 2 тыс. кг серебра и большое количество драгоценностей, был создан на реставрацию ступ и залов захоронения Панчен-лам (с V по IX). Дополнительно затрачено 66,2 млн. юаней и 650 кг золота на сооружение ступы и зала Панчен-ламы X. В 1994 г. дополнительный фонд в 20 млн. юаней был выделен на обновление монастыря Гандэн. Большое внимание государственные органы уделяли сбору, изданию и изучению религиозных книг. В 1990 г., например, изданы – Буддийский тибетский канон Данчжур, Тибето-китайский каталог тибетской Трипитаки, Комментарий на *Tshad-ma-sde-bdun*, Пять трактатов Семейства Сострадания, Аннотации к *Pramanavarttika Karika* и сборники дхарани. Напечатано более 1490 копий Данчжура и огромное количество текстов буддийских практик, биографий знаменитых монахов и трактатов по тибетскому буддизму. Эти книги предназначены для нужд монастырей, монахов и верующих мирян. Всего 3270 монахов в тибетских монастырях изучают буддийскую классику; в последние несколько лет более 50 тулку, геше и членов демократических комитетов монастырей прошли продвинутый курс в Высшей буддийской академии, а половина из них окончила этот же институт. В 1992 г. Отдел по делам религии Госсовета КНР утвердил перерождение 17-го Кармапы, в 1995 г. – перерождение Панчен-ламы X [White Papers, т. 2, с. 299–302].

В 1981 г. в рамках Тибетской академии общественных наук образован Тибетский институт религий, в 1984 г. – факультет буддологии и кафедра религии при Тибетском университете. В 1983 г. под эгидой Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации учрежден Тибетский институт буддизма. В 1987 г. Панчен-лама основал в Пекине Высшую буддийскую академию для тулку. Тибетские монахи обучаются также в Институте религий при Китайской академии общественных наук и Институте Южной Азии при Пекинском университете. В 1981 г. после 15-летнего перерыва вновь открылось тибетское отделение Китайской буддийской ассоциации. Религиозными образовательными структурами среди них являются Тибетский институт буддизма и Высшая буддийская академия Китая.

Тибетский институт буддизма является самым крупным среди 39 высших религиозных школ КНР. Срок обучения в нем составляет 10 лет. В курс обучения входят традиционные дисциплины тибетского монастырского образования, включающие изучение буддийского канона по «пяти большим и пяти малым наукам» (70 % занятий), а также культуры Тибета (20 %), политические занятия (10 %), китайский и английский языки. На так называемых политзанятиях изучают политику, современное положение и законодательство. Изучение марксизма-ленинизма в программу не входит. Директор института, геше Боми Гьялва Лочжу – родом из Чамдо, был с 8 лет отдан в монахи, в 17 лет поступил на учебу в монастырь Гандэн и в 42 года защитил степень геше. В интервью корреспонденту журнала «Китайский Тибет» он рассказывал, что поначалу испытывал беспокойство, достаточно ли будет десяти лет на овладение знаниями, требуемыми для защиты звания геше. Теперь же он не сомневается в том, что с улучшением условий обучения и внедрением научных методов преподавания, «овладеть пятью науками за десять лет вполне возможно» [Bomi Qiangba Lozhu, 1989]. По его словам, в институте в 1989 г. обучалось около 200 студентов, насчитывалось 27 работников, из которых 15 –

преподаватели. Ежегодные расходы этого учебного заведения составляют около 400 тыс. юаней, причем вся эта сумма покрывается за счет средств государственного бюджета. Студенты носят монашеское одеяние, участвуют в религиозных церемониях, им запрещено жениться, пить и курить. Помимо института в крупных монастырях также имеются группы ученых монахов, которые составляют около 15 % всех тибетских монахов, причем лишь 5 % из них могут претендовать на звание геше. Всего в Тибетском автономном районе можно, по словам геше, насчитать приблизительно 500 человек, действительно и всецело посвятивших себя изучению буддизма.

Открытая Панчен-ламой в 1987 г. Высшая буддийская академия Китая предназначена для обучения тибетских тулку. С начала ее открытия срок обучения составлял 1 год, который с 1990 г. продлили до 2 лет. Студенты обучаются традиционным буддийским дисциплинам, а также методам, бытующим в их собственной школе, по окончании же обучения они возвращаются в свои монастыри. За период с 1987 по 1992 г. академию окончило 170 человек [Jing Wei, 1992].

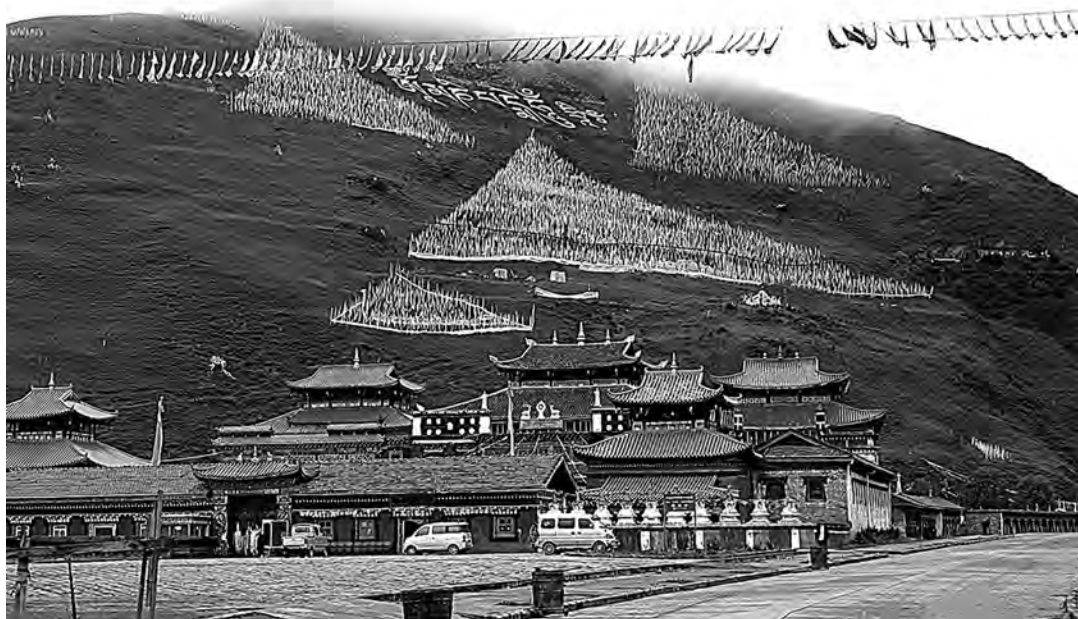
2. Возрождение монастырской системы Тибета

Партийные и правительственные документы, равно как и многочисленные работы по идеологии, в основном говорят об успехах национальной политики в Тибете, все проблемы, как правило, сводя к деятельности Далай-ламы. Источники такого рода обычно указывают на положительные факты в динамике религиозной жизни в Тибете, говорят о реставрации монастырей и возрождении религиозной деятельности, но не раскрывают, в чем собственно заключается это возрождение и в каком положении находятся рядовые монастыри современного Тибета.

Очевидно, что в намерения правительства отнюдь не входит восстановление религиозной жизни до того уровня, который существовал в Тибете до 1959 г. «Белая книга китайского правительства» констатирует, что свобода вероисповедания является одним из основных прав граждан. Статья 36 Конституции КНР гласит: «Государственные органы, общественные организации и частные лица не могут принуждать граждан верить или не верить в религию; не могут дискриминировать граждан, верующих или не верующих в какую-либо религию». И далее: «Государство защищает обычную религиозную деятельность... Никто не может использовать религию для проведения деятельности, нарушающей общественный порядок, наносящей вред здоровью граждан или влияющей на государственную систему образования... Религиозные организации и религиозная деятельность не должны находиться под воздействием иностранного влияния» [White Papers, т. 2, с. 244]. Таким образом гарантируемая Конституцией свобода вероисповедания ограничивается, строго говоря, рамками индивидуальной практики.

Тем не менее возрождение религии в Тибете приняло невиданный размах и стало выходить из-под контроля государства. Десятилетия подавления религии не смогли уничтожить веру тибетцев. Сдерживаемая годами религиозная активность выплеснулась наружу при первой же возможности. Тибетцы целиком отделились восстановлению своих монастырей и поддержанию религиозной

деятельности. Согласно китайскому исследователю Ма Жуну, в 1988 г. пожертвования в среднем на одного монаха в монастырях Лхасы составили приблизительно 1000–1300 юаней, что напрямую связывалось с увеличением в три раза доходов сельского населения Тибета [Ma Rong, 1997, с. 32]. Восстановленные монастыри стали центром тибетского культурного и политического возрождения. Поскольку буддизм был символом национальной идентичности тибетцев, то наряду с его возрождением стал наблюдаться и рост тибетского национализма.

Монастырь Лхаган в селе Тагун, автономный округ Ганьцзы, Сычуань

В целях ограничения распространения религиозной идеологии Госсовет КНР в январе 1994 г. принял постановление о мерах по управлению местами отправления религиозного культа. В статье 4-й постановления указывается, что запрещается использование мест отправления религиозного культа для осуществления действий, наносящих вред национальному единству, сплочению и стабильности общества. Нарушение статей постановления влечет за собой ответственность согласно законодательству¹⁰.

¹⁰ Zongjiao huodongchang guanli tiaolie (Меры по управлению местами отправления религиозного культа) / Zhonghua renmin gongheguo guojia minzu shiwu weiyuanhui (Государственный комитет по делам национальностей) // <http://www.seac.gov.cn>.

Между тем возрождение религии, ставшее возможным после III пленума ЦК КПК 11-го созыва, включало не только возобновление индивидуальной практики, но и восстановление нормальной деятельности монастырей. Правительство, памятуя о роли монастырей в антикитайском движении, сознавало, что возрождение монастырской системы чревато проблемами национального сепаратизма и религиозного экстремизма, и поэтому пыталось с помощью законодательства и административных мер ограничить возрождение монастырской системы и осуществлять максимальный ее контроль. Монастыри, лишившиеся после 1959 г. политической и экономической основы своего существования, должны были, согласно Конституции 1982 г. и постановлению о мерах по управлению местами отправления религиозного культа от 1994 г., воздерживаться от любой благоприятствующей сепаратизму деятельности, не иметь никаких связей с зарубежными монастырями (т. к. последнее может быть интерпретировано как «иностранный влияние»), не быть эксплуататорскими, не вмешиваться в систему образования и т. д. В системе монастырского управления стала использоваться система демократического самоуправления, а в хозяйственной жизни монастыря – система хозрасчета и самообеспечения (*yisi yangsi*).

3. Экономическое положение тибетских монастырей

Современное экономическое положение тибетских монастырей – тема, практически не изученная не только в российской, но и в китайской тибетологии. В связи с этим мне хотелось бы представить вниманию одну из немногих работ по этой теме, подготовленную исследователем из Пекинского университета Га Дава Цыреном, «Предварительное исследование экономической ситуации в тибетских монастырях» [Ga Dawa Cairgen, 1997, с. 345–352]. Со времени выхода статьи прошел уже немалый срок, а последние данные, приводимые в статье, относятся к 1992 г. За это время экономическое положение тибетских монастырей улучшилось, однако основная тенденция, описанная автором, продолжает оставаться такой же, а потому эта работа тибетского специалиста остается актуальной и сегодня.

Га Дава Цырен отмечает, что количество исследований по тибетской экономике невелико, по экономике монастырей еще меньше. Автор не ставит своей задачей исследовать «белые пятна», а намерен сделать лишь почин в изучении современной экономики монастырей. Говоря о монастырской экономике, люди вспоминают старый Тибет до 1951 г., когда монастыри являлись одним из трех главных собственников, играли важную роль в политике, обладали значительной экономической мощью и оказывали влияние на различные сферы жизни: сельское хозяйство, скотоводство, торговлю, кредитно-финансовую сферу и др. К началу 50-х гг. XX в. Тибет имел приблизительно 3 млн 300 тыс. кхэ обрабатываемых земель (около 220 тыс. га; 1 кхэ приблизительно равен площади земли для 25 цзиней (12,5 кг) зерна; т. е. приблизительно 1 му или 1/15 га), среди них местному правительству принадлежало более 1 млн 200 тыс. кхэ (38,9 %), аристократии – 790 тыс. (24 %), монастырям – более 1 млн 210 тыс. кхэ (36,8 %). Монастыри обладали самым большим количеством пастбищ в Тибете, им принадлежало 40–50 % всех угодий,

пригодных для выгона скота. Только три крупнейших монастыря Лхасы имели 261 пастбище и более 10 тыс. голов скота. Самым крупным и активным кредитором в Тибете были монастыри. К началу 1950-х гг. долговые обязательства монастырям составляли 80 % всего внутреннего долга Тибета. Отсюда видно, что в прошлом монастырям принадлежало значительное количество земель, поместий, выгонов и пастбищ, они также имели много крепостных и ремесленников, занимались торговлей, давали ссуды под проценты, монополизировали многие отрасли финансовой и торговой сфер, налагали исполнение повинности ула и многочисленные обременительные поборы. Экономика монастырей представляла в миниатюре всю экономику Тибета и серьезно влияла на путь развития тибетского общества и государства.

Далее тибетский автор указывает, что после 1959 г. в результате проведения реформ были аннулированы феодальные привилегии монастырей и исполнение повинности ула, а также ссуды под проценты и личное рабство. С этого времени монастыри утратили свое лидирующее положение в экономике и традиционные права в тибетском обществе. Каким же образом в новых социалистических условиях существуют и развиваются монастыри, не имея поместий, земель и крепостных? В начале 80-х гг., пишет Га Дава Цырен, монастырям была поставлена задача осуществлять патриотическое воспитание, налаживать обычную религиозную деятельность и реализовывать принцип хозрасчета и самообеспечения (*yi si yang si*) в соответствии с конкретными условиями монастыря (*yin si yin di zhiyi*). Как подчеркивает Га Дава Цырен, статья 11-я «Временных мер по управлению религиозной деятельностью в ТАР» определяет, что места религиозной деятельности должны, исходя из конкретной ситуации в каждом монастыре, по возможности заниматься сельскохозяйственным и скотоводческим подсобным хозяйством, торговлей и производственной деятельностью, тем самым увеличивая доходы, улучшая жизнь и постепенно переходя к самообеспечению. Правительствам разных уровней, по мнению автора статьи, необходимо предоставлять льготы и помогать тем монастырям, которые стремятся перейти на такую систему.

За последние годы монастыри при поддержке государства приложили немало усилий для реализации принципа самообеспечения. Но тех, кому это действительно удалось сделать, оказалось, как указывает Га Дава Цырен, крайне мало, и все они могут быть разделены на три категории в соответствии со своим экономическим положением.

Первая группа включает монастыри, расположенные в отдаленных местах с плохим транспортным сообщением. Они не пользуются большим авторитетом в тибетском обществе. Примером может служить женский монастырь Юнсэ нигумяо, расположенный на склоне горы недалеко от городка Цюйшуйсянь. По словам управляющей, годовой доход монастыря составляет всего около одной тысячи юаней, причем эта сумма собирается исключительно за счет пожертвований. Весь доход идет на ремонт монастырских построек и поддержание повседневной обрядовой деятельности. В связи с этим жизнь монахинь целиком зависит от поддержки родных и близких. В подобных монастырях, отмечает Га Дава Цырен, невозможно говорить ни о какой системе хозрасчета и самообеспечения.

Вторая группа – это известные монастыри, в которых заметного улучшения жизни монахов также не произошло из-за отсутствия эффективной экономической деятельности. Монастыри этой группы ранее имели очень высокую репутацию в тибетском обществе и собирали значительные пожертвования. Например, кагьюпинский монастырь Цурпу и монастырь Дригун одноименной школы и сегодня пользуются высоким авторитетом не только в своей школе, но и во всем Тибете. Все паломники, направляющиеся в Лхасу, обязательно посещают эти знаменитые монастыри. К этому следует прибавить неплохую прибыль от иностранных туристов. Многие монастыри этой группы расположены в Лхасе, что обеспечивает дополнительные удобства для сбора их монахами подаяния от последователей буддийского учения. Соответственно, включает Га Дава Цырен, жизнь монахов этих монастырей относительно благополучна, но сам монастырь, связанный представлениями традиционной идеологии, не может полностью использовать выгодное географическое положение, а потому суммарные доходы монастыря отнюдь не велики. Монастыри этой группы можно считать лишь частично реализовавшими принцип самообеспечения.

Третья группа включает монастыри, которые в основном осуществили самообеспечение, увеличив доходы монастыря и улучшив жизнь монахов. К этой группе относятся те общины, которые сумели развернуть многоотраслевую хозяйственную деятельность. Примерами служат монастырские комплексы Дрепун, Сэра, Ташилунпо и некоторые другие. Как указывает Га Дава Цырен, доход монастыря Сэра в 1992 г. составлял около 860 тыс. юаней (приблизительно 107500 долларов), среди них пожертвования – около 400 тыс. юаней; доход от печатни – 80 тыс., от предоставления транспортных услуг – 54445, от скотоводства – 9911, от продажи билетов и фотоуслуг – 54445, от швейной мастерской – 6 тыс., другие источники дохода – 457002 юаней. Эти средства распределяются между членами общины по их труду, например, обучающиеся монахи получают по 700–1400 юаней; доход монахов, выполняющих различные работы, – от 3246 до 3520 юаней; доход членов административного управления монастыря – 1800 юаней¹¹.

Таким образом, основным источником доходов тибетских монастырей являются, как правило, пожертвования. Это видно и из данных отдела по делам религии города Лхаса за 1981 г., которые приводит тибетский автор, анализируя количество паломников и суммы пожертвований в трех главных монастырях столицы Тибетского автономного района за январь–июль 1981 г. (табл. 1).

¹¹ Согласно исследованиям американского антрополога М. Голдстейна, в монастыре Дрепун в 1992 г. доходы от хозяйственной деятельности (скотоводства, магазина, ресторана, строительных подрядов, входной платы и т. д.) составили 402 тыс. юаней, от пожертвований и занятий, проводимых ламой Ген Ламримом, – 425 тыс. В среднем на одного монаха получилось по 150 юаней, что представляет собой сравнительно неплохой доход для ТАР [Goldsten, 1998, с. 35–39]. Но следует учитывать, что такой доход имеют монахи, приписанные к наиболее известным и влиятельным монастырям. Ситуация с бедными монастырями, как думается, складывается совершенно иным образом.

Таблица 1

Название монастыря	Кол-во паломников, тыс. чел.	Пожертвования (юани)	Цзамба (цзини, 0,5 кг)	Рис (цзини)	Масло (цзини)	Пожертвования (цзини)	
						коллективные	индивидуальные
Сэра	199181	31000	644,6	2446	4359	15000	500
Дрепун	121431	23862,21	5825	–	4979	7821	788,3
Чжокхан	782737	109017,87	180	270	22821	–	–
Итого	1103349	163880,08	6649,6	2716	32159	22821	1288,3

По статистике, ежегодный доход монастыря Сэра составляет 860 тыс. юаней, из них 400 тыс. юаней, или около 46 %, – это доход от пожертвований. Очевидно, что пожертвования – главный источник доходов этого монастыря.

Важное значение занимают и доходы от туризма. В монастыре Сэра, например, в 1992 г. доход только от продажи билетов и фотографирования составил 54445 юаней. Фотография для иностранных туристов стоит 50 юаней, для жителей Китая – 25, видео для иностранных туристов – 100, а для граждан КНР – 50. Ситуация в Чжокхане примерно такая же.

Показательна и ситуация с землями и производственными ресурсами в монастыре Сэра. В 1980 г. площадь его земель составляло 20 кхэ, монастырю принадлежали 600 фруктовых деревьев, 200 горных овец, 180 яков, 48 *пяньню* (помесь быка с яком, используется как тягловая сила), 12 молочных коров, 7 мулов, 180 свиней, 60 кур, одна теплица и три машины. При монастыре действовала швейная бригада и бригада по переработке шерсти, в нем имелись комнаты культуры и медицинского обслуживания.

Совокупный доход монастыря Сэра в 1980 г. составил 72379,98 юаней, расходы – 14018,57, накопления – 7600, а прибыль – 1137 юаней. Основные статьи доходов в этом монастыре: от водяной мельницы – 997,32 юаней, от скотоводства – 1991,99, от фруктового сада – 14472,36, от швейной мастерской – 1734,50, от транспортных услуг – 5092, от продажи глиняных изделий – 8360, прочие поступления – 137614,31 юаней. В 1984 г. совокупный годовой доход того же монастыря составлял уже 270993,47 юаня, из них доход от транспортных услуг – 41208, от фруктового сада – 14162,08, от строительства – 63081, от продажи глиняных изделий – 1335, от швейной мастерской – 8360 юаней. Таким образом, по сравнению с 1980 г. общая сумма доходов увеличилась на 198460 юаней. В 1984 г. расходы составили 37285 юаней, накопление – 28500, и полученная прибыль поступила в размере 94026 юаней.

В 1992 г. суммарный доход монастыря Сэра достиг уже почти 860 тыс. юаней, среди них пожертвования составили приблизительно 400 тыс. юаней, доход от типографии – примерно 80 тыс. юаней, транспортный – 52211,8, от фруктового сада – 121188, от магазина – 25 тыс., от столовой – 34 тыс., от скотоводства – 9911, от продажи билетов и фотографирования – 54445, от швейной мастерской – 6 тыс., прочие статьи дохода – 457002 юаней. Расходы в 1992 г. равнялись 227768,60 юаням, накопления – 35 тыс. юаней, а общая прибыль составила 8370 юаней.

Далее Га Дава Цырен высказывает несколько своих суждений по поводу возможностей активизации экономической деятельности монастырей в Тибете.

Во-первых, поскольку некоторые монастыри все еще остаются бедными, а жизнь их монахов трудной, постольку они требуют поддержки со стороны государства или местных властей. Эти монастыри должны активно развивать свою хозяйственную деятельность, чтобы перейти к принципу самообеспечения и поддерживать нормальную религиозную жизнь. Сравнительно благополучные монастыри на основе уже имеющихся базы должны увеличивать свои доходы, расширяя способы и направления хозяйствования.

Во-вторых, как полагает Га Дава Цырен, буддийские монастыри не в полной мере используют свои преимущества выгодных центров турбизнеса. Туристическая деятельность играет важную роль в экономике Тибета. Монастыри, являясь центрами тибетской традиционной религиозной культуры, тем самым превратились и в важные туристические объекты. Помимо продажи входных билетов и платы за фотографирование, по мнению автора статьи, монастырям стоило бы предложить туристам и другие услуги.

В-третьих, автор статьи считает, часть монастырей, уже перешедших на полный хозрасчет и самообеспечение, может объединиться и заняться общественно полезной деятельностью – созданием благотворительных заведений или образовательных фондов.

4. Буддийское образование

Наряду с экономическим выживанием перед администрацией монастырей остро встала и проблема религиозного образования. После 1959 г. в Индию и другие страны с потоком беженцев эмигрировало и около 5–6 тыс. монахов [Grunfeld, 1987, с. 187]. В их числе были многие высокопоставленные ламы, тулку и высокообразованные монахи, составлявшие цвет тибетской учености. Благодаря им в Тибете долгое время сохранялась система традиционного монастырского образования, которая, кстати сказать, по тем же причинам сейчас успешно развивается за пределами Тибета. Из оставшихся монахов те представители из высших слоев, которые участвовали в антикитайском восстании, были репрессированы, а другие ушли из монастырей. Все это привело к тому, что к 1976 г. в Тибете осталось всего 8 монастырей и 800 монахов. Поэтому перед монастырским руководством очень серьезно встал вопрос сохранения традиционной системы образования. В старом тибетском обществе монахи составляли 10–15 % населения Тибета. Согласно М. Голдстейну, в Дрепуне, самом большом монастыре Тибета, всего 10 % из 10 тыс. монахов обучались по полной теологической программе, включавшей 15 предметов и требовавшей около 20 лет на ее овладение и защиту докторской степени геше [Goldstein, 1988, с. 21]. Подавляющее же большинство простых монахов знали не более нескольких буддийских книг или вообще были безграмотными. В новых условиях монастыри решили сделать упор на качество, однако при ограничениях в финансах осуществить это было очень трудно. В 1993 г. из 437 монахов Дрепуна 137 обучались по полной программе. Ученые монахи не принимали участия в хозяйственной деятельности и поэтому не имели дохода. Монастырь должен был обеспечить их стипендией, которая позволила бы им заниматься полный день. В результате было решено платить ученым монахам по 4,75 юаня за день посещения роцци диспутов, что приблизительно

равнялось 91–104 юаням в месяц. В конце 50-х гг. всего 2–3 монаха в год получали степень геше, и эта ситуация признавалась руководством монастыря крайне неудовлетворительной. За весь социалистический период Дрепун не выпустил ни одного геше. Имеющиеся же 10–15 предполагаемых кандидатов еще не скоро завершат свое образование. Поскольку политический конфликт не позволяет устанавливать контакты с тибетскими монастырями в Индии, старые монахи боятся, что новое поколение тибетских священнослужителей в скором времени, когда уйдет старшее поколение, не будет готово взять в свои руки систему традиционного образования.

Мне удалось найти только два сообщения в китайской прессе о защите степени геше в современный период¹². Оба касаются Еше Ванчу, 1928 г. рождения, уроженца тибетского автономного уезда провинции Юньнань. С 8 лет он был отдан в монахи, с 15 лет обучался в Лхасе в монастыре Сэра. После 1959 г. ушел из монахов. С 1977 г. работал в Комитете по охране памятников культуры ТАР, был членом правления Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации. В 1986 г. во время возобновленного после 30 лет запрета религиозного праздника Монлам получил степень геше-лхарамбы. Сейчас Еше Ванчу является редактором журнала «Тибетский буддизм». Скучные сообщения о восстановлении традиционной системы монастырского образования позволяют судить о больших трудностях в этой сфере. Некоторые представители старшего поколения ученых монахов, вынужденные после 1959 г. покинуть свои монастыри и испытавшие все перипетии «культурной революции», в настоящее время возвратились в монастыри и воспитывают новое поколение монахов-бхикшу. Некоторые остались в «миру» и составляют ядро тибетской интеллигенции, работая в сфере науки и образования, пытаясь сохранить и восстановить культуру своего народа. Примечательно, что государственные структуры КНР стараются поддерживать представителей этой группы тибетской интеллигенции. Почти каждый из оставшихся в Тибете людей старшего поколения, кто имел определенный статус при правительстве Далай-ламы, принадлежал к аристократическому роду или был чиновником-монахом, сейчас занимает почетные, хотя, как правило, номинальные должности в государственных структурах или в буддийских организациях, получая солидную материальную помощь от государства. Их относят к так называемой тибетской патриотической интеллигенции старшего поколения. Среднее поколение тибетцев не смогло получить традиционного образования, а молодое вообще не подготовлено к этому. Правительство КНР не разрешает монастырям поддерживать отношения с созданными тибетской диаспорой монастырями в Индии, поэтому, как представляется, опасения старых монахов из монастыря Дрепун вполне могут сбыться. В конце 80-х гг. эта ситуация еще более усугубилась. В прошедших в то время антикитайских волнениях участвовали самые перспективные и одаренные из молодых монахов, многие из которых реально претендовали на получение ученых степеней. Из-за участия же в политических беспорядках одни из них подверглись наказанию, а другие покинули страну.

¹² Lamaism Flourishing in Tibet // Beijing Review. Vol. 30. 1987. С. 25; Zhongguo Xizang (Китайский Тибет). 1991, осенний вып., с. 43.

Проблемы политического инакомыслия, роста национализма и сепаратизма в Тибете также самым тесным образом связаны с религиозной ситуацией. «В последние 40 лет, – пишет известный тибетский ученый С. Кармай, – тибетский буддизм, который раньше был в противоречии с глубоким чувством национальности, сейчас идет по другому пути. С Далай-ламой как своим представителем и политикой ненасилия тибетский буддизм стал символом тибетской национальной идентичности» [Кармай, 1994, с. 114]. В связи с этим уже не вызывает удивления, что в политических беспорядках в Тибете последних лет, согласно официальной статистике, были замешаны монахи 20 монастырей [Xizang zongjiao, 1996, с. 173].

5. Проблема стабильности

Проблема религии продолжает оставаться, таким образом, наиболее болезненным и трудноразрешимым фактором современной жизни тибетского общества, несмотря на заявления официального Пекина о восстановлении и процветании религии в КНР. Правительство КНР проводит в отношении религии двойственную политику. С одной стороны, оно вкладывает большие финансовые средства в восстановление внешних атрибутов буддийской религии. Тем самым оно поддерживает имидж государства, в котором реализуются основные демократические права граждан. С другой – Центральное правительство всеми силами пытается ограничить восстановление традиционной религиозной жизни в Тибете. «Белая книга китайского правительства» утверждает: «Государственные структуры всех уровней относятся ко всем религиям и сектам, ко всем жителям Тибета одинаково и без дискриминации, вне зависимости от того, верующие они или нет. Они уважают и защищают любую религиозную деятельность в соответствии с законом. Верующие и неверующие, равно как и различные секты тибетского буддизма, гармонично сосуществуют, взаимно уважают друг друга. Внутренние дела храмов и монастырей самостоятельно управляются своей администрацией...» [White Papers, т. 2, с. 301–302]. В то же время ограничения на размеры монастырей и количество монахов, запрет на создание новых религиозных организаций, запрет на монашескую жизнь до достижения 18-летнего возраста, ограничение религиозной деятельности представителей народной религии (например, шаманов), критика некоторых традиционных для Тибета религиозных обрядов (например, гаданий), запрет на фотографии Далай-ламы и многие другие меры, которые последовательно проводит в жизнь правительство КНР, противоречат таким обнадеживающим заявлениям.

Показательно и то, что по мере осуществления экономических реформ Центральное правительство все больше ужесточает контроль над деятельностью религиозных объединений. Особенно рьяно действуют в этой сфере партийные органы местного уровня. Вслед за проведением третьего форума ЦК по работе в Тибете отдел пропаганды тибетского парткома ТАР выпустил статью, в которой интерпретировались положения работы форума. В отношении религии она явно навязывала следующие установки:

- 1) Слишком много монастырей и мест религиозной деятельности открыто без разрешения государственных или местных административных структур. В некоторых регионах тратят огромные человеческие, материальные и финансо-

вые ресурсы для строительства монастырей. 2) Чрезмерно тяжелое бремя по поддержанию религиозной жизни лежит на верующих, что даже наносит вред их здоровью и хозяйственной жизни в Тибете. 3) Продолжается вмешательство религии в политическую и государственную сферу, в судопроизводство, в систему брака и семьи, в семейное планирование, производство и общественную жизнь, причем некоторые из таких инцидентов носят весьма серьезный характер. Более того, иногда места религиозной деятельности даже превращаются в бастион кучки недобросовестных людей, организуемых беспорядки. 4) Продолжается практика приема в некоторые монастыри молодежи

до

18 лет без соответствующего разрешения, что противоречит государственным нормативным актам. 5) Некоторые партийные кадровые работники продолжают активно участвовать в религиозной деятельности. 6) Государственные и местные администрации проявляют недостаточные усилия для усиления влияния на буддийских монахов и монахинь. 7) Продолжается интенсификация деятельности враждебных сил за пределами Китая, в особенности клики Далая, стремящейся проникнуть в храмы нашего региона в тщетной попытке достичь цели – «наш контроль над одним монастырем – это то же, что контроль КПК над одним регионом».

Документ также предупреждает: «Мы настойчиво подчеркиваем: политика свободы вероисповедания не относится к членам партии. Коммунисты – это атеисты, и вне зависимости от их этнической принадлежности они должны придерживаться материализма и атеизма, а не верить в религию»¹³.

В 1995 г. в газете «Сицзан жибао» в день тибетского восстания появляется знаковая статья Сюань Вэня, тон которой становится еще более жестким. «Мы должны трезво понимать, что наша борьба с кликой Далая – это не борьба за религиозную веру или автономию Тибета, а борьба между нами и нашими врагами в целях защиты единства родины и противостояния сепаратизму», – пишет автор. Объясняя политику партии по отношению к религии, он подчеркивает:

На сегодняшний день нашей новой наиболее актуальной проблемой является то, что увеличение количества монастырей, монахов и монахинь вышло из-под контроля. Статистика 1993 г. показывает, что в районе сейчас 1643 монастыря, а это превышает общее количество городов и поселков; 40670 лам и монахинь, а это составляет 1,77 % населения района и превышает количество школьников средних школ. Нечего и говорить, что столь большое количество людей в расцвете лет, не занятых в производстве или современном образовании, а живущих на религиозные подношения, оказывает негативное влияние на социальное и экономическое развитие, а также на национальную культуру. Приведем некоторые типичные примеры: в уезде Чомда округа Чамдо 19 городов и поселков, 63 монастыря и 3340 лам и монахинь, но всего лишь 2709 школьников. В уезде Дэнчэн 15 городов и поселков и 55 монастырей, 2954 лам и монахинь, которые составляют 5,39 % населения уезда. Источники из уезда Маркам сообщают, что некоторые монастыри принуждают людей делать подношения, а другие установили семь запретительных правил,

¹³ Xizang Ribao, 2 November, 1994. BBC Summary of World Broadcasts // <http://w3.nexis.com>.

пытаясь восстановить особые привилегии, которые они имели во время феодально-крепостной эры. Отдельные монастыри даже открыто вмешиваются в организацию политической власти низового уровня, а некоторые окружные власти вынуждены спрашивать мнения монастырей по вопросу приема в партию. В отдельных округах были построены монастыри без разрешения. В некоторых уездах каждое село имеет собственный монастырь. Монастыри состязаются друг с другом в роскоши и величии, тратя огромные человеческие, материальные и финансовые ресурсы. Верующие сегодня несут на своих плечах огромное бремя; некоторые из них продают все, что имеют, для совершения паломничества в Лхасу; и, возвратившись домой, остаются без копейки и получают помощь местных органов власти. Из-за этого многим людям очень трудно избавиться от бедности. Хуже того, некоторые монастыри становятся бастионами клики Далай в проведении сепаратистской деятельности и вмешательства, а некоторые незаконные ламы и монахи становятся в авангарде беспорядков. Эти ламы и монахи, которые отвергли религиозные правила и вовлекли себя в сепаратистскую политическую деятельность, вместо того чтобы изучать религиозные учения и следовать буддизму, уже нарушили монастырский устав, а их действия вышли за рамки религии. Учитывая тактику клики Далай – «контроль над одним монастырем равен контролю КПК над одним регионом», мы должны твердо следовать соответствующим постановлениям Госсовета, *усилить управление религиозными делами в соответствии с законом, установить предписания и правила, ограничить количество лам в монастырях и запретить несанкционированное строительство монастырей; монастыри, в которых установлено допустимое количество лам, не должны его превышать; монастыри, в которых допустимое количество превышено, должны избавиться от лишних*» (курсив мой. – И. Г.)¹⁴.

Как нам думается, религиозный вопрос в Тибете еще далеко не разрешен. Религия продолжает оставаться наиболее консервативной силой, препятствующей продвижению реформ в их китайском понимании, и главной причиной нестабильности в этом регионе. Массовые волнения весной 2008 г., главным катализатором которых были буддийские монахи, подтверждают вышесказанное.

4. Образование и культура

Конституция КНР и Закон о районной национальной автономии гарантируют право национальных меньшинств на использование и развитие разговорного и письменного языков и сохранение национальных обычаев и традиций. В автономных районах национальные языки являются официальным рабочим языком в администрации, выборах, судебных слушаниях, СМИ, публикациях, школах. В 1987 и 1988 гг. Тибетский автономный район принял проект «Отдельных положений ТАР по изучению, использованию разговорного и письменного языков» и Правила по воплощению «Отдельных положений» [White Papers, т. 3, с. 121]. Согласно «Белой книге китайского правительства», радио и телевидение вещают на тибетском языке более 20 часов в сутки.

¹⁴ Xizang Ribao, 10 March, 1954. BBC Summary of World Broadcasts // <http://w3.nexis.com>.

Также на нем с 1989 по 2000 г. было опубликовано 441 книга, издаются 14 журналов и 10 газет. В образовательных структурах ТАР практикуется билингвальная образовательная система, а обучение ведется в основном на тибетском языке [White Papers, т. 3, с. 122–123].

Однако «Белая книга» ничего не говорит о том, что в Тибете самые слабые показатели в области образования по всей стране: 45,5 % тибетцев никогда учились в школе, то есть являются фактически неграмотными. Таблица 2 показывает уровень образования самых крупных нацменьшинств на 2000 г. старше 6 лет в процентах [Rong Ma, 2008a, с. 109].

Таблица 2

Группа	Никогда не посещали школы	Образовательные классы	Начальная школа	Школа средней ступени	Школа высшей ступени	Проф. средняя школа	Университет	Кол-во выпускников
Ханьцы	7,3	1,7	37,6	37,3	8,8	3,4	3,8	0,1
Чжуанцы	6,0	1,7	46,4	34,7	5,7	3,4	2,0	0,0
Маньчжуры	4,6	0,5	37,5	40,4	8,5	3,6	4,7	0,1
Хуэй	15,6	2,7	36,8	29,0	8,3	3,5	4,0	0,1
Уйгуры	8,8	2,8	53,1	24,6	4,3	3,6	2,7	0,0
Монголы	7,2	0,7	37,3	34,7	10,2	4,6	5,1	0,1
Тибетцы	45,5	6,1	35,2	7,7	1,7	2,5	1,3	0,0
Корейцы	2,8	0,5	20,4	43,1	19,8	4,9	8,4	0,2

Как видно из таблицы 2, корейцы, маньчжуры и монголы обладают самым высоким образовательным цензом, превосходя титульную нацию – ханьцев, в то время как тибетцы и уйгуры – самые «неспокойные» национальности – являются последними по уровню образования. Тибетцы же отстают от других нацменьшинств в области образования в катастрофической пропорции. Привлекает внимание тот факт, что самые «продвинутое» нацменьшинства проживают в регионах с преобладающим ханьским населением, в то время как самые «отсталые» составляют большинство в своих автономных районах¹⁵.

Анализу динамики народного образования в ТАР и причинам крайне неблагоприятной ситуации посвящено исследование китайских ученых Бао Чжимина и Сужина «Исследование народного образования в ТАР: сравнение с Внутренней Монголией»

¹⁵ Количество ханьцев в 5 автономных районах на 2000 г.: Внутренняя Монголия – 77,2 %, Тибетский автономный район – 2,9, Синьцзян-Уйгурский автономный район – 39,2, Нинся-Хуэйский автономный район – 65,4, Гуанси-Чжуанский автономный район – 61,6 %.

[Bao Zhiming, Surina, 1997, с. 279–308]. Авторы работы пишут, что тибетское образование до 1951 г. было трех видов: монастырское, казенное и частное. Всего казенных и частных школ было 100, в них учились дети аристократов, помещиков и крупных торговцев. Народное образование появилось в Тибете только после «мирного освобождения». Первая средняя школа открылась в Лхасе в 1956 г. К 1959 г. работали 462 начальные школы (16300 учеников); две средние школы (342 ученика); одна средняя специальная (1390 учеников).

После подавления тибетского восстания 1959 г. количество школ стало стремительно возрастать. Таблица 3 показывает темпы роста образовательных учреждений Тибета с 1959 по 1987 г.

Таблица 3

Школы	Год	Кол-во школ	Кол-во учеников	Кол-во учителей и работников
Начальные школы	1959	462	16300	580
	1987	2437	137069	8685
Средние школы	1959	2	342	42
	1987	67	23881	3808
Средние специальные	1959	1	1390	396
	1987	14	3231	1215
Школы высшей степени	1959	1	2251	703
	1987	3	1801	1757

Таблица 3 свидетельствует о стремительном росте количества школ, учащихся и преподавателей, кроме школ высшей степени. Следует отметить, что увеличение происходило неравномерно и волнообразно. На 1980-е гг. отмечаются самые высокие темпы развития народного образования. Несмотря на внушительные темпы роста численных показателей, исследователи отмечают серьезное несоответствие количества учебных заведений и качества образования, выраженное в чрезвычайно плохих условиях организации учебы в некоторых школах, несоответствии требованиям организации обучения учительских кадров, помещения, оборудования и учебных материалов, что свидетельствует о ситуации «простого разбухания» [Bao Zhiming, Surina, 1997, с. 286].

В 1980–1987 гг. наблюдался спад развития начальных, средних, средних специальных и школ высшей степени. Одновременно восполнялись пробелы в учительских кадрах, повышалось качество обучения. Кривая развития обучения начала подниматься с 1987 г., однако тенденция роста отнюдь не очевидна. По мнению авторов «Исследования народного образования в ТАР», сокращение количества учеников в начальной школе никак не может свидетельствовать о хорошей работе тибетского планового образования. Сокращение учеников в начальной школе очень тесно связано с ограниченными возможностями приема учеников. Согласно статистике Министерства образования, количество принятых в начальную школу уменьшилось по сравнению с 1978 г. на 53 %. Согласно статистике 3-й переписи населения 1982 г., в Тибете было 217603 ребенка в возрасте 2–6 лет, эти дети к 1983–1987 гг. достигли

школьного возраста, но общее количество принятых за этот период в начальную школу было всего 142754. Соответственно более 70 тыс. детей, достигших школьного возраста, не пошли в школу, что, по мнению Бао Чжимина и Сужина, «чревато серьезными последствиями, и если не принять своевременных мер, эти дети станут новым поколением неграмотных». Среди причин нежелания отдавать детей в школу ученые выделяют следующие факторы: нехватка в семьях рабочей силы, монастырское обучение, а также неблагоприятные явления социальной жизни [Бао Zhiming, Surina, 1997, с. 287].

Анализируя динамику развития национального образования в ТАР и сравнивая ее с ситуацией во Внутренней Монголии, исследователи приходят к следующим выводам.

Чем выше уровень школы, тем меньше в ней учеников и преподавателей коренной национальности. Следовательно, основной задачей является повышение квалификации преподавательских кадров. По количеству начальных школ на тысячу человек Тибет опережает Внутреннюю Монголию, зато по количеству учеников и учителей на тысячу человек намного ей уступает. В целом же масштабы национального образования в Тибете несравненно более отсталые. Только часть занятий ведется на тибетском языке. В школе средней ступени большая часть уроков не ведется на тибетском языке, в то время как во Внутренней Монголии преподавание осуществляется в основном на монгольском. Поэтому не только по масштабам образования, но и по обучению на национальном языке Тибет намного отстает от Внутренней Монголии.

Приводимые исследователями многочисленные таблицы свидетельствуют об очень низком образовательном цензе тибетских учителей. Что касается национальных кадров и преподавания на тибетском языке, делается вывод о том, что в школах любого уровня национальные кадры преимущественно занимаются преподаванием тибетского языка и связанных с языком предметов. Наблюдается острая нехватка учителей по таким предметам, как математика, физика, химия и т. п.

Исследователи считают, что преподавание на родном языке чрезвычайно важно для сохранения культуры. Достижение названной цели настоятельно требует решения проблемы национальных преподавательских кадров и обеспечения учебной литературой на родном языке. В настоящее время преподавание в начальной школе в ТАР в основном ведется на тибетском языке, что нельзя не отнести к несомненным достижениям народного образования Тибета. Дальнейшее же образование требует обязательного овладения китайским языком. Низкий уровень знания китайского языка тибетскими учащимися не соответствует требованиям обучения на китайском языке, что становится одной из причин низкой успеваемости тибетских учащихся. Поэтому крайне необходимо создание системы обучения на тибетском языке, начиная с начальной школы вплоть до университетского уровня.

В Тибетском автономном районе тибетцы составляют свыше 95 % населения. Более чем за 30 лет проблема национального образования по-прежнему далека от разрешения. Как показывает анализ, пренебрежение преподаванием на тибетском языке на протяжении длительного времени, недостаток квалифицированных национальных кадров привели к невозможности осуществ-

ления преподавания на тибетском языке в полном объеме. Образовался порочный круг: *неосуществление преподавания отдельного предмета на тибетском языке* (курсив мой. – И. Г.) приводит к низкому уровню овладения учащимися этим предметом, что имеет следствием недостаточное количество студентов по данному предмету в школах высшей ступени и педучилищах. Последнее приводит к недостатку преподавательских кадров по предмету. Все это приводит на круги своя – к *неосуществлению преподавания предмета на тибетском языке*.

По мнению исследователей, ключом для преодоления этого порочного круга может быть только воспитание квалифицированных национальных кадров по всем предметам, забота об учащихся с хорошим уровнем тибетского языка в школах высшей ступени и педучилищах. Соответствующие органы должны тщательно изучить проблему и предпринять действенные меры, с тем чтобы успешно достигнуть цели образования системы преподавания на тибетском языке и повышения культурного потенциала тибетского народа.

Исследование ученых показывает, что проблема народного образования и преподавания на родном языке стоит в Тибете очень остро, как, впрочем, и в других районах нацменьшинств КНР. То же самое справедливо и для любого другого многонационального государства. Известный китайский ученый, профессор Пекинского университета Ма Жун не полемизирует со сторонниками сохранения билингвальной системы обучения. Однако он выделяет семь новых объективных обстоятельств, из-за которых сохранение старой системы национального образования становится год от года проблематичней.

1. Правительство придает важнейшее значение «экономическому развитию», эта политика приводит к стремительному росту рабочей силы в Китае

Суммарное количество рабочей силы, не занятой в сельскохозяйственном производстве, увеличилось в 1,5 раза со 186,86 млн. в 1985 г. до 273,31 млн. в 2005 г. Развитие китайской экономики увеличило возможности сельской молодежи получить работу в городе. Выпускники сельских школ средней и высшей ступеней стали основным контингентом временных мигрантов, занятых в строительстве, транспорте, промышленном производстве, сфере услуг и других видах работы в городах. По статистике, в 2005 г. в Китае было 118–120 млн. временных мигрантов, или «плавучего населения», большинство из которых – выходцы из сельских мест. Некоторые китайские нацменьшинства присоединились к армии временных мигрантов. Например, временных мигрантов-тибетцев в 1982 г. было 6896, а в 2000 г. – 81481.

2. Прием в университеты быстро возрастает

Количество поступивших в университеты КНР увеличилось в 18 раз за период 1980–2005 гг. Количество поступивших в университеты из числа нацменьшинств за этот же период возросло в 22,2 раза, составив 953200 человек. Автор задается вопросом, что будет на рынке труда, когда количество выпускников вузов станет в 10 раз больше, а возможность устройства на работу не увеличится в одинаковой пропорции. За период 1982–2000 гг. тибетцы с высшим образованием составляли 5,7 % населения автономного района.

3. Система найма в Китае изменяется. При плановой экономической системе все выпускники вузов и средних специальных заведений гарантированно имели работу.

Образованные представители нацменьшинств получали, как правило, работу государственных служащих. При рыночной экономике система найма в Китае изменилась. Ма Жун считает, что представители нацменьшинств, поступившие в вузы благодаря преференциальной политике государства, возможно, столкнутся с трудностями, если окажутся неконкурентоспособными по своим профессиональным качествам. Конкуренция на рынке труда в негосударственном секторе экономики окажется для них очень острой в основном ввиду их сравнительно слабой профессиональной подготовки, рабочих умений и языкового барьера. Одновременно правительство сокращает своих служащих и уже не будет нанимать их в таком же количестве, как в прошлом.

4. Административные и правительственные планы имеют ограниченное влияние на рынок труда

Преференциальная политика в отношении нацменьшинств не может функционировать, как прежде. В настоящее время уже очень большое количество окончивших вузы из числа нацменьшинств не могут найти работу в своих районах. Например, ханьцы, окончившие университет в Синьцзяне, могут найти работу в прибрежных зонах и в других местах. Не говорящие на китайском языке уйгурские студенты столкнутся с языковым барьером вне Синьцзяна. Интервью с жителями Синьцзяна, которые Ма Жун проводил с 2003 по 2006 г., показали, что 80 % не нашедших работу после окончания вуза являются студентами из нацменьшинств, учившихся в национальных школах. Язык обучения становится, таким образом, ключевым фактором в системе образования нацменьшинств.

5. Знание китайского языка требуется на рынке труда в большей степени, чем прежде

Рыночная экономика во многом изменила систему найма. Предприятия могут нанимать и увольнять сотрудников на основании их способностей, а не на основании их политического (член партии) или этнического (тибетец) статуса. Предприятия могут нанимать рабочую силу на открытом рынке труда и не обязательно среди местного населения. В результате в национальных регионах больше нанимают ханьцев из восточных провинций, и китайский становится основным языком коммуникации. Эта ситуация представляет дополнительный вызов билингвальной системе образования, из-за которой многие из студентов нацменьшинств плохо владеют китайским языком.

6. Увеличивается плата за образование

Увеличение платы за обучение представляет немалую трудность для малообеспеченных сельских тружеников. В прошлом родители прилагали все усилия для образования детей, так как считали это хорошим «вложением», которое обеспечит будущее их детей безбедной жизнью в качестве государственных служащих. «Традиция», когда большая часть выпускников вузов из числа нацменьшинств становилась кадровыми работниками, повлияла на их отношение к поиску работы. Полевые исследования в Синьцзяне и Внутренней Монголии показали, что среди нацменьшинств очень высоко желание получить работу госслужащих, они колеблются искать работу на рынке труда, в то время как выпускники-ханьцы больше предпочитают работать в частном секторе и соглашаются на любую возможную работу.

7. Реорганизация билингвальной системы обучения

Билингвальная система обучения с 1950 г. имеет следующую структуру: все уроки ведутся на национальном языке, китайский язык преподается в качестве второго языка. К концу 2005 г. 97 % (1189456) школьников национальных школ обучалось по этой системе.

Другая система была принята для Синьбо и некоторых монгольских школьников. Родной язык используется в начальных школах плюс уроки китайского языка как язык обучения в школе средней и высшей ступени. К концу 2005 г. только 0,1 % школьников (1,271) обучались по этой системе.

Третья модель начала использоваться с 2004 г. Гуманитарные курсы (язык и литература, история, география) преподаются на родном языке, другие (математика, физика, химия, биология и английский) преподаются на китайском языке. К концу 2005 г. около 2,9 % процентов школьников (35948) начали обучаться по этой модели. Новая модель была инициирована правительством и, по мнению Ма Жуна, имеет хорошие перспективы для развития в будущем. Полевые исследования ученого в Синьцзяне показали, что многие семейства одобряют эту систему, так как понимают, что это поможет их детям в трудоустройстве и будущей карьере¹⁶. В Тибете и Внутренней Монголии также решили пересмотреть систему билингвального обучения под давлением тех же трудностей трудоустройства выпускников вузов из числа нацменьшинств. По мнению автора, эта тенденция требует специального внимания. Пересмотр билингвальной системы, для того чтобы улучшить знание китайского и английского языков на всех уровнях образования, служит тем же сигналом: инструментальность языков в качестве средства общения становится все более и более важной в процессе внутренней интеграции народов и процессе глобализации.

В заключении работы Ма Жун замечает, что система образования в национальных регионах должна совмещать интересы нацменьшинств в сохранении своего культурного наследия и интересы государственного развития и интеграции. Автор исследования считает, что систему образования в национальных регионах следует создавать в соответствии с конкретной ситуацией региона и приспособлять ее к изменениям в обществе, исходя из практики. Он приводит два изречения Дэн Сяопина – «переходить реку, извлекая камни со дна» и «оценивать кошку по ее умению ловить мышей, а не по ее окраске». Эта прагматическая позиция, как считает Ма Жун, помогла Китаю реформировать экономику и общество и может помочь реформировать и привести в соответствие систему образования в национальных регионах [Rong Ma, 2008a, с. 96–128].

Что касается культуры, то инициированный Ху Яобаном курс развития Тибета предполагал учет так называемых «специальных характеристик» (*dmigs*

¹⁶ Во время моей последней поездки в Тибет (Кхам) осенью 2008 г. мы жили в семье сельского старосты. Их внуки проявляли большой интерес и старание в изучении китайского языка, в то время как к тибетскому, к сожалению их родителей, относились не очень прилежно. Однако родители, сами не говорящие на китайском, только поощряли стремление детей выучить китайский язык, так как, безусловно, понимали его необходимость для их будущей карьеры.

gsal khyad chos), которые были полностью запрещены во время «культурной революции». «Специальные характеристики» были официально санкционированы, и началось стремительное возрождение культуры тибетцев: религии, традиций, обычаев, образования, литературы и искусства. Ношение традиционного костюма – чупы стало едва ли не обязательным требованием. Телевидение, газеты и журналы изобиловали изображениями национальных меньшинств, одетых в красочные костюмы и исполняющих народные песни и танцы. Такое внешнее проявление культурного многообразия Китая должно было свидетельствовать о воплощении в стране права национальностей на сохранение своей культуры и обычаев.

Тибетцы, как и большинство других народов Китая, сразу же воспользовались возможностью вернуться к своим традиционным ценностям. В Амдо литературный новатор Дондуп Гьял занялся современной поэзией на тибетском языке, композитор Чоупаттар написал музыку на самую известную поэму Дондуп Гьяла «Голубое озеро» (*Tsho Ngonpo*); Дункар Лосон Тинлэй преподавал классическую тибетскую поэзию в Институте национальностей в Пекине; геше Ламрим в Дрепуне давал религиозные учения, на которые собирались тысячи верующих [Barnett, 2006, с. 37]. По всему Тибету восстанавливались сотни монастырей, тысячи мужчин и женщин принимали религиозные обеты. В Лхасе открывались гостиницы в национальном стиле, издательства публиковали книги на тибетском языке по фольклору и религии, тибетские художники придумывали новые формы, сочетающие традиции и современность. В 1985 г. почти 10 тыс. тибетцев получили разрешение поехать на учения Далай-ламы в Бодхгая. Некоторым ламам и другим тибетцам, включая эмигрантов, было разрешено открыть школы и клиники в сельских районах. В 1986 г. впервые за 27 лет состоялся религиозный праздник Монлам. Возродились тибетские праздники – Новый год, Сагадава (день рождения Будды), Онкор (праздник урожая), Шотон (праздник йогурта), праздники купания, масляных светильников, Дхармы, сжигания подношений, лхасские конные скачки [White Papers, т. 3, с. 127].

Однако, как мы могли видеть из вышеизложенного, возрождение религии и культуры тибетцев, которое правительство официально санкционировало, привело к неожиданным для Пекина последствиям – росту национализма и сепаратистских тенденций. После массовых волнений 1987 г. началось идеологическое наступление на все формы проявления тибетской этничности, включая религию и культуру¹⁷. Центральное правительство и по отношению к культуре стало проводить двоякую политику. С одной стороны, поддерживало и поддерживает внешние проявления культуры, как ношение чупы, проведение праздников, концертов, выставок, возрождение тибетской архитектуры и проч. С другой – тщательно контролирует и ограничивает любые проявления тибетской этничности, которые могут угрожать стабильности китайского государства.

Таким образом, даже в такой казалось бы «мирной» сфере, как образование и культура, имеются многочисленные проблемы. Однако, на наш взгляд,

¹⁷ Более подробно см. гл. 7.

нельзя не отметить несомненные достижения Центральных властей в этой сфере. Те, кто бывал в Тибете, могли собственными глазами видеть, как улучшилась жизнь тибетцев за последние 28 лет. Осенью 2008 г. я ездила в составе экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в Восточный Тибет (Кхам, автономный округ Ганьцзы провинции Сычуань). Площадь тибетского автономного округа Ганьцзы составляет 156700 кв. км, население 930 тыс., среди которых тибетцы составляют 77,84 %. Причем основная часть нетибетцев проживает в Кандине и Ганьцзы, в сельских районах китайцы практически не встречаются.

Участники экспедиции в Кхам (Д. Жамсуева, И. Гарри, Э. Цырендоржиева) с тибетским шофером Гонбо, перевал Цзяньцзы Ваньшань (4659 м), октябрь 2008 г.

Наша экспедиция посетила Кандин, Литан, Ганьцзы, сельские поселки и деревни. Во всех городах, поселках и селах Кхама, в которых побывала наша экспедиция, нет ни одного ветхого сооружения. Дома жителей, административные здания, школы, больницы, монастыри – все заново отстроены или полностью отреставрированы. Особенно поражают добротностью построек и красотой декора сельские поселения, очень отличающиеся от деревень Центрального Тибета. Во всем Кхаме большие двухэтажные каменные дома, украшенные традиционным тибетским орнаментом. Все историко-культурные и религиозные объекты, посещенные экспедицией, полностью отреста-

врированы и находятся в прекрасном состоянии. Население свободно исполняет религиозную деятельность, монастыри и храмы проводят службы и ритуалы. Фотографии Далай-ламы можно обнаружить почти в любом доме, в монастырях фотографий Далай-ламы на открытых местах не видно, хотя можно предположить, что они спрятаны в потайных местах, как в монастырях Центрального Тибета. Тибетская культура, развитие которой особенно поощряется правительством КНР, возродилась в Кхаме. Телевидение на всех тибетских диалектах, песни, танцы, национальные костюмы, традиционные обычаи, праздники, разговорный язык – все это воочию наблюдается в Кхаме. В Литане (4680 м), самом высоком городе мира, этом диком западе Сычуани, можно наблюдать культуру воинственных кхампа. Город представляет собой тибетское поселение, в котором царит дружественная атмосфера, с традиционными тибетскими домами, оживленным рынком, тибетцами, одетыми по последней тибетской моде. Самые разнообразные шляпы, от фетровых до меховых, тибетское платье чупа кхампаского варианта, серебряные ножи, золотые и серебряные украшения не могут оставить равнодушными посетителя этих мест. Над городом возвышается знаменитый Литанский монастырь, полностью восстановленный и отреставрированный после так называемого Кандинского мятежа 1956 г., когда монастырь был полностью разбомблен с самолета, и началось антикитайское восстание Кхама и Амдо, перекинувшееся затем в Центральный Тибет. Большинство среднего и старшего поколения тибетцев Кхама вообще не говорят по-китайски, в то время как среди молодого поколения тибетцев китайский язык становится год от года популярнее.

Количественные показатели выделенных параметров с очевидностью свидетельствуют о процессе возрождения традиционной культуры и религии тибетского народа. Жители Кхама откровенно признаются, что качество их жизни несомненно улучшилось и они положительно выиграли от проводимой государством политики. Но их, по выражению М. Голдстейна, «этнические сердца» по-прежнему привязаны к своим традиционным ценностям – религии и Далай-ламе как символу их национальной идентичности. Свидетельством этому были открытые антикитайские выступления тибетцев в поддержку кампании бойкота Олимпийских игр, начавшиеся в марте 2008 г. и приведшие к закрытию всего политического и этнографического Тибета вплоть до сентября 2008 г. На этот раз Кхам не был вовлечен в антикитайскую активность. Основные волнения проходили в Амдо. Хотя жители Кхама в них не участвовали, сочувствие к движению можно было бы назвать всеобщим.

* * *

Как нам думается, дилемма «развитие – стабильность» по-прежнему не решена в Тибете, несмотря на заявления официального Пекина. Китайское правительство оказалось в весьма трудной ситуации. Восстановление религии и культуры Тибета, ставшее возможным благодаря либеральной политике Ху Яобана, привело к спонтанному возрождению всех форм функционирования религии, включая монастырскую систему Тибета. Однако с точки зрения официальной китайской идеологии, возрождение религии в полном объеме равноценно потере всех китайских завоеваний в этом регионе за последние 50 лет. Если дилемму «развитие – стабильность» представить в виде цепочки

тождеств, то получится «модернизация – традиционализм», «социализм – буд-дизм», «единство – сепаратизм» и т. д. В разрешении этой дилеммы китайское правительство отдает приоритет развитию. Для тибетцев же главной жизненной ценностью по-прежнему остается религия. Запретительные и репрессивные меры в отношении религии приводят к еще более негативным результатам – росту национализма, сепаратизма и религиозного экстремизма. Разрешение дилеммы «развитие – стабильность» («яйцо – курица», по Дж. Дрейер), в основе которой лежит религиозный вопрос, – самая трудная задача правительства КНР, успешное разрешение которой будет означать разрешение тибетского вопроса в целом.

Глава 6

Сино-тибетский диалог: проблемы и перспективы

1. Первый раунд (1980–1987)

Восхождение Дэн Сяопина на вершину власти в КНР положило начало кардинальным переменам в Тибете. Будучи одним из архитекторов тибетской политики 50-х гг., которая, даже по словам ее самых непримиримых критиков, отличалась умеренностью и прагматизмом, Дэн Сяопин, вернувшись к власти, и на этот раз стал основателем смелой инициативы начать переговоры с Далай-ламой, в котором он видел ключ к разрешению тибетской проблемы. Проблема Тибета находилась в одной связке с тайваньской, хотя и уступала ей по своему статусу. Для Тайваня был предложен курс «одной страны и двух систем», Далай-ламе предложили вернуться на «родину» и начать переговоры. Наличие тибетской эмиграции за рубежом, ее успехи в интернационализации тибетского вопроса вредили имиджу КНР, а возможность того, что тибетского лидера могут использовать враждебные Китаю силы, представляло для государства потенциальную угрозу. Возвращение Далай-ламы в Тибет, по замыслу китайского руководителя, могло бы раз и навсегда разрешить все эти болезненные проблемы.

Инициатива Пекина была с воодушевлением воспринята тибетской диаспорой, хотя и вызвала неоднозначную реакцию. Несмотря на нежелание консервативной части идти на какие-либо уступки Китаю, Далай-лама, как и большинство из его окружения, видел в китайском предложении реальный шанс добиться для Тибета наибольших концессий. Тем более, что после прекращения американской помощи тибетским партизанам и американо-китайского сближения иной альтернативы для решения тибетской проблемы не оставалось. 10 марта 1978 г. Далай-лама в своем ежегодном обращении по случаю годовщины тибетского восстания не поднимал вопроса тибетской независимости. Он заявил: «Если шесть миллионов тибетцев в Тибете действительно счастливы и процветают, как никогда, то и нам нет причины что-либо возражать» [Dalai Lama, 1986, с. 52]. Так ровно через 20 лет острейшей конфронтации началось очередное сино-тибетское сближение.

Тибетцам было разрешено посетить родственников, проживавших в Индии. Нгабо и другие должностные лица озвучили официальные призывы тибетской диаспоре возвратиться на родину. В конце 1978 г. китайская сторона связалась со старшим братом Далай-ламы Гьяло Тхондупом и пригласила его в Пекин обсудить принципиальные вопросы с высшим руководством страны. С

санкции Далай-ламы Гьяло Тхондуп отправился в Китай, где в марте 1979 г. встретился с директором Единого фронта Уланьфу, а затем и с самим Дэн Сяопином. В источниках тибетской эмиграции говорится, что Дэн Сяопин заявил Гьяло Тхондупу, что он готов «обсудить любые вопросы, кроме независимости»¹. Дэн также заверил, что нынешние перемены не временного, а фундаментального характера, и что если Далай-лама имеет какие-либо сомнения относительно искренности реформ, то он должен направить в Тибет исследовательские делегации². Согласно китайским источникам, Дэн Сяопин, разъясняя «позицию центра в отношении Далай-ламы и возвращения на родину тибетских соотечественников, особо подчеркнул два пункта: 1) мятеж 1959 г. – это было неправильно (досл.: *было плохо*. – И. Г.), 2) Тибет – неотъемлемая часть Китая, по их возвращении вопрос должен обсуждаться только как внутреннее дело, а не как предмет обсуждения между двумя государствами, это принципиальный вопрос» [Zhongguo gongchandang, т. 1, 2005, с. 313].

Встреча Панчен-ламы и Баба Пунцог Вангьяла с тибетской делегацией
Его Святейшества Далай-ламы, Пекин, 1979 г.
Слева: Лобсан Тхаргье, Пунцо Таши, Панчен-лама,
Тубтэн Намгьял, Баба Пунцог Вангьял, сидя: Лобсан Самтэн.

¹ An Overview of Sino-Tibetan Dialog // The Official Web Site of the Central Tibetan Administration

² В 1991 г. Гьяло Тхондуп дал большое частное интервью по поводу своего участия в тибетских делах с 1949 г. Оно было записано на видео, доступное тибетской диаспоре [по: Shakya, 1999, с. 519]. К сожалению, в нашем распоряжении этого видео нет.

Решив, что предложение Пекина – приемлемая основа для переговоров, Далай-лама направил в Тибет свою первую делегацию. Она состояла из пяти человек: калона Чжучэн Тубтэна, зятя Далай-ламы Пунцог Таши Такла, брата Далай-ламы Лобсан Самтэна, Таши Тобгьяла и Лобсан Тхаргье. Делегация в течение шести месяцев путешествовала по Тибету и посетила все места проживания тибетцев. Результаты делегации оказались совершенно неожиданными для обеих сторон. Во всех местах проезда делегацию встречали многие тысячи тибетцев. Несмотря ни на какие запреты и опасность, люди открыто выражали любовь и преданность посланникам Далай-ламы, рассказывали ужасы и трагедии, пережитые ими за двадцать лет. Восторженный прием, оказанный делегации тибетским народом, стал для Далай-ламы большой моральной победой. Он доказал, что тибетский народ, несмотря ни на что, сохранил лояльность своему духовному лидеру, а также показал несостоятельность китайской пропаганды о том, что тибетцы счастливы при китайском режиме.

Китайцев же восторженный прием делегации застал врасплох. Оказавшись заложниками своей собственной пропаганды, власти искренне полагали, что любовь к партии и ненависть к крепостникам суть истинные чувства тибетского народа. В Лхасе некоторые кадровые работники дошли до того, что собирали местных жителей и просили, чтобы они не швырялись камнями и не плевали в делегатов [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 279]. Энтузиазм народа при встрече делегации в Сычуани и Цинхае полностью обескуражил руководство провинций. Опасаясь непредвиденных последствий визита, сопровождавшие делегацию работники начали звонить в Лхасу, предлагая отменить приезд делегации в ТАР. Однако первый секретарь тибетского парткома Жэнь Жун на это уверенно заявил, что жители Амдо и Кхама – простые кочевники и у них отсутствует классовое самосознание. Он заверил, что у жителей Лхасы классовое сознание намного лучше и поэтому они не будут приветствовать делегацию [по: Shakyu, 1999, с. 377]. Он сильно ошибался, так как встреча делегации в Лхасе превзошла все предыдущие. Естественно, что китайская сторона крайне негативно оценила приезд делегации. В сборнике документов КПК по Тибету говорится: «Они (члены делегации) во время визита повсюду собирали толпы народа и произносили провокационные и реакционные речи. В Дачжаосы (Чжокхане) они собрали более 1200 человек и занимались агитацией. В Норбулинке Лобсан Самтэн открыто агитировал собравшиеся массы: “Люди, которые едят цампу и говорят по-тибетски, объединяйтесь”. Их деятельность произвела очень негативное влияние» [Zhongguo gongchandang, 2006, с. 320]. Вторая делегация во главе с представителем Далай-ламы в Нью-Йорке Тэндзин Тетхоном посетила Тибет в мае 1980 г., и следующая во главе с сестрой Далай-ламы Чжецзун Пема месяцем позже. Все три делегации встречали одинаково, и каждый их визит сопровождался антикитайскими демаршами. В результате намечавшаяся на лето 1981 г. четвертая делегация, которая состояла бы из лам, была отменена.

Результаты визита всерьез обеспокоили центральное руководство страны. Пекин возлагал большие надежды на новую политику внутри Тибета. Вслед за провозглашением курса Ху Яобана из 6 пунктов была выработана политика в отношении Далай-ламы. Через год, 28 июля 1981 г., Ху Яобан лично передал

Гьяло Тхондупу предложения Далай-ламе, состоящие из пяти пунктов: 1) Далай-лама должен понять, что Китай вступил в новую эру стабильности и экономических реформ. Если он сомневается в реформах, то может понаблюдать за переменами в течение нескольких лет. 2) Далай-лама не должен поднимать историю репрессий, которые последовали за подавлением восстания 1959 г. 3) Китайское правительство искренне приветствует Далай-ламу и его последователей вернуться на родину. Китай надеется, что Далай-лама сделает свой вклад в поддержание единства страны и обеспечение солидарности между ханьцами и тибетцами. 4) Далай-ламе будет представлен тот же статус, который он имел до 1959 г. Он может быть назначен заместителем председателя ВСНП. Но необходимо, чтобы он не жил в Тибете и не занимал никаких постов, поскольку есть молодые тибетцы, которые этим занимаются и хорошо справляются со своими обязанностями. Он может посещать Тибет, когда ему захочется. 5) При возвращении он может сделать заявления для прессы, соответствующим министром будут сделаны приготовления по его приему³.

Предложения китайцев сильно разочаровали тибетскую диаспору. Отказавшись от идеи независимости – главного условия китайской стороны, тибетцы хотели получить взамен гораздо большее, чем предлагали китайцы. Сведение тибетского вопроса только к вопросу личного статуса Далай-ламы, более того, нежелание позволить ему политически активно участвовать в судьбе тибетского народа, не говоря уже о его правительстве в изгнании, не могло устраивать тибетскую эмиграцию. Несмотря на то, что стороны находились в неравном положении, в руководстве Дхарамсалы преобладающей была позиция не идти на уступки китайцам. Растущая мощь Китая и отсутствие поддержки Тибету со стороны правительств других государств были сильным козырем китайской стороны, позволявшим ему диктовать условия. Тибетцы считали, что на их стороне безусловная лояльность и поддержка тибетского народа. Решив, что их чаша весов перевешивает китайскую, Дхарамсала решила не идти на компромисс, занять жесткую позицию и продолжить противостояние. Китайское руководство считало, что их главное условие – отказ от идеи независимости, выдвинутое Дэн Сяопином, означает также отказ Далай-ламы от политического участия в тибетских делах, и поэтому полагало, что их предложения вполне приемлемы для тибетцев. Считая, что с их стороны был

³ Цит. по: Shakyu, 1999, с. 384–385. Ц. Шакья ссылается на Синьхуа 1984 г. Он пишет, что предложения не были обнародованы в то время, когда были переданы Гьяло Тхондупу. Д. Норбу приводит содержание предложений согласно *Blo-mthun hu'u ya'o-paŋgis rgyal-lo don-grub-la ta-la'i bla-mar 'zin-p'i byed-phyogs don-tsan lñ skor bka'-mol gnañ-wa* (Beijing: Nationalities Press, 1983, с. 1–4). Пункт 2, по Д. Норбу, звучит следующим образом: «Далай-лама и его представители на переговорах должны быть “искренними”; они не должны торговаться, как бизнесмены. Китай не будет наказывать принимавших участие в восстании 1959 г.» [Norbu, 1991, с. 353]. Я попыталась найти оригинал 5 предложений. Это оказалось невозможным, эпизод передачи китайским правительством предложений Далай-ламе изъят из всех официальных документов. Только в *Dangdai Zhongguode Xizang*, 1991, эпизод упоминается в приложении, дающем хронологию наиболее важных событий. М. Голдстейн пишет, что встреча Ху Яобана и Гьяло Тхондупа была тайной [Goldstein, 1997, с. 67].

сделан конкретный шаг для достижения консенсуса, китайцы согласились принять для переговоров официальных представителей Далай-ламы.

В 1982 г. в КНР отправилась представительная делегация от Далай-ламы, состоящая из трех человек: калона Цзэчэн Тубтэна, Пунцог Таши Такла и Лоди Гьяри. Так как в Дхарамсале так и не пришли к соглашению относительно политических и территориальных требований, делегацию инструктировали вести переговоры в общих тонах, как, например, представить исторические аргументы о Тибете и сино-тибетских отношениях [Goldstein, 1997, с. 72]. Согласно М. Голдстейну, тибетцы сделали лишь одноединственное замечание, что если китайцы готовы предложить Тайваню концепцию «одной страны и двух систем», то тибетцы рассчитывают на гораздо большее. Требование тибетцев можно было бы считать весьма обоснованным, если учитывать тот факт, что Тибет был инкорпорирован в состав КНР на основании Соглашения из 17 пунктов, гарантировавшем Тибету сохранение его политических институтов, статуса и позиций Далай-ламы, что вполне вписывалось в концепцию «одной страны и двух систем». Однако это предложение было отвергнуто китайской стороной на основании того, что Тибет, в отличие от Тайваня, давно «освобожден». Причина, лежащая в основе отказа, была вполне банальна. Китай придавал гораздо большее значение проблеме Тайваня и Гонконга, имевшим международный статус вследствие экономической и политической роли этих маленьких островов. Проблема Тибета, несмотря на оппозицию в лице Далай-ламы, рассматривалась Китаем как внутреннее дело, так как прошло уже 30 лет как Тибет был включен в состав КНР.

Помимо требования предоставить Тибету аналогичный с Тайванем статус «одной страны и двух систем», исследователи (Ц. Шакья, Д. Норбу) пишут, что тибетская делегация потребовала от китайского правительства объединения всех тибетских территорий (Уй-Цзан, Кхам и Амдо) в один большой Тибетский район, или, так сказать, создать единый Большой Тибет⁴. Д. Норбу пишет, что требований было три⁵.

Проблема объединения всех тибетских территорий – актуальный вопрос для тибетских беженцев, среди которых очень много выходцев из Амдо (Цинхай) и Кхама (Сычуань, Юньнань), сам Далай-лама родом из Амдо. Объединение тибетских земель было целью и прежних тибетских правительств, и, казалось бы, законное требование тибетцев объединения их земель в единое административное целое могло найти понимание у китайцев. Тем более, что в китайском руководстве по этому вопросу не было единого мнения. Ху Яобан говорил Гьяло Тхондупу в 1981 г., что «надо подумать над этой новой идеей»⁶. Уланьфу также поддерживал требование тибетцев и ссылался на Чжоу Эньлая, который заверял тибетскую делегацию, подписавшую Соглашение из

⁴ Интересно, что, излагая требования тибетцев, М. Голдстейн и Ц. Шакья ни на что не ссылаются, Д. Норбу ссылается на устное интервью с Таши Ванди – представителем Далай-ламы в Нью-Дели.

⁵ По Д. Норбу, тибетская делегация потребовала также предоставления тибетцам права на самоопределение [Norbu, 1991, с. 357].

⁶ Цит. по: Norbu, 1991, с. 358.

17 пунктов, что вопрос объединения внутреннего и внешнего Тибета «будет рассмотрен отдельно»⁷.

Проблема заключалась в том, что так называемый политический Тибет более века назад утратил эти территории, юрисдикция правительства Далай-ламы до 1951 г. не распространялась на этнографический Тибет. Вопрос усложнялся еще и тем, что на обширных территориях Цинхая, Сычуани и Юньнани проживало и проживает сейчас многочисленное китайское и китайско-мусульманское население. Территориально Большой Тибет составил бы одну четвертую часть территории КНР, и объединение такого стратегически важного и политически нестабильного региона как Большой Тибет в рамках единого административного образования означало бы в видении Пекина потенциальную угрозу ее территориальной целостности, что собственно и являлось причиной расчленения Тибета при Цинах и Гоминьдане. Таким образом, на основании того, что территории Большого Тибета чересчур обширны, было отвергнуто и второе предложение представителей Далай-ламы.

Между тем реформы продолжали осуществляться с большим успехом, питая надежды тибетцев на улучшение жизни и возрождение религии и культуры. Разочарованное в результатах переговоров с Далай-ламой китайское руководство сделало попытку добиться лояльности тибетцев за счет увеличения экономической помощи Тибету. Так, на втором форуме по работе в Тибете в 1984 г. были одобрены 43 крупных строительных проекта, расширение политики открытых дверей, продолжение либерализации в области религии и культуры.

Китайская сторона была довольна результатами своей политики и хотела продолжения диалога с Далай-ламой. В 1984 г. в Китай вновь прибыла та же самая делегация от Далай-ламы. Их встречал директор Единого фронта Ян Цзинжэнь. На этот раз делегаты заявили, что Далай-лама отвергает предложения китайцев, состоящие из 5 пунктов, и предлагает свой собственный план. По возвращении делегации Дхарамсала впервые сделала официальное заявление по поводу состоявшихся переговоров. В заявлении было сказано, что обе делегации потребовали от Китая признать исторический статус Тибета и его право на самоопределение, право Тибета на объединение трех традиционных тибетских территорий, принять союз на равноправной основе и превращение Тибета в зону мира [Tibetan Review, January, 1985]. Другими словами, тибетская делегация потребовала от Китая создания Большого демилитаризованного Тибета с полной внутренней политической автономией по образцу «одна страна и две системы».

Конечно, китайская сторона категорически отвергла предложения тибетцев. Необходимо отметить, что политика Ху Яобана вызывала глухое противодействие со стороны верхушки тибетских и китайских кадров. Возвращение в политику Панчен-ламы и Пунцог Вангьяла существенно пошатнуло их позиции. Что и говорить о том, что возвращение Далай-ламы и его правительства означало бы конец их карьеры. Требования тибетской диаспоры были для них невыносимы и вызвали сильнейшее противодействие. Заявление тибетцев вы-

⁷ Из интервью Д. Норбу с Таши Ванди [цит. по: Norbu, 1991, с. 353].

звало недовольство и высшего руководства КНР (Дэн Сяопина и Ху Яобана), которое сочло позицию Далай-ламы «неискренней» и конфронтационной и потеряло интерес к переговорам. Руководство КНР всерьез задумалось о том, имеет ли смысл продолжать диалог, памятуя о визитах тибетских делегаций и возможных последствиях даже кратковременного приезда Далай-ламы. Несмотря на разочарование результатами переговоров, общий курс в отношении Далай-ламы продолжал сохраняться вплоть до 1987 г., когда Ху Яобан был вынужден уйти со сцены большой политики.

В обстановке, когда стороны категорически отказывались идти на соглашение, вопрос о визите в 1985 г. Далай-ламы в Тибет отпал сам собой. М. Голд-стейн писал по этому поводу следующее:

Дхарамсала оказалась в ужасной ситуации. Было очевидно, что Пекин не намерен позволить им править Тибетом по иной политической системе, не говоря уже о независимости, было также ясно, что Пекин проводит с некоторым успехом наихудший для них сценарий, по которому его новые экономические реформы в Тибете могут завоевать, если не сердца, то, по крайней мере, желудки. Несравненно улучшилась материальная жизнь в Лхасе и районах, где были расформированы коммуны. Экономическая мощь и международный престиж Китая тем временем возросли, и главной целью политики США в Азии стало расширение стратегических связей с Китаем. И таким образом возникла настоящая опасность того, что роль эмиграции в тибетском вопросе может быть полностью сведена на нет⁸.

Позже в кругах тибетской эмиграции были также вынуждены признать, что тибетская администрация оказалась не готовой к переговорам и тем самым упустила реальный шанс достижения хоть какого-либо соглашения с центральными властями [Shakya, 1999, с. 399].

Весной 1986 г. произошло резкое ухудшение китайско-индийских отношений. Обе стороны обвинили друг друга в нарушении своих границ, 7-й раунд переговоров по китайско-индийской границе окончился ничем. В сентябре 1986 г. Китай и Пакистан подписали соглашение о сотрудничестве в области ядерных исследований. Одновременно США заявили о своей твердой поддержке Пакистану. Индия всерьез опасалась фактического альянса между Пакистаном, Китаем и Америкой, тем более что ее традиционный союзник Советский Союз был занят своими внутренними проблемами и неудачами в Афганистане. Ухудшение отношений между Китаем и Индией негативно сказалось на тибетской проблеме. Прямым следствием конфликта был отказ китайской стороны принять пятую делегацию из Дхарамсалы в Тибет. Было похоже, что китайцы склонны прекратить все контакты с тибетцами.

Более того, это был период, когда либеральные политики КПК начали терять свое влияние. Дэн Сяопин под давлением консерваторов был вынужден организовать кампанию против «буржуазной либерализации». В январе 1987 г. Ху Яобан был смещен с поста Генерального секретаря КПК. Было официально объявлено, что Ху Яобан признался в своих ошибках. Смещение Ху Яобана негативно отразилось на развитии событий в Тибете, но вызвало ликование в

⁸ См.: Buddhism in Contemporary Tibet, 1998, с. 13.

стане его противников, которые устроили по поводу его отставки фейерверки и банкеты [Shakya, 1999, с. 411]. Пекин уже не выказывал особого интереса к тибетской проблеме, и было очевидно, что он не намерен продолжать переговорный процесс. В этой ситуации Дхарамсала пришла к заключению, что единственным выходом в создавшемся положении является интернационализация тибетского вопроса и поиск поддержки со стороны международного сообщества.

2. Интернационализация тибетского вопроса

На этот раз Его Святейшество пересмотрел свою стратегию. Ее основой было то, что Далай-лама впервые отправлялся на Запад в качестве политического лидера с целью добиться поддержки США и Европы на государственном уровне. Америка в планах Далай-ламы стояла на первом месте, так как всегда оказывала Тибету наибольшую поддержку по сравнению с другими странами. С помощью деятелей представительных структур США была организована кампания в поддержку тибетского вопроса, в которой упор с геополитических национальных интересов перенаправлялся в сферу основных американских ценностей, как-то: свобода и права человека. В июне 1987 г. Палата представителей Конгресса США одобрила билль, в котором осуждалось нарушение прав человека в Тибете, президенту США предлагалось выразить сочувствие Тибету, а КНР – возобновить диалог с Далай-ламой.

Резиденция Далай-лам Потала – национальный символ Тибета

19 сентября 1987 г. Далай-лама прибыл в США и двумя днями позже выступил на заседании Конгресса США с планом урегулирования тибетской проблемы. Далай-лама заявил, что Тибет был независимым до китайского вторжения. Он также сказал: «Хотя тибетцы и потеряли свою свободу, согласно международному праву, Тибет продолжает сегодня оставаться незаконно оккупированным независимым государством». Он обвинил Китай в серьезном нарушении прав человека, дважды прозвучало слово холокост. Предложенный Далай-ламой план состоял из пяти пунктов: 1) превращение Тибета в зону мира; 2) прекращение китайской миграции в Тибет; 3) уважение основных прав человека и демократических свобод тибетского народа; 4) восстановление и защита окружающей среды Тибета; 5) проведение переговоров о будущем статусе Тибета [Dalai

Lama, 1988a, с. 5–9]. Своим выступлением в Конгрессе США Далай-лама передавал КНР послание о том, что Америка поддерживает его действия.

27 сентября группа монахов из монастыря Дрепун (21 человек) организовала первую за 28 лет открытую антикитайскую демонстрацию. Монахи шествовали вокруг Баххора с тибетским национальным флагом и выкрикивали лозунги тибетской независимости. Демонстрацию немедленно подавили, монахи были избиты и арестованы. 1 октября, в день образования КНР, монахи из монастыря Сэра вышли на вторую демонстрацию. Реакция властей была аналогична: монахов избили и арестовали. На этот раз произошли открытые столкновения между толпой, требовавшей освобождения монахов, и полицией, приведшие к кровопролитию. Полиция стреляла прямо в толпу, о чем свидетельствовали иностранные туристы⁹. Через пять дней после событий в Лхасе Сенат США единогласно одобрил резолюцию о нарушении прав человека в Тибете наподобие билля Палаты представителей. А в конце 1987 г. президент Рональд Рейган подписал билль в закон. Резолюции Конгресса не отражали, однако, официальную позицию США. 14 октября заместитель помощника госсекретаря по восточно-азиатским и тихоокеанским делам Стаплетон Рой заявил Комитету по иностранным делам Сената, что «правительство США считает Тибет частью Китая и ни в коем случае не признает тибетское правительство в изгнании, главой которого является Далай-лама»¹⁰. Он также предупредил, чтобы комитет не смешивал проблему прав человека с политическими заявлениями Далай-ламы. Более того, Рой заявил, что США отвергают план Далай-ламы по причине того, что это – «политическая программа, выдвинутая человеком, являющимся главой правительства в изгнании», которое не признает ни одно правительство [там же].

Между тем тибетцы восприняли выступление Далай-ламы в американском конгрессе как большую победу. В телевизионных новостях показывали сюжет с Далай-ламой в окружении аплодирующих конгрессменов, поверх которого шел текст, опровергающий его речь. Ц. Шакья пишет: «Больше всего тибетцев поразило изображение Далай-ламы, с энтузиазмом принимаемого в парламенте самой могущественной страны мира. Они восприняли это как показатель американской поддержки Тибету, так как для большинства тибетцев не имела значения разница между конгрессом и правительством» [Shakya, 1999, с. 417]. Сразу же после речи Далай-ламы в КНР была организована пропагандистская кампания, в которой США обвиняли во вмешательстве во внутренние дела КНР, а Далай-ламу в деятельности по «расколу родины». Внутри страны была организована беспрецедентная кампания «против раскола». Всем видным деятелям государственных органов, которые ассоциировались с политической релаксацией и либерализацией, вменялось в обязанность выступить в поддержку

⁹ На 44-й сессии Комиссии по правам человека ООН в Женеве китайская делегация признала, что полиция стреляла в тибетцев, в результате чего были убитые и раненые. Делегация сделала признание после показаний Роберта Барнетта, свидетеля происшедшего. Он также представил комиссии 10 заявлений под присягой других свидетелей [Shakya, 1999, с. 523].

¹⁰ «Human Rights Situation of the Tibetan People», *Department of State Bulletin* 87, no. 2129 (December 1987), 50. Цит. по: Grunfeld, 2006, с. 335.

реформ и осудить «раскольническую» деятельность «клики Далая». Эти органы включали местный Политико-консультативный совет КНР, местное отделение по национальным и религиозным делам, Буддийскую ассоциацию и отделение Единого фронта КПК, которые не имели реальной власти в политическом аппарате Китая, но играли заметную роль в обеспечении тибетского согласия с политикой Китая. Тибетские деятели были вынуждены выходить один за другим и осуждать «преступления кучки сепаратистов» и восхвалять политику партии в отношении религии и культуры Тибета¹¹.

Основная поддержка ожидалась со стороны Панчен-ламы, продолжавшего пользоваться высоким авторитетом среди тибетцев. Панчен-лама никогда не поддерживал сторонников тибетской независимости. Однако, осуждая беспорядки в Тибете, Панчен-лама одновременно критиковал левацкую политику, на которую возлагал ответственность за ситуацию. На встрече с корреспондентами ФРГ 24 января он сказал:

Причиной произошедших в Лхасе беспорядков является то, что: 1) они спланированы и инспирированы кучкой сепаратистов внутри страны и за рубежом; 2) несмотря на то, что после III пленума 11-го созыва в Тибете произошли большое развитие и изменения, однако в конкретной работе продолжали иметь место ошибки и просчеты, что дало возможность кучке сепаратистов разжечь беспорядки.

Далай-лама неоднократно высказывался, что как только народ Тибета будет счастлив, он сразу же вернется. Сейчас, если сравнивать ситуацию в Тибете во всех сферах с тем, что было раньше, то налицо большое развитие, народ счастлив, в будущем будет еще лучше, чем сейчас. Нужно только, чтобы Далай-лама принял решение и поскорее вернулся к своим соотечественникам на родине, мы могли бы совместными усилиями приносить пользу тибетскому народу. Мы с Далай-ламой единоверцы в религии, личные взаимоотношения хорошие. Однако мы идем по разному пути. Я надеюсь, что Далай-лама скоро вернется, и мы пойдем одним путем, чтобы распространять буддизм, создавая счастье живым существам. Это также мечта тибетского народа [Zhongguo gongchandang, 2006, с. 502]. "

¹¹ Р. Д. Шварц пишет: «Для многих из этих тибетцев осуждение Далай-ламы и молодых монахов, участвовавших в демонстрациях, давалось нелегко. Это был первый реальный тест на лояльность для группы реабилитированных лидеров Тибета, не состоящих в партии (называемых по-китайски "патриотическими верхами"). Реформы в Тибете требовали участия некоторых членов руководства до 1959 г. или членов ведущих семейств этого времени, многие из которых были высокоталантливыми людьми – учеными, искусными администраторами, религиозными лидерами. Многие из них были заклеены как реакционеры или осуждены за "плохое классовое происхождение" в 1960–1970 гг. Многие из них сильно пострадали во время "культурной революции" и отсидели в тюрьмах и трудовых лагерях. Но они приложили большие усилия в создании культурных институтов, которые, с китайской точки зрения, служили доказательством модернизации и реформ во время 1980-х гг., – нового университета в Лхасе, Академии социальных наук, Буддийской ассоциации. На самом деле, их сотрудничество имело большое значение для возрождения Тибета. Политически их согласие узаконивало китайское правление в Тибете и уменьшало националистическое недовольство» [Schwartz, 1994, с. 46–47].

Помимо выступлений «патриотических верхов» кампания «против раскола» включала в себя усиленный социальный контроль всех слоев общества. Для борьбы с расколом создавались многочисленные рабочие группы, которые посылались в организации всех уровней, сельские местности, монастыри. Надо сказать, что работа групп была крайне неэффективной. Лекции, проводимые политработниками, не оказывали должного воздействия на население, а зачастую приводили к обратным результатам. Восхваление политики партии и критика «клики Далая» воспринимались в лучшем случае скрепя сердце, а зачастую вызывали всплеск антикитайских эмоций, особенно в монастырях.

Между тем ситуация в Тибете продолжала оставаться напряженной. Демонстрации монахов и монахинь продолжались, но полиция быстро расправлялась с ними. Атмосфера начала накаляться к концу 1987 г. Приближался праздник Монлам, на котором должны были присутствовать около 2 тыс. монахов для проведения молебствий. Риск повторения беспорядков был очень большой, и власти решали, проводить праздник, как было запланировано, или отменить. В Лхасе и Чэнду прошла серия тайных совещаний. Затем на собрании Политбюро КПК под руководством нового Генсека Чжао Цзыяна, проведенного в Пекине в ноябре, его члены признали, что частично проблемы вызваны неправильным исполнением тибетской политики. Но в то же время собрание заключило, что политика была чересчур либеральной, и это положило начало отступлению от первоначального подхода [Goldstein, 1997, с. 81]. Для того чтобы показать миру, что религиозная политика правительства работает, Пекин все-таки принял решение не отменять праздника, которое оказалось, по словам М. Голдстейна, «в ретроспективе неверным» [там же]. Первый секретарь тибетского парткома У Цзинхуа заявил, что придет на праздник в тибетском национальном костюме, это символизировало бы уважение к традициям тибетского народа. Панчен-лама, по планам Пекина, должен был успокоить монахов, представить от правительства денежную компенсацию, пообещать, что контроль над религией смягчится, если они сосредоточатся на религии, а не на политике.

Однако монахи Гандэна, Дрепун и Сэра решили бойкотировать наступающий праздник. Они посчитали недопустимым его проведение в то время, когда сотни монахов находятся под арестом, а в монастырях продолжаются сессии политического перевоспитания. В ответ на требования монахов 21 января 1988 г. правительство выпустило 59 человек, оставив в заключении 15. Освобождение монахов совершилось благодаря личному вмешательству Панчен-ламы, который около двух недель находился в Лхасе. На следующий день Панчен-лама объявил собранию монахов в монастыре Дрепун, что правительство выделяет 2 млн юаней компенсации (500 тыс. дол.) трем лхасским монастырям (Дрепун, Сэра и Гандэн).

Таким образом, религиозный праздник состоялся, хотя на нем присутствовало значительно меньше монахов, чем предполагалось. Монлам проходил без эксцессов до последнего дня, 5 марта. После окончания церемонии выноса статуи Майтрейи монахи из Гандэна бросились к платформе, где находились официальные лица, и начали требовать освобождения оставшегося в заключении Юйлу Дава Церина и выкрикивать лозунги тибетской независимо-

сти [Schwartz, 1994, с. 80]. Когда все уже думали, что праздник окончился без проблем, ситуация вышла из-под контроля и вылилась в еще одно ужасное восстание, в котором приняло участие несколько тысяч человек. Для подавления восстания полиция использовала слезоточивый газ, электрошоки для скота, танки. Согласно свидетельствам тибетцев, было убито от 8 до 15 монахов [Schwartz, 1994, с. 82]. Убит один китайский полицейский, сожжено несколько китайских магазинов.

Оценивая причины восстания тибетцев, М. Голдстейн писал:

В этой атмосфере квинтэссенция и символ тибетской цивилизации и величия – монахи – обеспечили катализатор для разжигания гнева. Восстания 1987 и 1988 гг. были, таким образом, спонтанным взрывом сдерживаемого возмущения и гнева. Это было не столько отрицание реформ, сколько непланировавшийся ответ на ситуацию, которую тибетцы представляли себе как символ потери своей национальности и очернения своей культуры с начала 1959 г. доминирующей и чуждой группой. У них было много схожего с ужасными расовыми восстаниями, с которыми США столкнулись в Уотсе и других внутригородских районах, или с возмущением коренных американцев, вспыхнувшим в Вундед Ни. Когда тибетцы увидели, что полиция избивает невооруженных монахов, они ответили своим этническим сердцем. Они ответили не на плохие материальные условия, а на прошлые несправедливости и настоящее доминирование чуждого большинства. Строительство еще одного стадиона или дороги, завода или жилого дома уже не могло решить проблему в Лхасе, как не могло оно решить в американских гетто [Goldstein, 1997, с. 86–87].

В апреле 1988 г. китайская сторона объявила, что если Далай-лама отбросит идею независимости, то он может жить в Тибете (а не в Пекине). Через два месяца, 15 июня, Далай-лама выступил в Европейском парламенте в Страсбурге (Франция), где он конкретизировал условия своего возвращения:

Весь Тибет, известный под названием Cholka-Sum (U-Tsang, Kham and Amdo), должен стать самоуправляющейся демократической политической общностью, основанной на законе через соглашение народа для общего блага и защиты себя и своей окружающей среды, в ассоциации с Китайской Народной Республикой.

Правительство Китайской Народной Республики может оставаться ответственным за тибетскую иностранную политику. Правительство Тибета, однако, должно развивать и поддерживать отношения через собственный Департамент иностранных дел в области религии, торговли, образования, культуры, туризма, науки, спорта и другой неполитической деятельности. Тибет должен вступить в международные организации, связанные с этой деятельностью.

Правительство Тибета должно быть образовано по Конституции Основному закону. Основной закон должен обеспечить демократическую систему правительства, которому поручается задача обеспечения экономического равенства, социальной справедливости и защиты окружающей среды. Это означает, что правительство Тибета будет иметь право решать все дела, связанные с Тибетом и тибетцами.

Индивидуальная свобода является истинным источником и потенциалом развития любого общества, правительство Тибета будет стараться обеспечить эту

свободу с помощью обращения к Всеобщей декларации прав человека, включая права на свободу речи, собраний и религии. Вследствие того, что религия составляет источник тибетской национальной идентичности, а духовные ценности лежат в самом сердце богатой тибетской культуры, особой обязанностью правительства Тибета будет защита и развитие ее практики.

Правительство должно быть образовано избранным населением главой исполнительной власти, двухпалатной законодательной ветвью и независимой судебной системой. Его место должно быть в Лхасе.

Социальная и экономическая система Тибета должна определяться в соответствии с желаниями тибетского народа, особо принимая во внимание необходимость поднятия жизненных стандартов всего населения.

... Для гарантии превращения Тибета в истинное убежище мира посредством демилитаризации должна быть созвана региональная местная конференция. До тех пор пока мирная конференция не будет созвана и не будут достигнуты демилитаризация и нейтрализация, Китай может иметь право содержать ограниченное число военных объектов, исключительно в целях обороны.

Для создания атмосферы доверия в проведении успешных переговоров китайское правительство должно прекратить нарушения прав человека в Тибете и отменить политику перемещения китайцев в Тибет¹².

Далай-лама заявил также, что готов обсудить с китайским правительством свои предложения и назвал членов делегации на переговоры, в их числе датский юрист по международному праву Michael van Walt van Praag. Выступление Далай-ламы в Страсбурге было признано важной и смелой инициативой большинством экспертов по тибетскому вопросу. Далай-лама впервые во всеуслышание заявил, что не ищет полной независимости, принимает Тибет частью Китая, правда, в некоем «ассоциированном» виде. Однако он потребовал новый автономный статус для Тибета, во многом схожий со статусом во времена Цин, в котором Китаю будет принадлежать минимальное количество власти в осуществлении внутренних дел Тибета¹³.

Страсбургские предложения Далай-ламы были встречены в Пекине с двойственным чувством. Далай-лама не требовал независимости. Категорический отказ от предложений, в которых мир, вернее, Запад, видел конкретный

¹² Address to Members of the European Parliament, Strasburg, 15 June 1988 // <http://www.tibet.net>.

¹³ В то время как мировая общественность с одобрением приняла инициативу Далай-ламы, часть тибетской эмиграции восприняла отказ Далай-ламы от независимости как продажу интересов Тибета. Страсбургские предложения Далай-ламы были подвергнуты резкой критике со стороны Тибетского молодежного конгресса, Европейской тибетской молодежной ассоциации и старшего брата Далай-ламы Тубтэна Норбу, который послал письмо тибетцам всего мира, с критикой решения своего брата отказаться от идеи независимости [Goldstein, 1997, с. 139]. См. также: Phuntsog Wangyal. Giving Up the Struggle // *Tibetan Review*. 1988. № 9. Vol. 23. С. 9–11; Jamyang Norbu. In Deng's Grave New World, An Illusion Dies // *Tibetan Review*. 1989. Vol. 24. № 8. С. 13–17. Оба автора утверждают, что предложение Далай-ламы – это план, инспирированный иностранцами, в котором Edward Heath, Lord Ennals, Jimmy Carter, Michael van Walt van Praag играют главную роль.

шаг к достижению компромисса, поставил бы Китай в затруднительное положение, тем более что Дэн Сяопин и другие высшие руководители КНР неоднократно заявляли, что предметом обсуждений могут быть любые вопросы, кроме независимости. С китайской стороны поначалу наблюдалось примирительное отношение. Агентство Франс-Пресс процитировало официального представителя Китая Мо Чжаопина, который говорил, что хотя «частичная независимость неприемлема... мы считаем, что появилось изменение в тоне» [цит. по: Grunfeld, 2006, с. 336]. Тем не менее после проявления некоторой заинтересованности возобладала позиция сторонников жесткой линии, и предложения были отвергнуты, но на этот раз в достаточно мягкой форме на основании того, что план Далай-ламы – это завуалированная форма независимости. 23 сентября 1988 г. китайское посольство передало представителю Далай-ламы в Нью-Дели формальный ответ на Страсбургские инициативы:

Мы приглашаем Далай-ламу на переговоры с Центральным правительством в любое время. Переговоры могут проходить в Пекине, Гонконге или в любом нашем посольстве или консульстве за границей. Если Далай-лама считает неудобным проведение переговоров в этих местах, он может выбрать любое другое по своему желанию. Но здесь есть одно условие: иностранцы не должны вовлекаться [в процесс]. Мы готовы назначить официальное лицо соответствующего ранга для проведения прямых переговоров с Далай-ламой.

Существуют два пункта, требующие пояснения: 1) Мы никогда не признавали правительство Кашаг, которое всегда было вовлечено в деятельность по независимости Тибета. Мы не примем никакую делегацию или исследовательскую группу, назначенную правительством Кашаг. 2) Новые предложения, выдвинутые Далай-ламой в Страсбурге, не могут считаться базой для переговоров с Центральным правительством, потому что в них совсем не отбрасывается концепция независимости Тибета. Если Далай-лама искренен в улучшении отношений с Центральным правительством и действительно заботится о счастье тибетского народа, экономическом развитии и процветании тибетской нации, он должен на самом деле отказаться от идеи независимости. Далай-лама должен занять место в большой семье единой родины и примкнуть к центральному правительству, народному правительству Тибета и тибетскому народу в обсуждении основной политики в отношении Тибета¹⁴.

Таким образом, стало очевидно, что стороны не хотят идти на дальнейшие уступки, вследствие чего планируемые переговоры так и не состоялись. А через полгода после провозглашения Страсбургских предложений 27 января 1989 г. скоропостижно скончался Панчен-лама. Смерть второго иерарха Тибета вызвала неожиданную инициативу с китайской стороны пригласить Далай-ламу на поминальные церемонии через Буддийскую ассоциацию Китая [Goldstein, 1997, с. 90]. Возможно, китайские лидеры считали Далай-ламу более гибким политиком, нежели его советников, и более склонным к компромиссу. Однако Далай-лама отклонил предложение Буддийской ассоциации, сославшись на то, что они уже сделали все церемонии в Дхарамса-

¹⁴ News from China. № 40. New Delhi: Embassy of the Peoples Republic of China, 28 September 1988. Цит. по: Norbu, 2001, с. 323.

ле. М. Голдстейн пишет: «Оглядываясь назад, многие считали, что это была одна из самых значительных из числа упущенных возможностей эры после 1978 г.» [Goldstein, 1997, с. 90].

Обстановка в Тибете продолжала оставаться напряженной. Приверженцы жесткой линии причину беспорядков видели, причем не без оснований, в либеральной политике, проводимой реформаторами. «Мы должны ответить решительным, точным и быстрым ударом на преступления кучки сепаратистов, – писала 13 марта 1988 г. «Сицзан жибао». – [Они] являются причиной этого землетрясения, раковой опухолью общества» [цит. по: Grunfeld, 2006, с. 336]. Глава Департамента общественной безопасности Цяо Ши призывал «правительство одобрить в отношении мятежников политику безжалостного подавления» [там же]. Панчен-лама был единственным, кто выступал против партийных консерваторов. Он постоянно предупреждал об опасности возвращения к левацким методам руководства тибетскими делами. Он говорил в феврале 1988 г.:

Сегодня я хочу прояснить один вопрос. После того, как в Лхасе произошли беспорядки, некоторые люди стали думать, что они случились из-за того, что мы слишком далеко зашли в исполнении рабочих указаний, возмещении ущерба, осуществлении политики исправления прежних ошибок. Из-за того, что мы зашли слишком далеко в осуществлении религиозной политики, ламы стали слишком высокомерными, из-за того, что мы зашли слишком далеко в осуществлении национальной политики, поднялись узколобые национальные настроения. Поэтому они решили, что после случившихся беспорядков мы должны вернуться назад к старой практике, остановить проводимую политику релаксации, которую мы приняли к руководству, одобрить жесткие меры под предлогом того, что не можем справиться с проблемами. Не так уж много людей придерживаются такой точки зрения, только малая часть наших кадров. Мы должны принять разумную позицию в отношении этой точки зрения и подходить к ней серьезно. Такая точка зрения может вызвать большое несчастье, если будет продолжать распространяться¹⁵.

После смерти Панчен-ламы в Тибете не осталось ни одного влиятельного человека, который мог бы открыто бороться против свертывания либеральной политики и возврата к репрессивным мерам. Ситуация в Тибете продолжала ухудшаться. Протесты и небольшие демонстрации продолжались и, в конце концов, вылились в самую большую антикитайскую демонстрацию с 1959 г. Полиция билась с тибетцами трое суток, убитых было от 80 до 150 человек [Schwartz, 1994, с. 161]. Памятуя о символизме 10 марта, который тибетцы отмечают как День национального восстания, власти объявили военное положение, продлившееся до мая 1990 г.

Конец 1990-х гг. стал для китайского руководства самым трудным периодом с начала объявленных 10 лет назад и обещавших самые блистательные перспективы реформ: кроме оппозиции со стороны тибетцев и уйгуров было также обернувшееся кровавой драмой выступление китайских студентов на

¹⁵ Lhasa Xizang Regional Service in Mandarin, 9 February 1988, in Foreign Broadcast Information Service, China. Цит. по: Schwartz, 1994, с. 49.

площади Тяньаньмэнь. Имидж Китая на международной арене резко упал. Награждение 5 октября 1989 г. Далай-ламы Нобелевской премией мира стало свидетельством успеха кампании интернационализации тибетского вопроса и крушением политики либерализации. Китайское правительство ответило ужесточением политики по отношению к религии, культуре и языку, а основные силы сконцентрировало на скорейшей интеграции Тибета с остальным Китаем.

3. Противостояние

11 декабря 1988 г. У Цзинхуа был снят с должности первого секретаря тибетского парткома. На его место встал Ху Цзинтао, молодой реформатор и протеже Чжао Цзыяна. У Цзинхуа, по национальности *и*, придерживался более мягкой линии в осуществлении политики, и тибетцы в целом хорошо о нем отзывались, тем более, что он любил появляться на торжественных мероприятиях в тибетском костюме. Его снятие с должности связывали с тем, что он не смог предотвратить лхасские беспорядки. Ху Цзинтао, выпускник Университета Цинхуа и Центральной партийной школы, считался одним из перспективных лидеров, принадлежащих молодому поколению Китая. Его назначение ассоциировали с продолжением политики реформ, с одной стороны, и установлением стабильности в регионе, с другой. Ху Цзинтао фактически пробыл в должности всего два года до июля 1990 г., большую часть этого времени Тибет находился на военном положении. С октября 1990 г. его отозвали в Пекин, как оказалось, для того, чтобы он стал преемником Цзян Цзымина. В конце 1992 г. Первым секретарем тибетского райкома был назначен Чэнь Куйюань, который фактически исполнял эту должность с марта на посту заместителя Первого секретаря.

Назначение Чэнь Куйюаня произошло, возможно, по рекомендации Ху Цзинтао [Barnett, 2006, с. 58]. Чэнь Куйюань руководил ТАР почти все последнее десятилетие XX в. За это время произошел полный отход от инициированной Ху Яобаном политики либерализации. «Держать обеими руками, которые должны быть жесткими», т. е. развивать экономику и поддерживать стабильность – девиз, определявший тибетскую политику Пекина последней декады прошлого столетия. По мнению Р. Барнетта, под предлогом развития экономики консервативным руководством преследовались больше политические, чем экономические цели. Он пишет: «Они [консервативные лидеры] видели в политике реформ возможность предупреждения всех возражений против миграции нетибетцев в ТАР как атаку на политику реформ Дэн Сяопина» [там же, с. 44]. Экстенсивный рост экономики за счет огромных инвестиций активизировал бесконтрольную миграцию в Тибет из внутренних регионов страны, приведшую к обострению межэтнических взаимоотношений и маргинализации большинства тибетцев от проводимого государством развития экономики. В идеологической сфере также произошел отход от политики Ху Яобана, учитывающей «специфические характеристики» Тибета. Чэнь Куйюань был ярким противником переговоров с Далай-ламой. Он считал, что со смертью Далай-ламы тибетский вопрос исчезнет сам собой, и поэтому предпринял самые жесткие меры в отношении всякого инакомыслия – религиозного и националистического. Запрет на фотографии Далай-ламы, строгий контроль ре-

лигиозной деятельности, ограничение функций монастырей, подавление любой политической активности – это неполный список деятельности Чэнь Куйюаня на протяжении почти десятилетия его нахождения у власти.

С 1997 г. началось наступление на культурную сферу. Чэнь Куйюань публично заявил, что буддизм – это «иностранный религия» и отнюдь не является существенной частью тибетской культуры. 11 июля 1997 г. он произнес одиозную речь, в которой выразил свое отношение к инакомыслию, религии, культуре и литературе. Он, в частности, сказал:

Странно, что очень мало людей в Тибете и других частях страны делают те же заявления, что и клика Далай. Существует несколько характерных точек зрения, которые нужно показать. Когда вы встречаетесь с такими взглядами, вы должны быть бдительными. Первый из подобных взглядов – это приравнивание тибетской национальной культуры к тибетской религии, утверждение о том, что тибетская национальная культура – это в сущности буддийская культура и что тибетской национальной культуры не было бы, если не было бы буддийской культуры. Некоторые говорят, что учебные материалы в колледжах не будут иметь смысла, если в них не будет включена религия, и что в этом случае колледжи не будут настоящими колледжами. Если бы речь шла о буддийском колледже, мне нечего было бы возразить. Но они говорят о Тибетском университете, поэтому у них совершенно нет основания для подобных голословных утверждений... Мнение о том, что буддийская культура и есть тибетская культура, не только не соответствует реальности, но также принижает родоначальников тибетской национальности и саму тибетскую национальность. Я просто не могу этого понять. Некоторые люди, называющие себя руководителями, делают подобные бесстыдные заявления, смешивая истину и ложь. Товарищи, занимающиеся исследованием тибетской культуры, должны быть возмущены подобными заявлениями. Используя религию в политических целях, сепаратисты лезут из кожи вон, для того чтобы поставить религию над тибетской культурой, использовать разговорный язык и культуру для разжигания споров и антагонизма между национальностями, вот в чем решающий вопрос¹⁶.

Любопытно, что Чэнь Куйюань в своей речи назвал реакционером премьер-министра Тибета XVII в. Дэси Сангье Гьяцо и запретил писать о нем и восхищаться им. После его заявления, что буддизм не может быть предметом преподавания в Тибетском университете, началось постепенное свертывание культурной сферы, в которой могло иметь место проявление тибетской этничности. Последовало сокращение переводческих комитетов, переписывание учебников истории для Тибетского университета, уменьшение приема на тибетское отделение университета. Был фактически заблокирован Закон о языке от 1987 г., согласно которому преподавание в школах средней ступени должно было вестись на тибетском начиная с 1993 г., а большинство курсов университета должно было быть доступно на тибетском языке с 2000 г.

¹⁶ Chen Kuiyuan. Tibet Celebrates Hong Kong Reversion // Xizang Ribao, in Chinese, July 16. Published in Translation a «Tibet Party Secretary Criticizes Erroneous Views of Literature, Art», in the BBC Summary of World Broadcasts, August 4. Цит. по: Barnett, 2006, с. 52–53.

Ухудшение отношений между китайским правительством и Далай-ламой достигло своего апогея в 1995 г. и вылилось в страшную трагедию при утверждении кандидатуры нового Панчен-ламы. Китайское правительство решилось на проведение поиска кандидатуры согласно нормам тибетской религиозной традиции (сны, приметы, предзнаменования), назначив поисковую группу из собственного монастыря Панчен-лам – Ташилунпо, которая должна была выбрать несколько кандидатов, после чего предполагалось проведение церемонии избрания посредством вытягивания жребия из «золотой урны» – традиции, положенной императором Цинской династии Цянь Луном в 1792 г. Избранный таким образом кандидат должен был получить подтверждение правительства и официально стать Панчен-ламой. Этот план, естественно, не устраивал Далай-ламу, который, по тибетской традиции, имел высший авторитет в утверждении кандидатуры Панчен-ламы. Надо сказать, что ввиду исключительной важности дела избрания Панчен-ламы, ни та, ни другая сторона не хотела превращения его в политический конфликт. Далай-лама через своего старшего брата Гьяло Тхондупа предлагал послать лам на помощь в поисках нового перерождения, на что Китай ответил отказом, но разрешил главе поисковой группы – Чадрелу Римпоче войти в контакт с Далай-ламой¹⁷.

Чадрел Римпоче 17 июля 1993 г. передал через Гьяло Тхондупа письмо Его Святейшеству, в котором в почтительнейших выражениях просил помощи в поисках, на что Далай-лама ответил, что Чадрелу Римпоче следует приехать для консультаций в Дхарамсалу. Неформальная переписка продолжалась, а к концу 1994 г. поисковая группа закончила список кандидатов, и Чадрел Римпоче тайно послал Далай-ламе список с подробной информацией о каждом кандидате, а также сообщил Далай-ламе, что, по мнению поисковой группы, истинным воплощением является мальчик по имени Гедун Чоки Нима¹⁸. Чадрел Римпоче считался «патриотическим» религиозным деятелем, но в этом деле он сделал свой выбор в пользу религиозной традиции Тибета. В письме он сказал, что окончательный выбор кандидата лежит за Далай-ламой, и он хотел бы, чтобы мальчик жил и воспитывался в Ташилунпо. При согласии и утверждении Далай-ламы вопрос оставался лишь за тем, как мирно завершить дело так, чтобы каждая сторона сумела сохранить лицо. Для этого было совершенно необходимо, чтобы Китай подтвердил ту же кандидатуру, что и Далай-лама. Для этой цели Чадрел Римпоче предложил уловку, которая заключалась в том, что Далай-лама идентифицирует мальчика и сообщит об этом Чадрелу Римпоче, но его выбор да и сам факт, что Далай-лама сделал выбор, должен остаться в тайне. Далее Чадрел Римпоче должен был сделать так, чтобы китайские власти согласились с его выбором, утвердили и официально интронизировали нового Панчен-ламу, и только после этого Далай-лама может сделать заявление о том, что он первым признал новое перерождение Панчен-ламы. Хотя это вызовет гнев китайцев и поставит Чадрела Римпоче в опасное положение, дело будет уже сделано, и Пекин потеряет лицо, если откажется от своего собственного решения.

¹⁷ Из комментариев Гьяло Тхондупа делегации Национального комитета по связям с Китаем США по: Goldstein, 1997, с. 102.

¹⁸ Далее история конфликта по: Hilton, 1999.

Далай-лама, проведя собственное исследование и гадание, согласился с Чадрелом Римпоче по поводу кандидатуры мальчика. Он также был склонен пойти на это экстраординарное предложение, оставив все дело в тайне. Для того чтобы у него остались неопровержимые свидетельства о том, что он первым признал Панчен-ламу, Далай-лама пригласил известную английскую журналистку Изабэль Хилтон сделать по этому поводу документальный фильм. Для Чадрела Римпоче, тем временем, обстоятельства складывались не самым лучшим образом. Власти срочно требовали от него список кандидатов для церемонии золотой урны, при проведении которой избрание кандидата Далай-ламы, конечно же, подвергалось опасности. Дискуссии одна за другой проводились комитетом по избранию Панчен-ламы, на которых Чадрел Римпоче отчаянно боролся против проведения жребия. Он заявил в конце концов, что провел гадание, согласно которому истинным воплощением является Гедун Чоки Нима, и поэтому жребий посредством золотой урны не требуется. Однако комитет по избранию Панчен-ламы в лице его непримиримого врага Сэнчэна Римпоче и партийного секретаря Сандрупа не принял его предложения. Тогда Чадрел Римпоче отправился в Пекин, чтобы постараться решить дело с центральными властями. Он отправился туда в конце марта 1995 г., и это был последний раз, когда монахи Ташилунпо видели его.

Между тем молчание со стороны Чадрела Римпоче вызвало огромную обеспокоенность в Дхарамсале. Далай-лама сообщил И. Хилтон в Дортмунде, Германия, что ожидание не может более длиться. «Я хочу Вам сказать, что придумал альтернативу плану Чадрела. Так как поисковый комитет монастыря Ташилунпо в Индии спросил меня о моем решении, я вынужден дать ответ. Чадрел Римпоче может прямо заявить китайцам, что так как Далай-лама объявил свой выбор, они должны его подтвердить. Мальчик находится в Китайской Народной Республике, и у них нет контакта с Далай-ламой, поэтому у них нет причины для отказа», – говорил Далай-лама. Он также сказал, что ему нужно обязательно знать мнение Чадрела Римпоче. При его согласии Далай-лама считал, что подходящей датой для объявления решения будет 14 мая, то есть через 10 дней после разговора. В случае отказа Чадрела Римпоче объявления не будет. «Он находится в Китае. Его мнение и безопасность очень важны», – сказал Далай-лама. Были предприняты все усилия для того, чтобы выйти на контакт с Чадрелом Римпоче. Вместе с тем циркулировали упорные слухи о том, что в Ташилунпо делаются приготовления к проведению лотереи и результаты будут немедленно объявлены. Причем предполагалось: они будут объявлены 23 мая – в день подписания Соглашения из 17 пунктов. В течение этого времени было сделано несколько безрезультатных попыток связаться с Чадрелом Римпоче, пока наконец не нашлось одно доверенное лицо, обещавшее во что бы то ни стало передать Чадрелу Римпоче, что 14 мая будет сделано объявление, если только он не будет против. Ответа так и не последовало. Тогда 13 мая Далай-лама провел гадание, по которому стало ясно, что выбор должен быть сделан сейчас. Так 14 мая 1995 г. Далай-лама сделал объявление о признании им Гедуна Чоки Нимы, рожденного 25 апреля 1989 г., 11-й реинкарнацией Панчена Римпоче.

Далее ситуация развивалась трагически. Объявление, по-видимому, застало китайские власти врасплох, так как двое суток от них не было никакой от-

ветной реакции. Затем поступило официальное заявление, что ни правительство, ни Китайская буддийская ассоциация не принимают кандидата Далай-ламы. И. Хилтон срочно отправилась в Лхасу, для того чтобы передать копию объявления Его Святейшества и молитвы. В Лхасе она тайно встретила с доверенным лицом Чадрела Римпоче. Он был в отчаянии. По его словам, сообщение застало Чадрела Римпоче в Чэнду, когда он ждал самолет на Лхасу. Чадрел Римпоче был предупрежден, но думал, что речь идет о 15 мая (разница с тибетским календарем), а также никак не полагал, что объявление может последовать без его согласия. Оказалось, в Пекине он задержался по поводу имущества Панчен-ламы X, которое Ташилунпо оспаривал у супруги покойного. Что касается избрания нового кандидата, то, по словам доверенного Чадрела Римпоче, все шло хорошо, пока один Римпоче, хотевший протолкнуть своего кандидата, не стал подозревать Чадрела и настаивать на лотерее. 11 человек из комиссии вернулись в Тибет, двое остались. Хотя они и не выиграли дело, но вернулись с планом: если придется тянуть жребий, то они намеревались вложить в урну лишь одно имя. Когда они возвращались с этим планом, вдруг неожиданно последовало объявление Далай-ламы. Собеседник И. Хилтон сказал ей, что Чадрел Римпоче просил передать Его Святейшеству: что бы с ним ни случилось, он никогда не отречется от ребенка.

Но утвержденный Далай-ламой в качестве воплощения Панчен-ламы мальчик Гедун Чоки Нима исчез вскоре после его признания в мае 1995 г. А в ноябре в обстановке большой секретности была проведена церемония в храме Джокхан, и другого мальчика, Гьялцэна Норбу, объявили Панчен-ламой XI. Кампания против Далай-ламы приняла отныне облик кампаний «культурной революции». В статье Сюань Вэня в «Сицзан Жибао» от 10 марта 1995 г. Далай-лама назван «представителем безжалостного феодального класса крепостников, который использовал до 1959 г. человеческие черепа и бедренные кости в качестве ритуальных инструментов во время чтения молитв, и руководителем мятежников, предавшим собственную родину»¹⁹. 11 декабря было объявлено, что Далай-лама более не является религиозной персоной.

Чадрела Римпоче, руководившего поиском перерождения Панчен-ламы, объявили предателем, вошедшим в сговор с Далай-ламой, для того чтобы «расколоть родину». Кампания против Чадрела Римпоче стала первой с 1980 г. кампанией по дискредитации религиозной персоны высокого ранга, которого власти считали образцовым патриотическим деятелем. Чадрел Римпоче был осужден в 1997 г. по обвинению в разглашении государственных тайн и деятельности по расколу родины. Гедун Чоки Нима исчез, возможно, навсегда с поля зрения общественности. Китайский представитель в ООН У Цзяньмин сказал на заседании Комиссии по правам детей в Женеве, что мальчик «находится под защитой государства по просьбе его родителей» ввиду опасности «похищения его тибетскими сепаратистами».

И. Хилтон пишет, что встречалась с Далай-ламой несколько раз после этой истории. Когда она спросила Его Святейшество, не сожалеет ли он о своем преждевременном объявлении, он сказал: «Нет, не сожалею. Я ждал несколько месяцев после того, как завершил свой выбор и пытался общаться с ки-

¹⁹ BBC Summary of World Broadcasts. March 28, 1995 // <http://w3nexc.com>.

тайцами. Затем я сделал свое собственное религиозное исследование, следует ли мне делать объявление, и оно было положительным. Поэтому у меня нет сожалений». Через несколько месяцев, когда журналист снова подняла этот вопрос перед Его Святейшеством, он раскрыл перед ней свою острую боль по поводу случившегося с его жестокими последствиями для Чадрела Римпоче и других тибетцев, которые пытались следовать своему духовному призванию. «Я чувствую, – сказал он, – что я здесь совершил преступление, а они там получают наказание» [Hilton, 1999, с. 302]. Большинство из членов диаспоры и западных сторонников, не знавших обстоятельств дела, расценили этот конфликт как победу Далай-ламы. М. Голдстейн пишет, что «их логику трудно понять. Конечно, тибетцам и их западным сторонникам было приятно видеть, что Далай-лама оказал влияние на дело, однако цена, которую он заплатил, была существенна, а приобретения минимальны» [Goldstein, 1997, с. 109].

Судьба Гьялцэна Норбу оказалась также далеко незавидной. Его признание, принятие обетов, взросление поначалу широко освещалось прессой. Однако он был вынужден жить не в Ташилунпо, а в Пекине под большой охраной, так как большинство тибетцев так и не приняло его в качестве истинного воплощения Панчен-ламы. Он продолжал показываться в китайских СМИ по случаю различных торжеств, партийных собраний и религиозных праздников, а потом надолго исчезал с поля зрения. В 2007 г. в Тибете циркулировали упорные слухи о том, что Гьялцэн Норбу бежал из страны²⁰. Однако эти слухи не подтвердились, в феврале 2008 г. агентство Рейтер сообщило о том, что его собираются назначить заместителем председателя ВСНП²¹. Во время волнений, произошедших в марте 2008 г., агентство Синьхуа передавало, что «Панчен-лама XI сурово осудил преступления кучки людей, нанесших серьезный ущерб жизни, имуществу и безопасности людей, и выразил твердую поддержку партии и правительству в осуществляемых в Лхасе мерах»²². Гьялцэну Норбу в феврале 2008 г. исполнилось 18 лет. Не по своей воле он стал очередным инструментом Пекина в попытках противодействия авторитету Далай-ламы. В замыслах Пекина было сделать его лояльным сторонником осуществления своих планов в Тибете. Однако утвержденный китайским правительством Панчен-лама не смог завоевать сердца тибетцев, как его предшественник, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. В день рождения Панчен-ламы X тысячи жителей местности, в которой он родился, выстроились вдоль улиц навстречу его дочери Ябши Пан Риндзин Ванмо, которую приветствовали, как тибетскую принцессу. Более 500 мотоциклов сопровождали ее эскорт к месту рождения ее отца в селе Вэнду провинции Цинхай. Таким образом, оказалось, что в борьбе вокруг нового перерождения Панчен-ламы победа не досталась ничьей стороне. Жертвами оказались оба кандидата. Утвержденный китай-

²⁰ Tibetans' aspirations find expression in rumour. 22 May 2007 // <http://www.tibetfonet.net>.

²¹ Panchen Lama to become youngest China minister – sources. 13 February 2008 // <http://thestar.com>.

²² Lasa saoluan: 11 shi banchan biaooshi zhichi zhongyang (Лхасские беспорядки: Панчен-лама выражает центру поддержку). In Chinese. 2008.03.16 // <http://www.dwnews.com>.

ским правительством в качестве Панчен-ламы, мальчик не получил признания Далай-ламы, поэтому не может считаться в глазах тибетцев истинным воплощением. Известно также, как поведет себя в дальнейшем достигший совершеннолетия Гьялцэн Норбу. История предыдущего Панчен-ламы, Чадрела Римпоче, показывает, что ставка на религиозных деятелей, какими бы патриотичными они не были, далеко не всегда себя оправдывает. История с Агья Римпоче и Кармапой XI подтверждает это.

Агья-лама был настоятелем известного монастыря Кумбум в Амдо (Цинхай). Китайское правительство опасалось, что Гьялцэн Норбу не будет в безопасности, если будет жить и воспитываться в Ташилунпо. Тогда власти решили отправить его на жительство в Кумбум. Однако пронизательный и дипломатичный «патриот» Агья-лама отказался. Когда власти стали на него давить, Агья-лама в 1988 г. покинул страну и уехал в США.

«Предательство» Чадрела Римпоче и Агья-ламы затмил побег Кармапы XI. Кармапа был официально утвержден Центральным правительством в 1991 г. и проживал в своем историческом монастыре Цурпу, пользуясь большим почитанием со стороны верующих. Кармапа представлялся правительством как образцовый патриотический религиозный деятель, а его монастырь рассматривался лхасскими властями как самый патриотический и законопослушный. Летом 1999 г. Кармапа поехал в Ташилунпо для встречи с Гьялцэном Норбу, впервые прибывшего в монастырь под большой охраной. Это был его последний «патриотический» шаг. В конце года Кармапе исполнилось 14 лет, и он объявил, что уходит в ритрит. 26 декабря, выпрыгнув из окна своей спальни и сев в поджидавший его автомобиль, со своей сестрой-монахиней и тремя сопровождающими он бежал к непальской границе. Затем через 9 дней, перейдя Гималаи, Кармапа прибыл в Дхарамсалу [Hilton, 2000, с. 302]. Побег Кармапы стал мировой сенсацией, тибетская диаспора расценила его как большую моральную победу, для китайской же стороны он стал явным поражением. Оказалось так, что держатели линий основных школ тибетского буддизма – Сакья Тризин, Кармапа, Дуджом Римпоче, Тартан Тулку, а также Намхай Норбу Римпоче и многие другие известные тибетские учителя находятся в эмиграции, где продолжают сохранять и развивать живую традицию тибетского буддизма.

Несмотря на широкую огласку за рубежом, которую получили события, развернувшиеся вокруг утверждения Панчен-ламы, и побег Кармапы в Индию, идентификация других важных перерождений с начала 1990-х гг. происходила без особых серьезных проблем между властями и населением. Так, например, в 2006 г. благополучно прошла интронизация Гунтан Римпоче VII, признанного перерождением Гунтан Римпоче VI Чжигмэ Тенпэ Ванчуга (1926–2000), очень влиятельного ламы, пользовавшегося огромной популярностью в Амдо (Цинхай, Ганьсу)²³. На протяжении истории тулку

²³ Grooming a 'patriotic' religious leader – Seventh Gunthang Rinpoche to be enthroned. 30 September 2006 // <http://www.tibetinfonet.net>. Гунтан Римпоче VI был посажен в тюрьму в 1958 г. во время «демократических реформ». После своего освобождения в 1979 г. он внес огромный вклад в возрождение буддизма в Амдо и восстановление собственного монастыря Лавран Ташикил. На самом деле главным тулку монастыря Лавран считается Чжамьян Шепа VI Лобсан Чжигмэ Тубтэн Чоки Нима (род. 1948). Однако во время «культурной революции» его вынудили отказаться от монашеских обетов и жениться. Этот факт еще более увеличил роль и статус Гунтана Римпоче, сделав его по сути главной религиозной фигу-

играли важнейшую роль в социальной жизни своей местности, а после 1980-х гг. стали оплотом возрождения религии в сельской местности. Китайские власти всегда осознавали исключительную важность, которую институт тулку имеет в традиционном тибетском обществе. Поэтому контроль над процессом поиска, идентификации, признания и дальнейшего образования виделся ими как один из основных аспектов их религиозной работы. Так, в июле 2007 г. Государственным департаментом по религиозным делам были утверждены «Меры по управлению перерождениями живых Будд в тибетском буддизме», которые узаконивали контроль государства и религиозных организаций типа Буддийской ассоциации над процессом поиска перерождений. Новые «Меры по управлению перерождениями...» всего лишь подтвердили статус-кво, определившийся в 1990-х гг. в тибетских регионах для контроля над перерождениями, и упорядочили систему регулирования процессом. Центральная тибетская администрация в Дхарамсале оценила новый документ как «абсурдный и незаконный», направленный на «продолжение репрессий и подрыв религиозной культуры Тибета»²⁴.

Возвращаясь к проблеме противостояния в вопросах религии между китайскими властями и Далай-ламой, нельзя обойти вниманием события, связанные с запретом Далай-ламы поклоняться Дорже Шугдэну. Дорже Шугдэн был популярным божеством разряда «хранителей веры» для многих тибетцев, особенно среди приверженцев школы Гелукпа²⁵. Но Далай-лама пришел к заключению, что божество вредоносно, а практика его культа «поощряет религиозную нетерпимость и ведет к вырождению буддизма в культ поклонения духам»²⁶. Далай-лама в течение многих лет выказывал свое неприятие культа, а в 1996 г. выразил свое неодобрение прямо. Он постоянно убеждал тибетцев, в особенности монахов, пересмотреть свое отношение к Шугдэну и просил их, если они не могут отказаться от культа, не присутствовать на проводимых им религиозных церемониях. Под влиянием Далай-ламы многие последователи культа либо отказались от практики, либо уехали из Индии. Большинство мирян, считая, что культ имеет отношение преимущественно к монастырской системе,

рой в Амдо. Во время проводимых им посвящений Калачакры в 1990-х гг. собиралось огромное количество верующих, до 100 тыс. человек. Согласно монахам Лаврана, идентификация прошла с согласия Чжамьян Шепы VI, который собственно и сыграл главную роль в процессе. По традиции, Чжамьян Шепы и Гунтан Римпоче должны взаимно утверждать перерождения друг друга.

²⁴ Piercing one's shield with one's spear. About the 'Management Measures for the Reincarnation of Living Buddhas in Tibetan Buddhism'. 16 November 2007 // <http://www.tibetinfonet.net>.

²⁵ До 1959 г. поклонение божеству совершалось последователями школы Гелукпа. Наибольшее количество почитателей культа было в Восточном Тибете, а также в монастырях Сэра и Ташилунпо. В XX столетии культ Шугдэна проповедовал Пабонка Римпоче, а также ученик Пабонки Римпоче, наставник Далай-ламы Гричжан Римпоче.

²⁶ Цит. по: Sowing dissent and undermining the Dalai Lama. 21 May 2008 // <http://www.tibetinfonet.net>.
16–50

последовали совету Далай-ламы. Тибетцы в Тибете, в том числе монахи, также в большинстве своем последовали совету Далай-ламы и воздерживались от практики боже-ства.

Однако часть наиболее ревностных почитателей культа Дорже Шугдэна во главе с Ганчэн-ламой (Италия) встала в оппозицию решению Далай-ламы. С 2005 г. наблюдался рост различных инцидентов, связанных с культом, вплоть до пресс-конференции, организованной последователями Шугдэна в апреле 2008 г. в Дели, на которой Кунделин Римпоче выступил с резкой критикой Далай-ламы, обвиняя его в преследовании адептов Шугдэна наподобие «апартеида и нацизма» и поощрении волнений в Тибете весной 2008 г.²⁷ Примечательно, что в связи с полемикой вокруг культа Шугдэна, китайское правительство в своих попытках принизить авторитет Далай-ламы в Тибете сразу же встало на сторону последователей Шугдэна. Культ божества получил широкую административную и финансовую поддержку со стороны властей и тибетских высокопоставленных чиновников, пытавшихся использовать полемику вокруг Шугдэна ради собственного продвижения. Например, в монастыре Гандэн в феврале 2006 г. монахи Нгари-кхамцена разрушили статую божества в знак солидарности с позицией Далай-ламы. 22 января 2007 г. была проведена официальная церемония инсталляции и освещения новой статуи Шугдэна, доставленной в Тибет из Катманду Ганчэн-ламой взамен разрушенной. На церемонии присутствовало большое количество официальных лиц и последователей культа, в основном из Восточного Тибета. Так культ Шугдэна, несмотря на сопротивление большинства тибетцев популяризации божества, внес раскол в тибетскую среду как внутри Тибета, так и за его пределами, а деятельность ревнивых почитателей культа и вмешательство в инцидент китайских властей продолжают разжигать проблему.

Тем временем усилия тибетской диаспоры по интернационализации тибетского вопроса стали приносить ощутимые результаты. В конце 1986 – начале 1987 г. тибетцы организовали митинги и собрания в Лондоне, Нью-Йорке и Вашингтоне (DC), создавая тем самым так называемое тибетское лобби. Далай-лама путешествовал по всему миру и встречался с главами правительств, членами парламентов, религиозными и общественными деятелями. Политической кампании, развернутой в Соединенных Штатах, содействовала влиятельная юридическая фирма Вилмера, Кутлера и Пикеринга (Wilmer, Culter & Pickering), известная своим умением лоббировать американский конгресс и Белый дом. В июле 1985 г. она зарегистрировалась в Министерстве юстиции в качестве представителя «тибетского правительства в изгнании» [Grunfeld, 2006, с. 334]. Параллельно с усилиями добиться поддержки на государственном уровне была организована широкая кампания по обретению массовой поддержки по всему миру. В Индии, Германии, Дании, Великобритании созывались конференции по тибетскому вопросу, по всему миру были созданы группы поддержки, включающие в себя парламентариев США, Англии, Германии, Канады, Норвегии, Италии и других стран. Интернационализация тибетского вопроса способствовала росту популярности тибетского буддизма на За

²⁷ Sowing dissent and undermining the Dalai Lama. 21 May 2008 // <http://www.tibetin-fonet.net>.

паде и во всем мире, особенно приобщение к буддизму голливудских звезд. Прославившиеся на весь мир фильмы «Семь лет в Тибете», «Маленький Будда», «Кундун» и другие, выступления Ричарда Гира в качестве друга Далай-ламы и Тибета способствовали пропаганде тибетского вопроса, возможно, больше, чем резолюции парламентов западных стран.

В марте 1988 г. в Вашингтоне была создана Международная кампания за Тибет (International Campaign for Tibet), зарегистрированная как иностранный представитель Его Святейшества Далай-ламы, и начала публикацию «Тибетского печатного эфира» (Tibet Press Watch). Результатами кампании интернационализации стали вышеупомянутые резолюции американского Конгресса, резолюции Европейского парламента, парламентов Дании, Италии, награждение Далай-ламы Нобелевской премией мира, выделение грантов тибетским беженцам, запрет на экспорт в КНР товаров обороны, создание программы на тибетском языке на радио «Голос Америки» и «Свободная Азия». В 1997 г. президент Б. Клинтон под давлением общественности и Конгресса создал пост специального координатора по тибетским делам. Президенты Б. Клинтон и Дж. Буш неоднократно встречались с Далай-ламой для «частной беседы», а правительство США периодически призывало КНР к конструктивному диалогу с Далай-ламой.

Нет нужды говорить, что кампания вызывала резкую оппозицию со стороны китайского правительства, каждый раз выражавшего свой протест действиям американского Конгресса, считая их вмешательством во внутренние дела суверенного государства. В руководстве Китая всегда велась борьба между двумя направлениями, консервативным и умеренным, или, условно говоря, левым и правым. Решения, принимаемые на высшем уровне, всегда были коллегиальными и зависели от того, какое направление в данный момент имело большее влияние. Даже такие харизматические лидеры Китая, как Мао Цзэдун и Дэн Сяопин не могли не считаться со своими партийными оппонентами. События на площади Тяньаньмэнь позволили консервативному крылу в партии возобладать в руководстве Китая. Приоритетными для Китайского государства стали единство и стабильность, отныне возведенные в догму, согласно которой решаются все другие государственные проблемы, в том числе и тибетский вопрос. Беспрепятная критика Пекина со стороны Запада задевает Китай психологически. Китайское правительство, как и подавляющее большинство его граждан, не может понять, почему, казалось бы, законное право государства охранять свои единство и целостность встречает столь яростную оппозицию, при том что, по их мнению, правительство приложило огромные усилия, для того чтобы поднять уровень жизни тибетцев. Китайские интеллектуалы, включая диссидентов, согласны с правительством в критической оценке роли Запада в тибетском вопросе.

В 1990-х гг. в Китае стал наблюдаться рост китайского национализма, который стал обретать форму антиамериканизма практически на всех уровнях – официальном, интеллектуальном и массовом²⁸. Примечательно, что большин-

²⁸ Бывший посол США в Китае Джеймс Лилли говорил в 1995 г.: «Китайский национализм сегодня типичный образец антиамериканизма» [цит. по: Guangqiu Xu, 1998, с. 194].

ство китайских ученых, приглашенных в американские университеты и проживших в Америке определенное время, настроены против США. В их взглядах произошла эволюция от восхищения до полного неприятия двойных стандартов американской политики. В работах китайских интеллектуалов превалирует мнение, что на Западе сложилась «конспираторская теория», согласно которой в стремительно развивающемся Китае видят угрозу сложившемуся мировому порядку с доминированием западных держав, и поэтому против КНР развязана новая холодная война, в которой используется тибетский вопрос в целях дезинтеграции Китая по примеру Советского Союза. По мнению Сюй Минсю и Юань Фэна, являющимися независимыми учеными Кембриджа (Массачусетс), Конгресс США своими действиями оскорбляет весь китайский народ, в особенности ханьцев, составляющих большинство населения Китая. Они пишут: «США, по видимому, не понимают китайский народ и китайское общество. В Китае приблизительно 6 миллионов тибетцев и 6 миллионов уйгуров. Количество ханьцев в 100 раз выше, чем тибетцев и уйгуров вместе взятых, или 1,3 миллиарда. Было бесполезно и будет бесполезно для США поощрять национализм и этническое разобщение тибетцев и туркестанцев, так как их население слишком мало, для того чтобы позволить себе отколоться от Китая с куском земли в качестве своих территорий. Неожиданный результат в том, что эта новая холодная война пробудила национализм у китайцев-ханьцев и настроила их против США за их враждебную позицию и поведение в отношении Китая. Она заставляет их встать рядом с коммунистическим правительством, которое в состоянии защитить единство страны и вступить за их интересы» [Xu Mingxu, Yuan Feng, 2006, с. 315].

4. Продолжение диалога и новая конфронтация

Несмотря на жесткое противостояние на внешнем уровне, неформальные отношения между китайской и тибетской сторонами продолжали сохраняться благодаря посреднической деятельности старшего брата Его Святейшества Гьяло Тхондупа, единственного представителя Далай-ламы, с кем Пекин никогда не отказывался иметь дело. Гьяло Тхондуп – личность неординарная и во многом непредсказуемая, его действия зачастую шли вразрез с мнением руководства диаспоры и подвергались сильнейшей критике. Гьяло Тхондуп, пожалуй, наиболее гибкий политик в окружении Далай-ламы, склонный идти ради конкретных решений на разного рода компромиссы. Он первый, кто вышел на контакт с американцами и с кем была связана эпопея американской помощи со стороны ЦРУ конца 1950-х и начала 1970-х гг., также он первым вышел на контакт с китайцами в конце 1970-х гг. В сентябре 2005 г. Гьяло Тхондуп говорил по поводу смены своих предпочтений: «Американцы на самом деле не являются очень надежными. У меня есть опыт. В 1950–1960-х гг. Америка обещала нам поддержку во многих вещах, включая независимость, если мы будем бороться с Китаем. Но в конце концов предала нас... Я считаю, вследствие того что наша проблема связана с китайским народом и китайским правительством, нам следует попробовать связаться напрямую с китайцами, так как Китай – это самое важное. Китай по-прежнему остается в Тибете. Миллионы наших людей находятся под контролем китайского правительства. Поэто-

му наиболее для нас практический и реалистический путь – это иметь дело напрямую с китайским правительством. Поэтому я и езжу в течение последних 26 лет в Китай разговаривать с китайским правительством»²⁹.

В апреле 1992 г. Гьяло Тхондуп по просьбе китайского правительства возобновил переговоры в Пекине. Неформальные отношения продолжали иметь место вплоть до 1998 г., а в 2000 г. Гьяло Тхондуп вновь был в Пекине. Судя по всему, все эти переговоры не имели каких-либо конкретных результатов [Grunfeld, 2006, с. 340]. Затем в июле 2002 г. Гьяло Тхондуп приехал в Пекин, когда отмечалась 5-я годовщина воссоединения Гонконга. На этот раз ему было позволено посетить Тибет впервые после его бегства в 1952 г. А двумя месяцами позже в Пекин прибыла официальная делегация от Далай-ламы во главе с Лоди Гьяри. С 2002 по 2007 г. прошло шесть раундов переговоров между Центральным правительством и посланниками Далай-ламы. Пекин фактически умалчивал проведение переговоров, в то время как официальные заявления тибетской стороны были, как правило, исполнены позитивизма и надежды, хотя мало проясняли суть ведущихся дискуссий.

По мнению многих аналитиков, Китайское правительство возобновило переговоры в 2002 г. из-за предстоящих в 2008 г. Олимпийских игр в Пекине. Как показало время, шесть раундов переговоров также не принесли каких-либо результатов, что позволило многим предположить, что Пекин, создавая видимость продолжения переговорного процесса, пытается выиграть время, для того чтобы сохранить статус-кво перед проведением в Китае Олимпийских игр. По словам Калона Трипа, проф. Самдона Римпоче, камнем преткновения на переговорах по-прежнему продолжали оставаться два вопроса – исторический статус Тибета и проблема объединения тибетских земель в единый административный район³⁰. Трудно сказать, какие конкретные действия Пекина побудили тибетцев и тибетское лобби начать новую антикитайскую кампанию³¹. Однако тактика давления на Китай перед Олимпийскими играми под предлогом общечеловеческих ценностей (права человека, религиозная свобода, окружающая среда) оказалась весьма действенной в плане обретения мировой поддержки и эскалации протестов внутри Тибета и за его пределами. Она поставила Китай в оборонительную позицию, но не заставила его быть более уступчивым за столом переговоров.

В январе 2006 г. Далай-лама обратился с просьбой к тибетцам воздержаться от использования мехов и шкур редких диких животных, назвав подобную практику «гротеском». В течение 2006–2007 гг. в Тибете наблюдались такие проявления поддержки и лояльности по отношению к Далай-ламе, как коллективное сжигание мехов и шкур редких животных, а также вышеупомянутые протесты монахов против культа Шугдэна. С конца 2006 г. Лоди Гьяри

²⁹ Give up on the USA, deal directly with China: Gyalo Thondup. Dharamsala, India, 7 September 2005 // <http://www.LobsangWangyal.com>.

³⁰ Kalon Tripa's Statement on 'Future Prospects for Tibet. Friday, 20 June 2008 // <http://www.TibetNet.com>.

³¹ По крайней мере, переговорный процесс продолжал иметь место. Для тех, кто не имеет доступа к внутренней информации по процессу переговоров, трудно судить об их конкретном содержании.

провел несколько брифингов о статусе переговорного процесса, утверждая, что он более не считает себя обязанным придерживаться конфиденциальности, о котором стороны договорились, по причине того, что Китай неоднократно давал выборочные детали переговоров³².

А в октябре 2006 г. международная кампания за Тибет (ICT) объявила «Состязание за Тибет» (Beijing 2008: Race for Tibet). В прокламации ICT писалось:

ICT выражает серьезную озабоченность решением Международного олимпийского комитета предоставить проведение летних Олимпийских игр-2008 Китаю, коммунистическому государству, известному всему миру в качестве грубого нарушителя прав человека. Уже полвека Китай продолжает незаконно оккупировать Тибет, а его политика направлена на разрушение тибетской национальной идентичности и подавление основных свобод тибетского народа. Такая политика несовместима с поведением великих держав.

Цель Олимпийских игр – это строительство безопасного и еще более гармоничного мира и поддержка международного понимания в целях обучения молодежи Земли посредством спорта и культуры. ICT поэтому будет активно противодействовать любой попытке Китая злонамеренно использовать Игры и спортсменов, для того чтобы неправильно представлять отношения между Китаем и Тибетом или присваивать то, что есть тибетское, изображая это как китайское.

В приближении Игр для Китая существует возможность принять меры, которые смогут поощрять и защищать человеческие права, включая прямой разговор с Далай-ламой для нахождения мирного и законного решения для Тибета. Поскольку стрессы китайской миграции, культурной ассимиляции и деградации окружающей среды нарастают в Тибете, постольку нарастает также актуальность миссии ICT по его спасению. Поэтому Пекин-2008 – это более чем спорт, это состязание за Тибет.

Так как Пекинские игры-2008 быстро приближаются, Китай должен сделать трудный выбор: сделает ли Китай из Игр посмешище, используя их для продолжения своих фальшивых притязаний на Тибет, или Китай будет работать для достижения истинного решения для Тибета посредством соглашения с Далай-ламой и получит мировое признание?

Международная кампания за Тибет рекомендует:

Китаю воспользоваться этой исторической возможностью и показать миру, что он достойный хозяин Олимпийских игр-2008 посредством:

прекращения нарушений прав человека в Тибете; и прямым вовлечением Далай-ламы в поиск договорного решения для Тибета³³.

Кампания стремительно набирала обороты. Помимо широкого круга мировой общественности к поддержке тибетцев присоединялось все больше официальных лиц стран всего мира. Апогеем всех этих событий стало награждение Далай-ламы 17 октября 2007 г. Золотой медалью Конгресса США, ко-

³² Sixth round of Sino-Tibetan dialog on the way. 28 June 2007 // <http://www.tibetinfonet.net>.

³³ Beijing 2008: Race for Tibet. October 2006. International Campaign for Tibet // www.savetibet.org.

тору вручал лауреату лично президент США Джордж Буш, назвавший Его Святейшество «универсальным символом мира и терпимости, пастырем верящих и держателем факела для своего народа»³⁴. Впервые в истории американо-тибетских отношений действующий американский президент официально встретился с Далай-ламой и лично вручил ему самую высокую награду Конгресса США.

5. 2008 год – хроника событий³⁵

6 февраля. Репортеры без границ (Reporters Without Borders, RWB) осудили китайское правительство за невыполнение своих обязательств перед Олимпийскими играми. Согласно их заявлению, китайское правительство, для того чтобы выиграть проведение Олимпийских игр, дало в 2001 г. обещание, что Игры «помогут улучшить права человека» и что будет «полная свобода прессы» до и после Игр. RWB заявили, что «ничего этого не произошло». По их словам, около 80 журналистов и Интернет-пользователей находятся в заключении, 180 иностранных журналистов арестовано, подвергнуто атаке или угрозам в Китае в 2007 г. Группа заявила, что трое тибетцев получили длительные сроки в прошлом, 2006, году из-за их сообщений о репрессиях, которые они отсылали за границу.

8 февраля. Железная дорога Голмуд–Лхаса за 18 месяцев с начала открытия до конца 2007 г. перевезла 5,95 млн пассажиров.

11 февраля. Тысячи монахов и сельских жителей по всему Тибету возжигают лампы и читают мантры в честь 70-й годовщины со дня рождения Панчена Ринпоче, тысячи монахов и сельских жителей встречают дочь Панчен-ламы Ябши Пан Риндзин Ванмо. В интервью агентству Рейтер, она заявила, что «эти молитвы свидетельствуют о том, что мой отец по-прежнему живет в сердцах людей».

21 февраля. Стычки между тибетской толпой и полицией в Ребконе, Цинхай, во время Монлама.

³⁴ Когда вручали Золотую медаль Его Святейшеству в зале Ротонды Капитолия, мне довелось находиться на западном склоне капитолийского холма вместе с огромным количеством тибетцев и друзей Тибета, собравшихся по торжественному случаю и смотревших церемонию по большому экрану. После окончания церемонии Далай-лама спустился в сопровождении Ричарда Гира, официальных лиц американского истеблишмента, тибетского правительства в изгнании и других высокопоставленных гостей и обратился к собравшимся с небольшой речью. Было действительно отраднo видеть, как почитают и уважают Его Святейшество в Америке, как гордятся тибетцы своим лидером и как благодарны они поддержке, которую получают в западном мире.

Радуюсь за тибетцев, я не могла, тем не менее, избавиться от чувства горечи за нашу страну, в которой из-за недостатка политической воли руководителей государства буддисты России лишены возможности встречи со своим духовным лидером.

³⁵ Поскольку речь идет о событиях, происходящих в настоящее время (2008 г.), я посчитала целесообразным привести выборку событий без комментариев, так как они представлены в Интернете преимущественно на сайте: <http://www.tibetinfonet.net>, который считаю более достоверным, чем, например, www.savetibet.org. Там, где материал взят из другого источника, я привожу ссылку, в остальных случаях имеется в виду <http://www.tibetinfonet.net>.

25 февраля. Олимпийский тибетский огонь-2008 прибыл на Тайвань 24 февраля 2008 г. как начало альтернативных тибетских Олимпийских игр, организованных тибетским продюсером из эмиграции Лобсаном Вангьялом.

29 февраля. (Синьхуа) Потала и Норбулинка в 2007 г. получили более 1,63 млн юаней, на 53,7 % больше, чем в предыдущем году. В 2008 г. ожидается приезд в Тибет более 5 млн туристов, в 2007 г. в ТАР их было 4,02 млн.

3 марта. Кашаг Центральной тибетской администрации в Дхарамсале призвал тибетцев не прибегать к насилию во время эстафеты олимпийского огня в Индии. В руководстве Кашага говорилось: «Обращение тибетцев к насилию, что является противозаконным и создает помехи народу и правительству Индии, не должно быть разрешено». Далай-лама поддерживает КНР в его праве принимать Олимпийские игры. Заявление Кашага также констатирует: «Его Святейшество периодически заявляет, что Олимпийские игры в Китае должны быть успешно проведены без помех, ведь событие долгое время ожидалось китайцами с великой гордостью и счастьем».

4 марта. По словам представителя Постоянного комитета ВСНП Цзян Энчу, избранный китайцами в качестве Панчен-ламы XI Гьялцэн Норбу не стал членом Постоянного комитета, так как ко времени проведения выборов ему еще не исполнилось 18 лет.

6 марта. Китайский президент Ху Цзинтао сказал на сессии ВСНП: «Стабильность Тибета касается стабильности всей страны, и безопасность Тибета касается безопасности всей страны».

9 марта. Сотни фотографий Далай-ламы были конфискованы в домах Чжекундо, Цинхай.

10 марта. Его Святейшество Далай-лама сделал заявление по случаю 49-й годовщины Дня тибетского национального восстания³⁶:

По случаю 49-й годовщины мирного восстания тибетского народа в Лхасе 10 марта 1959 г. я возношу молитвы и отдаю дань тем храбрым мужчинам и женщинам Тибета, кто претерпел несказанные трудности и отдал жизнь за дело тибетского народа, выражаю свою солидарность с теми тибетцами, кто подвергается в настоящее время репрессиям и жестокости. Я также приветствую тибетцев внутри и за пределами Тибета, тех, кто поддерживает тибетский вопрос, и тех, кто привержен справедливости.

Около шести десятилетий тибетцы всего Тибета, известного как Cholka-Sum (U-Tsang, Kham, Amdo), вынуждены жить под китайскими репрессиями в состоянии постоянного страха, угроз и подозрений. Тем не менее помимо сохранения религиозной веры, чувства национализма и их уникальной культуры тибетский народ смог сохранить живым их базовое стремление к свободе. Я глубоко восхищаюсь особыми чертами тибетского народа и их неукротимой храбростью. Я чрезвычайно радуюсь и горжусь ими.

Многие правительства, неправительственные организации и люди со всего мира вследствие их заинтересованности в мире и справедливости постоянно поддерживали дело Тибета. Особенно в течение прошлого года правительства

³⁶ Statement of His Holiness the Dalai Lama on the 49th Tibetan National Uprising Day. 10 March 2008 // <http://www.dalailama.com>.

и народы многих стран сделали важные действия, в которых была ясно выражена их поддержка. Я хочу выразить свою благодарность каждому из них.

Проблема Тибета очень сложная. Она внутренне связана с многими вопросами: политикой, природой общества, законами, правами человека, религией, культурой, идентичностью народа, экономикой и состоянием окружающей среды. Соответственно с этим, для того чтобы решить проблему, должен быть применен всеобъемлющий подход, учитывающий интересы всех вовлеченных сторон, а не только одной. Поэтому мы были тверды в стремлении придерживаться взаимовыгодной политики, подходу срединного пути и делали искренние и настойчивые усилия для достижения этого в течение многих лет. С 2002 г. мои посланники провели шесть раундов переговоров с официальными лицами КНР для обсуждения соответствующих вопросов. Эти широкие дискуссии помогли развеять некоторые сомнения и дали нам возможность объяснить им наши устремления. Однако по главному вопросу не было никакого результата. И в последние несколько лет Тибет стал свидетелем еще больших репрессий и жестокости. Несмотря на эти печальные результаты, моя позиция и решимость придерживаться политики срединного пути и продолжать диалог с китайским правительством остается неизменной.

Главным беспокойством КНР является отсутствие легитимности ее [присутствия] в Тибете. Принципиальный путь, для того чтобы придать вес ее позиции, лежит в том, чтобы китайское правительство проводило политику, которая удовлетворяла бы тибетский народ и завоевала бы его признание. Если мы сможем достичь примирения, идя по пути взаимного согласия, то, как я неоднократно заявлял, сделаю все, что в моих силах, для того чтобы завоевать поддержку тибетского народа.

В настоящее время в Тибете вследствие многочисленных действий китайского правительства, вызванных недостатком предвидения, окружающая среда серьезно повреждена. А в результате политики переселения нетибетское население увеличилось в несколько раз, что свело коренных тибетцев к незначительному меньшинству в своей собственной стране. Более того, язык, обычаи и традиции Тибета, которые отражают истинную природу и идентичность тибетского народа, постепенно исчезают. В результате тибетцы все больше ассимилируются среди преобладающего китайского населения. В Тибете репрессии продолжают нарастать с многочисленными, невообразимыми и серьезными нарушениями прав человека, отрицанием религиозной свободы и политизацией религиозных вопросов. Все это происходит как результат недостатка уважения по отношению к тибетскому народу со стороны китайского правительства. Это является большим препятствием, которое китайское правительство умышленно ставит на пути осуществления своей политики объединения национальностей, дискриминирующей тибетский и китайский народы. Поэтому я призываю китайское правительство немедленно прекратить подобную политику.

Несмотря на то что территории, населенные тибетским народом, именуется по-разному, например как автономный район, автономный округ и автономный уезд, они автономны только по названию; на самом деле у них нет настоящей автономии. Вместо этого они управляются людьми, не замечающими обстановку в регионе и ведомыми тем, что Мао Цзэдун назвал ханьским шовинизмом. В результате эта так называемая автономия не принесла национальностям какой-либо ощутимой пользы. Лицемерная политика, оторванная от

реальности, приносит огромный вред не только соответствующим национальностям, но и единству и стабильности китайской нации. Очень важно для китайского правительства, как советовал Дэн Сяопин, искать истину из фактов в настоящем значении термина.

Китайское правительство сурово критикует меня, когда я поднимаю вопрос о благосостоянии тибетского народа перед международной общественностью. До тех пор, пока мы не достигнем взаимовыгодного решения, я имею историческую и моральную ответственность свободно говорить за них. Однако, как всем известно, я наполовину в отставке с тех пор, как политическое руководство тибетской диаспоры напрямую выбирается основным тибетским населением.

Китай растет как могущественное государство благодаря ее огромному экономическому прогрессу. Это приветствуется, но это также дает Китаю возможность сыграть важную роль на глобальной арене. Мир с нетерпением хочет увидеть, как настоящее китайское руководство осуществит заявленные концепты «гармоничного общества» и «мирного роста». Для осуществления этих концептов недостаточно одного экономического прогресса. Здесь должны быть улучшения в соблюдении законов, прозрачности деятельности государственных органов перед общественностью и праве на информацию, равно как и свободу речи. Так как Китай – государство многих национальностей, они должны иметь равные права и свободы защищать свою соответствующую уникальную идентичность, если страна должна оставаться стабильной.

6 марта 2008 г. президент Ху Цзинтао сказал: «Стабильность в Тибете касается стабильности страны, и безопасность в Тибете касается безопасности страны». Он добавил, что китайское руководство должно обеспечить благосостояние тибетцев, улучшить работу в отношении религий и этнических групп, поддерживать социальную гармонию и стабильность. Заявление президента Ху Цзинтао соответствует реальности и мы следим за его воплощением.

В этом году китайский народ с гордостью и рвением ждет открытия Олимпийских игр. Я с самого начала поддерживал идею, что Китаю должна быть предоставлена возможность стать хозяином Олимпийских игр. Поскольку подобные международные спортивные события, в особенности Олимпийские игры, придерживаются принципов свободы речи, свободы выражений, равенства и дружбы, Китай должен проявить себя хорошим хозяином, обеспечив эти свободы. Поэтому помимо отправки своих спортсменов международное сообщество должно напомнить китайскому правительству об этих вопросах. Я узнал, что многие парламенты, отдельные люди и неправительственные организации по всей планете предпринимают различного рода деятельность ввиду возможности, которая существует для Китая, для того чтобы сделать позитивные изменения. Я восхищаюсь их искренностью. Мне хотелось бы особо заявить, что будет очень важно наблюдать период, последующий за завершением Игр. Олимпийские игры, без сомнения, будут иметь огромное влияние на умы китайского народа. Мир, таким образом, должен найти пути, для того чтобы вложить свою коллективную энергию в создание продолжающихся позитивных изменений внутри Китая даже после того, как Олимпийские игры завершатся.

Я хочу воспользоваться этой возможностью, для того чтобы выразить мою гордость и признательность за искренность, храбрость и решимость тибет-

ского народа внутри Тибета. Я призываю их продолжать работать мирно и в рамках закона в их стремлении, чтобы все национальные меньшинства Китайской Народной Республики, включая тибетский народ, пользовались своими законными правами и привилегиями.

Я также хочу воспользоваться этой возможностью и поблагодарить правительство и народ Индии, в особенности за их продолжающуюся и беспримерную помощь тибетским беженцам и проблеме Тибета, а также выразить мою благодарность всем тем правительствам и народам, кто выражал заботу о тибетской проблеме.

С моими молитвами за благо всех живых существ.

10 марта. Тибетцы и группы поддержки организовали по всему миру демонстрации в честь 49-й годовщины Лхасского восстания.

Индийская полиция помешала нескольким сотням тибетских эмигрантов начать запланированный 6-месячный марш из Индии в Тибет в знак протеста против Олимпийских игр в Пекине. Группы, участвующие в марше, не имеют отношения к правительству в изгнании, ими руководят Тибетский молодежный конгресс, Тибетская женская ассоциация, движение Gu-Chu-Sum, Национальная демократическая партия Тибета и Студенты за свободный Тибет, Индия.

*10–17 марта*³⁷.

10 марта. 7 монахов начали демонстрацию на Бакхоре, сразу же были арестованы и избиты. 137 монахов монастыря Луцзан, уезд Мангра, тибетский автономный округ Цолхо (кит. Хайнань), Цинхай, и около 200 мирян начали демонстрацию, ее участники задержаны полицией. Около 15 монахов и 2 мирянина начали демонстрацию от храма Чжокхан, но немедленно арестованы и избиты. 300 монахов Дрепуна пытались начать демонстрацию, им помешала полиция. Монастырь Дица (уезд Баянь, автономный округ Хаодун, Цинхай). Около 400 монахов и мирян собрались на совместную молитву, арестов не было.

11 марта. 2-тысячный контингент войск стрелял слезоточивым газом для того, чтобы разогнать тысячи монахов из Сэра. Ситуация в Сэра и Дрепуне очень напряженная, поскольку монастыри полностью окружены. Около 15 протестующих арестованы. Власти Лхасы приказали всем госслужащим немедленно выйти на работу, ограничение передвижения студентов в Тибетском университете. В Дабпа (автономный округ Ганьцзы, Сычуань) трое убиты полицией.

12 марта. Гандэн окружен полицией. Полиция преградила путь сотне монахинь из женского монастыря Чуцзан на западе Лхасы, собравшихся на демонстрацию.

13 марта. НГО предупреждены, что будет наказываться любая передача информации иностранцам.

101 тибетский эмигрант из марша в Тибет арестован и заключен на 14 дней под стражу.

³⁷ По: Complete one-week update on Tibetan Protests. 18 March 2008 // <http://www.tibet.net>.

14 марта. 100 тибетцев и их друзей собрались в знак протеста у китайского посольства в Лондоне.

Монахи Рамоче вышли на демонстрацию. После этого большая часть Лхасы окружена полицией.

15 марта. В Ньяндэне, север Лхасы близ монастыря Сэра, около 200 людей приняли участие в протестах. Протесты в Карма Кунсан (восток Лхасы), монастыре Самье.

В монастыре Лавран Ташикил, Амдо (Цинхай), в протестах приняло участие 5–6 тыс. человек. Протесты в Пхенпо Лхундуп, под муниципалитетом Лхасы, в Гандэне, Ташилунпо. Более 500 человек арестованы только в Лхасе, все СМИ в Тибете подвергаются обыскам, их материалы (видео, фотографии) уничтожают и конфискуют.

16 марта. По достоверным источникам, 14 марта убиты, по крайней мере, 80 человек. В монастыре Кирти, Амдо, около тысячи монахов и тысячи мирян вышли на демонстрацию. Протесты в монастыре Рагья (автономный округ Голог, Цинхай), студенческие протесты в автономном округе Канлхо: в Ганьсу, в монастыре Ачок уезда Санчу, в уезде Мачу, – в монастыре Ронпо (Амдо), в уезде Мелдро Гонкар. Около 500 тибетских студентов Северо-Восточного университета национальностей начали голодовку во дворе кампуса.

17 марта. В монастыре Панса и уезде Мелдро Гонкар (70 км от Лхасы) тысячи протестующих. 7 полицейских машин не смогли подавить протесты. 500 монахов монастыря Цзан, уезда Юлган (автономного округа Цолхо, Цинхай), вышли на протест. Студенческие протесты в уезде Мачу (автономный округ Канлхо, Ганьсу), протесты в монастыре Гадэн Чокор близ Лхасы, уездах Сертар (автономный округ Ганьцзы, Сычуань), Дриру (округ Нагчу, ТАР). Около 100 человек убиты, их тела не опознаны, около 400 ранено.

19 марта. Британский премьер-министр Гордон Браун заявил, что встретится с Далай-ламой во время его визита в Великобританию в мае 2008 г. Непальская полиция арестовала 21 тибетца, протестовавших перед офисом ООН.

22 марта. Группа из 29 китайских диссидентов в открытом письме призвали Пекин к диалогу с Далай-ламой. Продемократических активистов возглавляют писатель Ван Лисюн и диссидент Лю Сяобо.

23 марта. Лондонская «Таймс» идентифицировала троих официальных лиц – «архитекторов» китайских репрессий в Тибете. Это, по «Таймс», Ван Лэцюань – партийный глава Синьцзяна, Чжан Цинли – партийный глава ТАР и Ли Дэчжу – партийный теоретик.

24 марта. Церемония возжжения олимпийского огня в Греции была на некоторое время прервана протибетскими активистами, прорвавшими кордон из тысячи полицейских.

25 марта. В последний момент отменена запланированная встреча между индийским вице-президентом Хамидом Ансари и Далай-ламой. По мнению тибетского правительства в изгнании, это произошло под давлением Китая.

29 марта. Европейский союз призвал КНР положить конец репрессиям в Тибете и начать диалог с Далай-ламой.

2 апреля. Белый дом заявил, что желание Конгресса воспрепятствовать участию президента Буша в церемонии открытия пекинских Олимпийских игр – «не лучший путь разрешения тибетского кризиса».

Далай-лама обратился со словами признательности и благодарности к мировым лидерам, парламентариям, НГО и членам общественности, выразившим свою озабоченность последними событиями в Тибете.

Министр иностранных дел Франции Бернард Кучнер сказал, что Европейский союз приглашает Далай-ламу на переговоры в Брюсселе: «Поскольку Далай-лама не призывает к бойкоту [Олимпийских игр] и независимости, настало время вернуться [к диалогу]».

3 апреля. «Более тысячи человек арестовано или сдалось полиции после демонстраций в Лхасе в марте», – сказал заместитель секретаря горкома Лхасы. «Суды пройдут до 1 мая», – заявил Ван Сянмин, согласно официальной Тибетской коммерческой газете. Он сообщил, что 800 человек было арестовано во время лхасских беспорядков, 280 сдались в ответ на предложение полиции о снисхождении.

4 апреля. Спикер американского Конгресса Нэнси Пелози совместно с членами двухпартийной делегации Конгресса, встретившейся 21 марта с Далай-ламой в Дхарамсале, внесли на рассмотрение Резолюцию палаты Конгресса США 1077 от 3 апреля, в которой призывают Китай прекратить применение суровых мер, освободить протестующих, обеспечить свободный доступ журналистов и независимых международных исследователей в Тибет, а также пойти на конструктивный диалог с Далай-ламой.

6 апреля. Более 35 протестующих было арестовано во время эстафеты олимпийского огня в Лондоне во время серьезных схваток с полицией. Несмотря на планирование за год вперед и размещение 2 тыс. офицеров, полиция метрополии не смогла удерживать протестующих от прорыва полицейского кордона в нескольких уязвимых точках.

7 апреля. Несмотря на протесты всего мира, Чжан Цинли – высшее лицо Тибета заявил, что олимпийский огонь пройдет, как было запланировано, свой путь через Тибет и будет водружен на Эверест 10 мая.

Парижский отрезок эстафеты олимпийского огня прерван группами протестующих. Член Партии «зеленых» попытался выхватить факел прямо на старте эстафеты на первом этаже Эйфелевой башни. Эстафета была укорочена, огонь затухал по крайней мере дважды и, в конце концов, его поместили в автобус.

8 апреля. Центральная тибетская администрация в Дхарамсале заявила, что люди имеют право выступать против нарушений прав в Тибете во время эстафеты олимпийского огня. «Поскольку они являются мирными, это право любой НГО и людей протестовать против ужасающих нарушений прав человека, которые происходят в Тибете», – сказал глава СТА Тубтэн Сампэл. Он подчеркнул, что Далай-лама по-прежнему поддерживает право Китая быть хозяином Игр, но ничего не говорит против продолжающихся протестов в Индии и за границей: «Мы поддерживаем право Китая быть хозяином Игр, которые помогут ему лучше интегрироваться в мировое сообщество». Сампэл также передал слова Далай-ламы о том, что «НГО должны придерживаться и

уважать чувства индийского правительства по отношению к Китаю, поскольку мы являемся гостями Индии». Он также сказал, что протесты в Лондоне и Париже были

«по большей части мирными». Глава СТА Самдон Римпоче сказал, что СТА открыта для диалога с Китаем, и Пекин посылает много сигналов через «все виды каналов». «Однако это смешанные сигналы. Мы не можем их понять», – сказал он.

9 апреля. СТА в Дхарамсале предложила отправиться в Пекин для возобновления диалога о будущем своей страны.

10 апреля. Японский премьер-министр Ясуо Фукуда сказал, что Китай несет ответственность за недавние волнения в Тибете, призвав Пекин к мирному решению проблемы. Открытие Тибета для туристов откладывается. Палата представителей Конгресса США критикует Китай за «несоответствующий и экстремальный» ответ на протесты в Тибете. Эксперты ООН призывают к свободному доступу информации в Тибете. Секретарь Госсовета США Кондолиза Райс заявила, что США желает открыть консульство в Лхасе.

12 апреля. Германский канцлер Ангела Меркель заявила, что еще раз встретится с Далай-ламой.

13 апреля. Китайский посол в Ирландии вышел из зала во время конференции Партии «зеленых», когда министр окружающей среды Джон Гормли осудил нарушение прав человека в Китае.

Агентство Синьхуа назвало спикера Палаты представителей Конгресса Нэнси Пелози США «самой непопулярной персоной в Китае».

По сообщению агентства Синьхуа, в КНР арестовано 9 тибетских буддийских монахов, обвиненных в бомбовой атаке.

14 апреля. Первый секретарь парткома ТАР Чжан Цинли похвалил силы безопасности за проведение работ во время недавних волнений. Он повторил заявление, что беспорядки были организованы последователями Далай-ламы как часть заговора по дестабилизации страны, достижению независимости и саботажу Олимпийских игр.

4 тыс. тибетцев вышли на улицы Катманду протестовать против китайского давления волнений в Тибете, на этот раз полиция не вмешивалась.

Далай-лама сказал, что Тибет не может больше делать уступок Китаю и возобновил свой призыв правительству прекратить подавление и вывести войска.

15 апреля. Международная федерация журналистов призвала китайские власти остановить вмешательство в освещение новостей в преддверии Олимпийских игр. Группа заявила, что иностранные журналисты подвергались угрозам за сообщения о беспорядках во время эстафеты олимпийского огня.

16 апреля. Китайские власти арестовали известную тибетскую писательницу, телевизионного продюсера и артистку Чжамьян Ки.

Китайские власти заявили, что обнаружили тайники оружия и взрывчатки в 11 тибетских буддийских монастырях в провинции Ганьсу.

17 апреля. Радио «Свободная Азия» сообщило об аресте 5 руководителей тибетской общины в уезде Мачэн автономного округа Голок, Цинхай.

24 апреля. Олимпийский огонь проследовал без помех через Канберру, Австралия. Однако обозреватели наблюдали конфликт между 3 тысячами про-

тибетских сторонников и 15 тысячами этнических китайцев. По их словам, китайцы оскорбляли тибетских активистов, срывали их флаги. Конфронтация происходила на всем протяжении 16 км пути.

25 апреля. По сообщению агентства Синьхуа, «ввиду просьб, неоднократно сделанных Далай-ламой, о продолжении переговоров», «встреча и консультации» между представителями Далай-ламы и «соответствующим Департаментом Центрального правительства» пройдут в «ближайшие дни». Представитель Далай-ламы Тэндзин Такла сказал по поводу заявления Китая: «Поскольку Его Святейшество расположен к диалогу, мы приветствуем это. Мы должны посмотреть на условия, о которых они будут говорить».

Премьер-министр Южной Кореи Хан Сын Су (Han Seung-Soo) сказал, что насилие, примененное китайскими студентами против мирных корейских демонстрантов во время эстафеты олимпийского огня в Сеуле, ранили национальную гордость Южной Кореи и что «требуются законные и дипломатические меры».

Центральная тибетская администрация в Дхарамсале заявила, что 203 тибетца были убиты, более тысячи ранены, более 5715 арестованы во время тибетских демонстраций между 10 марта и 25 апреля.

По сообщению агентства Синьхуа, суд в Лхасе осудил 17 человек за участие в беспорядках. 7 школ, 5 больниц и более 100 домов были подожжены во время беспорядков. Китайские репортеры заявили, что участники массовых беспорядков убили, по крайней мере, 19 человек.

4 мая. Состоялась неофициальная встреча между представителями китайского правительства и Далай-ламы. Из заявления Лоди Гьяри³⁸:

Посланник Келсан Гьялцэн и я имели честь доложить суть дела Его Святейшеству Далай-ламе сразу же после нашего прибытия вчера из Китая. Калон Трипа проф. Самдон Римпоче также к нам присоединился. Мы доложили сегодня утром заместителю спикера миссис Долма Гьяри. Спикер м-р Карма Чопэл в настоящее время находится в официальном визите.

4 мая 2008 г. в Шэньчжэне, Китай, мы встретились с действующим заместителем министра Чжу Вэйцюнем и заместителем министра Департамента Единого фронта КПК Ситаром. Мы хотим выразить нашу благодарность хозяевам за принятие нашего предложения провести неформальную встречу в Шэньчжэне, а также за согласие на встречу сторон без посредников. Действующий заместитель министра Чжу Вэйцюнь и заместитель министра Ситар были нашими партнерами на переговорах в течение последних нескольких лет. Эти долгие взаимоотношения сделали возможным провести открытые и искренние дискуссии в дружественной и уважительной атмосфере, несмотря на напряженную и серьезную обстановку в Тибете.

Нашей главной целью этой неотложной неформальной встречи было обсуждение критической ситуации в Тибете. У нас были существенные и расходящиеся мнения по поводу происхождения и причин недавних трагических событий в Тибете. Эти мнения

³⁸ Statement by Special Envoy of His Holiness the Dalai Lama, Kasur Lodi Gyaltzen Gyari // <http://www.tibet.net>.

были выражены в прямой и искренней манере. С нашей стороны, мы категорически отвергли обвинение, предъявленное Его Святейшеству Далай-ламе, за подстрекательство к демонстрациям и волнениям в Тибете. Вместо этого мы дали понять, что события в Тибете – неизбежные следствия неправильной политики властей по отношению к тибетцам, которая имеет начало несколько десятилетий назад. Недавний кризис в Тибете – это явный признак глубокой обиды и возмущения тибетцев этой политикой. Ближайшей задачей является рассмотрение нужд тибетского народа в реалистическом и конструктивном русле.

Мы подчеркнули важность прекращения настоящих репрессий в Тибете. Мы призвали освободить заключенных, позволить раненым получить необходимое лечение и предоставить свободный доступ посетителям, включая СМИ. Мы также призвали к прекращению кампании «патриотического перевоспитания», глубоко возмущающей тибетский народ.

Мы также отвергли обвинение по отношению к Его Святейшеству Далай-ламе в саботаже Олимпийских игр-2008. Напротив, мы ясно дали понять, что Его Святейшество Далай-лама постоянно и совершенно определенно поддерживал право на Пекинские Олимпийские игры с самого начала.

Несмотря на большие различия по важным вопросам обе стороны продемонстрировали желание искать общие подходы для разрешения насущных проблем. В этом отношении каждая сторона сделала конкретные предложения, которые могут стать на повестку следующих встреч. В результате было достигнуто понимание о необходимости продолжения формального раунда переговоров. Время седьмого раунда будет определено вскоре после взаимных консультаций.

Мы приветствуем недавнее заявление президента Ху Цзинтао о том, что его правительство «серьезно» [настроено] к диалогу и его признание, что Его Святейшество Далай-лама «добросовестен и серьезен». Это заявление воодушевляет в то время, когда возрос скептицизм в искренности Китая разрешить тибетский вопрос посредством диалога.

8 мая. Яркий телевизионный ролик был показан по телевидению: команда китайских альпинистов держала олимпийский факел, китайские и олимпийские флаги развевались на вершине Эвереста. «Один мир, одна мечта», – прокричал капитан команды Нима Церин, когда факел был зажжен на последнем склоне, ведущем к вершине. «Мы зажгли факел на вершине мира», – сказал другой альпинист.

12 мая. Землетрясение мощностью 7,9 баллов по шкале Рихтера произошло в провинции Сычуань, в котором, согласно официальным источникам, погибло 60 тыс. человек, включая 20 тыс. пропавших без вести. Эпицентр землетрясения находился в уезде Лунгу (кит. Вэньчуань) тибетского автономного округа Нгаба (кит. Аба), в районе известном как Кхам. Землетрясение произвело огромные инфраструктурные повреждения: были разрушены дома, заблокированы дороги, из-за чего затруднены попытки спасения людей. Разрушения имели место в нескольких провинциях: Сычуань, Ганьсу, Шэньси, Юньнань, Шаньси, Гуйчжоу и Хубэй. Тибетские территории включали уезды Лунгу, Ташилинь, Сунчу, Трочу и Маосьянь. Сообщения о смертях и разрушениях в тибетских территориях скудные. О шести смертях было заявлено в первый день

землетрясения из Дарцедо (кит. Кандин). По неподтвержденным первоначальным оценкам, количество жертв колеблется от 100 до 150. В целом из-за специфических геофизических условий и малой населенности этих территорий количество смертей должно быть намного ниже, чем в китайских территориях. НГО «Помощь Кхама» сообщило: «Одной из причин недостатка известий из тибетских территорий, подвергнутых землетрясению, является то, что из-за мартовских волнений во всех этих местах совсем не было туристов». В инструкциях местных органов властей строго указывалось «совмещать работу против сепаратизма, за защиту стабильности со спасательными работами».

13 мая. Далай-лама в Дхарамсале, тибетские монахи по всему Тибету провели молитвенные церемонии в память жертв землетрясения.

15 мая. Несмотря на серьезные финансовые трудности, начались альтернативные Тибетские Олимпийские игры, организованные Лобсан Вангьялом.

21 мая. Центральная тибетская администрация в Дхарамсале призвала протестующих прекратить демонстрации против китайского правления в Тибете в знак солидарности жертвам землетрясения в Сычуани.

22 мая. Пекин сказал, что дата для проведения 7-го раунда переговоров еще не определена в связи с проведением спасательных работ. Представитель Министерства иностранных дел Цинь Ган на вопрос о возможности посещения Далай-ламы Олимпийских игр сказал: «Если сторона Далай-ламы хочет сделать содействие родине, он должен прекратить сепаратистскую деятельность, прекратить замышлять и провоцировать ожесточенные действия и прекратить саботировать пекинские Олимпийские игры».

23 мая. Премьер-министр Великобритании Гордон Браун встретился с Далай-ламой. По поводу чего представитель Министерства иностранных дел Цинь Ган заявил: «Это является вмешательством во внутренние дела Китая, а также ранит чувства китайского народа».

Далай-лама заявил газете Гардиан, что Пекин планирует массовое переселение 1 млн этнических китайцев в Тибет после Олимпийских игр, для того чтобы обескровить тибетскую культуру и идентичность. Он также сказал, что некоторые самые главные азиатские реки, текущие с Тибетского плато, загрязнены и уменьшились из-за небрежной индустриализации и бесплановой ирригации. Он сказал: «Существует настоящая опасность того, что Тибет станет действительно землей китайцев-ханьцев, а тибетцы – незначительным меньшинством. Тогда сама основа идеи автономии станет бессмысленной».

24 мая. Источники из Лхасы сообщили о демонстрации в Лхасе перед Цуглагкханом (Чжокхан). По неподтвержденным данным, было около 100 протестующих, большинство арестовано.

27 мая. Тибетский отрезок эстафеты олимпийского огня сокращен, согласно официальному заявлению, до одного дня в связи с землетрясением. Пекин заявил, что жизнь в Лхасе нормализовалась и монастыри открылись, однако иностранцам по-прежнему запрещен въезд, китайцам советуют воздержаться от поездок.

Далай-лама сделал решительное предупреждение о том, что он теряет поддержку среди многих своих последователей внутри Тибета из-за отказа китайского правительства обсуждать будущее территории. Во время тура по европейским странам он выразил надежду, что Китай начнет серьезные переговоры с его представителями по поводу большей автономии для региона в течение нескольких недель. Но в интервью «Financial Times», Великобритания, он указал, что более радикальные тибетцы, настаивающие на жесткой конфронтации с Китаем, теряют веру в его стратегию обеспечения автономии через мирный диалог. На вопрос, теряет ли он контроль над своими последователями, Далай-лама сказал: «Да, конечно. Мои попытки оказались не в состоянии принести конкретные результаты, поэтому эта критика становится все сильнее». Он предупредил, что в последнее время многие тибетцы «показывают явные признаки неудовлетворения» по поводу отсутствия прогресса в переговорах с Китаем. «Очень много тибетцев считают, что наш ненасильственный подход не имеет результата».

3 июня. Китай пригласил группу журналистов из Тайваня, Гонконга и Макао «для обеспечения открытого доступа информации без ограничений».

BBC дал краткую сводку текущей ситуации в Тибете. Агентство сообщает, что Китай держит непроницаемый контроль над тибетскими территориями, и, несмотря на заявления правительства о нормализации жизни в регионе, свидетельств в подтверждение этому нет. Тибетцы сталкиваются с ограничением в передвижении, монахов и монахинь принуждают посещать классы перевоспитания. Центральные и местные правительственные чиновники говорят мало, офис иностранных дел ТАР не отвечает на факсы BBC. Представитель СТА Тубтэн Сампэл сказал: «В настоящее время мы получаем мало информации. Существуют ограничения на телефонные звонки в Тибет и из Тибета». Он также сказал, что Пекин запретил тибетцам выезд в Непал и Индию и что эпизодические протесты монахов и монахинь продолжаются, несмотря на то что их быстро прекращает полиция.

37-летнему иорданскому альпинисту Мустафе Саламеху удалось пронести контрабандой тибетский национальный флаг на Эверест, несмотря на суровые меры безопасности китайского и непальского правительств. Внизу флага он написал «Свободный Тибет» и «Свободная Палестина» и сфотографировался с флагом 25 мая на высоте 8848 м. *4 июня.* Индийская полиция депортировала 250–265 тибетских эмигрантов марша протеста против китайского правления в Тибете в штате Уттарканд (около 180 км от индийской границы с ТАР). *5 июня.* Следующий раунд переговоров между представителями Далай-ламы и Китаем, намеченный на 11 июня 2008 г., может быть отложен в связи со спасательными работами, – сказал секретарь Далай-ламы Тэндзин Такла.

11 июня. США и Евросоюз опубликовали совместное заявление, в котором призвали Китай к скорейшему диалогу с Далай-ламой и разрешению в стране проблемы прав человека. Пекин обвинил США и Евросоюз в двойных стандартах в вопросе прав человека.

17 июня. Пекин обвинил Далай-ламу в организации протестов в Катманду.

18 июня. Amnesty International (AI) призвал Китай дать информацию о тысяче заключенных, арестованных во время волнений в марте–апреле. *5 июля.* Белый дом заявил, что президент Джордж Буш будет присутствовать на открытии Олимпийских игр в Пекине.

Центральная тибетская администрация опубликовала заявление по поводу недавних переговоров в Пекине. Лоди Гьяри и Келсан Гьялцэн сказали: «Китайская сторона выразила мнение, что переговорный процесс был продуктивным и мы должны иметь в виду, что полувековой вопрос чрезвычайной сложности не может быть решен за какие-нибудь несколько лет». Они также заявили: несмотря на их надежду, что недавние волнения побудят Китай на избрание более позитивного подхода, «китайская сторона, напротив, из-за соображений легитимности даже не согласилась принять совместное заявление по поводу переговорного процесса». Несмотря на то что тибетские посланники согласились присутствовать на следующем раунде переговоров в октябре, они заявили: «Мы были вынуждены откровенно дать понять нашей противной стороне, что без их серьезной и искренней готовности, продолжение переговорного процесса не будет иметь смысла». Пекин отверг обвинения в неискренности в отношении переговоров с Далай-ламой.

6 июля. Синьхуа опубликовало интервью ответственного работника департамента Единого фронта (не называя его имени), согласно которому до тех пор, пока Далай-лама не будет поддерживать «деятельность, направленную на расстраивание и саботаж Олимпийских игр», не будет пытаться «инспирировать и подстрекать насильственную криминальную деятельность» и т. д., «навряд ли появится атмосфера и условия, необходимые для встреч и обсуждений». Он также добавил, что «незаконное» правительство в изгнании, СТА не играют роли в диалоге. «Центральное правительство никогда не будет иметь дела с этой незаконной организацией», и диалог касается только «персонального будущего» Далай-ламы.

8 августа. Тибетские эмигранты и их сторонники организовали демонстрации по всему миру в день открытия Олимпийских игр. 16 августа. Правительство ТАР предоставило ссуду в 98,37 млн юаней (14,5 млн дол.) предпринимателям, пострадавшим во время волнений 14 марта 2008 г.

22 августа. Представительство Далай-ламы заявило, что Далай-ламу неправильно процитировали, когда он будто бы заявил о 140 убитых во время тибетских протестов. В интервью «Asia News» премьер-министр Центральной тибетской администрации проф. Самдон Римпоче также подтвердил, что в Тибете не было массовых убийств таких масштабов. 8 октября. Согласно сообщению «Голоса Америки», Лоди Гьяри предупредил, что провал переговоров с Китаем может привести к насилию. Ожидается, что 8-й раунд переговоров может произойти во второй половине октября. Тибетский посланник заявил, что если вопрос будущего Тибета не будет разрешен прежде ухода Далай-ламы, то некоторые тибетцы могут обратиться к насилию в его отсутствие. «Сможем ли победить? Скорее всего, нет. И в конце концов мы будем страдать еще больше. Но это реальность. На самом деле, как вы знаете, главным фактором такого рода ситуации является китайская политика».

25 октября. «Рейтер» сообщает, что в своей речи в Дхарамсале Далай-лама сказал, что его вера в китайское правительство «оскудевает (thinning)». Он сделал свое заявление за несколько недель до назначенного на середину ноября 5-дневного собрания представителей всех общин и политических организаций тибетской диаспоры для обсуждения будущего их борьбы.

6 ноября. («Рейтер», Синьхуа). Пекин предупредил тибетцев после встречи с посланниками Далай-ламы, что двери для «тибетской независимости» накрепко закрыты и будут таковыми впредь. Комментарий, сделанный министром департамента Единого фронта Ду Цинлинем, стал первой публичной реакцией по предмету обсуждений. Ду сказал, что Китай «искренен и великодушен», однако не потерпит попыток «раскола страны под предлогом поиска истинной этнической автономии». После своего возвращения Лоди Гьяри опубликовал заявление из Нью-Дели. «Мы представили китайскому руководству “Меморандум об истинной автономии для тибетского народа”». Он также сказал, что намечаемое собрание для обсуждения будущего тибетского вопроса заставляет его воздержаться от дальнейших комментариев.

10 ноября. По сообщению агентства Синьхуа, представитель Центрального правительства КНР заявил по поводу состоявшихся переговоров, что тибетская сторона отказалась соблюсти данные в предыдущих переговорах обещания. Заместитель министра Департамента Единого фронта Ситар сказал, что в июле 2008 г. посланники Далай-ламы заявили, что у них не будет проблем следовать выдвинутому Пекином требованию «не поддерживать четыре»: не поддерживать деятельность по подрыву Пекинских Олимпийских игр; не поддерживать планы, инспирирующие ожесточенную криминальную деятельность; не поддерживать сепаратистскую активность Тибетского молодежного конгресса; не поддерживать любые аргументы и деятельность в поддержку тибетской независимости. Затем Ситар перечислил многочисленные протесты тибетских организаций и их сторонников в качестве примера того, что Дхарамсала не заслуживает доверия.

15 ноября. Заместитель министра Чжу Вэйцзюнь одобрил заявление Госсекретаря по иностранным делам и Британского содружества наций Дэвида Милибанда, который в числе прочего сказал: «Как и любая страна Евросоюза, а также США, мы считаем Тибет частью КНР».

16 ноября. Посланники Далай-ламы отвергли обвинения Пекина в попытке отколоться от Китая и выразили глубокое разочарование по поводу последнего раунда переговоров.

21 ноября. Калон Трипа, или премьер-министр Центральной тибетской администрации, сказал по поводу состоявшегося в Дхарамсале собрания тибетских руководителей, что диаспора, возможно, будет продолжать поддерживать путь компромисса Далай-ламы. Спикер тибетского парламента в изгнании Карма Чомпэл сказал: «Собрание вновь подтвердило нашу веру и преданность руководству Его Святейшества Далай-ламы, для того чтобы доказать несостоятельность заявления китайского правительства о том, что Далай-лама и СТА не могут представлять тибетский народ».

21 ноября. Пекин обвинил Далай-ламу в тайной кампании в поддержку тибетской независимости. В пространный комментарий к «Меморандуму истинной автономии для тибетского народа», переданному посланниками Далай-ламы представителям китайского правительства, категорически отвергается настойчивое утверждение Его Святейшества, что он всего лишь ищет истинной автономии. Публикация комментария совпала по времени с собранием в Дхарамсале, в нем утверждается, что Далай-лама хочет создать «полунезави-

симое» или «завуалированно независимое» политическое образование, контролируемое кликой Далай на одной четверти китайской территории.

31 октября–5 ноября. Состоялся 8-й раунд сино-тибетских переговоров. Тибетская сторона вручила китайской «Меморандум истинной автономии для тибетского народа», в котором повторялись основные положения тибетской позиции о решении тибетского вопроса в рамках китайских законов.

* * *

История сино-тибетского диалога насчитывает более 1400 лет. Рассмотренный в этой главе этап длиной лишь в три десятилетия. События весны 2008 г. свидетельствуют о том, что в сино-тибетских отношениях наступил очередной кризис. К сожалению, не оправдались надежды на то, что он будет разрешен после окончания Олимпийских игр. Участие в церемонии открытия глав практически всех государств мира, несмотря на всю поддержку, оказываемую западным миром тибетскому вопросу, показывает, что официальная позиция правительств государств не претерпела каких-либо изменений и маловероятно, что изменится в будущем. Китай провел Олимпийские игры, он продолжает получать иностранные инвестиции, так же, как ничто в итоге не помешало Китаю вступить в 2001 г. во Всемирную торговую организацию. По оценкам экспертов, в условиях мирового кризиса экономика Китая остается одной из наиболее стабильных в мире. Пекин и Дхарамсала в очередной раз заняли жесткую позицию по отношению к друг другу и неизвестно, как разрешится в будущем тибетский вопрос. Большинство членов обществ «Друзья Тибета», созданных по всему миру, считает, что усиление давления на КНР за счет массивной атаки на проводимую Пекином политику поможет решению тибетской проблемы. Однако, по мнению многих аналитиков, двойные стандарты Запада по отношению к тибетскому вопросу лишь усугубляют проблему. Т. Грюнфельд, к примеру, пишет: «Эти акции³⁹ доставляют удовольствие тибетскому лобби, ослабляют давление со стороны Конгресса и общественности, не изменяют политику США в том, что Тибет является частью Китая, вызывают гнев китайцев. В результате администрация получает у себя в стране политические дивиденды, Далай-лама добивается еще большей популярности, но все это только раздражает китайцев, поощряет недоверие и делает еще более трудноразрешимым мирное решение проблемы. В результате миллионы тибетцев в Китае оказываются в проигрыше» [Grunfeld, 2006, с. 338].

Таким образом, оценивая сино-тибетский диалог в последние три десятилетия, необходимо отметить несколько противоречивых моментов. С одной стороны, нельзя не отметить несомненный успех тибетской стороны в обретении международной поддержки на всех уровнях, включая официальный. Давление на КНР со стороны мировой общественности, безусловно, не остается без внимания в Пекине. Но оно не помогает разрешить проблему или хотя бы смягчить позицию центральных властей, а, наоборот, подрывает позиции сторонников этнически направленной политики и идет на руку приверженцам жесткой линии, политические действия которых несут потенциальную

³⁹ Имеются в виду встречи президентов с Далай-ламой.

угрозу тибетской культуре. Кроме того, как подчеркивает М. Голдстейн: «Смешение возвышенной моралистической риторики и сочувствующих жестов не оказывало существенного давления на Китай, а если говорить честно, и не предполагалась. Более того, вовлечение США не только не безобидно – оно имеет серьезные негативные последствия, поскольку символические действия Америки заставляют многих тибетцев верить в то, что Америка поддерживает стремление Далай-ламы к демократии в Тибете и поощряет их продолжать противостояние Китаю» [Goldstein, 1997, с. 122].

А между тем у Америки и Запада нет политических, экономических и стратегических интересов в Тибете. КНР является союзником США по важнейшим направлениям международной политики и экономического сотрудничества. И если интересы Вашингтона и Пекина будут продолжать сходиться и дальше, то, вероятнее всего, очередное «предательство» Тибета со стороны США, как это уже произошло после «хождения» в Китай Генри Киссинджера, и что собственно уже происходит в настоящее время. Тибетский вопрос, который до Олимпийских игр использовался официальным Вашингтоном в качестве «антикитайского раздражителя», уже теряет актуальность перед лицом новых глобальных вызовов человечеству XXI тысячелетия.

Глава 7

Тибетская автономия: реальность и будущее

1. Китайская модель автономии

Как известно, за основу решения национального вопроса в КНР была принята система национальной районной автономии. Однако Тибет являлся единственным национальным регионом страны, инкорпорированным в состав КНР на основании Соглашения между Центральным и Тибетским правительствами, предусматривающего сохранение политических институтов Тибета и положения буддийской церкви. Восстание 1959 г. положило конец действию Соглашения, и в 1965 г. создана тибетская автономия, которая на самом деле стала лишь прикрытием власти армии и партийных органов. В годы «культурной революции» тибетская автономия являлась таковой только по названию. Конкретные реформы в области национального строительства начались лишь к приходу к власти реформаторов в 1980 г.

В 1982 г. была принята новая Конституция КНР¹, в преамбуле которой было записано:

Китайская Народная Республика является унитарным многонациональным государством, созданным совместно всеми населяющими страну народами. Сложились и продолжают укрепляться социалистические национальные отношения равенства, единства и взаимопомощи. В борьбе за укрепление единства национальностей необходимо противостоять великодержавному шовинизму, в особенности великоханьскому, и противодействовать местному национальному. Государство должно приложить все усилия для содействия общему процветанию всех национальностей страны.

Глава 1. Статья 4

Все национальности, населяющие Китайскую Народную Республику, равны. Государство защищает законные права и интересы национальных меньшинств, поддерживает и развивает отношения равенства, единства и взаимопомощи между всеми национальностями. Запрещается любая дискриминация и притеснение по национальному признаку; запрещены любые действия, подрывающие единство национальностей или провоцирующее национальное разъединение.

¹ Перевод с китайского оригинала по: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2004-03/15/content_1367387.htm.

Государство оказывает помощь районам, населенным национальными меньшинствами, в ускорении их экономического и культурного развития в соответствии со спецификой и потребностями различных национальных меньшинств.

В местах компактного проживания национальных меньшинств практикуется районная автономия, образуются органы самоуправления, осуществляется автономная власть. Все национальные автономные районы являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики.

Все национальности имеют право использовать и развивать свой родной язык и письменность и сохранять или улучшать свои народные обычаи и традиции.

Статьи 112–122 раздела 6-го посвящены правам и функциям органов самоуправления в районах национальной автономии.

Статья 116 предоставляет право собраниям народных представителей национальных автономий разрабатывать отдельные положения с учетом политических, экономических и культурных особенностей народностей, населяющих соответствующие районы.

Статьи 117–118 дают право органам самоуправления распоряжаться финансами и организовывать управление экономическим развитием своих районов.

Статья 119 предусматривает право органам местного самоуправления руководить образованием, наукой, культурой, здравоохранением и физической культурой в своих районах.

Статья 120 узаконивает право органов местного самоуправления в рамках закона организовывать местные силы общественной безопасности.

Статья 121 прописывает положение об использовании национальных языков в деятельности органов самоуправления. Статья 134 раздела 7-го – об использовании национальных языков в суде.

Статья 122 утверждает положение о финансовой, материальной и технической помощи национальным меньшинствам со стороны государства для ускорения их экономического и культурного развития.

Статьи Конституции 1982 г. стали более конкретны, чем положения Конституции 1954 г. Кроме того, статья 114 предусматривает обязательное замещение должностей председателей СНП автономных районов, округов и уездов гражданами, относящимися к национальности, осуществляющей автономию в данном регионе. Проведение законов и политики государства применительно к местным условиям тоже является новацией в конституции.

31 мая 1984 г. был принят Закон о национальной районной автономии [Minzu quyu zizhifa, 1984, с. 235–250]. В преамбуле закона говорится:

Национальная районная автономия означает, что под единым руководством государства во всех местах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется районная автономия, образуются органы самоуправления, осуществляется автономная власть. Национальная районная автономия пользуется полным уважением со стороны государства и гарантирует право национальных меньшинств управлять своими внутренними делами, отражает его приверженность принципам равенства, единства и общего процветания всех национальностей.

Статья 10 главы 1-й Общих положений гарантирует свободу использования и развития разговорного и письменного языков и сохранения обычаев и традиций национальных меньшинств.

Статья 11 гарантирует свободу религии.

Статья 19 содержит положение о принятии автономных положений применительно к местным политическим, экономическим и культурным особенностям.

Статья 20. Если постановления, решения, приказы и директивы вышестоящих государственных органов не соответствуют конкретной обстановке национальной автономии, то автономные органы, испросив санкцию соответствующих вышестоящих органов, могут изменять их или не применять (с. 241).

Статья 43 прописывает положение о контроле автономных органов над временным населением.

Как видно из положений Конституции КНР и Закона о национальной районной автономии, они гарантируют право национальных меньшинств на осуществление национальной автономии в местах своего проживания и могли бы при условии их соблюдения обеспечить самоуправление нацменьшинств и сохранение их культуры, религии и традиций. Несмотря на широкий спектр прав, предоставленных национальным регионам положениями закона, они во многом носят расплывчатый и декларативный характер и внутренне противоречивы. Основным принципом системы национальной районной автономии в Китае по-прежнему продолжает оставаться подчиненный характер взаимоотношений местных и вышестоящих органов и контроль центра над национальными регионами. Основным противоречием, на которое указывают исследователи, является противоречие между общегосударственными законами и правом местных органов самоуправления изменять или выполнять их требования по обстоятельствам, но что возможно только с разрешения вышестоящих органов (статья 20). Наконец, самое главное, партийные органы продолжают подменять функции органов самоуправления автономий, несмотря на то что сфера полномочий парткомов существенно сузилась с начала реформ. И все же ЦК КПК продолжает оставаться главным органом, ответственным за национальную политику страны, а местные партийные комитеты – за исполнение решений ЦК на местах. Первый секретарь парткома автономии продолжает оставаться главной фигурой в регионе. А в случае Тибетского автономного района примечательно то, что ни один тибетец ни разу не назначался на эту должность.

Заместитель председателя ПК ВСНП, председатель Комиссии национальностей ВСНП Нгабо Нгаван Чжигмэ в статье, опубликованной по случаю 5-й годовщины вступления в силу Закона КНР о национальной районной автономии, ясно определил, чем является китайская модель автономии:

Система районной национальной автономии в политическом отношении характеризуется двумя основными аспектами: во-первых, форма государственного устройства такого многонационального государства не является федерацией, а представляет единую систему, причем ВСНП является органом верховной государственной власти, Госсовет, то есть Центральное правительство, является высшим государственным административным органом, и единое руководство всей страной осуществляется центральными государственными ор-

ганами; во-вторых, в местах компактного проживания различных национальных меньшинств осуществляется районная автономия, учреждаются органы самоуправления, используются права автономии. Различные национальные автономные образования не представляют федерацию, не являются союзными республиками, а являются *территориально-административными районами определенной ступени* (курсив мой. – И. Г.), органы самоуправления представляют собой государственные органы местной власти определенной ступени, все национальные автономные образования являются неотъемлемыми частями государства, все они подчиняются единому руководству со стороны государства [цит. по: Жоголев, 1994, с. 115–116].

Такова китайская модель автономии.

Ху Яобан, провозглашая новую программу в отношении Тибета, ее первым пунктом обозначил: под руководством ЦК полностью осуществить право на районную автономию. Как мы могли увидеть из предыдущих глав и параграфов, либеральная программа Ху Яобана в области реализации прав на автономию национальных меньшинств (экономика, религия, культура, право) была фактически свернута, и общепризнанным фактом является то, что положения, прописанные конституцией и законом об автономии, тоже не исполняются.

Китайское правительство утверждает, что в стране построена и успешно функционирует система национальной районной автономии, в соответствии с которой власть в национальных районах отдана в руки национальностей, исполняющих автономию. Другими словами, по мнению правительства, национальные меньшинства самостоятельно решают свои внутренние дела. Посмотрим на статистику.

Собрание народных представителей (СНП) ТАР и его Постоянный комитет – местные органы государственной власти с 1965 по 1992 г. приняли более 60 законов и положений, в последние годы (до 1999 г.) – 23 закона и положения, отменили или изменили столько же законов, приняли правила к исполнению 14 государственных законов в соответствии с местными условиями. Председатель Постоянного комитета СНП ТАР и председатель ТАР (правительства ТАР) – тибетцы. С момента образования ТАР все четыре председателя Постоянного комитета СНП ТАР и пять председателей правительства были тибетцами. По статистике, 71,4 % председателей и заместителей председателя Постоянного комитета СНП ТАР, 80 % членов Постоянного комитета, 77,8 % председателей и заместителей председателя правительства ТАР были тибетцами или представителями других нацменьшинств. В 1993 г. члены тибетской национальности и других нацменьшинств составляли 93,2 % членов органов государственной власти на муниципальном, уездном, окружном и районном уровнях, 99,8 % и 98,6 % среди глав поселков и уездов, 96 % и 89 % соответственно председателей народных судов и прокуроров народных прокуратур на районном, окружном и уездном уровнях. По статистике 1996 г., количество кадровых работников тибетской национальности и других нацменьшинств возросло на 18,22 % по сравнению с 1992 г., составив 73,88 % [White Papers, т. 2, с. 280–281].

Приведенная статистика, как полагает китайское правительство, наглядно демонстрирует факт тибетского самоуправления. И хотя нет оснований не до-

верить приведенной статистике, ее цифры, скорее всего, точны, сомнение вызывает их выборка и последующая интерпретация. Таблица 4, которая приводится для примера из Ежегодника социально-экономической статистики ТАР за 1990 г., хотя немного устарела, показывает, как количество тибетских кадров варьируется в зависимости от уровня представительства [по: He Baogang, 2006, с. 77].

Таблица 4

Орган	Кол-во тибетских кадров	Общее количество кадров	Тибетские кадры, %
Партийный комитет ТАР	43	195	22
Совет народных представителей ТАР	53	98	54
Правительство ТАР	88	216	40
Политико-консультативный комитет ТАР	139	164	85
Комитет по национальным и религиозным делам	36	60	60
Тибетская буддийская ассоциация	51	52	98
Тибетский институт социальных наук	100	122	82
Народный банк	69	146	47

Из таблицы 4 видно, что чем влиятельнее орган, тем меньшее количество тибетцев в нем представлено, и наоборот. Следует еще раз добавить, что первые секретари парткома ТАР назначаются ЦК КПК, и ни один из них не был тибетцем. Кандидаты на посты председателей Постоянного комитета СНП и правительства ТАР должны избираться Советом народных представителей и пройти утверждение сверху. На самом же деле все происходит наоборот. Кандидатуры на посты председателя СНП и председателя правительства предлагаются сверху, а Собранию народных представителей остается только механически «избрать» предложенные центром кандидатуры.

Существуют различные мнения по поводу оценки китайской модели тибетской автономии от «великого достижения» до «автономии на бумаге» и «культурного геноцида». Эволюция взглядов китайских коммунистов на национальный вопрос от права национальностей на самоопределение до права национальностей создавать вместе с ханьцами единое государство достаточно подробно освещена в работах наших исследователей [Богословский, 1982; Богословский, Москалев, 1984; Егоров, 1989]. Поэтому я хотела бы выделить лишь некоторые моменты, характеризующие модель китайской автономии.

Китайская модель автономии в корне отлична от западных либеральных и советской моделей федерализма, как и сама китайская модель многонационального социалистического государства. Китайская автономия действует в рамках унитарного государства без внутренней границы и независимого судопроизводства. Юридически китайская концепция автономии обосновывается Конституцией КНР и законом о национальной районной автономии. Но она в большей степени основана не на правах, а на прагматизме и комбинации идей марксизма-ленинизма и традиционных китайских теорий управления (конфу-

цианства) и предполагает несколько моделей автономии в зависимости от различных обстоятельств. Так, например, Тайваню предлагается более высокая степень автономии, чем Гонконгу. Тибету соответственно более низкая, чем Гонконгу, но более высокая, чем Синьцзяню и Внутренней Монголии. Права нацменьшинств в большей степени соблюдаются в области экономики, культуры, здравоохранения, чем в области политических прав. В соответствии с вышеизложенным, с точки зрения либеральных теорий автономии, китайская модель в действительности «фактически не имеет смысла» (*virtually meaningless*). С точки зрения «политики реального», китайская модель автономии имеет свои несомненные достижения в сфере экономики и культуры, а также в деле сохранения единства и территориальной целостности государства. Очевидно, что процесс формирования системы национальной автономии в Китае все еще не завершен. Китай продемонстрировал возможность построения в стране социализма с китайской спецификой. Прагматический метод Дэн Сяопина «переходить реку, извлекая камни со дна», применим и к области национального строительства. Сможет ли Китай доказать, что и в этом вопросе у него есть своя китайская специфика, может показать только время. На сегодняшний день в стране существуют особые концепции межэтнических взаимоотношений, которые мы рассмотрим ниже. Но прежде остановимся на проблеме тибетских кадров и моделях автономии, предлагаемых Его Святейшеством Далай-ламой и китайскими диссидентами, так как они предлагают совершенно иной механизм интеграции Тибета в составе КНР.

2. Тибетские кадры

Проблема тибетских кадров, пожалуй, одна из наиболее острых проблем, касающихся тибетской автономии. Как было видно из вышеизложенного, члены тибетской национальности и других нацменьшинств составляли на 1996 г. 73,88 % членов органов государственной власти на муниципальном, уездном, окружном и районном уровнях. Государственные чиновники и служащие различных ведомств, находящиеся на государственном бюджете, составляют 10–15 % тибетского населения, положительно выигравших от проводимой государством политики и получающих самые высокие доходы по стране. Кто же такие эти элитные тибетские кадры, каков их состав, происхождение – интереснейшая тема, которую трудно, однако, изучать со стороны, вне реального тибетского окружения. Поэтому я сочла возможным определить лишь некоторые аспекты проблемы кадров в Тибете, выделившиеся во время общего исследования.

Роберт Барнетт писал: «...роль тибетцев в сино-китайской проблеме зачастую видится в западном и иностранном воображении как драма коллаборационизма и сопротивления, в которой главным тибетским игрокам отводятся только эти роли» [Barnett, 2006, с. 25–26]. По его мнению, эта парадигма не соответствует описанию современной ситуации, с чем, несомненно, следует согласиться. С китайской же точки зрения идет деление на патриотические кадры и контрреволюционеров. На наш взгляд, ни то ни другое неверно. Среди категорий кадровых работников в Тибете возможно выделение трех категорий, в каждой из которых, разумеется, есть свои вариации и исключения из правила.

Так называемые *сторонники жесткой линии* (hard-liners). К этой категории, с известной долей осторожности, можно причислить высшее звено кадровых работников в Тибете – ханьцев и тибетцев, причем различие в этнической принадлежности здесь не так существенно. Среди этой категории кадров значительное число тех личностей, которые, по выражению Баба Пунцог Вангьяла, «сделали свою жизнь, продвигали карьеру и стали состоятельными благодаря борьбе с расколом»².

Пожалуй, даже можно сказать, что высший кадровый состав Тибетского автономного района всегда был и продолжает оставаться самым консервативным (левым) звеном руководства КПК. Саботаж реформ Ху Яобана шел именно со стороны высших тибетских кадров. И даже Инь Фатан, протеже Ху Яобана, был в числе лиц, организовавших внутреннюю кампанию против Баба Пунцог Вангьяла³ и Панчен-ламы. Примечательно, что из семи первых секретарей парткома ТАР⁴, с 1980 г., шестерых можно причислить к приверженцам жесткой линии, за исключением У Цзинхуа, единственного неханьца, принадлежавшего к национальности *и*. После отставки Ху Яобана на пост Первого секретаря был назначен Ху Цзинтао, нынешний президент КНР. И хотя он пробыл в Тибете совсем недолго, все последующие назначения ассоциируются с его именем. Среди последних первых секретарей отличились особо жесткой позицией в отношении инакомыслия Чэнь Куйюань и ныне действующий первый секретарь Чжан Цинли, которого лондонская «Таймс» назвала в числе трех «архитекторов» китайских репрессий в Тибете.

Сторонники жесткой линии среди тибетских функционеров принадлежат, как правило, к категории выдвиненцев времен «культурной революции»⁵, сумевших удер-

² Allegiance to the Dalai Lama and those who «become rich by opposing splittism» // <http://www.tibetinfonet.net>.

³ В конце 1980 г. Пунцог Вангьял решил принять участие в обсуждении новой конституции КНР по вопросу национальной политики. Со своими взглядами и предложениями он выступил на заседании Комитета по делам национальностей ВСНП, заместителем директора которого он являлся. Его выступление вызвало сильнейшую критику высших кадровых работников, занимавшихся национальной политикой, включая директора Единого фронта Ян Цзинжэня. Критика в адрес Пунцог Вангьяла была подхвачена китайскими и тибетскими кадрами в Тибете, в том числе первым секретарем тибетского района Инь Фатаном.

⁴ Инь Фатан (1980–1985 гг.); У Цзинхуа (1985–1988 гг.); Ху Цзинтао (1988–1992 гг.); Чэнь Куйюань (1992–2000 гг.); Го Цзинлун (2000–2004 гг.); Ян Чуантан (2004–2005 гг.); Чжан Цинли (с 2005 г.).

⁵ На 2006 г.: Рагди – с 1975 по 2003 г. вице-секретарь ТАР, в настоящее время член Постоянного комитета СНП ТАР, бывший руководитель хунвэйбинов «Штаба широкого объединения» (Ньямдрэл) в Нагчу; Легчог – председатель СНП ТАР, руководивший Ньямдрэл в Шигацзе; Пасан, с 1971 по 2003 г. – вице-секретарь ТАР, сейчас – вице-председатель Всекитайской женской федерации, в прошлом руководительница «Маленьких хунвэйбинов» и Ньямдрэл в Шаньнани (Лхока); Лобсан Дондуп – вице-председатель СНП ТАР, руководитель хунвэйбинов из «Войны крепостных» в Тибетском национальном университете, Китай; Лхаба Пунцог – главный секретарь Центра китайской тибетологии, бывший главный редактор газеты Ньямдрэл «Штормовая война»; Чжампа Пунцог – вице-секретарь ТАР, в прошлом лидер «Войны крепостных»; Чжамцо – вице-председатель ТАР, возглавлявший Ньямдрэл на механической фабрике в Таму; Дэки Цомо – член Постоянного комитета тибетского парткома, руководила группой «Война крепостных» в Тибетском национальном университете, Китай; Бучун – вице-секретарь ТАР и секретарь районной комиссии по дисциплине ТАР, глава Ньямдрэл в уезде Чонгье в Шаньнани; Па-

жаться у власти в период Ху Яобана и еще больше укрепивших свои позиции после его смещения. Тибетская писательница Восер (Woeser), супруга китайского ученого и писателя Ван Лисюна, следующим образом охарактеризовала эту категорию кадровых работников:

Существует большое количество местных тибетцев, получивших для себя большую выгоду во времена недавней тибетской истории. Сейчас они стали одной из тормозящих факторов и блоком препятствия в разрешении тибетского вопроса; так как их достижения исключительно политического характера в противовес благу народа, их политика направлена исключительно на обеспечение стабильности, то есть подавление инакомыслия в Тибете. В основном для этого существуют две причины: во-первых, это соответствует концепции Мао о классовой борьбе. Во-вторых, это связано с характеристикой личности – эти люди необразованны. Единственная вещь, которую они умеют, – это переоценивать позицию врага. Если нет врага, то они всегда пытаются измыслить истории, что дает им основания определять политику, для того чтобы давить на простых людей. Это единственный путь для высших тибетских официальных лиц и китайских представителей в Тибете; все исключительно для их личной выгоды. Поэтому вы можете видеть, почему эти китайско-тибетские чиновники постоянно устраивают кампании «выявления и ниспровержения Далай-ламы», а также пытаются пробудить китайский национализм в Тибете.

В настоящее время вокруг тибетского вопроса сложилась очень странная политическая атмосфера. Когда китайское правительство пытается разговаривать с Далай-ламой, районное тибетское правительство постоянно создает помехи для переговоров. Эта ситуация приводит китайское правительство к фрустрации и оказывается иногда причиной его отказа от переговоров, поскольку правительство должно доверять и опираться на этих высших китайско-тибетских чиновников в ТАР...

Эти коррумпированные чиновники без всякой проблемы используют «сепаратистскую группу Далай-ламы» как щит для извлечения прибыли от центрального правительства. Поэтому люди, которые не хотят видеть возвращения Далай-ламы домой, – это коррумпированные и бесчестные чиновники в Тибете⁶.

К сказанному Восер, в сущности, нечего добавить кроме того, что даже такие харизматические лидеры Китая, как Дэн Сяопин и Ху Яобан не могли искоренить этот порочный узел, блокирующий позитивное решение тибетского

сан Дондуп – член Постоянного комитета парткома ТАР, вице-председатель Политико-консультативного совета ТАР и председатель Департамента Единого фронта ТАР, служил переводчиком 409-го подразделения НОАК; Еше Тензин – вице-председатель Политико-консультативного комитета ТАР, бывший член «Центра повстанцев», затем перешел в Ньямдрэл (Diagnosing the Current Situation in Tibet. Interview with the Tibetan author Woeser // <http://www.tibetinfonet.net>).

⁶ Diagnosing the Current Situation in Tibet. Interview with the Tibetan author Woeser // <http://www.tibetinfonet.net>.

вопроса, и можно представить, с какими трудностями предстоит столкнуться китайскому правительству и Далай-ламе в решении этой проблемы в будущем.

К следующей категории тибетских кадров можно причислить так называемую *патриотическую интеллигенцию*. Это личности, полностью противоположные выше-названной. Если первые – это, как правило, не получившие должного образования выдвинутые «культурной революцией» из социальных низов, то вторые как раз из самого малочисленного слоя образованных кругов тибетского общества. Эту категорию можно разделить на две группы: старую и новую тибетскую интеллигенцию. Про старую интеллигенцию – *патриотических верхов* мы уже писали в предыдущих главах. Среди них немало личностей, подобных партийным функционерам, выдвинувшимся во время «культурной революции». Это, в принципе, те же люди, «ставшие состоятельными благодаря борьбе с расколом», с разницей лишь в происхождении⁷. Их активный коллаборационизм помог им выжить в трудные времена и получить большие дивиденды от правительства. Поскольку это известные всему Тибету люди из аристократических и религиозных кругов, перспектива возвращения на родину Далай-ламы и тибетской эмиграции для них просто немыслима, и поэтому они делают все, что можно, ради ниспровержения «преступной клики Далай-ламы».

Большая же часть *патриотических верхов* – уже пожилые люди из имевших положение при правительстве Далай-ламы, аристократического рода, бывшие ученые монахи или монахи-чиновники. На долю этого поколения выпало немало испытаний. Многие из них были невинно осуждены во время демократических реформ и «культурной революции» и отсидели разные сроки заключения в лагерях и тюрьмах. Сейчас они составляют ядро тибетской интеллигенции, работающей в сфере науки и образования и восстанавливающей культуру своего народа. Они занимают почетные, как правило, номинальные должности в государственных структурах разных уровней или буддийских организаций, получают солидную материальную помощь от правительства. Если посмотреть на судьбы этого поколения, то можно сделать вывод о том, что эти люди избрали путь служения новому строю по разным причинам, главной среди них была необходимость просто выжить и вместе с тем по возможности принести пользу своему народу. Их сотрудничество имело большое значение для возрождения Тибета, с китайской же точки зрения, узаконивало китайское правление в Тибете. При этом вполне очевидно, что большинство из них сохранило лояльность Далай-ламе и своей этничности, несмотря на огромное давление, оказываемое сверху.

⁷ Нгабо Нгаван Чжигмэ, Пхагба-лха Гэлэг Намгъял, Сэнчэн Римпоче – личности, уже упоминавшиеся в предыдущих главах. К ним можно прибавить Чагра Лобсан Тензина – вице-председателя правительства ТАР. Он тулку, родом из знаменитого аристократического семейства Лхалу. Он был признан главой монастыря Чжампа Лин в Чамдо. На протяжении своей карьеры занимал много различных должностей. Его монастырь традиционно связан с Шугдэном, и поэтому он являлся главным инициатором деятельности, связанной с Шугдэном, в том числе в монастыре Гандэн в марте 2006 г. Первоначально суд не имел намерения преследовать двух монахов за разрушение статуи Шугдэна, но из-за его личного вмешательства монахов все же обвинили.

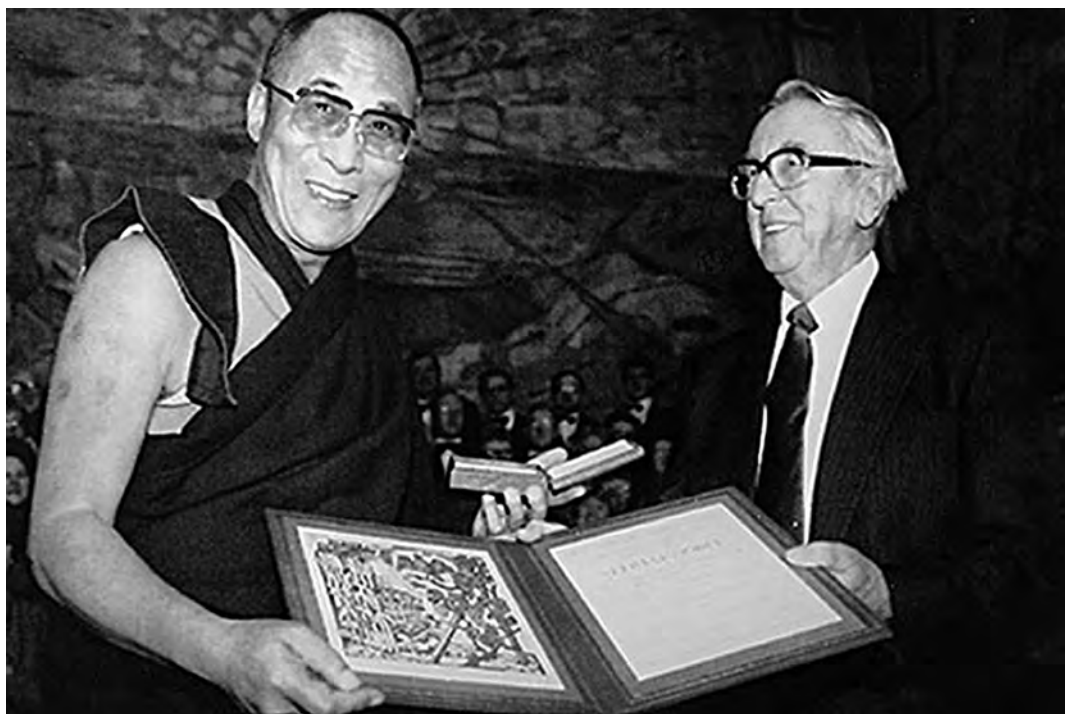
Большой интерес представляет группа молодой интеллигенции Тибета. Это наиболее многочисленная и разнородная часть тибетских кадров, которая, как и в любом обществе, делится на разные группы интересов. Правительственные чиновники, университетские преподаватели, врачи, учителя, инженеры из молодого и среднего поколения Тибета получили образование, как правило, в китайских вузах и хорошо владеют китайским языком. Из личного общения с некоторыми представителями тибетской интеллигенции мне показалось, что это прогрессивно настроенный слой тибетского общества, стремящийся найти пути из создавшегося положения путем поиска взаимоприемлемых решений. Выросшие в условиях тоталитарного строя и испытывавшие на своем опыте многочисленные кампании индоктринации, они сохранили, тем не менее, чувство национального самосознания, оно, можно сказать, у них стало даже более осознанным, чем у старшего поколения. Многие из них побывали за границей, в Индии, участвовали в международных обменных программах и конференциях, и даже виделись с Далай-ламой. Многие из них испытали разочарование, столкнувшись с реалиями жизни в эмиграции. Степень их лояльности по отношению к существующему строю сложно определить, поскольку это не могло быть предметом обсуждения с иностранными исследователями. Касаясь проблемы коллаборационизма среди тибетских кадров, Роберт Барнетт верно отметил несоответствие понимания коллаборационизма в западном и тибетском мышлении. Он пишет:

... мы можем увидеть, что понимание извне коллаборационизма ведет к совершенно неверному суждению и последующей деформации и что среди тибетцев в Тибете моральный вопрос обмана и чести неуместен: для честного чиновника в современном Тибете скрытность видится как средство для выживания, и в этом случае [имеется в виду случай с Панчен-ламой] для принесения пользы более широкому окружению. Моральный вопрос и, возможно, единственный заключается только в том, действительно ли этот чиновник приносит пользу своему окружению, вне зависимости от того, использует он для этого прямые или окольные методы [Barnett, 2006, с. 34].

Роберт Барнетт далее отмечает, что стратегическая скрытность, практикуемая среди тибетских кадров, в большинстве случаев вовсе не означает восстания или даже необходимого протеста, как в случае с Панчен-ламой, который писал свою петицию не для независимости Тибета, а для того чтобы исправить ошибки неправильной политики. Не думается, что конфронтация с властями, тем более борьба за независимость Тибета всерьез рассматривается нынешними тибетскими кадрами. Их лояльность системе определяется, в первую очередь, прагматизмом, который, конечно, не исключает национальные чувства. Безусловно, что тибетские кадровые работники материально выиграли от проводимой центральными властями политики. Тем не менее, если говорить о «честных» кадрах, будущее Тибета они видят в сохранении тибетской культуры и религии, и поэтому их лояльность Далай-ламе не вызывает сомнения. Однако в отличие от сторонников жесткой линии и наиболее консервативной части тибетского монашества, образованная тибетская интеллигенция – за поиск компромиссного решения тибетской проблемы без насилия и кровопролития, они, как правило, никогда не подверживают открытые антикитайские выступления.

3. Модели автономии Далай-ламы и китайских диссидентов

Его Святейшество Далай-лама в 1961 г. обнародовал будущую конституцию свободного Тибета, которая основана на принципах современной демократии. В 1963 г. опубликован более разработанный проект конституции. Ассамблея депутатов тибетского народа отменила традиционную систему назначения на одну правительственную должность светского и клерикального чиновника, а также все наследственные титулы и привилегии, взамен одобрила назначение правительственных чиновников по демократическому принципу. В 1987 г. Далай-лама объявил свой план из 5 пунктов, который заключался в создании демилитаризованного Большого Тибета с полной внутренней политической автономией по образцу «одна страна и две системы». В 1988 г. Далай-лама представил свои Страсбургские предложения по поводу тибетской автономии. Его план *истинной* автономии (*genuine autonomy*) был основан на либеральных принципах автономии и предполагал модель с избираемым главой исполнительной власти, двухпалатной законодательной и независимой судебной системами.

Вручение Его Святейшеству Далай-Ламе Нобелевской премии мира

26 февраля 1992 г. Его Святейшество издал «Принципы будущей формы правления Тибета и основные элементы ее конституции»⁸. Далай-лама категорически заявил, что не будет занимать никакие посты в правительстве буду-

⁸ His Holiness the Dalai Lama's Vision for a Future Free Tibet // <http://www.tibet.com>. 18–50

щего Тибета, так как, по его мнению, «ему будет лучше служить народу в качестве отдельного человека вне правительства». Согласно принципам либеральной автономии, после того, как Тибет обретет свободу, наступит переходный период до принятия новой Конституции, который продлится не более двух лет. По мнению Далай-ламы, Тибет должен принять многопартийную парламентскую систему и три независимых органа правительства – законодательный, исполнительный и судебный.

Законодательная власть:

Законодательная власть тибетского правительства будет осуществляться двумя палатами: палатой регионов и народной палатой. Одобренные ими законодательные акты должны получить утверждение президента прежде, чем стать законом. Народная палата будет высшим законодательным органом. Она будет состоять из представителей, избираемых напрямую из населения всех избирательных округов, которые будут разграничены в соответствии с распределением населения. Палата регионов будет состоять из членов, избранных ассамблеями регионального уровня. Ограниченное число членов этой Палаты будут предлагаться президентом.

Исполнительная власть:

а) Если будет одобрена парламентская система правительства, то в таком случае должен быть президент и вице-президент, избранный членами двух палат национального уровня и региональными ассамблеями.

б) Исполнительная власть правительства в парламентской системе будет возложена на премьер-министра и совет министров, сформированный премьер-министром. Премьер-министр должен принадлежать партии или любой другой группе, составляющей большинство членов Народной палаты. Если это не удастся, то все члены Народной палаты будут избирать премьер-министра.

Судебная система, независимая от двух других органов правительства – законодательной и исполнительной. Верховный суд будет высшим судебным органом и судом последней апелляции.

Свое видение будущего Тибета Далай-лама определил как срединный путь, подразумевая под этим то, что он находится между крайностью достижения независимости, с одной стороны, и крайностью национального угнетения в рамках тоталитарного строя, с другой. Вследствие того что китайское правительство не приняло ни одно из вышеупомянутых предложений, Далай-лама в 1996 и 1997 гг. предложил, чтобы тибетцы приняли решение относительно своего будущего через референдум. Однако, согласно проведенному опросу общественного мнения, 64 % опрошенных показали, что не видят необходимости в проведении референдума, так как поддерживают подход срединного пути, равно как и любое другое решение Его Святейшества, которое он сочтет нужным принять в соответствии с меняющейся политической ситуацией в Китае и мире в целом. Тогда Ассамблея депутатов тибетского народа единогласно приняла резолюцию от 18 сентября 1997 г., в которой говорилось:

Основываясь на большинстве полученных предложений [от опроса] Ассамблея депутатов тибетского народа просит Его Святейшество Далай-ламу снять свое требование референдума и, опираясь на свою мудрость, решать время от

времени будущее Тибета и средства для его достижения. Какие бы решения Его Святейшество ни принимал время от времени, опираясь на свою мудрость, они будут расцениваться тибетским народом как имеющие ту же силу, что и принятые в результате референдума⁹.

В марте 2001 г. Далай-лама объявил о своем решении сделать прямыми выборы Председателя высшего исполнительного органа тибетской администрации Кашага – Калона Трипы, которым в результате прямых выборов стал проф. Самдон Римпоче¹⁰.

Обобщая вышесказанное, срединный путь, предложенный Далай-ламой, предполагает полноценную автономию Тибета в составе КНР, основанную на либеральных принципах демократии. Перед нами, таким образом, две модели автономии, противоречащие друг другу по самым принципиальным вопросам, но все же, заметим, не по главному. Основное требование китайской стороны – это уважение территориальной целостности государства, основное требование тибетской – это предоставление тибетцам полноценной автономии, гарантирующей сохранение их культуры и идентичности. На самом деле, эти главные требования сторон не противоречат друг другу и, в сущности, находят друг у друга понимание. Очевидно поэтому, что для мирного решения вопроса стороны должны удовлетворить основные требования друг друга, а другие вопросы решать путем переговоров. Это – главное. И Китай, и Тибет считают, что предложенные модели автономии не могут быть основой разрешения тибетского вопроса. Следовательно, целью переговоров должен стать поиск взаимоприемлемой модели, удовлетворяющей обе стороны.

Наиболее близкой модели автономии, предложенной Далай-ламой, является модель китайских либералов (диссидентов). В 1994 г. группа китайских ученых и интеллектуалов из КНР, Тайваня и Гонконга предложила проект Конституции Федеральной Республики Китай, которую она определила как «федеральную систему с конфедеральными параметрами» (federal system with confederal characteristics)¹¹. Конфедеральные параметры относятся к автономным штатам (autonomous state) Внутренней Монголии, Тайваню, Тибету, Синьцзяну, Нинся и Гуанси (статья 28). Статья 30 предоставляет право автономным штатам иметь свою собственную конституцию. Помимо права иметь конституцию, автономные штаты наделяются правом подписывать невоенные соглашения с иностранными государствами, принимать решения о вступлении в международные организации и создавать свои представительства в иностранных государствах (статья 33). Статья 39 полностью посвящена Тибету:

Автономный штат Тибет – это национальная заповедная зона, в которой запрещаются испытания ядерного, химического и биологического оружия и хранение ядерных отходов.

⁹ The Middle Way Approach: A Framework for Resolving of the Issue of Tibet // <http://www.tibet.com>.

¹⁰ Governing in Exile. Tibetan Bulletin Archive // <http://www.tibet.com>.

¹¹ The Constitution of the Federal Republic of China (proposed draft) (San Francisco, 31 January 1994). Цит. по: Norbu, 2001, с. 351.

Автономный штат Тибет финансово независим, с него не требуется выплата федеральных налогов. Автономный штат Тибет имеет право создавать суд последней апелляционной инстанции.

Статус автономного штата Тибет будет пересмотрен через 25 лет после провозглашения этой конституции. Пересмотр будет иметь место в форме референдума гражданами штата и не будет подвластен статье 36 этой конституции [цит. по: Norbu, 2001, с. 352].

Как мы видим, проект Конституции Федеральной Республики Китай, предложенный китайскими диссидентами, предусматривает федеративное устройство государства с последующим предоставлением Тибету права на самоопределение, чем в корне отличается от концепции унитарного государства китайских коммунистов. Тибетская диаспора с большой симпатией встретила предложение китайских диссидентов и была бы несомненно рада, если бы проект стал основой разрешения тибетского вопроса, несмотря на то что конституция не прописывала некоторые важные моменты, требуемые тибетской стороной, как-то: объединение тибетских территорий в одну административную единицу, военные вопросы и некоторые другие. Однако вызывает большое сомнение, что предложение китайских диссидентов может устроить правительство Китая, поскольку оно абсолютно не гарантирует его основное требование территориальной целостности КНР.

4. Концепции автономии и этнических взаимоотношений в Китае

Далее нам хотелось бы рассмотреть несколько концепций автономии этнических взаимоотношений в Китае, высказанных авторитетными лицами в КНР и за рубежом.

Истинное равноправие. Названная так условно концепция принадлежит знаменитому Баба Пунцог Вангьялу, первому тибетскому коммунисту и настоящему патриоту своей страны. Свою основную позицию по тибетскому вопросу он изложил первой делегации Далай-ламы в 1979 г. Вот некоторые выдержки из его речи:

... я верю в то, что наиболее реалистическое и оптимальное решение состоит в том, чтобы ханьцы, тибетцы и более 50 других национальностей имели право на объединение, и под руководством КПК на основе равенства национальностей помогали и сотрудничали друг с другом в большой социалистической семье Китайской Народной Республики.

... в исторических условиях сегодняшнего Китая для всех национальностей лучше быть единым, чем разделенным. Единство благотворно, разделение разрушительно.

... Конечно, я разъяснил необходимые условия для единства: оно должно быть истинным, а не поддельным, искренним, а не фальшивым. Главным условием является истинное и искреннее равенство национальностей, то есть признание суверенного равенства национальностей¹².

¹² Summary of Talks with Tibetan Exile Delegates // A Tibetan Revolutionary. 2004. С. 325–337.

Как мы уже упоминали, в конце 1980 г. Пунцог Вангъял решил принять участие в обсуждении новой конституции КНР и предложил добавить в нее новые положения. Его выступление на заседании Комиссии национальностей ВСНП, заместителем директора которого он являлся, вызвало сильнейшую оппозицию со стороны высшего руководства, занимавшегося национальными делами, за его творческий подход, независимость воззрений и критику левацких методов¹³. В начале своей речи он подробно остановился на важнейшем принципе равенства национальностей. По его мнению, единство национальностей основывается на их равенстве, а национальное разъединение – это результат неравенства и подавления одной национальности другой. Без национального равенства единство национальностей может только вызвать национальные разногласия или быть использовано национальными капитулянтами – предателями своей национальности¹⁴. Для того чтобы конституция гарантировала настоящее равенство национальностей, он предложил включить в преамбулу конституции следующее положение:

Китайская Народная Республика – многонациональное государство. Каждая национальность должна строго придерживаться принципа национальной автономии, выступать против национального подавления и дискриминации и поддерживать равенство национальностей. Все национальности должны работать вместе, для того чтобы защитить страну и единство национальностей в целях строительства современного социалистического государства.

Всего Пунцог Вангъял предложил добавить в конституцию 12 новых положений, в соответствии с которыми каждый национальный регион должен иметь автономную организацию, самоуправляющаяся национальность должна быть главным органом власти и нести ответственность за местные дела; национальная оборона должна контролироваться высшим органом власти (ВСНП) и высшей административной организацией (Госсоветом), армия должна отвечать за борьбу с внешним врагом, но не должна отвечать за поддержание общественного порядка в национальных регионах, там общественный порядок должен поддерживаться силами местной национальности; высшие органы власти должны нести ответственность за иностранные дела, а иностранные дела, касающиеся интересов нацменьшинств, живущих в приграничных районах, должны обсуждаться соответственным нацменьшинством и их автономным правительством до их обсуждения в ВСНП; государство должно защищать право нацменьшинств на использование их языка в качестве основного языка региона, замена национального языка китайским должна быть запрещена и т. д.

По словам Пунцог Вангъяла, его предложения не были учтены. Однако он все-таки сумел убедить члена Политбюро и Председателя ВСНП Пэн Чжэня

¹³ Some Opinions on Amending the Constitution with Regard to Nationalities // A Tibetan Revolutionary. 2004. С. 339–350.

¹⁴ Скорее всего, Пунцог Вангъял, разъясняя принцип единства и равенства, разъединения и подавления, пытался имплицитно объяснить партийным товарищам, что в стране нет истинного равенства национальностей, а соответственно имеет место подавление одной национальности другой, из-за чего и происходит разъединение национальностей.

(фактического главы редакционной комиссии по конституции) перефразировать отрывок преамбулы так, чтобы слово «равенство» предшествовало словам «единство» и «сотрудничество». По его мнению, это произвело большое изменение в направлении, так как без равенства не может быть единства [A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 304]¹⁵.

К сказанному следует добавить слова Пунцог Вангьяла в адрес Его Святейшества Далай-ламы: «Большинству людей в Кхаме, [Центральном] Тибете и Амдо до глубины сердца не хватает их духовного лидера Далай-ламы. Они доверяют ему, полагаются на него и просят его оказать им покровительство и молиться за них» [там же, с. 316].

Не нужно забывать, что Пунцог Вангьял был коммунистом и кадровым работником и говорил он для своих коллег по партии и службе. А для кадровых работников стратегическое сокрытие, о котором говорил Роберт Барнетт, и неопределенность высказываний¹⁶ являются, с одной стороны, средством для сохранения своих позиций, а с другой – методом, с помощью которого можно принести большую пользу своему сообществу. Пунцог Вангьял открыто настаивал на осуществлении в рамках единого государства действительного равноправия всех национальностей и истинного самоуправления нацменьшинств в пределах их автономии, а его скрытым посланием своим коллегам по партии было то, что обещания партии осуществить равноправие национальностей были ложными и что шовинизм в отношении нацменьшинств не преодолен. Его послание было понято коллегами, о чем свидетельствует тут же развернувшаяся против него кампания.

Плюралистическое единство китайской нации. Известный китайский профессор Фэй Сяотун, пионер исследований национальных меньшинств Китая, сделал в декабре 1988 г. на престижном международном семинаре «Tanner Lecture» в Китайском университете Гонконга презентацию концепции «Плюралистическое единство китайской нации» (*Zhonghua minzude duoyuan yiti geju*)¹⁷, которая до настоящего времени считается наиболее значимой теорией национального строительства в Китае [Fei Xiaotong, 1988, с. 1–19].

На основании археологических данных автор делает вывод о том, что в эпоху первобытного общества на территории современного Китая проживали многочисленные группы людей, которые общались друг с другом, так как

¹⁵ Конституция 1978 г. всего лишь констатировала: «Необходимо укреплять единство всех национальностей страны».

¹⁶ Пунцог Вангьял, кстати, в отличие от своих партийных коллег, высказывается очень ясно. Однако ни он, ни другие не могут себе позволить не делать реверансы в сторону партии и правительства. Поэтому, когда в партии идет дискуссия, оппоненты зачастую используют эзопов язык, для того чтобы выразить свое несогласие. Так, покойного Панчен-ламу можно назвать мастером политической двусмысленности.

¹⁷ В китайском языке, как и в русском, до сих пор не устоялась лексика в отношении наименований нации, национальности, этноса, народности и т. д. Чтобы не углубляться в подробности этого сложного вопроса, который требует специального рассмотрения, коротко отметим, что когда мы говорим «китайская нация» (кит. *zhonghua minzu*, англ. *nation*), то имеем в виду национально-государственную принадлежность (рус. россиянин). Соответственно концепция Фэй Сяотуна относится к определению нации, или «*nation*», в западном понимании.

жили на одной общей территории. Эти группы имели разные источники происхождения, они не пришли из одного места; они принадлежали Китаю, а не были мигрантами из других территорий. Это объясняет тот факт, почему особые характеристики каждой группы сохраняются в течение столь длительного времени и будут сохраняться в будущем. Многообразие мест происхождения указывает на то, что особенности многоэтнической структуры китайской нации будут сохраняться в течение длительного времени. Археологические свидетельства доказывают, что с начала каменного века между различными группами существовали интенсивный культурный обмен и смешение. Объединенная, смешанная, общая «культурная основа», сформированная в течение тысячелетий, стала основой сегодняшнего политического единства.

Ханьская группа сформировалась до династии Хань, когда начали повсеместно использовать название «ханьцы». Окружающие группы стали называть «ханьцами» людей, живущих на центральной равнине, это не была единая группа, как и другие, а смешанная объединенная группа одного культурного направления. Эта группа занималась в основном земледелием и стала «основой» китайской нации вследствие своей продвинутой культуры и технологий того времени, а также из-за своего большого населения, которое быстро росло, благодаря естественному приросту и ассимиляции других групп. Слово «ханец» стало названием самоидентификации. Таким образом, сегодняшних ханьцев не следует ставить в один ряд с другими национальными меньшинствами в этнической структуре.

Эти этнические группы постепенно объединились в два субконгломерата: кочевые царства, или империи на севере и западе, и земледельческие царства, или империи на юге и востоке. Между двумя объединениями в течение истории происходили многочисленные миграции и сношения. «Ханьцы» были «основой» южного объединения. Исторически сложилось так, что если миноритарная группа воспринимала от ханьцев земледельческую культуру, то постепенно становилась частью «ханьцев». Язык «хань» становился общим языком общения между группами. В период династии Цин два субконгломерата слились в один. В итоге возникло плюралистическое единство с большим ханьским населением в качестве «основы». В результате западного вторжения это плюралистическое единство приблизительно в начале XX века приобрело характер «современной нации», принятой в западной культуре.

Политическое единство – культурный плюрализм. По мнению профессора Ма Жуна, к работам которого мы неоднократно обращались, концепция Фэй Сяотуна о «плюралистическом единстве китайской нации» может быть далее развита в концепцию «политического единства – культурного плюрализма». Китайский ученый (национальности хуэй) немало времени посвятил проблемам этничности и национального строительства в КНР. Свое видение проблемы этнических взаимоотношений профессор изложил в нескольких статьях, опубликованных в престижных зарубежных этнологических изданиях, которые были собраны и переработаны в сборнике под названием «Этнические взаимоотношения в Китае», изданном на английском языке Издательством китайской тибетологии в 2008 г. [Rong Ma, 2008]. Мы остановимся лишь на некоторых моментах, характеризующих взгляды ученого на проблему этничности в Китае.

В статье «Национальное строительство плюралистического единства Китая и будущие перспективы» Ма Жун, основываясь на концепции Фэй Сяотуна, пытается представить процесс национального строительства в стране в макроперспективе – «для того чтобы понять действительные взаимоотношения китайской истории на основании собственного опыта, развитие нашего понимания “groups” и “nation” на основании наших культурных традиций» [с. 18]. Процесс национального строительства Ма Жун делит на три периода. Первый – это период становления. Приблизительно в период династии Цинь и Западной Хань (221–0 до н. э.) сложились два субконгломерата: кочевников и земледельцев. Между двумя конгломератами постоянно происходили конфликты. Либо северные кочевники оккупировали Юг, например, во время Северных и Южных династий (420–581) или Юаньской династии (1271–1368), либо земледельческие группы вытесняли кочевников из пустыни Гоби или Центральной Азии, как, например, в Западную Хань (200–0 до н. э.) или Танскую династию (618–907). И только где-то в середине Цинской династии маньчжуры, монголы, ханьцы, хуэй, уйгуры и тибетцы объединились под властью цинских императоров в прочный политический и экономический союз. Автор концепции задается вопросом, почему именно маньчжуры смогли объединить эти два конгломерата, тогда как ни великие ханьские лидеры, как Цинь Шихуан и У Ди, ни монгольский Чингис-хан и его последователи так и не смогли создать нацию, в действительности соединяющую два вида экономики и культуры. По мнению Ма Жуна, маньчжуров вследствие того, что они одинаково впитали в себя и земледельческую, и кочевую культуры, можно классифицировать как группу, находящуюся где-то посередине двух культур. Поэтому маньчжуры были приняты обоими подразделениями и помогли им объединиться.

Второй период – период кризиса, от Опиумной войны до образования КНР (1840–1949). Вторжение империалистических держав в Китай спровоцировало кризис Цинской империи. Одним из методов держав была поддержка сепаратистских тенденций миноритарных групп. С падением в 1911 г. Цинской династии плюралистическое целое китайской нации по-прежнему находилось перед лицом опасности. Внешняя Монголия стала независимой при поддержке Красной армии, отношения Тибета и Центрального правительства ослабли при поддержке Англии. Третий период, начиная с 1949 г. по настоящее время, относится к периоду восстановления плюралистического единства. Была создана система национальной районной автономии. Несмотря на то что по-прежнему имеют место различные проблемы и конфликты, основной тенденцией является кооперация, а не конфликты; объединение, а не разделение. Гонконг стал частью Китая в 1997 г., Макао – в 1999 г. Развиваются политические, экономические и культурные контакты с Тайванем.

В статье «Новые перспективы формирования этнических взаимоотношений в XXI веке: деполитизация этничности в Китае» профессор Ма Жун высказывает идею, что идеальной основой национального строительства является концепция «политического единства – культурного плюрализма». Согласно концепции, необходимо усиливать «национальную идентичность» (national identity) граждан на национальном уровне и в то же время развивать культурные характеристики на групповом этническом уровне. По мнению ученого, политическое и правовое равенство всех групп должно быть пред-

ным условием и политической основой этой структуры. На государственно-национальном уровне должны быть гарантированы равенство всех граждан (включая все этнические группы), политические и законные права, а также права всех групп сохранять и развивать свои собственные культурные традиции. Такая структура объединяет в себе политическое единство, этническое равенство и культурное многообразие.

Для иллюстрации своей идеи автор концепции приводит пример Советского Союза и Индии. Он приводит цитату индийского ученого Бехеры, который провел длительное время в Советском Союзе. Согласно Бехере, в СССР не создали советской идентичности в форме «советского национализма», в отсутствие которого национальности были вынуждены развивать свои отличные идентичности, которые привели к росту их собственного национализма. По мнению Ма Жуна, Советский Союз взял на себя большой риск, подобным образом регулируя этнические взаимоотношения. Посылка о том, что общая идеология (коммунизм) может стать связующим звеном, объединяющим этнические группы, оказалась опасной и ложной. Когда разрушилась идеологическая связь между этническими группами, нация оказалась перед опасностью дезинтеграции, поскольку отдельные национальные идентичности оставались по-прежнему сильны. Индийское правительство, напротив, прилагало огромные усилия, для того чтобы сформировать после независимости индийскую национальную идентичность, несмотря на то что Индия никогда не была единой до английского господства. Согласно исследованию Программы развития ООН, 90 % индийских респондентов ответили, что они гордятся быть индийцами. Процент положительного ответа на вопрос о национальной идентичности в Индии даже превзошел аналогичный в таких странах, как Испания, Аргентина, Бразилия, Бельгия, Швейцария и Германия. Процесс национального строительства все еще продолжается в Индии. Однако, несмотря на многочисленные этнические конфликты, эти проблемы не подвергаются интернационализации и не становятся поэтому серьезной угрозой единству Индии.

Далее автор приводит пример США, в которых иммигранты самого различного происхождения смогли постепенно сформировать новую идентичность и лояльность к нации. Автор считает, что Индия и США приложили огромные усилия, для того чтобы деполитизировать и «культурировать» (*cultura-lize*) свои этнические меньшинства, и поэтому успешно создали «национальную идентичность» среди большинства своих граждан. Пример СССР, Индии и США должен, по мнению Ма Жуна, послужить уроком для Китая.

Как считает Ма Жун, успешная стратегия «культуризации» этнических меньшинств в русле китайской традиции не применяется в нынешнем Китае, но играет позитивную роль в Соединенных Штатах. По мнению автора, китайцы должны еще раз тщательно исследовать эту историческую традицию, попытаться извлечь уроки из прошлого, а также поучиться у других наций. Китай должен подумать о возможности смены направления, в котором решаются этнические проблемы, от «политизации» к «культуризации». Путь «деполитизации» этничности может, по мнению ученого, повести Китай в новом направлении – усилении национальной идентичности среди этнических меньшинств при гарантии процветания их культурных традиций. Ма Жун говорит, что, конечно же, защита прав и привилегий этнических меньшинств в этом

процессе по-прежнему будет оставаться большой задачей. Однако перенаправление этнических взаимоотношений в сторону цивилизованной модели (гражданство и многообразие) вместо традиционной трайбалистской модели (группа или районная автономия – сепаратизм), по Гроссу, может стать альтернативой для Китая следующего столетия.

Система непрямого представительства. Ван Лисюн, известный китайский писатель и ученый¹⁸, предложил модель автономии, которая, по его мнению, удовлетворяет основным требованиям заинтересованных сторон. Он назвал ее «Системой непрямого представительства»¹⁹. В статье «Непрямое представительство в противоположность демократической системе: относительные преимущества в разрешении тибетского вопроса» [Wang Lixiong, 2006, с. 107–126] он пишет, что простое описание системы непрямого представительства заключается в том, что те, кто обладает политической властью на любом из уровней, избираются теми, кто находится на уровне непосредственно под ними, и каждый уровень исполняет административные функции. Статья, хотя в ней нет подробного описания предложенной системы, представляет, на наш взгляд, большой интерес с теоретической точки зрения.

В начале Ван Лисюн делает предпосылку, что высшим приоритетом в разрешении этнических проблем является недопущение войны. Существует полемика по поводу единства или независимости. Нацменьшинства требуют понимания и уважения их демократического права на самоопределение, в то время как ханьцы хотят, чтобы нацменьшинства поняли и уважали их стремление к единству нации и территориальной целостности государства. Автор спрашивает, чье же желание должно возобладать. По его мнению, понимание и уважение не могут быть основой этнических взаимоотношений. Если одна партия получает понимание и уважение, то другая может почувствовать, что она недополучает понимания и уважения. Если нацменьшинство достаточно сильно, чтобы победить китайцев, то оно может достигнуть независимости. Однако это вряд ли может произойти в КНР, где количество всех нацменьшинств едва ли составляет одну десятую часть ханьцев и существует огромная разница в экономической и военной силе. Следовательно, по мнению автора, война – это нереалистичский выбор для нацменьшинств. Счастье людей должно быть построено на недопущении войны. Нельзя просить людей, чтобы они делали жертвы для цели, которая не может привести к победе. Поэтому Ван Лисюн считает: идеалом для Китая является единая нация. По его мнению, свобода и счастье национальностей возможно в рамках единого Китая, в котором идут процессы социальной трансформации, и наступило время строи

¹⁸ Как мы отмечали в главе 1 Ван Лисюн пользуется большой известностью в КНР и за рубежом, преимущественно среди китайской диаспоры. Однако, как я могла лично убедиться, китайские исследователи (КНР) не считают его ученым в их понимании этого слова. Ван Лисюн и его супруга Восер представляют собой слой инакомыслящих Китая.

¹⁹ С деталями системы можно ознакомиться в работах автора: *The Indirect System of Representation: Principles and Methods* // *Chinese Social Science Quarterly* (Fall 2000); *Dissolving Power: The System of Indirect Representation*. Hong Kong: Mingjing Publishing Company, 1998. К сожалению, в нашем распоряжении этих работ нет.

тельства новой социальной системы и новых этнических взаимоотношений. Большинство китайцев продолжает считать, что зрелая демократическая система Запада непригодна для Китая. Но сталкиваясь с проблемой независимости, они не видят подходящей системы и не имеют ясных воззрений. Однако, как считает автор, если сейчас не воспользоваться возможностью построить общество этнического равенства и гармонии, это может привести к войне. Нужно следовать пути, наиболее благоприятствующему людям. Поэтому то, что следует сделать сейчас, – это отказаться от независимости, это должно быть гарантировано системой, которая, естественно, призвана удовлетворять обе стороны. Во-первых, она полностью обеспечивает свободу и автономию каждого этноса. Во-вторых, она гарантирует единство Китая. Демократическая система, по мнению автора, не может этого сделать.

Ван Лисюн аргументирует, почему демократическая система неприемлема для Китая. Для разрешения этнической проблемы Далай-лама предложил срединный путь, по которому Тибет остается в составе Китая и использует демократическую систему, обеспечивающую полноценную автономию для Большого Тибета. По мнению Далай-ламы, демократическая система – средство для создания полноценной автономии в Тибете. Однако автор задается вопросом, может ли срединный путь гарантировать, что тибетцы захотят остаться в КНР? План Далай-ламы включает избрание делегатов в представительный орган страны, предоставление им полномочий принимать законы и избирать исполнительный комитет и главного администратора. Представители получают, таким образом, большую власть, поскольку, кроме законодательных полномочий они выбирают президента и уполномочивают исполнительную власть. Этот вид расстановки, очевидно, учитывает факт широкой разбросанности тибетского населения, низкий образовательный уровень и недостаток опыта демократии. В сравнении с другими демократическими системами он более подходит для ситуации в Тибете. В таком демократическом обществе, по мнению автора, будут иметь место расхождения между неформальными лидерами, СМИ, общественностью, представителями и правительством.

Демократическая система – это система соперничества в выборах. Поэтому она поощряет конфликты в политической культуре. Неформальные лидеры (мыслители, ученые, писатели) играют важную роль в создании общественного мнения. Это люди идей, а не действий. Поскольку им не нужно иметь дело с реальностью, они могут высоко поднять знамя этнических прав. Кроме того, члены элит, не имеющие официальных позиций, часто жаждут власти, и поэтому для того чтобы добиться поддержки, могут специально заострять внимание на этнических проблемах. Резкая демократизация приведет к борьбе элит за власть. Взаимоотношения между Тибетом и Китаем будут страдать от неформальных лидеров, которые будут возбуждать этнические страсти.

Главной чертой демократизации является свобода слова. Резкая демократизация приведет к возникновению большого количества СМИ, которые будут соревноваться между собой и использовать для привлечения общественности самый горячий материал. При внезапной демократизации самым горячим материалом будут преследования тибетцев ханьским Китаем, трагедия тибетского народа и мнимая секретная программа ханьцев. Этот вид возбуждения может быстро выйти из-под контроля и привести к

безответственным преувеличениям. Даже на Западе с ее зрелыми СМИ существуют сенсационистские маленькие газеты.

В авторитарных режимах люди чувствуют себя одиночками, беспомощными и психологически подавленными («культурная революция»). До тех пор, пока не появится возможность, они часто изображают безразличие. Но когда возможность появляется, они склонны вести себя во взрывной и экстремальной манере, для того чтобы компенсировать свои потери. Поскольку их пылкость исходит из СМИ, они преувеличивают ее провокации. Кроме сильного чувства национализма, вряд ли кто осмелится высказывать другие мнения. Любая позиция, кроме борьбы с Китаем, будет выглядеть как слабость или трусость. Голоса благоразумия не будут терпеться. Вышесказанное – вероятная ситуация при резкой демократизации Тибета.

В системе соперничества демократической политики представители сталкиваются с конкурентами, пытающимися занять их место. Соперники будут атаковать реальную или предполагаемую слабость представителей, вынуждая их занимать более экстремальные позиции. Публика любит героев, поэтому представители должны будут стараться бежать изо всех сил, что и происходит в обществах со зрелой демократией. Во внезапно демократизировавшемся обществе с отсутствием демократического опыта выборщиков легко ввести в заблуждение обещаниями и клятвами безответственных политиков. В политической системе, предложенной Далай-ламой, парламент отвечает за законодательство, избрание главного руководителя и уполномочивание правительства, поэтому имеет решающую власть, и нет власти, которая могла бы ему противостоять. В такой системе конфликт между Тибетом и Китаем будет продолжаться.

По плану Далай-ламы, лидер Тибета будет избираться парламентом. В таком случае ему необходимо нравиться парламенту и будет трудно вследствие этого его контролировать. План Далай-ламы суживает политическую позицию лидера и не разделяет эффективно административные функции и функции прений. Скрытое поощрение экстремизма, заложенное в этой системе, означает, что парламент будет пытаться отколоть Тибет от Китая.

Ван Лисюн задает вопрос: может ли Далай-лама гарантировать, что Тибет останется в Китае. По его мнению, уникальной особенностью Тибета является сам Далай-лама. У него есть власть направлять Тибет духовно, хотя эта власть по своей природе далека от демократической. Тибетцы верят, что пока жив Далай-лама, никто не может оспаривать его мнение. Однако система, предложенная Далай-ламой, ослабляет его политические цели. Если Далай-лама не будет политическим лидером, то тибетское правительство будет руководствоваться парламентом. Если система позволила бы избирать верховного лидера народу, то Далай-лама мог бы использовать свое влияние. Но поскольку лидер будет избирать парламент, то, скорее всего, он не будет слушаться Далай-ламу так же слепо, как простой народ. Поэтому его влияние будет ограничено.

Затем возникает вопрос, может ли время разрешить проблему. Китайские демократы в изгнании сделали проект конституции Федеративной Республики Китай. Ван Лисюн верит, что составители хотели бы, чтобы Тибет остался в Китае. Однако, если конституция была бы принята в ее настоящем виде, автор уверен, что тибетские лиде-

ры прождали бы 25 лет, не отказываясь от цели независимости, и были бы благодарны составителям за помощь в обретении независимости без обращения к насилию.

Ван Лисюн рассматривает различие между скалярным и векторным сложением. При поиске векторного сложения желаний тысяч людей не должно быть войны за независимость. Однако вещи выглядят по-другому при скалярном сложении. Это сложение идет сверху вниз. Элиты приравнивают свои желания к желаниям их этнических групп. Они имеют более сильное чувство национализма и более чувствительны к подавлению этнических групп. Признанный факт, что существует иерархия национализма. Но есть и другая причина национализма этнических элит: жажда власти. Этнические элиты большинства стремятся к единению и выступают против независимости и автономии меньшинств, так как не хотят отказываться от власти. Элиты меньшинств тоже хотят независимости и власти. Конечно, эти мотивации не произносятся вслух: элиты всегда говорят об оппозиции дезинтеграции или о цели независимости как необходимого условия для блага их этнической группы и заявляют также, что представляют интересы народа. Однако в бинарном обществе этничность не более чем лозунг. На самом деле она указывает всего лишь на желания этнических элит. Идеи, принципы, цели, устремленность – все это не возникает спонтанно в общественном сознании, а создается и распространяется элитами нацменьшинств. Даже голоса, за которыми подразумевается поддержка большинства, не отражают правдиво желание народа, поскольку существует несколько сторон проблемы:

1. Окончательное желание индивида представляет совокупность множественных факторов. Если, к примеру, спросить, хотят ли люди стать независимыми, они могут ответить, что да. Однако, если вдобавок спросить, хотят ли они, чтобы их семьи были разрушены и люди умирали, они могут сказать нет. Элиты обычно задают первый вопрос и объявляют его желанием народа.

2. Большая часть общественности неискушенная, ей трудно ухватить «макро» дела. Она, как правило, пассивно реагирует на мнения элит в форме выбора «да» или «нет». Поэтому то, что они охотно поддерживают, на самом деле не что иное как желание элит.

3. Абсолютизм использует национальные институты и религиозные верования для оказания влияния на умы народа. Демократические политики также используют СМИ и обманывают народ. Поэтому то, что люди выражают, может быть не их собственным желанием, а рефлексией на обман их лидеров.

4. Существуют разные каналы, через которые люди с различными мнениями могут выразить себя. Некоторые маленькие люди могут высказываться частным образом, но большинство несогласных должны держать свое мнение при себе. Поэтому меньшинство, выражающее свое мнение, может быть ошибочно принято за представляемое целое.

Ханьская и тибетская элиты выражают чувство национализма и борются друг с другом, и это представляется так, как будто тибетский и китайский народы борются друг с другом. Поэтому в скалярном обществе этнические проблемы не могут решаться ровно. Только в векторном обществе люди могут выразить себя без руководства элит. По мнению автора, система непрямого представительства может стать структурой сложения векторов. Система непрямого представительства может гарантировать, что Тибет не отделится от

Китая, так как источник власти в этой системе не верхушка, а основание. Ситуация, когда все люди, включая тех, кто находится на самых низких степенях, желают бороться за независимость, возникает только тогда, когда весь регион сильно угнетается иностранной силой, и вся группа приходит к выводу, что смерть предпочтительнее, чем жизнь без свободы. Однако в системе непрямого представительства такого не может произойти, поскольку иностранных захватчиков никто не будет избирать.

Самое важное, что система непрямого представительства ликвидирует связь «общественность – представитель». Ликвидация этой связи отодвинет ее от процесса принятия решений. Поэтому электорат будет оставаться ответственным и требовать от лидера тоже быть ответственным. Верховный лидер не будет нуждаться в том, чтобы взывать к людским эмоциям, поскольку нижний уровень будет абсорбировать оказываемое на него давление. Поэтому он может действовать в наиболее благоприятствующей манере, не беспокоясь о будущем голосовании.

Далее Ван Лисюн рассматривает предложенную систему и проблему Большого Тибета. Китай беспокоится также о другой цели Далай-ламы – объединении всего Тибета. По его мнению, введение системы уменьшит тибетскую мотивацию к независимости. Природа автономии в значительной степени – это поиск персональных благ и предотвращение допуска посторонних к контролю над ресурсами региона. Поэтому введение системы не ведет к объединению Тибета в одну единицу. Напротив, Тибет будет разделен на ряд самоуправляющихся органов, каждый из которых будет иметь высокую степень автономии. Даже если будет создан Большой Тибет, эта сущность не будет изменена. Напротив, объединение Тибета будет выгодно Китаю. Тибетское население в нем составит 70,84 %, увеличение процента ханьцев в регионе будет выгодно Китаю для сохранения в регионе китайского суверенитета. При интеграции не будет проблемы различного обращения с тибетцами из разных регионов, что имело катастрофические последствия в прошлом. Создание Большого Тибета с полноценной автономией будет также иметь другое преимущество для центрального правительства: ему не нужно будет более беспокоиться о тибетском регионе. Тибетцы будут сами решать свои дела. Другой фактор, который следует учесть, это то, что есть степень вероятности, что Пекин может принять систему непрямого представительства. Однопартийное правление компартии и демократическая система несовместимы. Система непрямого представительства предотвращает формат «победитель – проигравший»: она не поддерживает никакую сторону. Можем ли мы надеяться, что если Далай-лама изменит свое требование автономии для Большого Тибета в рамках демократической системы в Китае взамен автономии для Большого Тибета в рамках системы непрямого представительства в Китае, то диалог между сторонами будет продвигаться?

Ван Лисюн объясняет преимущества этой системы в рамках всего Китая. Каждая провинция Китая в рамках этой системы будет прежде всего учитывать свои собственные интересы. Если Тибет будет одной из 30 провинций Китая, то это не будет означать, что китайцы объединятся против тибетцев. В то время как одни провинции будут не согласны с Тибетом, другие могут быть согласны. Это будет выгодно Тибету, который может представлять себя в ка-

честве одной из провинций, а не в качестве тибетцев против ханьцев. Руководство в рамках системы непрямого представительства во всем Китае будет состоять из руководителей 30 провинций. Они создадут комитет по управлению Китаем, будут проводить законодательство, обсуждать административные вопросы, создавать границы политического дискурса, выбирать главу нации. Глава Тибета будет одним из 30 таких руководителей, что придаст ему дополнительную власть. Даже если в Большом Тибете будет население в 7–8 млн. человек, власть тибетского лидера будет равна лидерам провинций в Хэнани и Шаньдуне, в каждом из которых население превышает 100 млн. Что касается этнических вопросов, Тибет не будет изолирован, так как сможет создавать альянсы с Синьцзянем, Внутренней Монголией и другими территориями с населением нацменьшинств.

Далее автор говорит, что он не выступает против религии, но считает важным, чтобы религия, сохраняя свое важное положение в обществе, не могла вмешиваться в политику. Например, когда простые люди избирают представителей, они могут не знать, кого выбирать, и могут полагаться на наставления, данные тулку. Но они будут иметь ясное представление, кого выбирать при выборе своего сельского руководителя. Выборы будут основаны на представлениях людей о своей выгоде. В этом случае религия будет играть решающую роль в их выборе. На более высоких ступенях выборной иерархии выборщики будут использовать политические основания больше, чем религию в качестве точки отсчета их рассуждений. Поэтому люди во власти не будут беспокоиться о мнении духовенства. Только предложенная система может, по мнению автора, исключить религию из политики, не нанося ей вреда. Ван Лисюн далее аргументирует, что система наиболее подходит для Тибета, имея в виду его большую территорию и малую населенность, так как жители отдаленных регионов должны будут только выбирать своих сельских руководителей, а не заботиться о выборе представителей, до которых им мало дела. В заключение автор пишет:

Система непрямого представительства может принести отчаяние побеждающим элитам в их борьбе за власть, так как ни личность, ни организация не будут победителями вне зависимости от того, как они боролись в прошлом. Например, тибетское правительство в изгнании боролось за свободу Тибета сорок лет. Если Тибет получит свободу и демократическую систему, они без сомнения будут бороться за суверенитет, хотя бы как в награду за их долгую борьбу. Однако если свобода Тибета будет обретена через систему непрямого представительства, правительство в изгнании сможет вернуться в Тибет только в качестве простых граждан без специальных руководящих позиций, несмотря на их долгую борьбу. Те, кто захотят политической власти, должны будут начать все сначала. Все преимущества будут принадлежать гражданам, и народ будет иметь все. С прошлого до настоящего существовали бесчисленные обиды, берущие начало в стремлении к власти. Если уничтожение обид начать с уничтожения власти, тогда мы не будем чувствовать сожаления, сделав это. Это нечто, чем можно гордиться; это просто прекрасно.

Ван Лисюн написал также статью «Далай-лама – ключ к вопросу Тибета», в 2002 г. – новую книгу под названием «Разговор с Далай-ламой». В ней он сделал свое заключение после четырех визитов к Его Святейшеству:

У меня есть три пункта, которые я хочу сказать держателям политической власти:

Во-первых, посетив Далай-ламу и изучив проблему, я могу заявить, что он искренне хочет осуществить [автономию] срединного пути, и я могу опровергнуть мнение, что его разговоры о срединном пути – это всего лишь злостный трюк.

Второе, Далай-лама очень здоров. Поэтому те, кто думает, что физическое и умственное состояние Далай-ламы день ото дня ухудшается и пытаются изо всех сил отложить разрешение тибетского вопроса до его смерти, должны пересмотреть свою позицию.

Третье, в западном обществе Далай-ламу воспринимают как великую и знаменитую личность. Поэтому те, кто ставят Далай-ламу в позицию своего врага, становятся оппонентами западного мира²⁰.

Как можно понять из работы автора, предложенная им система непрямого представительства распространяется на весь Китай, в котором все провинции, включая Тибет, станут самостоятельными самоуправляющимися единицами. Введение этой системы в Тибете, по мнению автора, будет взаимоприемлемым решением тибетского вопроса, гарантирующим полноценную автономию Большого Тибета в составе Китая. На первый взгляд, система Ван Лисюна напоминает многоступенчатую систему выборов, существующую в КНР. Как видно из работы автора, народ на низжайшем уровне выбирает не представителей в парламент, а своих непосредственных администраторов. Тогда возникает вопрос, как же решается проблема разделения законодательных и исполнительных полномочий власти. Возможно, Ван Лисюн разъясняет этот вопрос в других своих работах. Здесь же важно было показать мнение китайского интеллектуала на предмет приемлемости или неприемлемости демократической системы в условиях Китая. На наш взгляд, показ автором возможного сценария при резкой демократизации Тибета достаточно убедителен. Кроме того, нам было важно показать, что серьезная дискуссия имеет место в Китае, в том числе и внутри партии (Пунцог Вангьял), вопреки бытующему на широком уровне взгляду о непроницаемости идеологической системы в КНР.

Будущее этнического Тибета. Следующая позиция, которую мы хотели бы рассмотреть, принадлежит известному эксперту по тибетскому вопросу М. Голдстейну [Goldstein, 1997, с. 117–131]. То, что он предлагает, это не столько определенная модель автономии, сколько предложение поэтапного разрешения тибетского вопроса. По мнению М. Голдстейна, создание действительно «этнического» Тибета без изменения коммунистической политической системы возможно при условии, если стороны согласятся на ряд важных уступок и совместную работу, оставив в стороне прошлые ненависть и недоверие.

Китай со своей стороны должен пойти на большие уступки, восстановив Тибет в качестве лингвистически и демографически однородной территории. Это будет для Пекина рискованным шагом, однако может быть обосновано тем, что Тибет был инкорпорирован в КНР посредством уникального письменного документа – Соглашения из 17 пунктов. В политической сфере «новый»

²⁰ Этих работ также нет в нашем распоряжении. Цит. по: Epilog, A Comment by Phunwang // A Tibetan Revolutionary. 2004. С. 316.

Тибетский автономный район сохранит свою нынешнюю политическую систему, однако Пекин должен пойти на поэтапное назначение тибетцев на все партийные и государственные должности, включая позицию первого секретаря. Через 10 лет процент тибетцев должен возрасти с нынешних 60–70 % до 85–90 %.

Ряд мер должны быть предприняты в культурной сфере. Самой важной является поэтапное превращение тибетского языка в основной язык правительства. Детальный план этой реформы разработан в 1987–1988 гг. Панчен-ламой и Нгабо, и он готов к обращению. Следует постепенно выработать другие культурные меры, как-то: прекращение ограничений на количество монахов и разрешение буддийскому духовенству из-за рубежа проводить религиозные учения в Тибете.

В критических сферах демографии и экономики Пекин должен принять ряд мер, ограничивающих количество нетибетцев, живущих в Тибете, и снизить внешнюю экономическую конкуренцию (из других провинций), для того чтобы тибетцы стали основными выгодоприобретателями от экономического развития в ТАР. Вследствие того, что преобладающее большинство нетибетцев являются нелегальными резидентами (колонистами), Пекин не несет ответственности за их расселение и устройство на работу, поэтому может отправить их домой, хотя это и станет чувствительным вопросом. Разумной целью должно стать постепенное возвращение к демографической ситуации, имевшей место до восстания 1959 г. Результатом такого процесса Тибет должен стать преимущественно тибетским по культуре, языку и демографической композиции. Он будет продолжать модернизироваться, пусть «коммунистическими» тибетцами. Этот вариант Тибета, возможно, получит одобрение большинства тибетцев. Если Китай в свое время последует пути Тайваня и образует большее количество демократических институтов, таких, как многочисленные политические партии, политическое руководство в Тибете может также расширить свою базу. Предпосылка для такого компромиссного решения заключается в том, что трансформация Тибета в современное общество идеально совместимо с сохранением его богатого языка, культуры и религии, поэтому в интересах обеих партий способствовать такому развитию. Политическая свобода в западном смысле вторична по отношению к сохранению этнической, демографической и культурной однородности.

Одним из тормозящих блоков этого решения является требование диаспоры Большого Тибета. Амдо и Кхам на самом деле экологически, культурно и религиозно сходны с политическим Тибетом, но исторические различия и нынешние политические реалии делают создание Большого Тибета в высшей степени маловероятным, по крайней мере, на начальном этапе. Возможным решением этого тупика для Пекина может быть претворение параллельных изменений в ТАР и этнографическом Тибете и согласие обеих сторон отложить вопрос объединения до тех пор, пока новая программа не будет в действии 5 или 10 лет и пока не установятся новые отношения ответственности, доверия и уважения.

Пекин сейчас считает, в значительной степени обоснованно, что даже такое «культурно-этическое» решение может стать потенциальной угрозой его позиции в Тибете, имея в виду сильные антикитайские настроения тибетцев и

уклончивую позицию Далай-ламы. Следовательно, для того чтобы добиться благосклонного отношения Пекина, такой компромиссный план должен включать компоненты, которые явным образом усилят суверенитет Пекина над Тибетом и обеспечат его долгосрочный политический контроль.

Только Далай-лама может обеспечить это для Пекина, так как именно он, а не правительство в изгнании, является ключевым элементом подобного компромисса. Для того чтобы добиться обозначенных здесь уступок, Далай-лама должен согласиться на несколько вещей. Во-первых, он должен вернуться в Китай/Тибет и публично принять китайский суверенитет над Тибетом. Во-вторых, он должен активно работать над созданием согласованных и гармоничных отношений между тибетцами и нетибетцами, убеждая тибетцев в Лхасе прекратить беспорядки и принять то, что это вполне совместимо, если действительно тибетский Тибет будет частью Китая. Он должен будет использовать свой огромный престиж и харизму, для того чтобы изменить отношение тибетцев в Тибете к пребыванию в Китае. Его статус в Тибете настолько велик, что он сможет сделать это, если попытается и если Пекин поддержит его усилия, начав безотлагательно предложенные здесь изменения. Единожды начавшись, процесс может продлиться более десятилетия, даже если большинство тибетцев из диаспоры предпочтут не возвращаться. Для Китая это решение должно закрыть книгу по тибетскому вопросу, так как главная поддержка тибетской независимости со стороны Запада прекратится в случае, если Далай-лама примет это решение. Для Далай-ламы это будет означать сохранение истинной, однородной этнической родины для его народа.

Однако этот вид компромисса вряд ли может осуществиться без посторонней помощи, так как в тибетской диаспоре нет консенсуса в отношении этого компромисса, не говоря уже об исключении этнографического Тибета. Вероятно, что Далай-лама должен будет пойти на этот шаг по собственной воле без поддержки своего правительства. Это будет нелегким решением, и похоже, как и в прошлом, он будет этому противиться. Ключом достижения такого консенсуса должно стать создание новых отношений доверия и уважения между руководством Китая и Далай-ламой. Однако катастрофа, случившаяся при избрании нового Панчен-ламы, показывает, что гораздо легче вернуться к старым конфронтационным моделям, нежели работать над примирительными.

Следовательно, если Китай и Далай-лама останутся на прежних позициях, по мнению М. Голдстейна, вряд ли в настоящем возможно достижение подобного соглашения. Заинтересованные партии имеют так мало доверия друг к другу и так много мощных причин не идти на риск. В этом случае потребуется «посредник-катализатор», и Соединенные Штаты могли бы здесь сыграть конструктивную роль. Имея в виду низкую степень доверия к Китаю среди тибетцев, Далай-ламе потребуется сильная поддержка до того, как он пошлет смелый сигнал, могущий привлечь внимание Пекина. В особенности ему потребуются гарантии, что Китай не нарушит свое обещание, когда он вернется в Китай, поэтому США должны будут предпринять активные действия для его защиты. С другой стороны, США будет нужно заверить Пекин, что они открыто поддерживают новое соглашение, несмотря на твердолобых критиков Кон-

гресса и Запада. Это не только предотвратит негативное влияние тибетского вопроса на сино-американские взаимоотношения, но также будет отвечать американским гуманитарным принципам в деле сохранения Тибета в качестве истинной культурной и этнической страны и поможет Америке стать первой влиятельной западной демократией, предпринявшей усилия, выходящие за рамки синдрома «плохого друга».

Вручение Его Святейшеству Далай-ламе Золотой медали Конгресса США

Тибетский вопрос, по мнению автора, достиг опасного поворотного пункта. Китайцы проводят политику, которая изменяет Тибет, возможно, безвозвратно. Несмотря на преобладание в Пекине мнения о том, что проводимая политика служит долгосрочным интересам Китая, для многих в Китае очевидно, что это политика, создающая гнев, враждебность, демонстрации и насилие среди тибетцев, не обеспечивающая на самом деле долгосрочную безопасность и репутацию, которые хочет Китай. Далай-лама – центральная фигура такого компромиссного решения. Он может продолжать оставаться вне игры, надеясь, что внешние силы уничтожат его врага, однако более вероятно, что он будет вскоре вынужден занять проактивную позицию: либо пойти на выше обозначенный компромисс, либо с неохотой и неявно одобрить тактику противостояния китайской политике в Тибете посредством организованного на-

силія. Кажется очевидным, что в интересах США и сочувствующих американцев одобрить стратегию, которая подвигнет Далай-ламу и его сторонников выбрать первый вариант, а не второй.

* * *

В этой главе мы рассмотрели китайский и тибетский варианты автономии, а также некоторые другие концепции автономии и этнических взаимоотношений в Китае. Если понятие национальной автономии представить в виде иерархии различных концепций, то китайская и тибетская модели окажутся на ее противоположных концах. Следует признать, что китайская модель в ее существующем виде лишь немногим отличается от обычной административной автономии. Законы КНР предоставляют нацменьшинствам широкий спектр прав, однако в них не выработан механизм их воплощения, общепризнано поэтому, что конституционные права национальных меньшинств на автономию в КНР не соблюдаются.

Далай-лама предложил срединный путь, по которому Тибет остается в составе Китая и использует демократическую систему, обеспечивающую полноценную автономию Тибета. Этот план самодостаточен в рамках этой системы. Однако за рамками системы он не учитывает совокупности всех факторов. Далай-лама назвал свой план срединным, подразумевая под этим то, что он находится между крайностью достижения независимости, с одной стороны, и крайностью национального угнетения в рамках тоталитарного строя, с другой. Однако, как можно было увидеть из сценария внезапной демократизации Тибета, обрисованной Ван Лисюном, а также опыта дезинтеграции нашей страны либеральная модель федерализма, предложенная Его Святейшеством, все еще близка к крайности достижения независимости, или другими словами, крайности разъединения.

Какое же решение вопроса можно действительно назвать срединным? Общепризнанной считается западная модель федерализма. Однако Китай считает ее неприемлемой для своего государства. Выше мы привели различные концепции национального строительства в Китае, высказанные представителями китайской нации. Можно ли назвать срединной какую-нибудь из них? Думается, что нет. На наш взгляд, каждая из приведенных концепций заслуживает большого внимания. В них, как нам представляется, есть немало идей, над которыми можно поразмыслить. Во-первых, это трактовка этнических взаимоотношений в Китае. Официальная китайская историография утверждает, что Тибет вошел в состав так называемой единой семьи народов Китая во времена Юаньской династии. Согласно же анализу этнических взаимоотношений в Китае, сделанному Фэй Сяотунем и Ма Жуном, формирование китайской нации (*Zhonghua minzu*) произошло только при маньчжурах в период правления династии Цин, когда ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, хуэй и уйгуры объединились в прочный политический и экономический союз.

Во-вторых, на наш взгляд, заслуживает внимания интерпретация концепции «китайской нации». Хотя эта концепция не является новой, ее истоки восходят к началу XX в. (Сунь Ятсен, Чан Кайши), до сих пор имеет место ее неправильное понимание вне пределов Китая. Когда говорят «китайская нация», обычно имеют в виду китайцев-ханьцев. Когда же Китай заявляет о китайской

нации как семье дружеских народов, то это воспринимается в обыденном сознании как проявление великоханьского шовинизма. В значительной степени, это связано с переводом на иностранные языки названий самоидентификации китайцев и Китая. На самом деле, в китайском языке существуют различные наименования для понятий, одинаково переводимых на иностранные языки как Китай и китайцы. «Китайская нация» как национально-государственная общность – это по-китайски «Чжунхуа миньцзу», или «Чжунго жэньминь», а «китайцы» как этнос – это «хань», или «ханьцзу». На русский же язык все переводится как «китайцы». Предложение Ма Жуна «деполитизации» этничности посредством усиления национальной идентичности среди этнических меньшинств при гарантии процветания их культурных традиций может действительно стать альтернативой не только для Китая, но и для других государств мира в новом тысячелетии.

В-третьих, приведенные концепции признают незавершенность процесса национального строительства в КНР и необходимость поиска новых подходов к регулированию межэтнических взаимоотношений. Пунцог Вангьял настойчиво подчеркивал вслед за классиками марксизма, что только практика может подтвердить истинность тех или иных воззрений. Дэн Сяопин говорил о необходимости «оценивать кошку по ее умению ловить мышей, а не по ее окраске». Далай-лама XIV на протяжении всей своей жизни трансформировал свое видение свободного Тибета. «Политика реального» требует новых путей регулирования межэтнических взаимоотношений и, возможно, что обозначенные выше концепции смогут внести свой вклад в позитивное решение тибетской проблемы.

Что касается разрешения тибетского вопроса, то, как говорил Калон Трипа проф. Самдон Римпоче 16 июня 2008 г.: «Сущность подхода срединного пути – посредством избегания этих двух крайностей (независимости и национального подавления) искать полнозначный статус национальной районной автономии для всех тибетцев, как это прописано в конституции КНР»²¹. На наш взгляд, предложенная М. Голдстейном схема поэтапного разрешения тибетского вопроса наиболее соответствует сегодняшней действительности. Более десятилетия прошло с тех пор, как в 1997 г. вышла в свет его книга. Однако она не потеряла актуальности, и прогнозы автора сбываются с поразительной точностью. Ученый является крупнейшим авторитетом по тибетскому вопросу, к мнению которого прислушиваются как в Пекине, так и в Дхарамсале. Как совершенно верно заметил М. Голдстейн, тибетский вопрос достиг опасного поворотного пункта, и дело остается за политиками, которым решать, следует ли прислушаться к голосу разума, раздающемуся все более настойчиво, или продолжить конфронтацию, последствия которой могут стать разрушительными.

²¹ Outline of Kalon Tripa Prof. Samdhong Rinpoche's Talk on Middle-Way Approach to Indian Dignitaries. 16 June 2008 // <http://www.tibet.net>.

З а к л ю ч е н и е

В течение 1400 лет письменной истории Тибета буддийская религия играла в тибетском обществе главенствующую роль, в течение 50 лет китайское правительство пытается ослабить ее влияние. В своей работе мы рассмотрели историю Тибета за это время и смогли убедиться в том, что усилия Китая по «разрешению» религиозного вопроса не увенчались успехом, чему явились свидетельством многочисленные волнения в Тибете, главным катализатором которых выступили буддийские монахи.

С момента «мирного освобождения» Тибета политика КПК и Центрального правительства КНР характеризовалась крайней неравномерностью, начиная с сохранения политических институтов Тибета и положения буддийской церкви вплоть до полного уничтожения последних. С начала 1980-х гг. в КНР начались крупномасштабные реформы во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни страны, в том числе и в районах, населенных национальными меньшинствами. Политика Центрального правительства за прошедший с 1980 г. период также претерпела значительные изменения.

Реформы начались с либерализации политики в области экономики и культуры Тибета, что положительно сказалось на всех сферах жизни тибетского народа. Однако либеральная политика привела к неожиданным для Пекина последствиям – росту национализма и сепаратизма. На вспышки недовольства, выразившихся в серии восстаний, власти ответили ужесточением политики в сфере проявления тибетской этничности – религии и культуре. Пекин поставил в отношении Тибета двуединую задачу – экономическое развитие и поддержание стабильности. Собственно, эта же задача ставится и по отношению к китайскому государству в целом. Ужесточение политики не привело к стабильности в Тибете и своим результатом имело еще большее усиление националистических и сепаратистских тенденций. Как писал Ван Лисюн: «При дальнейшем развитии Китая этнические проблемы станут, возможно, главной проблемой (вызовом)». Как выйти из этого замкнутого круга – непростая задача, стоящая перед Пекином. Каким образом будет решаться тибетская проблема в будущем? – вопрос, на который в свете недавно прошедших сино-тибетских переговоров, возможно, не знает ответа и само китайское правительство. Но не вызывает сомнения, что для Китая главным приоритетом будет стабильность и территориальная целостность, и проблемы Тайваня, Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии и других национальных регионов будут решаться на основе этой главной задачи китайского государства. Однако при нынешней международной ситуации, которая характеризуется, с одной стороны, новыми вспышками этнических конфликтов во всем мире и мировым финансовым кризисом, с другой, исполнение этой задачи Китаю будет давать-

ся все труднее. Руководство КНР не может не понимать, что продолжение политики, следствием которой становятся насилие и вражда, не служит долгосрочным интересам государства.

Главным ключом для разрешения тибетского вопроса по-прежнему остается Его Святейшество Далай-лама. Его авторитет в самом Тибете, равно как за его пределами, очень высок, и по-прежнему надежды тибетцев на самоопределение, возрождение своей религии и культуры связываются с личностью Далай-ламы. Но он лишен возможности, в противоположность китайцам, оказывать влияние на повседневную жизнь тибетцев, и время не на стороне Далай-ламы, что придает тибетскому вопросу еще большую остроту. Прагматически настроенные тибетцы понимают, что у них мало шансов борьбы на равных с «Китаем-Драконом» и жизнь шести миллионов тибетцев не может быть использована как разменная монета в политической борьбе, это диктует им необходимость приспособиться к реальности, которая, учитывая относительную успешность проведения реформ, не оставляет надежды на материальное, по крайней мере, улучшение жизни. Несомненно поэтому, что в интересах Его Святейшества Далай-ламы, Тибета и тибетцев, Китая и китайцев скорейшее нахождение срединного пути разрешения тибетского вопроса для общего блага всех заинтересованных сторон.

Л и т е р а т у р а

На русском языке:

Андреев, 2006 – Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

Богословский, 1978 – Богословский В. А. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978.

Богословский, 1982 – Богословский В. А. Особенности функционирования районной автономии в Тибете на современном этапе // Государственный строй и важнейшие социально-экономические проблемы КНР. М., 1982.

Богословский, Москалев, 1984 – Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984.

Великодержавная политика маоистов, 1975 – Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975.

Гарри, 2004а – Гарри И. Р. Хроника взаимоотношений Далай-ламы XIV и центрального правительства КНР // Буддизм России. 2004а. № 38.

Гарри, 2004б – Гарри И. Р. Развитие народного образования в Тибетском автономном районе КНР // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Воспитательное пространство школы как среда жизненного самоопределения личности». 29 апреля 2004 г. Ч. 1. Улан-Удэ, 2004б.

Гарри, 2005а – Гарри И. Р. Письма Далай-ламы в Америку // Буддизм России. 2005а. № 39.

Гарри, 2005б – Гарри И. Р. Тибетологические исследования в КНР // Восток (Orientis). 2005б. № 1.

Гарри, 2008 – Гарри И. Р. Современное экономическое положение тибетских монастырей // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942). Улан-Удэ, 2008.

Гуревич, 1958 – Гуревич Б. П. Освобождение Тибета. М., 1958.

Егоров, 1989 – Егоров К. А. Государственно-правовое регулирование межнациональных отношений и статуса национально-автономных образований КНР. Советское государство и право. М., 1989.

Еленин, 1973 – Еленин И. М. Национальная политика в КНР (на примере автономных районов Северного и Северо-Западного Китая) // Народы Азии и Африки. 1973. № 5.

Жоголев, 1994 – Жоголев Д. А. Малые народности и великий Китай. М., 1994.

Конституция и основные законодательные акты КНР. М., 1955.

Кычанов, Мельниченко, 2005 – Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.

Мао Цзэдун, 1957 – Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957.

Москалев, 1982 – Москалев А. А. К вопросу о национально-государственном устройстве в КНР // Государственный строй и важнейшие социально-экономические проблемы КНР. М., 1982.

- Москалев, 1989* – Москалев А. А. КНР: пути решения национального вопроса // Национальный вопрос за рубежом. М., 1989.
- О тибетском вопросе, 1959* – О тибетском вопросе. Пекин, 1959.
- Рахимов Т. Р., 1981* – Рахимов Т. Р. Судьбы неханьских народов в КНР. М., 1981.
- Тибет, 2001* – Тибет под властью коммунистического Китая – 50 лет. Дхарамсала, 2001.
- Урбанаева, 2005* – Урбанаева И. С. Дхарамсала и мир тибетской эмиграции. Улан-Удэ, 2005.
- Усов, 2006* – Усов В. Н. История КНР. В 2-х т. М., 2006.
- Цендина, 2002* – Цендина А. Д. ...и страна зовется Тибетом. М., 2002.

На английском языке:

- A Poisoned Arrow, 1997* – A Poisoned Arrow: The Secret Report of the 10th Panchen Lama. London: Tibet Information Network, 1997.
- A Tibetan Revolutionary, 2004* – A Tibetan Revolutionary: the political life and times of Baba Phuntso Wangye / M. C. Goldstein, D. Sherab, and W. R. Siebenschuh. London: University of California Press, 2004.
- Ahmad, 1970* – Ahmad Z. China and Tibet, 1708–1959; A resume for Facts. Oxford University Press, 1960.
- Anand, 2006* – Dibesh Anand. The Tibet Question and the West // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Andrug, 1973* – Andrug Gonpo *Tashi*. Four Rivers, Six Ranges. Reminiscences of the Resistance Movement in Tibet. Dharamsala: The Information and Publicity Office of H. H. the Dalai Lama, 1973.
- Avedon, 1984* – Avedon J. F. In Exile from the Land of Snows. London: Wisdom Publications, 1984.
- Barber, 1960* – Barber N. The Flight of the Dalai Lama. London: Hodder & Stoughton, 1960.
- Barnett, 1994* – Barnett R. (ed.). Resistance and Reform in Tibet. London: Hurst & Company, 1994.
- Barnett, 2006* – Barnett R. Beyond the Collaborator – Martyr Model: Strategies of Compliance, Opportunism, and Opposition Within Tibet // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Blum, 1986* – Blum W. The CIA: A Forgotten History. London: Zed Books Ltd., 1986.
- Brugger, 1977* – Brugger B. (ed.) China. The Impact of the Cultural Revolution. London: Groom Helm, 1978.
- Buddhism in Contemporary Tibet, 1998* – Buddhism in Contemporary Tibet. Religious Revival and Cultural Identity / M. Goldstein and T. Kapstein. Berkeley, 1998.
- Bull, 1955* – Bull G. When Iron Gate Yield. Berkeley: University of California Press, 1955.
- Central Intelligence Agency, 1951–1959* – Central Intelligence Agency. Memorandums, Bulletins, Reports (1951–1959). Office of Current Intelligence. US National Archives.
- China, 1984* – China, Violations of Human Rights. Amnesty International Publications. London, 1984.
- Choedon, 1978* – Choedon Dhondup. Life in the Red Flag Commune. Dharamsala: Information Office of H. H. the Dalai Lama, 1978.
- Contemporary Tibet, 2006* – Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.

Cooper, 1992 – Cooper J. China Diplomacy. The Washington-Taipei-Beijing Triangle. Boulder: Westview Press, 1992.

Dalai Lama, 1985 – The Dalai Lama. My Land and My People. New York: Potala Corporation, 1985.

Dalai Lama, 1986 – His Holiness The XIV Dalai Lama. Collected Statements, Interviews & Articles. Dharamsala: the Information Office of H. H. The Dalai Lama, 1986.

Dalai Lama, 1988a – The Dalai Lama. Five Point Plan for Tibet. New Delhi: Bureau of His Holiness the Dalai Lama, 1988a.

Dalai Lama, 1988b – The Dalai Lama. Address to Members of European Parliament // Tibetan Bulletin. 1988. Vol. 19. № 2. May–July.

Dalai Lama, 1990 – The Dalai Lama. Freedom in Exile. London: Hodder & Stoughton, 1990.

DeGlopper, 1990 – DeGlopper D. R. Chinese Nationality Policy and the Tibet Question // Problems of Communism. Nov. 1990.

Dreyer, 1972 – Dreyer J. T. Traditional Minority Elites // Elites in the People's Republic of China / R. Scalapino. University of Washington Press.

Dreyer, 1976 – Dreyer J. T. China's Forty Million. Minority Nationalities and National Integration in the People's Republic of China. Harvard University Press, 1976.

Dreyer, 2006 – Dreyer J. T. Economic Development in Tibet Under the People's Republic of China // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.

Epstein, 1983 – Epstein E. Tibet Transformed. Beijing: New World Press, 1983.

Fairbank, 1978 – Fairbank J. K. Cambridge History of China. Cambridge: Harvard University Press, 1976.

Fischer, 2005 – Fischer A. M. State Growth and Social Exclusion in Tibet. Challenge of Recent Economic Growth. NIAS Press, 2005.

Ford, 1958 – Ford R. Captured in Tibet. London: Pan Books Ltd., 1958.

Frechette, 2002 – Frechette A. Tibetans in Nepal: The Dynamics of International Assistance Among a Community in Exile. New York: Berghahn Books, 2002.

French, 2003 – French P. Tibet: A Personal History of a Lost Land. London: HarperCollins, 2003.

FRUS – Foreign Relations of the United States; The Far East; China.

Ginsburg, Mathos, 1964 – Ginsburg G. Mathos M. Communist China and Tibet: The First Dozen Years. The Hague: Martinus Nijhoff, 1964.

Goldstein, 1989 – Goldstein M. G. A History of Modern Tibet, 1913–1951. The Demise of the Lamaist State. University of California Press, 1989.

Goldstein, 1990 – Goldstein M. G. Nomads of Western Tibet. The Survival of a Way of Life. University of California Press, 1990.

Goldstein, 1997 – Goldstein M. G. The Snow Line and the Dragon. China, Tibet and the Dalai Lama. The Regents of the University of California, 1997.

Goldstein, 1998 – Goldstein M. G. The Revival of Monastic Life in Drepung Monastery // Buddhism in Contemporary Tibet. Religious Revival and Cultural Identity. Berkeley, 1998.

Goldstein, 2007 – Goldstein M. G. A History of Modern Tibet. Vol. 2. The Calm before the Storm: 1951–1955. University of California Press, 2007.

Goldstein, 2006 – Goldstein M. G., Ben Jiao, Beall C. M., Phuntsog Tsering. Development and Change in Rural Tibet: Problems and Adaptations // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.

Grunfeld, 1987 – Grunfeld T. The Making of Modern Tibet. New York: M. E. Sharpe, 1987.

- Grunfeld, 2006* – Grunfeld T. Tibet and the United States // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Gupta, 1982* – Gupta K. Spotlight on Sino-Indian Frontiers. Calcutta: New Book Centre, 1982.
- Han Suyin, 1977* – Han Suyin. Lhasa: The Open City. London: Jonathan Cape, 1977.
- Hang Tianlu, 1987* – Hang Tianlu. Population Development and Changes in China's Minority Nationalities // A Census of One Billion People. Hong Kong: Economic Information Agency, 1987.
- Harding, 1987* – Harding H. China's Second Revolution. Reform after Mao. Washington, DC: The Brookings Institute, 1987.
- Harrer, 1953* – Harrer H. Seven Years in Tibet. London: Rupert Hart-Davis, 1953.
- He Baogang, 2006* – He Baogang. The Dalai Lama's Autonomy Proposal. A One-Sided Wish? // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Hechter, 1975* – Hechter M. Internal Colonialism. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Hilton, 1999* – Hilton I. The Search for the Panchen Lama. W. W. Norton & Company, 1999.
- Karmay, 1994* – Karmay Samten G.. Mountain Cults and National Identity in Tibet // Resistance and Reform in Tibet. London: Hurst and Company, 1994.
- Knaus, 1999* – Knaus J. K. Orphans of the Cold War: America and the Tibetan Struggle. For Survival. New York: Public Affairs, 1999.
- Lamb, 1964* – Lamb A. The China – India Border, the Origins of the Disputed Boundaries. Chatham House Essays, Oxford University Press, 1964.
- Lamb, 1966* – Lamb A. The McMahon Line: A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904–1914. London: Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Lamb, 1989* – Lamb A. Tibet, China and India 1914–1950. A History of Imperial Diplomacy. Roxford Books, 1989.
- MacInnis, 1972* – MacInnis D. Religious Policy and Practice in Communist China. New York: The Macmillan Company, 1972.
- Marchetti, Mark, 1974* – Marchetti V. and Mark J. D. The CIA and the Cult of Intelligence. New York: Alfred A. Knopf, 1974.
- Maxwell, 1972* – Maxwell N. India's China War. London: Penguin Books, 1972.
- Mehra, 1979* – Mehra P. The North-Eastern Frontier. A Documentary Study of the Internecine Rivalry between India, Tibet and China. Vol. 1. 1906–1914. Vol. 2. 1914–1951. New York: Oxford University Press, 1979.
- Moseley, 1966* – Moseley G. (ed.). The Party and the National Question in China. Cambridge, Vass., 1966.
- Mountcastle, 2006* – Mountcastle A. The Question of Tibet and Politics of the «Real» // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Ngabo, 1988* – Ngabo J. Behind the Unrest in Tibet // China Spring Digest. January/February 1988.
- Ngabo, 1991* – Ngabo J. On the 1959 Armed Rebellion // Theses on Tibetology in China, 1991.
- Norbu, 1961* – Norbu Thupten. Tibet is My Country. London: Dutton & Co, 1961.
- Norbu, 1986* – Norbu Jamyang. Warriors of Tibet. London: Wisdom Publications, 1986.
- Norbu, 1991* – Norbu Dawa. Hina's Dialog with the Dalai Lama, 1979–1990: Prenegotiation Stage or Dead End? // Pasific Affairs. 1991. Vol. 64. № 3.
- Norbu, 1997* – Norbu Dawa. Tibet: The Road Ahead. New Delhi: HarperCollins Publishers, 1997.
- Norbu, 2001* – Norbu Dawa. China's Tibet Policy. Curson Press, 2001.
- Notes, Memoranda and Letters, 1959–1963* – Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements Signed Between the Government of India and China; White Paper, 1959–1963, published by Ministry of External Affairs, Government of India.

- Patterson, 1959* – Patterson G. N. Tragic Destiny. London: Faber and Faber, 1959.
- Patterson, 1990* – Patterson G. N. Requiem for Tibet. London: Aurum Press, 1990.
- Peissel, 1972* – Peissel M. Cavaliers of Kham. The Secret War in Tibet. London: Heinemann, 1972.
- People's Republic of China* – People's Republic of China, Repression in Tibet, 1987–1992. Amnesty International Publications. London.
- Praag, 1987* – Van Walt van Praag M. The Status of Tibet. History, Rights and Prospects in International Law. Boulder: Westview Press, 1987.
- Prouty, 1973* – Prouty F. The Secret Team. The CIA and Allies in Control of the United States and the World. New York: Prentice-Hall, Inc., 1973.
- Richardson, 1984* – Richardson H. Tibet and its History. Boulder: Shambhala, 1984.
- Richardson, 1986* – Richardson H. (ed.). Adventures of a Tibetan Fighting Monk. Bangkok: The Tamarrind Press, 1986.
- Rigg, 1951* – Rigg R. B. Red China's Fighting Hordes. Harrisburg, 1951.
- Rong Ma, 2008* – Rong Ma. Ethnic Relations in China. China Tibetology Publishing House, 2008.
- Rong Ma, 2008a* – Rong Ma. Education of Ethnic Minorities in Contemporary China // Ethnic Relations in China. China Tibetology Publishing House, 2008.
- Sakya and Emery, 1990* – Sakya J. and Emery J. Princes in the Land of Snow. The Life of Jamyang Sakya in Tibet. Boston: Shambhala, 1990.
- Sautman, 2006* – Sautman B. «Demographic Annihilation» and Tibet // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Sautman and Dreyer, 2006* – Sautman B. and Dreyer J. T. The Tibetan Question in Contemporary Perspective // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.
- Scalapino, 1972* – Scalapino R. A. (ed.). Elites in the People's Republic of China. University of Washington Press, 1972.
- Schuh, 1981* – Schuh D. Grund Lagen Tibetischer Siegel Kunde, 1981.
- Schwartz, 1994* – Schwartz R. D. Circle of Protest. Political Ritual in the Tibetan Uprising. London: C. Hurst & Co. (Publishers) Ltd., 1994.
- SCMP* – Selections from China Mainland Press (Hong Kong).
- Shakabpa, 1967* – Shakabpa W. D. Tibet: A Political History. Yale University Press, 1967.
- Shakya, 1983* – Shakya Ts. China's New Religious Policy // Tibetan Review. 1983. Vol. XIV. № 11.
- Shakya, 1999* – Shakya Ts. The Dragon in the Land of Snows. Columbia University Press, 1999.
- Smith, 1996* – Smith W. Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations. Westview Press, 1996.
- Sperling, 1976* – Sperling E. Red Army's First Encounter with Tibet Experiences on the Long March // Tibetan Review. 1976. Vol. XI. № 10.
- Stein, 1972* – Stein R. A. Tibetan Civilization. London: Faber and Faber, 1972.
- Stoddard, 1994* – Stoddard H. Tibetan Publications and National Identity // Resistance and Reform in Tibet. London: Hurst and Company, 1994.
- Strong, 1960* – Strong A. L. When Serfs Stood Up in Tibet. Peking: New World Press, 1960.
- Terill, 2003* – Terill R. The New Chinese Empire and its Meaning for the United States. New York: Basic Books, 2003.
- The Question of Tibet and the Rule of Law, 1959* – The Question of Tibet and the Rule of Law. International Commission of Jurists, 1959.
- Tibet and the Chinese People's Republic, 1960* – Tibet and the Chinese People's Republic. A report to the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. Geneva, 1960.

Tibet in the United Nations – Tibet in the United Nations, 1950–1961, issued by the Bureau of His Holiness the Dalai Lama. New Delhi, 1950–1961.

Tibet Under Chinese Communist Rule, 1976 – Tibet Under Chinese Communist Rule: A Compilation of Refugee Statements, 1958–1975, Information and Publicity Office of H. H. the Dalai Lama, 1976.

Tucci, 1949 – Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. 1949. Vol. 2.

Wang Furen and Suo Wenqing, 1984 – Wang Furen and Suo Wenqing. Highlights of Tibetan History. Beijing: New World Press, 1984.

Wang Lixiong, 1998 – Wang Lixiong. Tianzang: Xizangde mingyun. Mingjing chubanshe, 1998 (Ван Лисюн. Небесное погребение: судьба Тибета. Изд-во Миррор, 1998).

Wang Lixiong, 2006 – Wang Lixiong. Indirect Representation Versus a Democratic System. Relative Advantages for Resolving the Tibet Question // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.

Wang Xiaoqiang and Bai Nanfeng, 1991 – Wang Xiaoqiang and Bai Nanfeng. The Poverty of Plenty. London: MacMillan, 1991.

Wang Yao, 1994 – Wang Yao. Hu Yaobang's visit to Tibet, May 22–31, 1980 // Resistance and Reform in Tibet. London: Hurst & Company, 1994.

Welch, 1972 – Welch H. Buddhism under Mao. Harvard University Press, 1972.

White Papers – White Papers of the Chinese Government. Vol. 1. 1991–1995; Vol. 2. 1996–1999; Vol. 3. 2000–2001. Foreign Language Press.

Xu Guangqiu, 1988 – Xu Guangqiu. The Chinese Anti-American Nationalism in the 1999 // Asian Perspectives. 1988. Vol. 22. № 2.

Xu Guangqiu, 1997 – The United States and the Tibet Issue // Asian Survey. 1997. № 37.

Xu Mingxu and Yuan Feng, 2006 – Xu Mingxu and Yuan Feng. The Tibet Question. A New Cold War // Contemporary Tibet: Politics, Development and Society in a Disputed Area / B. Sautman and J. T. Dreyer. New York: M. E. Sharpe, Inc., 2006.

На китайском языке:

21 shiji. – 21 shiji Xizang yiti xueshu yantanhui. Lunwenji. Meng-Zang weiyuanhui, Zhonghua Min-guo jiushisan nian (Тибетский вопрос 21 века: мат-лы науч. конф. Тайбэй: Монголо-тибетская комиссия, 93-й год Китайской Республики).

Apei Awang Jinmei, 2001 – Apei Awang Jinmei. Huiyi heping jiefang Xizang xieyide qianzheng // Heping jiefang Xizang wushi zhounian jinian wenji. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Нрабо Нгаван Чжигмэ. Воспоминания о подписании Соглашения о мирном освобождении Тибета: сб. документов в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Bao Zhiming, Surina, 1997 – Bao Zhiming, Surina. Xizang zizhiqiu minzu jiaoyu fenxi – yu Nei Menggu de bijiao // Xizang shehui fazhan yanjiu. Beijing, 1997 (Бао Чжимин, Сужина. Исследование народного образования в ТАР: сравнение с Внутренней Монголией // Изучение социального развития Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1997).

Bomi Qiangba Lozhu. Xizangde foxue yanjiu he fojiao jiaoyu (Изучение тибетского буддизма и будд-ийское образование) // Zhongguo Xizang (Китайский Тибет). 1989. Вып. 1.

Chen Bing, 2000 – Chen Bing, Deng Zimei. Ershi shiji Zhongguo fojiao. Renmin chubanshe, 2000 (Чэнь Бин, Дэн Цзымэй. Китайский буддизм 21 века. Пекин: Народное изд-во, 2000).

Dacang Zongba Banjue Sangbu, 1986 – Dacang Zongba Banjue Sangbu. Chen Gingying yi. Han-Zang shiji. Xizang renmin chubanshe, 1986 (Дацан Цзунба Баньцзюэ Санбу / Пер. Чэнь Цинъин. История Китая и Тибета. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1986).

Dangdai Zangxue, 2002 – Dangdai Zangxue yanjiude jige lilun wenti. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2002 (Некоторые теоретические вопросы современной тибетологии. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 2002).

Dangdai Zhongguode Xizang, 1991 – Dangdai Zhongguode Xizang. Shang, xia. Beijing: Dangdai Zhongguo chubanshe, 1991 (Современный китайский Тибет. Т. 2. Пекин: Изд-во современного Китая, 1991).

Dangdai Zhongguode zongjiao gongzuo, 1998 – Dangdai Zhongguode zongjiao gongzuo. (Shang, xia). Dangdai Zhongguo chubanshe, 1998 (Религиозная работа в современном Китае. Т. 2. Изд-во современного Китая, 1998).

Dongxia Losang Chilie, 2001 – Dongxia Losang Chilie. Chen Qingying yi. Lun Xizang zhengjiao heyi zhidu. Zangwen wenxian muluxue. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Дунся Лосан Чиле / Пер. Чэнь Цинъюн. Тибетская система единения религии и политики. Каталог источников на тибетском языке. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Dunhuang mulu, 1999 – Fa cang Dunhuang zangwen wenxian jieti mulu / Wang Yao zhubian. Beijing, 1999 (Каталог тибетских источников из Дуньхуана / Под ред. Ван Яо. Пекин, 1999).

Dunhuang wenxian yizhu, 2000 – Dunhuang zangwen Tuboshi wenxian yizhu / Huang Bufan, Ma De yizhu. Lanzhou, 2000 (Перевод Дуньхуанских рукописей по ранней истории Тибета (Тубо) / Пер. Хуан Буфан, Ма Дэ. Ланьчжоу, 2000).

Fei Xiaotong, 1988 – Fei Xiaotong. Zhonghua minzude duoyuan yiti geju // Beijing daxue xuebao. 1989. № 4 (Фэй Сяотун. Плюралистическое единство китайской нации // Вестник Пекинского университета, 1989. № 4).

Ga Dawa Cairen, 1997 – Ga Dawa Cairen. Xizang siyuan jingji xiantaide yidian sikao // Xizang shehui fazhan yanjiu. Beijing, 1997 (Га Дава Цайжэнь. Предварительное исследование экономической ситуации в тибетских монастырях // Изучение социального развития Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1997).

Ganqing siyuan, 1989 – Gan-Ging Zangchuan fojiao siyuan. Qinghai renmin chubanshe, 1989 (Буддийские монастыри Ганьсу и Цинхай. Цинхайское народное изд-во, 1989).

Gansu mulu, 1997 – Gansu sheng suocun Xizang he zangshi dang'an shiliao mulu (1412–1949) / Li Pengnian, Wang Rong zhubian; Gansu sheng dang'anguan, Zhongguo zangxue yanjiu zhongxin hebian. Beijing, 1997 (Каталог архивных материалов по Тибету и тибетским делам, хранящихся в провинции Ганьсу. Пекин, 1997).

Gelunfu, 1990 – Gelunfu zhu; Wu Kunming, Wang Baoyu yi. Xiandai Xizang dansheng. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1990 (Грюнфельд. Строительство современного Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1990).

Gu Zucheng, 1999 – Gu Zucheng. Ming Qing zhi Zang shiyao. Lasa-Jinan, 1999. (Гу Цзучэн. История управления Тибетом в периоды Мин и Цин. Лхаса-Цзинань, 1999).

Guowai yanjiu, 1979 – Guowai Xizang yanjiu gaikuang 1949–1978. Beijing, 1979 (Обозрение зарубежных тибетологических исследований 1949–1978 гг. Пекин, 1979).

Guowai Zangxue yanjiu xuanqi, 1983 – Guowai Zangxue yanjiu xuanqi. Gansu, 1983 (Избранное из зарубежных тибетологических исследований. Ганьсу, 1983).

Guowai Zangxue yiwenji, 1987 – Guowai Zangxue yiwenji. Lhasa, 1987 (Избранные переводы из зарубежной тибетологии. Лхаса, 1987).

Guowai Zangxue, 1986 – Guowai Zangxue. Beijing, 1986 (Зарубежная тибетология. Пекин, 1986).

Heping jiefang, 2001 – Heping jiefang Xizang wushi zhounian jinian wenji. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Сборник документов в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Hu Yaobang, 1980 – Hu Yaobang. Jianshe Xizang yaozuode liujian dashi (1980 nian 5 yue 29 ri) // Xin shiqi minzu gongzuo wenxian xuanbian. Zhongyang wenxian chubanshe, 1990 (Ху

Яобан. 6 основных дел, которые нужно сделать для строительства Тибета // Избр. документов по национальной работе в новое время. Пекин: Изд-во документов ЦК, 1990).

Huang Fensheng, 1985 – Huang Fensheng. Zangzu shillue. Beijing, 1985 (Хуан Фэньшэн. История тибетского народа. Пекин, 1985).

Jia Guangrong, 1994 – Jia Guangrong. Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1994 (Цзя Гуанжун. Тибетские буддийские монастыри Китая. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1994).

Jiang Ping, 1996 – Jiang Ping. Lun shenzhong wenjin fangzhen // Zhongguo Zangxue yanjiu zhongxin Zangxue lunwen xuanji (1986–1996). Vol. 1. Beijing. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1996 (Цзян Пин. По курсу осмотрительного внедрения: сб. избр. ст. по тибетологии Центра китайской тибетологии (1986–1996). Т. 2. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1996).

Jiangbian Jiacao, 1989 – Jiangbian Jiacao. Banchan Dashi. Dongfang chubanshe. Beijing, 1989 (Чжампэл Гьяцо. Великий мастер Панчен. Пекин: Изд-во «Восток», 1989).

Jing Wei, 1992 – Jing Wei. High Institute of Tibertan Buddhism // Beijing Review. 1992. Vol. 35. № 48.

Li Weiqian, 1997 – Li Weiqian. Zangchuan fojiao gepai jiaoyi ji mizong mantan. Beijing, 1997. (Ли Вэйцянь. Учение различных школ тибетского буддизма и тантрийский буддизм. Пекин, 1997).

Li Weihai, 1980 – Li Weihai. Guanyu minzu lilun he minzu zhengcede ruogan wenti. Beijing, 1980 (Ли Вэйхань. Некоторые вопросы теории национальностей и национальной политики. Пекин, 1980).

Ma Rong, 1997 – Ma Rong. Xizangde jingji xingtai ji qi bianqian // Xizang shehui fazhan yanjiu. Beijing, 1997 (Ма Жун. Экономическая ситуация в Тибете и ее динамика // Изучение социального развития Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1997).

Mao Zedong, 2001 – Mao Zedong. Xizang gongzuo wenxuan. Zhongyang wenxian chubanshe, 2001 (Избранное из трудов Мао Цзэдуна по работе в Тибете. Изд-во документов ЦК, 2001).

Minzu jingjifa yanjiu, 2003 – Minzu jingjifa yanjiu. Minzu chubanshe, 2003 (Исследование национального экономического права. Пекин: Народное изд-во, 2003).

Minzu lilun, 1988 – Minzu lilun he minzu zhengce. Minzu chubanshe, 1988 (Национальная теория и национальная политика. Пекин: Народное изд-во, 1988).

Minzu quyu zizhifa, 1984 – Zhonghua renmin gongheguo minzu quyu zizhifa // Xin shiqi minzu gongzuo wenxian xuanbian. Zhongyang wenxian chubanshe, 1990 (Закон о национальной районной автономии КНР // Избр. документы национальной работы нового времени. Изд-во документов ЦК, 1990).

Minzu zhengce wenjian, 1952 – Minzu zhengce wenjian. Beijing, 1952 (Документы национальной политики. Пекин, 1952).

Minzu zongjiao wenti lunwenji, 1995 – Minzu zongjiao wenti lunwenji. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 1995 (Сборник материалов по национальному и религиозному вопросам. Пекин: Изд-во истории КПК, 1995).

Qing yilai shiliao huiji, 1996 – Qing yilai zhongyang zhengfu dui Xizangde zhili yu huofu zhuanshi zhidu shiliao huiji / Zhao Xueyi. Beijing, 1996 (Сборник архивных документов по истории управления Тибета Центральным правительством и института тулку с периода Цин. Пекин, 1996).

Ran Guangrong, 1994 – Ran Guangrong. Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1994 (Жань Гуанжун. Тибетские буддийские монастыри Китая. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1994).

Renmin Ribao, 1980 – Ping suowei «minzu wentide benzhi shi jieji wenti» // Renmin ribao, 1980, qiye, shiwuri (Критика так называемой идеи «национальный вопрос по сути является классовым вопросом» // Жэньминь жибао. 1980. 25 июля).

SCMP – Survey of China Mainland Press. Hong Kong: United States Consulate General.

Shi Shuo, 2000 – Shi Shuo. Tufan zhengjiao shi. Chengdu, 2000 (Ши Шо. Религия и политика в период Тубо. Чэнду, 2000).

Songben Zhendeng, 2003 – Songben Zhendeng zhu. Lu Zhonghui yi. Zhongguo minzu zhengce zhi yanjiu – yi Gingmo zhi 1945 niande minzu lun wei zhongxin. Minzu chubanshe, 2003 (Мацумото Синто / Пер. Лу Чжунхуэй. Исследование национальной политики Китая: национальная теория с конца Цин до 1945 года. Пекин: Народное изд-во, 2003).

Toushi Dalai, 1997 – Toushi Dalai. Xizang shehui jinbu yu fenlie jituande moluo. (Shang, xia). Xizang renmin chubanshe, 1997 (Анализ деятельности Далая. Прогресс тибетского общества и упадок сепаратистской группировки. Т. 2. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1997).

Tudan Danda, 2001 – Tudan Danda. Guan yu heping jiefang Xizang banfade xieyi // Heping jiefang Xizang wushi zhounian jinian wenji. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Тубтэн Тандар (Лхаутара). Во время подписания Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета: сб. документов в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета. Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Wang Furen, 1982 – Wang Furen. Xizang fojiao shilue. Qinhai renmin chubanshe, 1982. (Ван Фужэнь. Краткая история тибетского буддизма. Цинхайское народное изд-во, 1982).

Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng, 1986 – Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng. Furaode pinkun. Sichuan renmin chubanshe, 1986 (Ван Сюэцян, Бай Наньфэн. Бедность изобилия. Сычуаньское народное изд-во, 1986).

Xin shiqi xuanbian, 1985 – Xin shiqi tongzhanxian wenxian xuanbian. Zhonggong zhongyang danhxiao chubanshe, 1985 (Избранные документы Единого фронта нового времени. Пекин: Изд-во партшколы ЦК КПК, 1985).

Xin shiqi xuanbian, 1990 – Xin shiqi minzu gongzuo wenxian xuanbian. Zhongyang wenxian chubanshe, 1990 (Избранные документы национальной работы нового времени. Пекин: Изд-во документов ЦК, 1990).

Xirao Nima, 2000 – Xirao Nima. Jindai zangshi yanjiu. Lasa – Shanghai, 2000 (Шераб Нима. Исследование новой истории Тибета. Лхаса; Шанхай, 2000).

Xizang difang, 1986 – Xizang difang shi Zhongguo buke fengede yi bufen, 1986 (Тибет – неотъемлемая часть Китая, 1986).

Xizang gaikuang yanjiu, 1986 – Xizang gaikuang yanjiu. Taipei, 1986 (Исследование обстановки в Тибете. Тайбэй, 1986).

Xizang guanxishi, 1995 – Xizang difang yu Zhongyang zhengfu guanxishi. Lasa: Xizang renmin chubanshe, 1995 (История взаимоотношений Тибета и Центрального правительства. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1995).

Xizang guoji yantaohui – Xizang guoji yantaohui. Lunwenji. Taipei: Meng-Zang weiyuanhui, Zhonghua Minguo jiu shisi nian (Междунар. конф. по Тибету: сб. докл. Тайбэй: Монголо-тибетская комиссия, 94-й год Китайской республики).

Xizang jingji gaishu, 1995 – Xizang jingji gaishu. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1995 (Экономическая ситуация в Тибете. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1995).

Xizang jingji jianshi, 1995 – Xizang jingji jianshi. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1995 (Краткая история тибетской экономики. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1995).

Xizang jingji lanpishu, 2002 – Xizang jingji lanpishu. Xizang shehui kexueyuan, 2002 (Голубые анналы тибетской экономики. Тибетская академия общественных наук, 2002).

Xizang lishi danganguan, 1990 – Xizang lishi danganguan. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1990 (Тибетский исторический архив. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1990).

Xizang renquan yanjiu, 1999 – Xizang renquan yanjiu. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1999 (Исследование прав человека в Тибете. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1999).

Xizang shehui fazhan yanjiu, 1997 – Xizang shehui fazhan yanjiu. Beijing, 1997 (Изучение социального развития Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1997).

Xizang shehui jingji tongji nianjiang – Xizang shehui jingji tongji nianjiang. Xizang zizhiqu tongji jubian. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe (Социально-экономический статистический сборник Тибета. Пекин: Изд-во китайской статистики).

Xizang shehui xingtai, 1996 – Xizang fengjian nongnu zhidu shehui xingtai / Duojie Caidan zhubian. Beijing, 1996 (Общественная формация феодальной крепостной системы Тибета / Под ред. Дорже Цайдана. Пекин, 1996).

Xizang tongshi, 1996 – Xizang tongshi. Songshi baochuan / Qiabai Cidan Pingjie, 1996. (Общая история Тибета / Под ред. Чапай Цедаин Пунцога. 1996).

Xizang wenshi ziliao xuanji, 1981 – Xizang wenshi ziliao xuanji. Di yi ji, 1981 (Материалы по культуре и истории Тибета. 1981. Т. 1).

Xizang yiwenji, 1997 – Xizang shehui lishi zangwen dang'an ziliao yiwenji. Zhongguo shehui kexueyuan minzu yanjiusuo, Xizang zizhiqu dang'anguan hebian. Beijing, 1997 (Сборник переводов архивных материалов на тибетском языке по истории тибетского общества. Пекин, 1997).

Xizang zizhiqu gaikuang, 1984 – Xizang zizhiqu gaikuang. Lasa: Xizang renmin chubanshe, 1984 (Обстановка в Тибетском автономном районе. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1984).

Xizang zongjiao yanjiu, 2001 – Xizang zongjiao yu shehui fazhan guanxi yanjiu. Xizang renmin chubanshe, 2001 (Изучение взаимосвязи между религиями Тибета и социальным развитием. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 2001).

Xizang zongjiao, 1996 – Xizang zongjiao he Zhongguo gongchandangde zongjiao zhengce. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1996 (Тибетская религия и религиозная политика КПК. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1996).

Xizangde simiao he senglü, 1995 – Xizangde simiao he cenglü. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1995 (Монастыри и монахи Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1995).

Xizangde zizhi, 1991 – Xizangde minzu qiyu zizhi. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1991 (Тибетская национальная районная автономия. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1991).

Xuekang Suolang Tajie, 2001 – Xuekang Suolang Tajie. Yangjie zhongyang daibiao jin Zang ji // Неринг jiefang Xizang wushi zhounian jinian wenji. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Сюэкан Солан Таузе. Записки о встрече представителя центральных властей в Тибете: сб. документов в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Ya Hanzhang, 1979 – Ya Hanzhang. Xizang lishide xin bianzhang. Sichuan minzu chubanshe, 1979 (Я Ханьчжан. Новые статьи по истории Тибета. Сычуаньское народное изд-во, 1979).

Ya Hanzhang, 1984a – Ya Hanzhang. Dalai Lama zhuan. Renmin chubanshe, 1984 (Я Ханьчжан. Биографии Далай-лам. Пекин: Народное изд-во, 1984).

Ya Hanzhang, 1984b – Ya Hanzhang. Minzu wenti yu zongjiao wenti. Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1984 (Я Ханьчжан. Национальный вопрос и религиозный вопрос. Изд-во общественных наук Китая, 1984).

Yingguo, Eguo yu Zhongguo Xizang, 2000 – Yingguo, Eguo yu Zhongguo Xizang. Beijing, 2000 (Англия, Россия и Китайский Тибет. Пекин, 2000).

Yuan yilai ziliao huibian, 1994 – Yuan yilai Xizang difang yu zhongyang zhengfu guanxi dang'an ziliao huibian / Zhongguo zangxue yanjiu zhongxin deng bian. Beijing, 1994 (Архивные источники по взаимоотношениям Тибета и Центрального правительства начиная с династии Юань. Пекин, 1994).

Zangchuan fojiao yiwen jieda, 2000 – Zangchuan fojiao yiwen jieda 120 ti. Sichuan minzu chubanshe, 2000 (120 ответов на вопросы по тибетскому буддизму. Сычуаньское народное изд-во, 2000).

Zangchuan fojiao, 1996 – Zangchuan fojiao / Hong Xue zhubian. Chengdu, 1996. (Тибетский буддизм / Под ред. Хун Сюэ. Чэнду. 1996).

Zangzu lishi zongjiao yanjiu, 1996 – Zangzu lishi zongjiao yanjiu / Chen Qingying zhubian. Beijing, 1996 (Исследования по истории и религии Тибета. Пекин, 1996).

Zhang Guohua, 2001 – Zhang Guohua. Shibajun jin Zang jishi // Heping jiefang Xizang wushi 20–50 in jinian wenji. Zhongguo Zangxue chubanshe, 2001 (Чжан Гохуа. Записки о вступлении 18-й армии в Тибет: сб. документов в честь 50-й годовщины мирного освобождения Тибета. Изд-во китайской тибетологии, 2001).

Zhao Zhizhong, 2000 – Zhao Zhizhong. Qing wangchao yu Xizang. Beijing, 2000 (Чжао Чжичжун. Династия Цин и Тибет. Пекин, 2000).

Zhonggong Xizang, 1995 – Zhonggong Xizang dangshi da shiji. Xizang renmin chubanshe, 1995 (Основные события истории КПК в Тибете. Лхаса: Тибетское народное изд-во, 1995).

Zhonggong zhongyang, 1986 – Zhonggong zhongyang guanyu zongjiao wenti zhongyao wenjian xuanbian, 1986 (Избранные документы ЦК КПК по религиозному вопросу, 1986).

Zhongguo gongchandang, 2006 – Zhongguo gongchandang Xizang lishi da shiji (1949–2004) (Shang, xia). Zhonggong dangshi chubanshe, 2006 (Основные события истории КПК в Тибете. Т. 2. Изд-во современной истории КПК, 2006).

Zhongguo gongchandang lingdaoren, 1994 – Zhongguo gongchandang zhuyao lingdaoren lun minzu wenti. Minzu chubanshe, 1994 (Лидеры КПК о национальном вопросе. Пекин: Народное изд-во, 1994).

Zhongguo gongchandang zhengce, 2006 – Zhongguo gongchandang guanyu minzu wentide jiben guandian he zhengce. Minzu chubanshe, 2002 (Основные положения КПК в отношении национального вопроса. Пекин: Народное изд-во, 2002).

Zhongguo minzu quyue zizhi, 1988 – Zhongguo minzu quyue zizhide lilun he shijian. Beijing, 1988 (Теория и практика национальной районной автономии Китая. Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 1988).

Zhongguo Xizang dang'an mulu, 1999 – Zhongguo diyi lishi dang'anguan suocun Xizang he Zangshi dang'an mulu (Man-Zangwen bufen) / Zhongguo Diyi lishi dang'anguan, Zhongguo Zangxue yanjiu zhongxin hebian. Beijing, 1999 (Каталог архивных документов по Тибету и тибетским делам, хранящихся в 1-м Историческом архиве КНР (маньчжурская и тибетская части). Пекин, 1999).

Zhongguo Xizang shehui lishi ziliao, 1994 – Zhongguo Xizang shehui lishi ziliao. Beijing: Wuzhou chuanbo chubanshe, 1994 (Мат-лы по истории общества китайского Тибета. Пекин: Изд-во пропаганды Учжоу, 1994).

Zhongguo Xizangde lishi diwei, 1997 – Zhongguo Xizangde lishi diwei / Wang Jiawei, Nima Jianzan bianzhu. Beijing, 1997 (Исторический статус китайского Тибета / Под ред. Ван Цзявэя и Нимы Гьялцэна. Пекин, 1997).

Zhongguo Zangxue shumu, 2001 – Zhongguo Zangxue shumu, Catalog of Chinese Publications in Tibetan Studies. Beijing, 2001 (Каталог публикаций по китайской тибетологии, 2001).

Zhongguo Zangxue yanjiu, 1996 – Zhongguo Zangxue yanjiu zhongxin Zangxue lunwen xuanji (1986–1996). 2 се. Beijing. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1996 (Сб. избр. ст. по тибетологии Центра китайской тибетологии (1986–1996). Т. 2. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1996).

Zhongguo Zangzu renkou yu shehui, 1998 – Zhongguo Zangzu renkou yu shehui. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1998 (Тибетское население и общество Китая. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1998).

Zhongyang wenjian xuanbian, 1986 – Zhongyang guanyu zongjiao wenti zhongyao wenjian xuanbian. Xizang zizhiqu dangxiao lilun yanjiushi bian, 1986 (Основные документы ЦК по религиозному вопросу. Издание группы исследования теории партшколы ТАР, 1986).

Zhu Giyuan, Xirao Nima, 1991 – Zhu Giyuan, Xirao Nima. Zhonghua minguo shiqi zhongyang zhengfu yu Xizang difangde guanxi. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1991 (Чжу Циюань, Сижао Нима. Вза-

иоотношения между Центральным правительством и Тибетом в период Китайской Республики. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1991).

Zouxiang ershiyi shijide Xizang, 1997 – Zouxiang ershiyi shijide Xizang. Zhongguo Zangxue chubanshe, 1997 (На пути к Тибету XXI века. Пекин: Изд-во китайской тибетологии, 1997).

На тибетском языке:

'Gos lo tswa ba, 1984 – 'Gos lo tswa ba gzhon nu dpal. Deb ther sngon po. Chengdu, 1984 (Голоцзава Шоннупэл. Голубые анналы. Чэнду, 1984).

Bka' gyur – Bka' gyur (dpe bsdur ma). Deb 108. Krung go'i bod rig pa shib 'jung lte gnas. Bka' bstan dpe sdur khang nas dpe sdur, 2006–2008 (Ганчжур: в 108 т. Исследовательский центр китайской тибетологии, 2006–2008).

Bod rgya tshig mdzod chen mo, 1993 – Bod rgya tshig mdzod chen mo / Zanghan dacidian (Большой тибетско-китайский словарь. 1-е изд. 1993).

Bstan 'gyur – Bstan 'gyur (dpe bsdur ma). Deb 124. Krung go'i bod rig pa shib 'jung lte gnas. Bka' bstan dpe sdur khang nas dpe sdur, 1994–2007 (Данчжур: в 124 т. Исследовательский центр китайской тибетологии, 1994–2007).

Chab 'gag rta mgrin, 1999 – Chab 'gag rta mgrin gyis brtsams. Gangs ljongs mi rigs khang gi 'brel ba brjod pa gzur gnas yid kyi dga' ston. Zi ling, 1999 (Чабга Тацэн. Исследование происхождения этнических групп Страны Снегов. Синин, 1999).

Deb ther kun gsal me long, 1987 – Deb ther kun gsal me long. Lhasa; Qin Hai, 1987. (Ясное зеркало истории. Лхаса; Цинхай, 1987).

Dpal mgon 'phags pa klu sgrub, 1988 – Dpal mgon 'phags pa klu sgrub kyis rtsa ba mdzad. Dbu ma rtsa ba shes rab rtsa 'grel bzhugs. Kreng duu, 1988 (Нагарджуна. Детальный комментарий на Мадхьямика-карика. Чэнду, 1988).

Dunkar Losang Prinlas, 1981 – Dunkar Losang Prinlas. Bod kyi chos srid zung 'brel skor bshad pa. Beijing, 1981 (Дункар Лосан Принлэ. Тибетская теократическая система единения религии и политики. Пекин, 1981).

Krung go'i bod sa gnas kyi lo rgyus, 1986 – Krung go'i bod sa gnas kyi lo rgyus yig tshang phyog btus. Lhasa, 1986 (Избранные тексты по истории Тибетского района КНР. Лхаса, 1986).

Ldan ma 'jam dbyangs tshul khrims, 1995 – Ldan ma 'jam dbyangs tshul khrims. Khamstod kyi lo rgyus thor bsdus su bkod pa gangs phrug bsu ba'i zhing rta zhes bya ba'i stod cha dang smad cha bzhugs so. Lan kro'u, 1995 (Данма Чжамьян Цультим. Краткая история Нижнего Кхама. Ланьчжоу, 1995).

Lde'u chos 'byung, 1987 – Lde'u chos 'byung. Lhasa, 1987 (История, написанная ученым Дэу. Лхаса, 1987).

Lu'i Yus-hung, 1952 – Lu'i Yus-hung. 'Bod zhi bas bcings 'grol skor gyi nyin tho gnad bshus // Bod kyi lo rgyus rig gnas dpyad gzhi'i rgyu cha bdams bsgrigs (Лу Юйхун. Дневник мирного освобождения Тибета // Мат-лы по культуре и истории Тибета. Лхаса, 1982).

Mgon po dbang rgyal, 1997 – Mgon po dbang rgyal gyis brtsams. Cho ne sa skyong gi lo rgyus klu chu sngon mo'i gyur dbyangs / Lan kro'u, 1997 (Гонпо Вангьял. История глав уезда Чонэ. Ланьчжоу, 1997).

Mi nyag mkhas dbang lnga'i rnam thar, 1987 – Mi nyag mkhas dbang lnga'i rnam thar. Chengdu, 1987 (Жития ученых Миньяга. Чэнду, 1987).

Mnga' ris lo rgyus, 1996 – Mnga' ris lo rgyus. Lha sa, 1996 (История Нгари. Лхаса, 1996).

Nam mkha' nor bu, 1996 – Nam mkha' nor bu brtsams. Zhang bod kyi lo rgyus te se'i 'od . Pe cin, 1996 (Намхай Норбу. История древних династий Шан-Шуна и Тибета. Пекин, 1996).

Ngag dbang rgya mtsho, 1988 – Ngag dbang rgya mtshos brtsams. Ya thog bod gyi shes rig gi mtha' dpyad. Lan krou, 1988 (Нгаван Гьяцо. Тибетская цивилизация периода Шан-Шун. Ланьчжоу, 1988).

Nor bsam, 1999 – Nor bsam sogs kyis 'bri byas. Yon stod sogs a mdo rdzong khongs kyis de sngon shog kha zhas kyis lo rgyus thor bu dang byung myong ba'i don rgyen 'ga' zhig skor. Lha sa, 1999 (Норсам. Краткая история уезда Амдо. Лхаса, 1999).

Nwa nag pa ba res, 1996 – Nwa nag pa ba res kyis brtsams. Bong stag lo rgyus blo ldan 'jug ngogs. Khreng tu'u, 1996 (Ньянагна Варэ. Краткая история рода Ваншидэ. Чэнду, 1996).

Nyang ral nyi ma 'od zer, 1988 – Nyang ral nyi ma 'od zer. Chos 'byung me tog snying po sbrang rtsi'i bcud. Lhasa, 1988 (Ньянрал Нима Одсэр. История буддизма. Лхаса, 1988).

Rgya nag chos byung, 1983 – Rgya nag chos byung. Chengdu, 1983 (История Китая. Чэнду, 1983).

Rgya po, Tshul khrim, 1996 – Rgya po, Tshul khrim gnyis kyis brtsams. Mtsho sngon po'i rkanng tsha'i lo rgyus mes po'i zhal lung zhes bya ba bzhungs so. Lan kro'u, 1996 (Гьяпо, Цультим. История рода Канчаг. Ланьчжоу, 1996).

Rje tsong kha pas, 1999 – Rje tsong kha pas mdzad. Rje tsong kha pas mdzad pa'i byang chub gzhung lam dang rtsa lhung rnam bzhad ces bya ba bzhugs so. Lan krou, 1999 (Цзонхава. Основы Тантры – Бодхисаттва Виная и Тантраяна Виная. Ланьчжоу, 1999).

Rlangs byang chub 'dre bkol, 1986 – Rlangs byang chub 'dre bkol, Phag mo gru pa byang chub rgyal mtshan. Rlangs po ti bse ru. Lhasa, 1986 (Лан Чанчуб Дрэкол, Пхагмо Дупа Чанчуб Гьялцэн. История клана Лан. Лхаса, 1986).

Rong bo lha rgyal dpal, 1988 – Rong bo lha rgyal dpal gyis brtsams. Rma yul rong po blon chos kyis gdung rabs don ldan tshangs pa'i sgra dbyangs zhes bya ba bzhungs so. Lan Kro'u, 1988 (Ронпо Лхагьялпал. История Ронпо. Ланьчжоу, 1996).

Sa skya bsod nams rgyal mtshan, 1982 – Sa skya bsod nams rgyal mtshan. Rgyal rabs gsal ba'i me long. Beijing, 1982 (Сакья Сонам Гьялцэн. Светлое зеркало царских родословных. Пекин, 1982).

Sba gsal snang, 1980 – Sba gsal snang. Sba bzhad. Beijing, 1980 (Ба Салнан. Башед. Пекин, 1980).

SCHT – Bod kyis lo rgyus rig gnas dpyad gzhi'i rgyu cha bdams bsgrigs (20 vol.): Sources on the Culture and History of Tibet. Lhasa, Beijing, 1982–1998 (Материалы по культуре и истории Тибета: в 20 т. Лхаса; Пекин, 1982–1998).

Stag tshang rdzong pa dpal 'byor bzang po, 1985 – Stag tshang rdzong pa dpal 'byor bzang po. Rgya bod yig tshang chen mo. Chengdu, 1985 (Тагцан Дзонпа Палчжор Сампо. Великая хроника Китая и Тибета. Чэнду, 1985).

Sum pa ye shes dpal 'byor, 1992 – Sum pa ye shes dpal 'byor. Chos 'byung dpaq bsam ljon bzang. Gansu, 1992 (Сумба Ешей-Балчжор История буддизма. Ганьсу, 1992).

Tshal pa kung dga' rdo rje, 1981 – Tshal pa kung dga' rdo rje. Deb ther dmar po. Beijing/Lhasa, 1981 (Цалпа Кунга Дорже. Красные анналы. Пекин; Лхаса, 1981).

Tshul blo, 1996 – Tshul blo sogs gyis brtsams. Mgar rtse tsho bcho brgyad kyis lo rgyus zhel dkar me long. Lan kro'u, 1996 (Цуло. История рода Гарццецо. Ланьчжоу, 1996).

U rgyan gling pa, 1986 – U rgyan gling pa. Vka 'thang sde lnga. Beijing, 1986 (Ургьен Линпа. Пять сказаний. Пекин, 1986).

Yar lung jo bo, 1988 – Yar lung jo bo'i chos byung. Chengdu, 1988 (Ярлун Чжово. История буддизма. Чэнду, 1988).

Периодические издания:

На английском языке:

Beijing Review.

China Daily.

China Quarterly.

China Today.
Far Eastern Economic Review.
Tibetan Review.
Tibetan Journal.

На китайском языке:

Minzu tuanjie (Национальное сплочение).
Minzu yanjiu (Этнология).
Renmin ribao (Жэньминь жибао).
Xinhua she (Агентство Синьхуа).
Xizang fojiao (Тибетский буддизм).
Xizang ribao (Тибетская ежедневная газета).
Xizang wenshi ziliao (Памятники истории и культуры Тибета).
Xizang wenwu (Тибетские памятники культуры).
Xizang yanjiu (Тибетологические исследования).
Zangxue yanjiu (Тибетологические исследования).
Zhongguo Xizang (Китайский Тибет).
Zhongguo zangxue (Китайская тибетология).

На тибетском языке:

Bod ljongs nyin re'i tshags par (Тибетская ежедневная газета).
Dar dmar (Красный флаг).
Krung go brnyan par (Китай в фотографиях).
Mi rigs brnyan par (Журнал нацменьшинств).

Указатель имен и географических названий

А

Авалокитешвара 34
Аведон 12, 28, 122, 145, 157, 159
Австралия 254
Агья Римпоче 240
Академия общественных наук 11, 13, 304
Ало Чонсед Церин Дорже 89
Амбань 32
Амдо 5, 6, 18, 36, 38, 86, 87, 95, 126, 167, 215, 217, 221,
223, 240, 241, 252, 278, 289, 308
Амдова 86, 87, 88, 96, 97
Америка 93, 105
Ангела Меркель 254
Англия 18, 26, 307
Андруг Гонпо Таши (Гонпо Таши) 95, 105
Ань Цзымин 68
Аргентина 280
Ассам 109
Атхар 103, 104, 105
Ауфшнайдер 36
Ачарья Крилапани 110
Ачок 252

Б

Ба Салнан 16, 308
Баба Пунцог Вангьял (Пунцог Вангьял; Баба Пунцо
Вангье; Пинван; Пунван) 30, 57, 179, 220, 269, 276
Баджпай 61
Бай Наньфэн 13, 304
Бакхор 227, 251
Балл 171, 257
Бао Ишань 152
Бао Чжимин 209, 301
Барнетт 30, 227, 268, 272, 278, 324
Барши 101, 102, 211
Бат 10
Батан 96
Баянь 251
Бельгия 113, 281
Бернард Кучнер 253
Бехера 281
Библиотека тибетских работ и архивов 11

Бирендра 173
Бо Ибо 143
Богословский 31, 78, 79, 86, 88, 98, 106, 107, 119, 120,
122, 147, 151, 153, 155, 296
Бодхгая 215
Бодхисаттва 20, 91, 308
Большой Тибет 223, 224, 286
Боми Гьялва Лочжу 197
Бон 20, 196
Бразилия 192, 281
Брахмапутра (Цанпо) 98, 104
Британская миссия 18, 33
Будда 137, 140, 243
Буддийская ассоциация Тибета 11
Булл 36, 37, 125
Бумтан Гьялцэн Лобсан 89
Бучун 270
Буш 243, 247, 253, 258
Бэйдайхэ 143
Бэйпин 34

В

Ван Лисюн 6, 14, 15, 16, 252, 270, 282–288, 292, 294,
301
Ван Лэцюань 252
Ван Сянмин 253
Ван Сяоцян 13, 304
Ван Фэн 83, 84, 132
Ван Хунвэнь 176
Ван Цзявэй 18
Ван Цимэй 67, 69, 70, 138, 158, 165
Ван Яо 16, 18, 302
Ваншидэ 18, 308
Вашингтон 242, 243, 262
Великобритания 10, 62, 113, 258
Вилкинс 61
Вилмер, Кутлер и Пикеринг 242
Виня 20, 308
Внутренняя Монголия 67, 148, 191, 194, 210, 211,
214
Восер 15, 16, 270, 282
Восточный Тибет 6, 36, 38, 148, 216
Восточный Туркестан 67

- Вундед Ни 230
Высшая буддийская академия 11, 19, 197, 198
Вэй Гоцин 175
Вэнду 239
Вэньчуань 256
- Г**
- Га Дава Цырен 200–204
Гадэн Чокор 252
Гандэн 41, 77, 126, 162, 163, 196, 197, 242, 251, 271
Гандэн Пхотран 126
Ганток 90
Ганчэн Лама 242
Ганьнин 92
Ганьсу 5, 6, 11, 15, 17, 36, 87, 96, 127, 132, 134, 135, 148, 154, 240, 252, 254, 256, 302, 308
Ганьцзы (Канцзэ) 36, 87, 148, 127, 184, 199, 216, 251, 252
Гарцзецо 18, 308
ГДР 117
Гедун Чоки Нима 236–238
Гектор Кастро 44
Ген Ламрим 202
Гендерсон 61
Генеральная Ассамблея ООН 114
Генри Лус 185
Германия 237, 281
Гета Римпоче 38, 42
Геше 42, 99, 100, 101, 131, 136, 137, 142, 197, 198, 204, 205, 215
Геше-лхарамба 17, 205
Гималаи 240
Гинзбург 106
Гир 243, 247
Го Цзинлун 269
Гоби 280
Голдстейн 6, 18, 21, 27, 29, 30, 34, 37, 44–54, 64, 92, 115, 119, 126, 127, 179, 202, 204, 217, 223, 229, 230, 233, 239, 261, 288, 290, 293
Голмуд 183, 247
Го-лоцзава Шоннупэл 16
Гоминьдан 33, 37, 39, 41, 43, 50, 53, 71, 87, 92, 97, 224
Гонконг 15, 21, 38, 46, 129, 173, 223, 232, 245, 258, 268, 275, 280
Гонпо Вангьял 307
Гонэшань 171
Гордон Браун 252, 257
Госдепартамент 7, 35, 61, 64
Госсовет КНР 20, 199
Греция 252
Грюнфельд 261, 302
Гу Цзучэн 18, 302
Гуандун 188
Гуанси 146, 209, 275
Гуанчжоу 80
Гуйчжоу 256
Гунтан Римпоче 240, 241
- Гьенлог 165–169, 220, 222
Гьяло Тхондуп 38, 77, 78, 89, 90, 219, 223, 236, 244, 245
Гьялтан 87
Гьялцэн Норбу 238, 239, 240, 248
Гьянцзэ 68, 81, 120, 145, 150
Гьяпо 18, 308
Гьяцзон 53
Гэлук 196
- Д**
- Дабпа 251
Дава Норбу 30, 113, 124, 144, 162
Давэй Шерап 30
Дагьяб 85
Дагьяб Римпоче Лодэн Шераб 85
Дайял 34
Далай-лама 24, 26, 27, 30, 32, 40, 42–45, 48, 52, 54, 56, 58, 61, 62, 64–67, 72, 75, 77, 78, 81–86, 88–92, 95, 97, 100–106, 108–112, 114, 127, 134, 138, 144, 174, 177, 219–224, 226–228, 230–232, 236–239, 241, 242, 245, 247, 248, 253, 254, 256–261, 273–275, 283, 284, 286–293, 295, 296
Даляньчжи 165
Дания 242, 243
Данма Чжамьян Цультим 307
Данчжур 197, 307
Дарцедо 70, 257
Датун 193
Дацин 174
Дачжай 174
Дачжаосы 221
Даянь 71
Деки Цомо 269
Джон Гормли 254
Дибеш Ананд 10
Дица 251
Долма Гьяри 255
Дондуп Гьял 215
Дондуп Чойдэн 163
Дорже Драгдэн 104
Дорже Шугдэн 241, 242
Дордже Цайдан 18
Дрейер 30, 157, 175, 183, 218
Дрепун 17, 41, 77, 126, 163, 196, 202–205, 215, 227, 229, 251
Дригун 196, 202
Дригунтил 196
Дригутхан 96
Дриру 252
Дричу 39, 88
Ду Цинлинь 260
Дуджом Римпоче 240
Дунбэй 80
Дункар Лосан Принлэ 17, 307

- Дуньхуан 16, 302
 Дхарамсала 31, 101, 222, 224–226, 260, 261, 297
 Дхармараджа 42
 Дэн Сяопин 37, 40, 131, 133, 135, 136, 142, 143, 156, 164, 168, 178, 179, 214, 217, 220, 222, 225, 232, 234, 250, 268, 270, 293
 Дэн Шаодун 101
 Дэнчэн 207
 Дэси Сангье Гьяцо 235
- Е**
 Европейский союз (Евросоюз) 253, 258, 260
 Европейский парламент 230, 243
 Еше Ванчу 205
 Еше Лхундуп 101
 Еше Тендзин 270
- Ж**
 Жэнь Жун 167, 168, 170, 172, 179, 221
- З**
 Западная Хань 280
- И**
 Игцзан 65
 Индия 33, 35, 44, 61–63, 74, 81, 89, 90, 93, 105, 109, 110, 113, 170, 225, 251, 281
 Институт религий 19, 197
 Институт Южной Азии 19, 197
 Информационный офис Его Святейшества Далай-ламы 23
 Инь Фатан 179, 180, 269
 Ирландия 112
 Испания 281
 Италия 242
- К**
 Каймо Соань Вандуй (Кхеме Сонам Вандуй)
 Калимпонг 62, 78, 91–93, 97
 Калон 67, 79, 89, 96, 102, 104, 147, 221, 223, 245, 255, 260, 275
 Калон Трипа проф. Самдон Римпоче 293
 Калькутта 62
 Кан Шэн 143
 Канада 242
 Канберра 254
 Кандин 87, 216, 257
 Канло Голог 252
 Канчаг 18, 308
 Карма Кагью 196
 Карма Чопэл 255
 Кармаданса 196
 Кармай 206
 Кармапа 240
 Катманду 159, 242, 254, 258
- Кашаг 35, 39, 41, 43, 45, 46, 51, 58, 59, 62, 65, 66, 73, 76–78, 81, 89, 90, 95, 99, 100, 101, 103, 105, 106, 118, 125, 151, 163, 232, 248, 275
 Келсан Гьялцэн 255, 259
 Кембридж 244
 Кеннан 7
 Кенчун Тубтэн Легмон 45, 49
 Киссинджер 29, 115, 173, 262
 Китай 6, 10, 15, 22, 23, 26–30, 32, 35–37, 39, 41, 43, 50, 59, 79, 80–82, 84–86, 88, 107, 121, 124, 152, 167, 170, 172, 173, 176, 184, 220, 222–226, 231, 232, 236, 243–246, 250, 253–255, 258–262, 268, 275, 276, 280, 281, 284, 286, 288–293, 296, 309
 Китайская академия общественных наук 11
 Китайская миссия 33
 Китайская Народная Республика 28, 50, 263, 277
 Китайская республика 16
 Кичу 104
 Клинтон 243
 КНР 4–7, 9, 11–17, 19–22, 26, 27, 28, 30–32, 36, 38, 39, 41, 44, 49, 51, 59, 67, 81, 82, 84, 86, 92, 94, 98, 106–111, 116–119, 133, 141, 146, 147, 151, 153–157, 164, 171–173, 176–181, 183, 188, 195–199, 203, 205, 206, 208, 212, 217–219, 223–228, 232, 243, 244, 248, 249, 252, 254, 260–263, 265, 267–269, 275–277, 279, 280, 282, 288, 292–297, 303, 306, 307
 Комитет Каньбу 151
 Комитет по изучению истории и культуры 11
 Комитет по охране памятников культуры 11
 Кондолиза Райс 254
 Конфуций 174
 Корея 39
 КПК 12, 33, 37, 46, 48, 69, 71–73, 76, 79, 80, 85, 91, 92, 98, 116, 131, 133, 135–137, 141, 143, 147–150, 153, 154, 156–158, 161–165, 167, 168, 173, 174, 176, 178, 180, 182, 200, 207, 208, 221, 225, 228, 229, 255, 265, 267, 269, 276, 294, 303–306
 Кумбум 37, 42, 240
 Кумбэл 32
 Кунделин Римпоче 242
 Кунсан 252
 Кунчун Сонам Гьяцо 102
 Кхам 5, 6, 17, 36, 42, 57, 86, 87, 95, 96, 126, 134, 137, 148, 184, 214, 216, 217, 221, 223, 256, 257, 278, 289, 307
 Кхампа 38, 40, 86–88, 94–96, 98, 99, 105–107, 173, 174, 217
 Кхасум 125
 Кхеме Сонам Вандуй 58
 Кычанов 31, 296
- Л**
 Ла 162
 Лавран 38, 241
 Лавран Ташикил 240, 252

Лами 133
Ламу 170
Лан Чанчуб Дрэкол 16, 308
Ланкацзу 174
Легчог 269
Ли Вэйхань 49, 54–56, 58, 83, 132, 136, 137, 143, 303
Ли Дэчжу 252
Ли Пэн 182
Ли Фучунь 131
Ли Цзиньцюань 141
Линчжи 17
Линь Бяо 116, 143, 156, 172, 174, 176
Литан 87–89, 96, 97, 216, 217
Лобсан Вангьял 257
Лобсан Дондуп 269
Лобсан Самтэн 60, 220, 221
Лобсан Таши 43, 66, 77, 78, 104
Лобсан Тхаргье 220, 221
Лобсан Чжигмэ Тубтэн Чоки Нима 241
Лоди Гьяри 223, 245, 246, 255, 259, 260
Лондон 242, 252, 253, 254
Лосан Цечэн 148
Лосар 5
Лоселин 130
Лоцэ 103
Лукханва Цеван Раптэн 43
Лунгу 256
Луншар 32
Луцзан 251
Лхаба Пунцог 269
Лхабчуг Дхаргпа Тринлэ 89
Лхалу Цеван Дорже 71
Лхаса 4, 5, 35, 101, 104, 120, 202, 247, 302, 304, 305, 307, 308
Лхасская молодежная ассоциация 79
Лхаутара (Тубтэн Тандар; Тудань Данда) 44, 45, 46
Лхацзэ 125
Лхока 96, 119, 125, 150, 171, 174, 269
Лхунцзэ Цзон 104
Лю Бочэн 37, 39
Лю Лицянь
Лю Сяобо 16, 252
Лю Чунь
Лю Шаоци 105, 131, 133, 143, 156, 164, 168, 170
Люшар 60, 80, 102, 105
Люшар Тубтэн Тарпа 80

М
Ма Буфан 136
Ма Дэ 16, 302
Ма Жун 14, 118, 119, 186, 189, 191, 193, 195, 199, 212–214, 279, 280, 281, 292, 303
Магчи Цзасаг 105
Майтрейя 229
Макао 258, 280
Мак-Магон 106
Максвелл 11

Малайзия 112, 114
Мангра 251
Манила 111
Маньчжуры 209, 280, 292
Мао Цзэдун 10, 34, 36–41, 55, 58, 59, 66, 67, 69, 73, 76, 78, 80, 82, 83, 90–93, 98, 105, 107, 109, 116, 117, 131–133, 143, 146, 147, 152, 155–157, 161, 163–165, 167, 170, 176, 243, 249, 296, 303
Маосьянь 256
Маркам 207
Массачусетс 244
Матос 106
Маунткасл 29
Махараджа 89
Махаяна 24
Махендра 173
Мачу 252
Мачэн 254
Мекка 6
Мелдро Гонкар 252
Мельниченко 31, 296
Меру 196
Миман Цзондуй 72, 73, 76, 78, 88
Мирибанд 260
Мин 16, 18, 68, 71, 83, 98, 116, 117, 302
Миндол 196
Мо Чжаопин 232
Монголия 33, 67, 146, 209, 280
Монлам 72, 88, 99, 100, 101, 106, 135, 144, 145, 205, 215, 229, 247
Мосли 155
Му Шэнчжун 68
Муссури 109, 110
Мустанг 173, 174
Мустафа Саламех 258
Мэтью 61

Н

Нагарджуна 308
Нагчу 68, 123, 150, 252, 269
Намбаир 44
Намгьял 60, 85, 100, 105, 125, 138, 145, 147, 153, 173, 220, 271
Намло Як 15
Намселин 60, 65
Намхай Норбу 240, 307
Нанкин 80
Наньшань 105
Научный центр тибетологии 11
Нгаба 132, 256
Нгабо 43–49, 51, 53–57, 59, 60, 66–68, 73, 83, 86, 89, 90, 101, 102, 104, 134, 137, 138, 142, 147, 158, 175, 219, 221, 289
Нгабо Нгаван Чжигмэ (Apei Awang Jinmei) 40, 42, 49, 58, 59, 71, 105, 117, 131, 147, 153, 170, 265, 271, 301
Нгаван 60

Нгаван Гьяцо 17, 307
 Нгари 17, 68, 123, 134, 150, 307
 Нгари-кхамцен 242
 Нгулчу Римпоче 137, 138, 142, 146
 Недбайлов 36
 Непал 5, 7, 21, 24, 35, 42, 81, 115, 173, 174, 178, 191, 258
 Неру 39, 45, 82, 89, 90, 91, 93, 109, 110, 112, 117, 122, 134
 Никсон 115, 173
 Нима Гьялцэн 18
 Нима Церин 125, 256
 Нинся 146, 209, 275
 Нинтри 150
 Народно-освободительная армия Китая (НОАК) 34, 39, 40, 41, 43, 47, 49, 52, 54, 55, 67–69, 71–73, 75, 78, 80, 85, 88, 92, 94, 95, 97–99, 101, 104–106, 108, 122, 139, 146, 148, 150, 156, 158, 167–170, 173, 270
 НОКЧ (Народно-освободительный комитет Чамдо) 85
 Норбу Тубтэн Чжигмэ (Такцер Римпоче) 42
 Норбулинка 160, 248
 Норвегия 242
 Норсам 18, 308
 Нье 62
 Ньенагна Варэ 18, 308
 Нью-Дели 35, 90, 223, 232, 260
 Нью-Йорк 43, 64, 114, 221, 242
 Ньямдрэл 165–169
 Ньянрал Нима Одсэр 16, 308
 Нэнси Пелози 253, 254
 Нянчу 182

О

Обучи-fellowship 7
 Оливер Франк 35
 Онкор 215
 ООН 34, 35, 43–45, 61–64, 109, 111–115, 155, 173, 227, 238, 252, 254, 281
 Организация объединенных наций 43

П

Пакистан 63, 97, 173, 225
 Палдэн Лхамо 65
 Палкор 196
 Панса 252
 Панча Шила 81, 110, 113
 Панчен-лама 38, 42, 52, 54, 75, 81–83, 85, 86, 89, 105, 131–133, 135–138, 140–147, 155, 178, 179, 184, 197, 220, 228, 229, 232, 233, 239
 Панчен-Эрдэни (Панчен-лама) 52
 Парсонс 113
 Пасан 170, 172, 173, 269
 Пасан Дондуп 270
 Паттерсон 28, 64, 173

Пейсель 95
 Пекин 11, 12, 14–16, 19, 20, 22, 25, 27, 34, 38, 39, 42–47, 51, 52, 57–61, 63, 67, 68, 78, 81–84, 86, 89, 98–100, 109, 132, 134–136, 145–147, 156–159, 164–168, 173–175, 181, 196, 197, 206, 215, 217, 219–221, 224–226, 229–232, 234, 236–239, 243–246, 251, 252, 254, 257–259, 260–262, 286, 288–291, 293, 294, 297, 301–308
 Пекинский университет 186, 197, 200, 212, 302
 Пеллио 16
 ПКТАР (Подготовительный комитет ТАР) 85–87, 99, 100, 102, 104, 105, 118, 120, 134, 137, 141–143, 145, 147, 151, 153
 Подготовительный комитет 83–86, 132, 147
 Политико-консультативный совет 228
 Потала 17, 100, 226, 248
 Прага 28
 Пунцог Вангьял 6, 30, 36, 45, 49, 54, 55, 57, 69, 70, 71, 76, 79, 83, 98, 131, 158, 224, 269, 277, 278, 288, 293
 Пунцог Таши Такла (Такла, Таши Такла) 45, 46, 49, 54, 56, 64, 101, 221, 223
 Пэнцо Чжаси) 46, 52, 64, 221, 223
 Пунцог Церин 17
 Пхагба Гэлэг Намгьял 85, 105, 138
 Пхагмо Дупа Чанчуб Гьялцэн 16
 Пхала Тубтэн Водэн 60, 70
 Пхенпо Лхундуп 252
 Пэн Дэхуай 116

Р

Рагашар (Рагашар Пунцог Рабгье) 60, 89, 90
 Рагди 172, 173, 269
 Рагья 252
 Радхакришнан 90
 Рала 196
 Рамэ 104
 Ребкон 247
 Ретин 33, 42, 43
 Ричардсон 18, 33, 34, 36, 37, 112
 Рой 227
 Ронпо 18, 252, 308
 Ронпо Лхагьялпал 18
 Рэдрэн 196

С

Сагадава 215
 Сайфудин 175
 Сакья 196
 Сакья Содпа 123
 Сакья Сонам Гьялцэн 308
 Сакья Тринзин 240
 Сальвадор 44
 Самдон Римпоче 254, 255, 259, 275, 293
 Сампо 180, 308
 Сампо Тэнцзин Дондуп (Санпо Дэнциэн Дуньчжу) 49, 58

- Самье 196, 252
Сангье Еше (Тянь Бао) 36, 38, 148, 172, 173, 179
Сандруп 237
Сандуй Ринчен (Сандо Жэньцин) 52
Санчу 252
Саутман 30, 177
Северо-Западное отделение 37
Северо-Западный военно-политический комитет 38
Сен 112
Сертар 252
Си Чжунсинь 143
Сибенчух 30, 179
Сикан 36, 37, 39, 86, 87, 94
Сикан-Тибетское шоссе 78
Сикким 42, 45, 89, 90
Симла 32
Симлская конвенция 32
Синин 38, 68, 78, 307
Синроб Дондуп 148
Синха 77, 79
Синьхуа 5, 109, 165, 174, 222, 239, 248, 254, 255, 259, 260, 309
Синьцзян 27, 33, 34, 37, 73, 146, 148, 170, 209, 213, 214, 252, 268, 275, 287, 294
Ситар 255, 260
Сицхаб 77
Смит 28, 184
Совет безопасности 44
Советский Союз 27, 35, 113, 148, 170, 225, 281
СССР 27, 62, 116, 131, 170, 281
Стир 61, 62
Стоддарт 11
Страна Снегов 17, 24, 28, 30
Страсбург 230, 231, 232
Стронг 94
Сужина 209, 211, 301
Сумба-кханбо Ешей-Балчжор 16
Сунчу 256
Сунь Чжиюань 57, 58
Сунь Ятсен 33, 292
Суркхан Ванчэн Гэлэг 42, 89, 90
США 5, 7, 23, 27, 29, 33–35, 44, 61, 62, 64, 97, 113–115, 155, 173, 178, 225–227, 230, 236, 240, 242–244, 247, 253, 254, 258, 260, 261, 262, 281, 290, 291, 292
Сычуань 5, 6, 11, 36, 37, 87, 132, 148, 153, 167, 184, 199, 216, 223, 251, 252, 256
Сутра 24
Сэнчэн Римпоче 145, 271
Сэра 38, 41, 77, 126, 163, 196, 202, 203, 205, 227, 229, 241, 251, 252
Сюань Вэнь
Сюй Минсю 244
Сяньян 174
- Тагун 120, 199
Тагцан Дзонпа Палчжор Сампо 16
Таиланд 63, 112, 114
Тайвань 248
Тактра Римпоче 33
Такцер Римпоче 60
Тантраяна 20, 24, 308
Танская династия 208
Тантра 24
Тань Гуаньсань 71, 100, 102, 103
Тартан Тулку 240
Тарчин 70
Таши Тобгьял 221
Ташилин 256
Ташидунпо 43, 126, 128, 129, 131, 132, 138, 140, 142, 145, 196, 202, 236–241, 252
Терентьев 7, 31
Теспур 109
Тибет 31–47, 49–81, 83–101, 103, 104–133, 135–155, 157–159, 161–236, 238–239, 241–263, 266–276, 278, 280, 283–297, 301–309
Тибетская академия общественных наук 11, 13, 19, 20, 304
Тибетская буддийская академия 11
Тибетский автономный район (ТАР) 5–7, 11, 13, 36, 44, 84–86, 88, 94, 118, 125, 127, 132, 145, 147, 148, 150–154, 159, 162, 164–167, 169, 170–172, 174, 175, 178–184, 187–191, 195, 196, 201, 202, 205, 206, 208–211, 221, 234, 248, 252, 258, 259, 266–269, 270, 271, 289, 301, 306
Тибетский институт буддизма 19, 197
Тибетский институт религий 19, 197
Тибетский молодежный конгресс 5, 23, 26, 27, 251
Тибетский университет 11, 19, 197
Тибетское отделение Китайской буддийской ассоциации 19, 197
Трипитака 140, 197
Тричжан Лобсан 60
Тричжан Римпоче 65, 79, 80, 241
Трочу 256
Труничеммо Чомпэл Тубтэн 65
Трунцзи 77
Тубо 16, 18, 302, 303
Тубтэн Легмон 45, 49, 58, 59
Тубтэн Нима 170
Тубтэн Норбу 64, 90, 231
Тубтэн Сампэл 253, 258
Тубтэн Легмон (Тудэн Лемэн) 313
Туччи 12
Тхамсин 124, 125, 162
Тхеравада 24
Тэнгэр 126
Тэндзин Такла 255, 258
Тэндзин Тетхон 221

Тэндра 72, 96
Тяньаньмэнь 17, 234, 243
Тяньцзинь 80

У

У Ди 280
У Цзинхуа 229, 234, 269
У Цзяньмин 238
Уй 117, 185
Уй-Цзан 6, 94, 95, 126, 223
Ула 119, 123, 201
Уланьфу 138, 175, 178, 220, 223
Уотс 230
Урбанаева 31, 297
Ургьен Линпа 308
Усов 116, 131, 157, 297
Уттарканд 258
Ухань 92

Ф

Фань Мин 68, 71, 83, 98, 116, 117
Филиппины 111, 112
Фишер 21, 186, 196
Фокс 36, 37
Форд 36, 37, 38, 40
Франция 113, 230
Френч 176, 177
Фулбрайт 7
Фэй Сяотун 278, 279, 280, 292, 302

Х

Хайнань 251
Хамид Ансари 252
Хаммаршельд 112
Хань Сын Су 255
Хаодун 251
Харрер 36, 37, 61, 64
Хертер 113, 114, 115
Хечтер 186
Хилтон 237, 238
Ху Цзинтао 182, 234, 248, 250, 256, 269
Ху Яобан 179–182, 184, 195, 215, 217, 221, 222–225, 234, 266, 269, 270
Хуа Гофэн 175, 178
Хуан Буфан 16, 302
Хуан Кэчэн 116
Хуан Мусан 33
Хуан Фэншэн 302
Хуанхэ 15, 96
Хубэй 256
Хун Сюэ 20, 305
Хунань 116
Хунвэйбины 146, 159, 161, 165, 166
Хуэй 33, 209, 279, 280, 292

Хэ Лун 37, 39, 49, 145

Ц

Цалпа Кунга Дорже 16, 308
Цанпо 98
Царон 32, 60
Цатрул Римпоче 89
Цейлон 61, 63, 112
Целаюндрун 196
Цендина 31, 297
Центр китайской тибетологии 11, 13, 16, 20, 307
Центральная Азия 280
Центральный институт национальностей 174
Цепон 38, 41, 45, 89
Цепон Намселин 60, 65
Церин 17, 30, 83, 125, 144, 170
Церин Долма 78
Церин Дорже Гаши 89, 144
Цеча Тубтэн 38
Цзаюл 68
Цзан 6, 84, 85, 94, 95, 116, 126, 134, 138, 151, 185, 223, 252
Цзин Цзюнь
Цзинь Ша 159
Цзонхава 308
Цзэн Юнья 167, 168, 170, 172
Цзэтан 98
Цзэчэн Тубтэн 223
Цзючжэнь 126
Цзян Цзымин 182, 183, 234
Цзян Цин 143, 156, 167, 176
Цзян Энчжу 248
Цзянси 91
Цзиньчжун Цзяньцан Пинцо 52
Цин 16, 18, 22, 25, 26, 75, 86, 193, 224, 231, 279, 280, 292, 302–304, 306
Цинская династия 27, 32, 72, 86, 236, 280
Цинхай 5, 6, 11, 15, 34, 36, 38, 42, 87, 96, 126, 127, 131, 134–136, 139, 153, 167, 221, 223, 224, 239, 240, 247, 248, 251, 252, 254, 302, 307
Цинхай-Тибетское шоссе 78
Цинь Ган 257
Цинь Шихуан 280
Цолхо 251, 252
ЦРУ 5, 37, 90, 97, 98, 103, 105, 173, 244
Цуглагкхан 257
Цуло 18, 308
Цульгим 17, 18, 307, 308
Цурпу 196, 202, 240
Цюйшуйсянь 201
Цянь Лун 236
Цяо Ши 233

Ч

Чабга Тацэн 17, 307
Чагра Лобсан Тэнзин 271
Чадрел Римпоче 236, 237, 238
Чамдо 38, 39, 40, 42, 45, 46, 49, 59, 66, 68, 70, 79, 84, 85, 93, 94, 102, 118, 132, 134, 138, 145, 150, 151, 158, 196, 197, 207, 271
Чан Кайши 41, 80, 106, 136, 292
Чантан 68, 123
Чантрэн 87
Чантрэн Сампелин 87, 88
Чапай Цедаин Пунцог 17, 305
Четыре реки, шесть пиков 94, 96
Чжампа Пунцог 269
Чжампалин 269
Чжампэл Гьяцо 14, 303
Чжамцо 269
Чжамьян Ки 254
Чжамьян Шепя 241
Чжан Вэньтянь 116
Чжан Готао 91, 92, 148
Чжан Гохуа 39, 49, 58, 60, 68, 69, 70–72, 79, 86, 93, 100, 116, 117, 138, 141, 153, 164–168, 306
Чжан Цайван 158, 164
Чжан Цзинъу 49, 58, 59, 66, 71, 76, 93, 100, 101, 116, 117, 134, 138, 141–144, 153, 165
Чжан Цинли 252–254, 269
Чжан Чуньцяо 176
Чжао Сюэи 16
Чжао Цзыян 13, 229, 234
Чжао Чжичжун 18, 306
Чжекундо 248
Чжецзун Пема 78, 221
Чжигмэ Тарин 64
Чжигмэ Тенпэ Ванчуг 240
Чжоххан 161, 173, 196, 203, 221, 251, 257
Чжоу Жэньшань 167, 170
Чжоу Сяочжоу 116
Чжоу Эньлай 47, 48, 90, 92, 105, 136, 138, 141, 143, 146, 166, 168, 176
Чжу Вэйцюнь 255
Чжу Дэ 136, 176
Чжу Шигуай 38
Чжучэн Тубтэн 221
Чжэнь Ин 148
Чи Цзэмин 159
Чикьяб Кенпо 60, 77
Чингис-хан 280
Чойдак 126
Чомда 207
Чонгье Риводэчэн 104
Чонэ 18, 307
Чортэн 161
Чоупатгар 215
Чуань-Кан 37

Чуцзан 251
Чуши Гандрун 96, 97, 104, 105
Чушул 73
Чэн Минъи 172
Чэн Чжигмэ 76, 83, 133, 137, 146
Чэнду 71, 167, 168, 229, 238, 303, 305, 307, 308
Чэнь Бода 143, 168
Чэнь Вэй 164
Чэнь И 84, 145
Чэнь Куйюань 182, 234, 235, 269
Чэнь Тяньму 137
Чэнь Юнь 143

Ш

Шакаба 18, 39, 41, 60–62, 64, 65
Шакья 30, 42, 45, 46, 49, 54, 70, 78, 95, 101, 105, 108, 110, 117, 118, 134, 148, 159, 160, 164–166, 173, 177, 222, 223, 227
Шакьямуни 89, 139
Шалу 196
Шангрила 9, 27
Шанхай 80, 188, 304
Шан-Шун 17, 307
Шаньбэй 92
Шаньнань 119, 120, 125, 171, 174
Шаньси 256
Шасур 102, 105
Шварц 30, 31, 228
Швейцария 281
Шераб 42, 85, 179, 304
Шераб Гьяцо 38, 131, 136, 137, 142, 143
Шераб Нима 18
Ши Шо 18, 303
Шигацзе 68, 75, 79, 85, 89, 120, 123, 125, 126, 131, 132, 148, 150, 269
Шокхан 79
Шол 103
Шолкан Дондуп Дорже 65
Шотон 215
Шу 12
Шугдэн 241, 242, 246, 271
Шэньси 174, 256
Шэньчжэнь 255

Э

Эверест 253, 256, 258
Эйзенхауэр 112
Энгэ Палдэн 146

Ю

Юань 12, 16, 22, 25, 187, 305
Юань Фэн 244
Юань Шикай 32, 33
Юаньская династия 280, 292

Юго-Западный военный округ 68
Югославия 109
Южная Корея 255
Юйлу Дава Церин 229
Юлган 252
Юндрунлин 196
Юнру-Пон Сонам Вангъял 88
Юнсэ нигумяо 201
Юньнань 6, 36, 68, 87, 154, 205, 223, 256
Юэ Цзунмин 164, 165

Я

Я Ханьчжан 12, 18, 93, 305
Ябши Пан Риндзин Ванмо 239, 247
Ян Дуншэн 148
Ян Цзинжэнь 224
Ян Чуантан 269
Янцзы 39, 96
Яньнань 36
Яо Вэньюань 176
Япония 5, 20, 21, 39, 71, 112
Японо-российский центр молодежного обмена 7
Ярлун Цзанпо 182
Ярлун Чжово 16, 308
Ярлунская династия 17
Ясуо Фукуда 254
Ятун (Дромо) 45, 46, 48, 53, 58, 59, 62–66, 68, 81, 134

О г л а в л е н и е

Предисловие	4
Введение. Тибетский вопрос: борьба за право представительства (обзор литературы)	9
1. Китайские источники.....	9
2. Тибетские источники.....	23
3. Тибетский вопрос на Западе.....	27
Глава 1. Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)	32
1. Тибет до «мирного освобождения».....	32
2. Соглашение из 17 пунктов о «мирном освобождении» Тибета.....	44
3. После подписания Соглашения.....	60
Глава 2. Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951–1959)	68
1. Курс «осмотрительного внедрения».....	68
2. Сотрудничество в рамках Соглашения.....	78
3. Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района.....	84
4. Рост напряженности в Тибете.....	86
5. Далай-лама посещает Индию.....	89
6. Движение кхампа «Четыре реки, шесть пиков».....	94
7. Тибетское восстание и бегство Далай-ламы.....	99
Глава 3. «Демократические» реформы в Тибете (1959–1966)	109
1. Тибетский вопрос в ООН.....	109
2. «Демократические» преобразования.....	116
3. Реформа буддийской церкви.....	126
4. Панчен-лама и период урегулирования.....	131
5. Создание Тибетской автономии.....	146
Глава 4. «Культурная революция» (1966–1976)	156
1. «Культурная революция»: 1966–1968 гг.....	158
2. «Культурная революция»: 1969–1976 гг.....	170
Глава 5. Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)	178
1. Стратегия реформ: четыре форума ЦК по работе в Тибете.....	178
2. Экономическая политика.....	184

3. Религиозная ситуация.....	196
4. Образование и культура.....	208
Глава 6. Сино-тибетский диалог: проблемы и перспективы.....	219
1. Первый раунд (1980–1987).....	219
2. Интернационализация тибетского вопроса.....	226
3. Противостояние.....	234
4. Продолжение диалога и новая конфронтация.....	244
5. 2008 год – хроника событий.....	247
Глава 7. Тибетская автономия: реальность и будущее.....	263
1. Китайская модель автономии.....	263
2. Тибетские кадры.....	268
3. Модели автономии Далай-ламы и китайских диссидентов.....	273
4. Концепции автономии и этнических взаимоотношений в Китае.....	276
Заключение.....	294
Литература.....	296
Указатель имен и географических названий.....	310

Ирина Регбиевна Гарри

**Буддизм и политика в Тибетском районе КНР
(II половина XX – начало XXI в.)**

Научное издание

Печатается по решению ученого совета
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2009 г., № 162

Художник Д. Т. Олоев
Редактор Э. Ц. Цыбенова
Верстка и макет – Н. В. Богданова

Подписано в печать 02.11.2009. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура AGBengaly.
Усл. печ. л. 25,8. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 500. Заказ № 50.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Обложка отпечатана и брошюровочно-переплетные процессы
произведены в ОАО «Республиканская типография»
670000 г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

